В. И. ДАЛЬ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ВЛАДІМІРА ДАЛЯ
(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

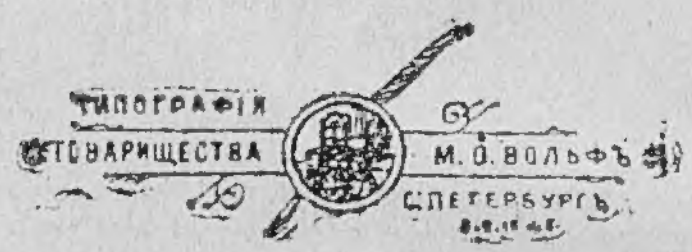
I. СОЛДАТСКІЕ ДОСУГИ
II. МАТРОССКІЕ ДОСУГИ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, № 12

1897



Дозволено цензурою 30-го октября 1897 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1505

Богъ далъ человѣку глаза да уши, умъ-разумъ, и словесную рѣчь, и далъ на то, чтобы видѣть или слышать, думать, размышлять и говорить. Гдѣ только человѣкъ съ человѣкомъ столкнется, тамъ и толки, и разговоръ; тамъ одинъ другому, поздоровавшись, сказываетъ, что видѣлъ, слышалъ, думалъ и дѣлалъ; говоритъ про нынѣшнее, про былое, про будущее, сказываетъ смѣхъ и горе, дѣло и бездѣлье, на то онъ человѣкъ. Но прислушайтесь, ребята, къ разговорамъ этимъ, слово слову рознь: кто говоритъ дѣльно, умно, честно и совѣстно — а кто мелетъ да стелетъ, вретъ да плететъ; сколько рѣчей глупыхъ, безтолковыхъ, соблазнительныхъ, отъ которыхъ отойдетъ и устранится всякой доброй человѣкъ!

Такъ и въ письмѣ, ребята; и письмо наше тотъ же языкъ словесный, та же рѣчь: есть книжки хорошія, поучительныя, умныя, есть пошлыя, глупыя, безтолковыя. Какъ недобрый и пустопорожній разговоръ доброму ничему не научитъ, ума-разума не дастъ, такъ и книжка, въ которой одни только пустяки,—отъ нея научиться нечему, въ ней пути мало.

Такъ вотъ вамъ, ребята, книжка, которая написана не спроста, а съ молитвою: въ ней худа не найдете, а найдете одно добро. Она писана для солдатъ и, похвалюсь, писана такимъ, который самъ сиживалъ съ вами за огонь-

комъ, пилъ изъ одной съ вами манерки, ѣлъ казенные сухари и видѣлъ солдата не только въ казармѣ да на ученьи, видѣлъ его и въ чистомъ полѣ.

За тѣмъ и найдете вы въ книжкѣ этой не одну сушь нагольную, не одну правду простоволосую, а складчину всякаго добра, и на смѣхъ и на горе, и на время и на безвременье, и на дѣло и на бездѣлье. Правда, сами вы знаете, гола, нага, какъ мать на свѣтъ родила; ей въ люди такъ показываться не годится; а какъ пріодѣнется притчею, перекинется изъ были въ небылицу — такъ пойдетъ куда угодно, часомъ и насъ же насмѣшитъ, да и насъ же научитъ и наставитъ.

Коли прочитаете да, можетъ статься, позабавитесь, да скажете спасибо; такъ я вамъ на это: кушайте на здоровье, да не прогнѣвайтесь; а коли еще научитесь изъ книжки моей чему доброму, такъ, стало быть, я уже и подавно писалъ не даромъ, не на вѣй-вѣтеръ. Есть у меня въ запасѣ еще и другая для васъ книжонка, найдется можетъ статься и третья — читайте да потѣшайтесь, да добрымъ словомъ меня помяните.

СОЛДАТСКІЕ ДОСУГИ

Супостаты наши

Есть у русскаго человѣка три врага, три супостата вѣковѣчныхъ, которые губятъ многое множество православнаго народу; бойся ихъ и берегись. Уберечься отъ нихъ можно всякому. потому что они лицомъ къ лицу ни на кого не кидаются — нѣтъ у нихъ на это ни силы ни смѣлости; а стараются они подстеречь, да исплошить нашего брата краснобайствомъ; и тогда никому не спустятъ.

Три супостата эти—три родные братья; одинъ прозывается *авось*, другой *небось*, а третій *какъ-нибудь*. Только поддайся имъ, повѣрь только тому, чему они тебя учатъ, и пропадешь, не дадутъ и оглянуться.

Меньшой братъ, *какъ-нибудь*, самый задорный, и такъ выскочкой передъ тобою и вертится. За какое дѣло ни примешься—онъ тутъ какъ тутъ; говоритъ: я-де помогу тебѣ, будетъ дѣло и скоро и споро, только послушайся меня. А все братцы вретъ онъ, въ обманъ да въ грѣхъ вводитъ; какъ-нибудь сдѣлаешь — какъ-нибудь и выйдетъ; а изъ какъ-нибудь путное, да доброе не выходитъ. Либо испортишь дѣло—посмѣшишь, людей насмѣшишь — либо заставятъ тебя передѣлать его сызнова: скоро да нездорово; шей да пори, не будетъ глухой поры!

Другой братъ, *небось*, человѣкъ до времени пресмѣлый, словно ханъ либо султанъ какой—все на себя беретъ; дѣлай, что хочешь, онъ за все отвѣчаетъ. А чѣмъ же онъ отвѣчаетъ? велики ли у него залоги и кто приметъ поручительство его? Да отвѣчаетъ онъ однимъ словомъ; пуститъ на вѣтеръ — небось, да и только? Вотъ весь залогъ его, а когда онъ напрашивается въ поруки тебѣ, такъ ему мало нужды, что поручительство это втянетъ тебя въ бѣду, что никто на него не посмотритъ, а отвѣтъ съ тебя потребуютъ; ему бы только заманить тебя, да послѣ насмѣяться. Храбрости у него также на долго не станетъ, заступничества въ немъ нѣтъ никакого, подмоги не жди отъ него; а обморочивши тебя, онъ пошелъ своею дорогой, тамъ норовитъ подбиться къ товарищу твоему да обмануть и его.

Старшій братъ, *авось*, самый безтолковый. Это такой вѣтрогонъ, такой словорѣзъ, что наговоритъ тебѣ съ три короба, а пощупай рукой—ничего нѣтъ, словно одни мыльные пузыри. Онъ берется за все, обѣщаетъ тебѣ, что угодно; что слово скажетъ, то солжетъ, а самъ и не помнитъ и не знаетъ, что говоритъ; если же и случается ему, по одному разу въ високосный годъ, сказать правду, такъ и то ненарокомъ, невзначай. Онъ рыщетъ по Русскому царству, подбивается ко всякому, кто оплошаетъ да повѣритъ ему, и все старается пособить братишкамъ своимъ, съ которыми онъ за одно; только что меньшой братъ вымолвитъ тебѣ на ухо: а ну, дѣлай *какъ-нибудь* — то старшій и шепчетъ на другое ухо: *авось пройдетъ*! Только что второй уговариваетъ тебя: *небось!* то опять старшій тутъ же и говоритъ, «*авось, авось сойдетъ — сходило же съ рукъ иному и не то!* Вотъ тому-то-де сошло то и то; а съ тѣмъ-то вотъ какой случай былъ — авось его и вывезло: сошло»!

Ледащіе цыгане три брата эти и много у нихъ на душѣ грѣха: будутъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ держать, и не знаю, какъ они тамъ раздѣлаются. А намъ, скажите, за что же отвѣчать за нихъ? Ась? За что, за какую благодать принимать намъ грѣхи да проказы ихъ на свою шею, развѣ у насъ мало своихъ заботъ, отъ недогляду, отъ такой вины, что и нехотя въ яму попу провинишься; а то еще брать на себя вину чужую, за ледащихъ трехъ братьевъ супостатовъ нашихъ, *за авось, за небось,* да *за какъ-нибудь?* Да пропадай они совсѣмъ, подбивайся подъ вора, да подъ пьяницу, которому нечего больше дѣлать, какъ дружиться съ недобрыми; будетъ съ насъ, братцы, и своихъ невольныхъ промаховъ и грѣховъ; много хлопотъ и заботъ у насъ и съ ними справиться, за нихъ отвѣтъ держать, да стараться, сколько силъ есть нашихъ, быть впередъ поисправнѣе; а этихъ ярыжекъ пожалуста не чествуйте и словомъ своимъ моледецкимъ и брататься съ вами закажите имъ на вѣки-вѣковъ. Покиньте для нихъ слово на мировую про одинъ только случай: когда въ чистомъ полѣ придется взять ружье на руку, такъ перекрестясь говори: *небось, авось, какъ-нибудь* да справимся; не штыкомъ, такъ прикладомъ; и маршъ впередъ, назадъ не оглядывайся, догоняй трехъ братьевъ; они впереди у тебя, передъ тобою, а въ тылу у тебя не живутъ!

Часовой

Кто читаетъ уставъ воинскій, тотъ знаетъ, какъ велико и важно званіе часового, какъ строго долженъ онъ беречь и исполнять сдачу, не смущаясь ничѣмъ; не заговариваясь въ это время съ посторонними, не принимая ни отъ кого питья либо ѣды, словомъ, ду-

мать и помышлять до смѣны только о томъ, что онъ часовой, а постороннимъ ничѣмъ не заниматься. Въ мирное время часовой долженъ строго исполнять долгъ свой, а въ военное и пуще того: тутъ до бѣды недолго.

На походѣ, во время ночлега стоялъ, какъ водится, у генеральской палатки часовой. Ночь была темная, холодная, бурная; генералъ вздумалъ выглянуть, что дѣлается за палаткой. Все исправно; часовой ходитъ молча и сталъ въ ружье, когда генералъ откинулъ полу палатки и свѣтъ изъ нея окинулъ окрестность.

— Что, холодно? спросилъ генералъ.

— Мокро и вѣтряно, ваше превосходительство! отвѣчалъ часовой.

— Озябъ ты?

— Терпѣть можно, ваше превосходительство, не больно озябъ.

— Войди въ палатку, продолжалъ генералъ, желая испытать часоваго, я тебѣ рюмку водки налью.

— Не смѣю, ваше превосходительство.

— Войди, я тебѣ приказываю.

— Не смѣю, ваше превосходительство.

— Ну, такъ постой, я тебѣ туда подамъ.

Налилъ стаканъ водки и подалъ часовому: пей!

— Не смѣю, ваше превосходительство.

— Пей, коли я тебѣ приказываю!

Часовой оробѣлъ немного и призадумался на минуту; какъ тутъ быть? стоя на часахъ, нельзя взяться за стаканъ, а генералъ стоитъ передъ нимъ, держитъ стаканъ въ рукахъ и говоритъ: пей, я приказываю. На одинъ мигъ только призадумался нашъ часовой, да и нашелся; во все горло закричалъ: ефрейтора!

Генералъ стоитъ, думаетъ себѣ: погляжу, что то будетъ. Ефрейторъ выскочилъ; часовой, стоя на своемъ мѣстѣ, потребовалъ смѣны, сдалъ честь и мѣсто долж-

ымъ порядкомъ, подошелъ къ генералу, выпилъ стаканъ водки, поблагодарилъ; генералъ поцѣловалъ его за исправность эту — а онъ опять смѣнилъ, какъ слѣдуетъ, часового и отстоялъ свои часы

Самородный паромъ

Во время зимняго походу въ 1837 году, по льду Каспійскаго моря, на восточный берегъ его, на полуостровъ Бузачи, было много бѣдъ и горя и хлопотъ: кочевали казаки на голомъ льду, взламывало лёдъ подъ ними, когда случалась моряна, вѣтеръ съ моря, и уносило отрядъ по частямъ въ море на льдинѣ, когда дулъ послѣ того верховой и береговой вѣтеръ; случалось, что и пушки проваливались, ледъ проламывался — и казаки ныряли за ними подъ ледъ, привязывали веревки и вытаскивали орудія опять благополучно;—словомъ, всякая всячина бывала; да вдругъ случилось вотъ-что: отрядъ подходитъ къ огромной маинѣ, къ полыньѣ, шириною въ добрую рѣчку, да и длиною можетъ статься не короче ея; скакали казаки и вверхъ и внизъ по маинѣ и воротились назадъ ни съ чѣмъ: и конца не видать, не обойдешь въ трои сутки. Какъ тутъ быть? Тутъ, можетъ статься, иной и призудумался бы; или чего добраго и вовсе сталъ бы въ тупикъ— море подъ носомъ, ледъ по сю сторону, ледъ по ту сторону—а больше нѣтъ подъ руками ничего. Да больше ничего и не нужно казакамъ нашимъ для переправы; коли есть ледъ, да держитъ на себѣ весь отрядъ, такъ развѣ тотъ же ледъ не перевезетъ его и на ту сторону полыньи? Откололи казаки льдину саженъ въ десятокъ, уставили на нее орудія, связали арканы въ одну веревку, одинъ конецъ привязали къ материку льду, другой взяли съ собой на ледяной па-

ромъ; отвалили, перебрались кой-какъ-разъ на другой берегъ льда, гребучи пиками вмѣсто веселъ—вытянули и привязали веревку на другомъ берегу и паромъ пошелъ ходить спокойно по канату взадъ и впередъ; весь отрядъ съ лошадьми и обозомъ переправился въ нѣсколько часовъ и пошелъ своимъ путемъ дальше, почти не замедливъ ходу.

Находчивость годится всякому человѣку, а военному безъ нея ни жить ни служить нельзя.

Милосердый воинъ

Донского войска сотникъ Бѣлоусовичъ былъ съ полкомъ въ 1829 году подъ Шумлой, когда велѣно было сбить непріятельскихъ фуражировъ. Драка пошла разсыпная, одиночная, и сотникъ, какъ хорошій, доброконный казакъ, славно работалъ въ дѣлѣ этомъ и человѣкъ двухъ или трехъ срубилъ лично. Подъ конецъ и самъ онъ былъ раненъ пистолетною пулею въ ладонь на вылетъ, да покончивъ все и воротившись въ станъ, поѣхалъ въ подвижной госпиталь главной квартиры на перевязку. Тѣмъ часомъ привели туда же и раненыхъ турокъ. Перевязавшись, Бѣлоусовичъ заглянулъ мимоходомъ подъ наметъ, гдѣ сидѣли раненные турки, да и опозналъ того самаго, съ которымъ онъ дрался и котораго онъ ранилъ въ голову полосою и сбилъ съ лошади. Бѣлоусовичъ обрадовался ему, что старому пріятелю: и тотъ узналъ его и кланялся ему низко. Сотникъ вынулъ изъ кармана двугривенный, да и подалъ раненому, сказавъ еще: не прогнѣвайся, братъ, больше нѣту; да не помяни меня лихомъ: въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются; билъ я тебя по службѣ, а дарю по дружбѣ!

Дашковъ

Въ іюнѣ 1331 года поляки мятежники напали на дивизіонъ сѣверскаго конно-егерскаго полка, въ мѣстечкѣ Ухани, по дорогѣ на крѣпость Замостье. Дѣло было ночью и дивизіонъ оплошалъ; конные егеря не успѣли вскочить на коней, какъ ихъ уже окружили. Въ этой суматохѣ первый кинулся къ лошадямъ поручикъ Дашковъ и закричалъ: руби коновязь, разгоняй лошадей.—Коновязь изрубили саблями, кони шарахнулись и не достались полякамъ. Дашковъ собралъ вокругъ себя пѣшихъ егерей своихъ и началъ пробиваться сквозь толпу бунтовщиковъ саблями и коновязными кольями. Польскій офицеръ, наскакавъ на него, сталъ требовать сдачи; иначе, говоритъ, перебьемъ всѣхъ до одного; отдайте мнѣ сейчасъ свою саблю! Дашковъ поглядѣлъ на него и подошелъ поближе. Полякъ нагнулся съ лошади, ухватился за ножны, а Дашковъ, выхвативъ изъ ноженъ саблю, раскроилъ ему голову. Полякъ грянулся объ земь. Получивъ наконецъ множество ранъ, саблями и пиками, Дашковъ былъ брошенъ за-мертво поляками и на зарѣ очнувшись лежалъ подпершись локтемъ. Тогда наскакалъ на него волынякъ и разглядѣвъ, что у Дашкова былъ на пальцѣ хорошій перстень, сказалъ ему: подай *обронке*, по-польски кольцо. Дашковъ не понялъ поляка и отвѣчалъ, что у него уже *брони*, т. е. оружія, нѣтъ. Полякъ подъѣхалъ ближе, толкнулъ израненнаго Дашкова пикою, приказалъ встать, подойти и сталъ сымать у него съ пальца кольцо. Постой! сказалъ Дашковъ, ты мнѣ палецъ вывернешь, я самъ сыму; и началъ потихоньку сымать перстень. Полякъ дожидая, сидѣлъ, распустивъ поводья и кинувъ пику свою поперегъ передней луки. Дашковъ смѣтивъ это, вдругъ

ухватился за копье непріятеля, вырвалъ его, взмахнулъ, и тотъ не успѣлъ даже пригнуться, какъ Дашковъ ударилъ его изо всей силы по головѣ, такъ что древко разлетѣлось на-полы. Полякъ зашатался, припалъ къ гривѣ и испуганный конь вынесъ его въ чистое поле. Дашковъ зарылся въ соломѣ, подъ балагаломъ, пролежалъ, покуда подъѣхали наши, вылѣчился отъ ранъ и недѣли черезъ три былъ уже опять въ строю.

Кто смерти боится?

Кто изъ васъ видѣлъ, ребята, — или бишь кто не видалъ, какъ пѣхотный солдатъ русскій, перекрестясь, лѣзетъ на непріятельскія пушки, штыкомъ прокладываетъ себѣ путь-дорогу и, сбивъ непріятеля со стѣны либо съ вала, распускаетъ знамя русскаго царя надъ вражеской твердыней; и, снова окрестившись, говоритъ: что съ бою взято—то свято, кто противъ Бога и царства православнаго?

Кто не видалъ, какъ конный полкъ нашъ, будь онъ гусарскій, будь уланскій, будь драгунскій или кирасирскій, все равно,—кто не видалъ изъ васъ, какъ онъ несется дивизіонно на непріятеля, который ощетинился, завидѣвъ бѣду неминучую, окарешился, да обратилъ на конный строй нашъ желѣзный частоколъ свой, гдѣ каждая тычина стволъ, а въ каждомъ стволѣ по пулѣ свинцовой? прислушайтесь, ребята: пробѣжала трескотня по фронту — это непріятель готовится къ залпу, всѣхъ въ одинъ разъ положить хочетъ, взводитъ курки; а тутъ съ нашей стороны, топотъ несется, да пыль клубится, да молодецкое ура забушевало какъ гроза въ лѣсу; залпъ непріятельскій заглушилъ на одинъ мигъ и топотъ и голосъ — человѣкъ десятка съ полтора вывалились изъ налетнаго строя—

а полоса завѣтная уже гуляетъ по волѣ, прядаетъ по головамъ стоптаннаго врага; вахмистръ нашъ въ рукопашную тягается за знаменъ непріятельскимъ — а креста и ему добыть хочется—разбитый полкъ положилъ ружье и мы набрали въ полонъ столько, что и сами не знаемъ, какъ съ ними быть и куда ихъ дѣвать!

Кто изъ васъ ребята, не видалъ этого? скажите же, хорошо это, аль худо? худо тому, кого побили, стало быть; а намъ хорошо,—не такъ ли? Отчего же не всякій изъ насъ обгоняетъ товарища, какъ пойдутъ въ штыки, да въ рубку, а есть чай и такіе, что мало ли, много ли, да отстаютъ?

Оттого, товарищи, что гдѣ есть передніе, тамъ бываютъ и задніе; гдѣ бѣгутъ, тамъ и отстаютъ. А кому охота быть заднимъ, кому отставать? и вѣдомо, что ни тебѣ, ни мнѣ, ни третьему; такъ слушайте жъ слово—слово недолгое да великое.

Первое: держись за Бога и онъ тебя не покинетъ; а поколѣ Господь при тебѣ и съ тобою, то бояться нечего. Жизнь наша—служба у Господа; ты пришелъ въ міръ скудельный велѣніемъ его, и выйдешь по волѣ его, а душа твоя, коли ты служилъ Господу душею, возрадуется такимъ веселіемъ, какого ты здѣсь и не зналъ, не видалъ; а коли такъ, то можно ли тебѣ бояться того часа, когда Спаситель твой посылаетъ тебѣ послѣднее искушеніе; можешь ли страшиться годины, которую Господь уготовалъ тебѣ для того, чтобы принять тебя къ себѣ? *Блажени плачущіе яко тіи утѣшатся*, говоритъ Спаситель нашъ, *и не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущіе убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенну.* Да много ли и всего житья твоего на этомъ свѣтѣ? Оглянись назадъ: тридцать, сорокъ лѣтъ живешь—а прошли годы эти, что одинъ день; да и одинъ день нынѣшній тебѣ будто длиннѣе прошлыхъ сорока

лѣтъ! такъ не все ли равно, другъ, нынѣ ли, завтра ли, черезъ годъ ли, аль черезъ двадцать лѣтъ тебѣ умирать? неужели тебѣ часъ грѣшной жизни дороже праведной смерти? я говорю: часъ грѣшной жизни потому что тотъ, кто смерти боится, согрѣшаетъ, и жизнь его—жизнь грѣшника. Перекрестись и умри; отгони страхъ молитвою, и ступай, становись смѣло одесную Спасителя, ты спасенъ.

Второе: Живи съ добрыми людьми поколѣ живется, а случится умереть—тѣ же добрые люди тебя помянутъ, коли ты ладно жилъ и ладно померъ; скажутъ: дай Богъ нашему полку много живыхъ; каковъ былъ этотъ покойникъ! и память по тебѣ не пропадетъ, и товарищъ, что годовъ съ пятнадцать ходилъ съ тобою локоть съ локтемъ, панихиду по тебѣ отслужитъ; а дядька, какъ станетъ учить рекрута своего, новобранца, скажетъ ему: вотъ былъ у насъ въ полку такой-то, и жить и служить умѣлъ да и послѣдній часъ пришелъ такъ не заикнулся: уложила его пуля вражья на поваль, сбила съ ногъ, осадила на мать сыру землю—да душу молодецкую вынесъ онъ—и вѣчная ему память! И ротный командиръ твой, и самъ полковникъ придутъ поклониться памяти твоей, отдать тебѣ послѣднюю честь: сыпнутъ горсть землицы, изъ которой всѣ мы сдѣланы, въ могилу твою и скажутъ: не грѣшно бы этого молодца и съ ружьемъ схоронить—кабы не казенное добро! правдивая въ немъ была солдатская душа! смиренъ и тихъ на постоѣ и никогда не было на него жалобы, а великъ буянъ, покойникъ, въ чистомъ полѣ, лицомъ къ лицу супротивъ непріятеля! ружье было ему полюбовницей, штыкъ названный старшій братъ, а ура было у него слово завѣтное.—Живи, ребята, какъ этотъ жилъ, умирай въ полѣ какъ онъ умиралъ—и съ вами крестная сила будетъ отъ нынѣ до вѣка, аминь!

Третье: думай подъ часъ и то: не всякая пуля по тебѣ прошла: ей больше простора въ полѣ; непріятель такой же грѣшный человѣкъ, какъ и ты: десятокъ другой патроновъ на вѣтеръ выпуститъ, поколѣ Господь попуститъ угодить по живому мясу. Оглянись: развѣ ты одинъ? съ тобой всѣ товарищи; спроси у нихъ, кто изъ нихъ не бывалъ уже разъ другой подъ градомъ свинцовымъ, на кого не рыгало жерло непріятельской пушки—а живъ, здоровъ; тѣхъ, которые побиты, не считай: ихъ Господь сочтетъ; а ты помяни только молитвою, да добрымъ словомъ. Авось и тебя обнесетъ Создатель, коли помилуетъ, смертною чашей и выдешь ты живъ и здоровъ; тогда ты самъ себя повысишь на чинъ, потому что солдатъ бывалый чиномъ старше небывалаго; а солдатъ бывалый, который дрался за двоихъ, двумя чинами старше прочихъ. Живой живое гадаетъ; смерти не бойся, а жить надѣйся и желай. Когда идешь въ бой, тогда молись, какъ Спаситель нашъ передъ послѣднимъ часомъ своимъ: *отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія; обаче не якоже азъ хощу, но якоже ты.* Если Господь помилуетъ и вынесетъ тебя—хорошо; если же ты выйдешь изъ боя живъ и здоровъ, не потому, что тебя Господь сохранилъ, а по своей волѣ, потому что не больно подставлялъ лобъ, а пробивался такъ, промежъ правды и неправды—тогда, братъ, худо будетъ на томъ свѣтѣ, худо и на этомъ; и сами товарищи разжалуютъ тебя, не станутъ признавать ни братомъ, ни даже солдатомъ, а придумаютъ тебѣ много потѣшныхъ и ругательныхъ прозвищъ; не будетъ тебѣ отъ нихъ проходу, ни житья—а пособить горю нечѣмъ. А еще видалъ ли ты когда такого позору, какъ офицеръ солдата въ фухтели поставитъ, за трусость? Это, братъ, сй-богу, хуже воровства и пьянства и вѣрно ты этого не видалъ, потому что этого

въ твоемъ полку не бывало, и дай Богъ, чтобы не было во вѣки вѣковъ: умри лучше, православная душа, а до этого позора не доживи!

Смерти боится, кто боится суда Божьяго.

*
* *

Лучше смерть, нежели золъ животъ.

*
* *

Смерти боится, кто не боится позора и сорому.

*
* *

У труса и глаза мышиные: жить бы ему только въ подполье.

*
* *

У смѣлаго солдата очи сокольи, а плечи, словно крылья орлиныя.

Отвѣтъ русскаго генерала

Когда Наполеонъ былъ въ городѣ Вереѣ, то привели къ нему русскаго плѣннаго генерала, взятаго у Московской заставы. Генералъ этотъ былъ Винценгероде. Наполеонъ давно уже называлъ всѣ народы подданными своими, да не могъ поправиться съ русскими, это стало ему досадно; Наполеонъ осерчалъ на русскаго генерала, который много и часто билъ французовъ, придрался къ тому, что Винценгероде не природный русскій, и сказалъ: ты давно подданный мой, потому что всѣ земли у меня подъ рукой: ты подданный мой, и стало быть измѣнникъ! разстрѣлять его сейчасъ!

Генералъ Винценгероде отвѣчалъ на это французскому императору: я уже двадцать лѣтъ жду французской пули, и не боюсь ея.

Наполеону стало стыдно, потому что плѣнныхъ разстрѣливать не водится, и онъ отмѣнилъ скорое приказаніе свое

Петръ Первый подъ Полтавою

Слишкомъ за сотню лѣтъ, русскіе дрались со шведами подъ городомъ Полтавой. Можетъ статься, кто изъ васъ слышалъ отъ отцовъ и дѣдовъ про Полтавскую битву, гдѣ шведами начальствовалъ самъ король ихъ Карлъ двѣнадцатый, а русскими самъ государь Петръ Алексѣевичъ: страшное было сраженіе и русскіе отстаивали вѣру, царя и землю свою, потому что шведы наступили уже на матушку Россію; а шведы стояли и дрались всѣми силами, потому что зашли на чужбину далекую и дѣваться было некуда: коли разобьютъ, такъ пропали. Такъ и сталось: шведовъ побили, король ихъ ушелъ въ турчину и умеръ на чужбинѣ, не дошелъ и домой; и осталась на Руси съ той поры пословица: пропалъ, что шведъ подъ Полтавой.

На другой день послѣ сраженія, государь повелѣлъ рыть двѣ большія могилы: одну для убитыхъ офицеровъ своихъ, другую для солдатъ. Потомъ самъ пришелъ на погребеніе, самъ пѣлъ со священниками: «упокой Господи души рабовъ твоихъ», прослезился и сказалъ громко: «*Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души положившіе! вы увѣнчались страдальческими вѣнцами, вы предстоите престолу Царя небеснаго: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ, противъ враговъ отечества и благочестія! молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и подвиги ваши!*»

Похоронивши всѣхъ убитыхъ, въ полной воинской одеждѣ, насыпали надъ могилами холмъ; государь своими руками поставилъ на немъ деревянный крестъ, на

которомъ написано было: *Воины благочестивые, за благочестіе кровію вьючившіеся, льта отъ воплощенія Слова 1709 іюня 27*

Спасай да спасенъ будешь

14-го Апрѣля 1824-го года, Ямбургскаго уѣзда въ деревнѣ Кобыляхъ, загорѣлась о полуночи изба крестьянина Семена Николаева, котораго еще на бѣду не было дома; а хозяйка такъ перепугалась, что чуть только сама успѣла выскочить изъ огня, а двоихъ дѣтешекъ своихъ выхватить не успѣла. Извѣстно бабье дѣло, чай случалось кому изъ васъ видѣть ихъ на пожарѣ? испугъ зразъ подшибетъ имъ ноги, отобьетъ ихъ отъ ума, и бабы мои, чѣмъ бы спасать что можно, носятся съ какимъ нибудь рѣшетомъ, съ помеломъ, а не то, подхвативъ животы, да ну выть на все село, а тамъ гори что горитъ, онѣ свое сдѣлали.

И мужики сбѣжались и принялись тушить пожаръ На эту пору случился въ деревнѣ этой и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го черноморскаго эскадрона, Василій Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ дымъ и припекалъ жаръ, кричали во весь голосъ. Грабъ кинулся въ огонь, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними опять выскочилъ въ окно же, живъ и здоровъ. Самъ помѣщикъ селенія и всѣ крестьяне завѣрили и засвидѣтельствовали передъ начальствомъ, что страшно было смотрѣть, какъ Василій Грабъ полѣзъ въ огонь и что они думали уже, казакъ пропалъ и сгинулъ; но казакъ помолясь въ огонь съ молитвою и вынесъ младенцевъ, и Господь помиловалъ и его и ихъ.

Государь Императоръ за славное дѣло это пожаловалъ казаку Грабу медаль, съ надписью: *за спасеніе человѣчества*, и пятьсотъ рублей.

Повиновеніе начальству

Во всякомъ дѣлѣ порядокъ, устройство и послу шаніе нужны; а въ военной службѣ безъ этого не было бы никакого толку, ни ладу; не было бы ни страху. ни исправности, ниже самой службы. Иной зубоскалъ. можетъ статься, сказалъ бы: а на что же мнѣ и служба? а другой, можетъ быть, и разсмѣялся бы еще на эту рѣчь, да поддакнулъ: но и шутить, ребята. этимъ не годится; оно дѣло святое и священное; пасъ острое слово про другой случай, а тутъ суди да ряди со крестомъ да съ молитвой. Безъ царя, да безъ честнаго воинства не устоитъ ни одно государство: набѣжитъ любой нахалъ, разоритъ землю, полонитъ жителей—и нѣтъ на него ни суда, ни расправы. Поэтому каждому государству Богъ далъ своего царя, а царю повелѣлъ беречь народъ, какъ отецъ бережетъ дѣтей. Вотъ для чего государь набираетъ и содержитъ войско. чтобы была у него въ рукахъ сила могучая, чтобы было чѣмъ отстоять подданныхъ своихъ, наказать враговъ и не дать слабаго въ обиду сильному. Когда же набрано воинство, то нужно его содержать въ порядкѣ: нужно, чтобы слушались всѣ одного, чтобы знали они наказное слово, команду, и стояли всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Отчего намъ всегда случалось бить турокъ, и тогда, когда они были вдесятеро насъ сильнѣе? Оружіе и сбруя на турецкомъ наѣздникѣ не хуже а иное еще лучше нашего; турокъ одинъ, самъ по себѣ. не трусъ, онъ пойдетъ рѣзаться на ножахъ со всякимъ; отчего же ихъ бьютъ? Оттого, что у нихъ пѣшіе и конные мечутся, толпами куда глаза глядятъ: впередъ лѣзутъ безъ толку, бѣгутъ назадъ безъ пути — а наши стоятъ стройно, чинно, смирно; большіе начальники, которые знаютъ и смыслятъ дѣло, глядятъ

да смекаютъ, куда пройти, куда ударить, и передвигаютъ полки съ мѣста на мѣсто, какъ по шашешницѣ; посылаютъ впередъ провѣдочный корпусъ, авангардъ, прикрываютъ главныя силы сзади арріергардомъ, съ боковъ правымъ и лѣвымъ крыломъ; стоятъ на мѣстѣ съ осторожностью, обносятъ станъ карауламп, цѣпью, выставляютъ сторожевые посты, разсылаютъ разъѣзды, вышлютъ полкъ въ атаку, такъ полкъ идетъ стѣною, ни проскочить сквозь него, ни разбить его: сами вы знаете, кто удержитъ густую колонну, коли пошла она на проломъ? Артиллерію прикрываютъ у насъ конницей, либо пѣхотой; коли велятъ ударить въ штыки, такъ идутъ не въ разборъ, а стройно сильно, держатся локтемъ къ локтю. Коли вышлютъ въ одиночную застрѣльщиковъ, то за ними идетъ западная сила, резервы, для покрѣпленія, на случай неустойки; словомъ, въ военномъ дѣлѣ нуженъ распорядокъ, нужно, чтобы штыкъ и пуля, копье и палашъ слушались одного слова начальничьяго, чтобы полки строились и переходили съ мѣста на мѣсто, приступали и отступали за словомъ, одинъ въ одинъ,—тогда никакая сила не устоитъ противъ насъ; и гдѣ распуститъ русскій орелъ крыла свои и русское знамя хоругвь—тамъ будетъ и побѣда.

Послушай, ребята, скажу я вамъ, что говорилъ объ этомъ дѣлѣ товарищъ и однополчанинъ мой, Власъ Карповъ. Власъ Карповъ былъ чудакъ не изъ послѣднихъ, шутъ кожанный, такой, что другого поискать этакого; а правду зналъ и говорилъ всякому. Бывало, переходъ великъ, грязь по колѣна, солдатушки уморились на смерть—тянутся, тянутся, мочи нѣтъ; чуть ноги волочатъ. Тогда Власъ Карповъ надѣваетъ на себя два ранца, одинъ напередъ, другой назадъ, вызоветъ, съ позволенія полковника, пѣсенниковъ впередъ, заставитъ ихъ пѣть: «*Оступилася, промолвилася!*» а

самъ пляшетъ передъ полкомъ на ходу, въ-присядку, подпрыгиваетъ на ружьѣ, словно на балалайкѣ, да еще и приговариваетъ, да присвистываетъ. Ребята, какъ ни уморились, а лѣзутъ впередъ, посмотрѣть на Власа; смѣхъ беретъ переднихъ, хочется поглядѣть и заднимъ—такъ весь полкъ и подается помаленьку впередъ; солдатушки поразвеселятся и придутъ на мѣсто, не поспѣютъ оглянуться. Разъ, помню я, полковникъ нашъ, на стоянкѣ, затѣялъ праздникъ; назвалъ гостей, да позвалъ пятьдесятъ лучшихъ солдатъ; а у нашего полковника, бывало, нѣтъ праздника безъ солдатъ; они, говоритъ, дѣти мои, безъ нихъ нѣтъ мнѣ и радости. Ну, назвалъ полковникъ и солдатъ, и Власа Карпова: уже безъ него дѣло не обойдется; и поставилъ большой шатеръ въ чистомъ полѣ; тамъ веселились господа, а мы съ пѣснями, да съ плясками вокругъ да около. Былъ у полковника буфетчикъ изъ нѣмцевъ, парень хорошій, честный, проворный, да только берегъ онъ господское добро пуще своего, и сколько разъ уже бранилъ его полковникъ: «ты говоритъ, больно скупъ»; а онъ промолчитъ себѣ, да опять-таки сдѣлаетъ по своему, въ обрѣзъ, поаккуратнѣй—и правъ. Полковникъ этому буфетчику приказалъ дать ребятамъ вина. Буфетчикъ вынесъ какую-то бутылочку въ плетешкѣ, да и подалъ по рюмочкѣ, развѣ мало чѣмъ больше портняжнаго наперстка. Ну, солдаты выпили, сказали спасибо, а сами думаютъ про себя: «только подразнилъ; хоть бы не далъ лучше». Власъ Карповъ подошелъ, поглядѣлъ—а самъ онъ вина въ ротъ не бралъ—поглядѣлъ, взялъ рюмочку, прикинулъ противъ свѣту, «экая, говоритъ, фря дворянская, поджаристѣе борзой собаченки; а въ перехватѣ потонѣе осы! Погоди, мы ее проучимъ: не станетъ она въ солдатское братство жаловать!» самъ взялъ рюмочку эту; подвѣсилъ ее къ дереву и сталъ сѣчь прутомъ, да приго-

варивать: «не будь рюмочкой, будь стаканчикомъ!» А другаго солдата заставилъ причать: «помилуйте, не стану, впередь не буду никогда! «Полковникъ слышитъ въ палаткѣ своей,—что тамъ такое? кого бьютъ? и выскочилъ самъ въ ту жъ минуту. Власка сѣчетъ рюмочку. Какую рюмочку? да рюмочку, которою буфетчикъ вина подалъ; сѣчетъ ее, да наказываетъ быть не рюмочкой, а стаканчикомъ. Полковникъ разсмѣялся, позвалъ Власа, да велѣлъ ему самому обнести всѣмъ ребятамъ по стакану.

Такъ вотъ каковъ былъ у насъ Власъ Карповъ: и шутникъ и весельчакъ, а ужъ первый въ полку и солдатъ! поучалъ и наставлялъ товарищей притчами, поговорками, да прибаутками лучше всякаго; и солдаты всѣ любили его и слушались. Онъ-то и говорилъ о военной, солдатской службѣ вотъ что:

«Жилъ былъ, говоритъ, мужикъ и задумалъ онъ построить мельницу. Было у него сватовъ и кумовьевъ много, и на своемъ селѣ и по околодку; онъ и обошелъ кругомъ, да и выпросилъ у всякаго понемногу: ты, говоритъ, сдѣлай валъ, а ты одно крыло, ты другое, ты веретено на шестерню, ты колесо, ты десятокъ кулаковъ, зубцовъ, а ты другой десятокъ; словомъ, разложилъ на міръ по ниткѣ, а самъ поровилъ выткать себѣ холста на рубаху. Сваты да кумовья, что обѣщали, то и сдѣлали: принесли нашему мужику кто колесо, кто другое, кто кулакъ, кто крыло, кто веретено. Что жъ? Кажись, мельница готова: вези мелево до собирай помолъ; анъ не тутъ-то было. Всякъ свою работу сдѣлалъ по-своему: кулаки не приходятся въ гнѣзда, шестерня—на веретено, колесо не пригнали къ колесу, крылья къ валу—хоть брось. Отчего это? Да оттого, что сто головъ, сто умовъ; не было одного мастера, нѣтъ и толку, нѣтъ ладу. А пришелъ къ мужику старый мельникъ, обтесалъ, обдѣлалъ, да

пригналъ на мѣсто каждую штуку—пошло и дѣло на ладъ: мельница замолола, ни кой кладъ, и мужикъ съ легкой руки разжился».

Такъ-то, говаривалъ Власъ Карповъ: такъ и наше солдатское житье-бытье. Какъ пригонятъ изъ шестидесяти губерній да областей, со всѣхъ концовъ царства, рекрутъ, такъ глядишь на нихъ, да и самъ не вѣришь, что черезъ годъ со днемъ отбрякаютъ они тебѣ ружьемъ не хуже нашего, и батальный огонь по командѣ пустятъ такъ, что любо; и плутонгами палить станутъ, и залпами, и, пожалуй, за словомъ по-взводно на стѣну полѣзутъ. А отчего это? отколѣ въ нихъ рысь берется? Оттого, что приметъ ихъ въ руки мастеръ, обтешетъ да оболванитъ, да одного къ одному пригонитъ, да одѣнетъ, да обуетъ, да аммунищію пригонитъ, да выучитъ — любо глядѣть! Пошла мельница, пошелъ баталіонъ, куда угодно: не стыдно въ люди показать, не страшно и дѣло сдѣлать. А набери калмыцкое ополченіе, безъ всякой науки, кто въ лѣсъ, кто по дрова, такъ будешь биться, какъ мужикъ съ мельницей, и не добьешься толку во вѣки вѣковъ!

Власъ Карповъ былъ солдатъ умный и говаривалъ правду:

Дѣлай дѣла за семерыхъ, а слушайся одного.

* * *

У кого оулава, тотъ и голова.

* * *

Безъ матки, пропадутъ и дѣтки.

* * *

Безъ головы и рукамъ и ногамъ тошно.

* * *

Безъ запѣвалы и пѣсня не поется.

Застрѣльщикъ

«Ты отколѣ взялся?» спросилъ адъютантъ, который скакалъ во время сраженія съ приказаніями генерала, и встрѣтилъ на пути солдата,—«ты откуда бѣжишь?» «Съ перевязки, ваше благородіе,—отвѣчалъ егерь: муха-было укусила, да, спасибо, не больно!»— Куда же ты торопишься? «Да я въ застрѣльщикахъ, ваше благородіе, а тамъ вонъ по опушкѣ въ рога пріударили, въ разсыпную, да бѣгомъ, такъ душа не стерпѣла!» Такъ, по-крайней-мѣрѣ, сказалъ адъютантъ, иди потихоньку; вѣдь не близко еще, бѣгомъ не добѣжишь, устанешь! «Да я», отвѣчалъ старый егерь, «тороплюсь, чтобы сгоряча подоспѣть, да поработать; а какъ сердце отойдетъ, да рана разболится, такъ послѣ, чай, уже и не смогу.»

Бомбардиръ Рудаченко

Въ 1828 году войска наши стояли подъ турецкою крѣпостію Силистріею. Кому она незнакома, Силистрія эта, хоть по-наслышкѣ? Въ батареи наши подвезли турецкія орудія, взятыя въ крѣпости Гирсовѣ; въ томъ числѣ были и мортиры, и генералъ Ротъ приказалъ устроить за ночь мортирную батарею и со свѣтомъ перекинуть въ крѣпость гостинце: признаютъ ли турки свое же добро? Турки не долго оставались въ долгу. Сперва было-опѣшали, а потомъ со всѣхъ бастіоновъ крѣпости посыпались ядра, бомбы и гранаты, особенно въ батарею № 14 ложилось ихъ немало. Молодые солдаты, непривычные къ артиллерійскому огню, то и дѣло оглядывались, когда рвало по близости бомбы и гранаты. Между прочимъ турецкая пудовая бомба упала прямо въ середку батареи, и

трубка ея горѣла яркимъ огнемъ. Солдаты отшатнулись и ждали разрыва: кого Богъ помилуетъ, кого нѣтъ. Въ это время бомбардиръ 1-й батарейной роты, 16-й бригады, Демьянъ Рудаченко подошелъ спокойно къ горящей бомбѣ, ухватилъ ее на руки, подошелъ къ амбразурѣ и выкинулъ въ ровъ; тамъ ее разорвало и вскинуло черепья на воздухъ. Рудаченко сказалъ солдатамъ: «кабы вы поменьше зѣвали, да побольше дѣла дѣлали, такъ бы и бѣды у насъ было меньше!» и скомандовалъ пушкѣ своей: *пли!* Вслѣдъ затѣмъ упала еще въ батарею полупудовая граната. Рудаченко также спокойно выкинулъ ее въ ровъ, и она никого не поранила.

За геройскіе поступки эти, Государь Императоръ соизволилъ наградить Рудаченко Георгіевскимъ крестомъ, пожаловалъ чинъ фейерверкера 4-го класса, съ двойнымъ окладомъ жалованья, да подарилъ тысячу рублей.

Земля

Земля, на которой мы живемъ, міръ, не лепешка, какъ думаютъ наши мужики, а она кругла какъ ядро, какъ арбузъ, какъ мячъ. Поэтому и зовутъ землю нашу земнымъ шаромъ. Земля или материкъ, матерая земля, облита кругомъ морями. На землѣ есть рѣки и озера; на морѣ острова.

Спросите: почему люди дознались, что земля наша шаръ, что она кругла? А вотъ по какимъ примѣтамъ, слушайте.

Когда смотришь впередъ ли, назадъ ли, по чистому мѣсту, напримѣръ, по морю, хоть бы на корабль, или на приморскій городъ, то видишь, что не только земля, которая покрыта вся горами, да пригорками, но и вода и море стоятъ горбомъ и закрываютъ отъ насъ больше или меньше то, куда смотримъ. Корабль, напримѣръ,

когда далекъ отъ насъ, виденъ только въ половину; а станемъ подходить, либо подплывать ближе, и корабль открывается все больше, и больше, стало быть снизу его закрывало круглымъ горбомъ моря; а море, какъ вода, не могло бы стоять горбомъ, если бы не вся земля наша была кругла, какъ шаръ.

Коли поставишь что-нибудь, примѣромъ сказать, киверъ, либо книжку, промежду свѣчки и стѣны, то всякому вѣдомо, что тѣнь кивера или книжки этой упадетъ на стѣну, и на стѣнѣ увидишь тотъ же киверъ, либо книжку; и видишь и на тѣни, что киверъ твой сдѣланъ заступомъ, книзу поуже, кверху пошире; а книжка о четырехъ углахъ. Такъ же точно, коли земля наша станетъ промежъ солнца и луны, то тѣнь земли падаетъ на луну и видишь ты по тѣни, что земля кругла. Отъ тѣни этой луна меркнетъ, и мы называемъ это затменіемъ.

А самое важное и главное доказательство на то, что земля наша кругла, это то, что люди обошли ее на судахъ, на корабляхъ, вокругъ. Коли поплывешь ты на судахъ изъ какого-нибудь мѣста, положимъ, на востокъ, и все будешь идти прямо на востокъ, будешь только обходить встрѣчные острова да отмели, такъ придешь ты опять туда же, отколѣ вышелъ, обойдешь землю вокругъ. Стало-быть, она кругла. Для примѣра, возьми ядро, либо мячъ, либо арбузъ, а не то, хоть просто, проси товарища, чтобъ для прикладу подставилъ тебѣ голову свою, а ты уставься пальцемъ въ лобъ, да и пошелъ водить кругомъ, все въ одну сторону, помимо праваго уха, черезъ затылокъ, по сверхъ лѣваго уха, обойди этакъ кругомъ, придешь пальцемъ своимъ опять на то же мѣсто, отколѣ началъ. Такъ и мореходцы наши, обойдутъ всю землю кругомъ и придутъ назадъ, на то же мѣсто, отколѣ вышли, да и говорятъ, что земля кругла. А будь она

плоская, блиномъ, либо доской, такъ кругомъ обойти было бы нельзя; черезъ край, черезъ ребро, не перевалимся; и будь она брусомъ, четереугольная, также не обойдешь: угловъ не минуешь; стало-быть, она, земля наша, кругла и называется шаромъ.

Честь и безчестье

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, жилъ былъ старикъ, и сказывалъ онъ про честь да безчестье вотъ что:

«Есть на бѣломъ свѣтѣ двѣ родныя сестрицы-невидимки; одна прозывается совѣсть, а другая честь. Нѣтъ изъ нихъ старшей, нѣтъ и младшей, потому-что онѣ близнецы, двойни; однакоже сказываютъ, что совѣсть родилась сперва, а тотчасъ за нею и честь. Дивныя онѣ дѣвицы; станомъ и обликомъ пригожѣе всѣхъ дѣвушекъ нашихъ, а душою онѣ чисты и непорочны, какъ ангелы небесные. Кто любитъ ихъ, того онѣ любятъ; кто погрѣшитъ да покривитъ противъ нихъ, того покидаютъ. А кого онѣ любятъ, того полюбитъ Богъ и Государь и всѣ добрые люди; кого онѣ покинули, того покинетъ благость Создателя и милость царская и привѣтъ мірянъ.».

Старикъ этотъ, который сказалъ мнѣ притчу про честь да совѣсть, говорилъ еще вотъ что: «близнецы-сестрицы походятъ одна на одну, какъ двѣ капли воды; гдѣ одна, тамъ и другая, порознь не живутъ и жалуютъ и разлюбляютъ вмѣстѣ.»

Что же это за притча, ребята? Какія это двѣ сестры непорочныя, и чѣмъ бы заслужить ихъ милость? А вотъ слушайте. Совѣсть вложена Создателемъ въ душу нашу, какъ духовный стражъ тѣла; она учитъ дѣлать добро и отъ худа бѣгать. Коли есть у тебя нечистая дума на душѣ, то совѣсть не дастъ тебѣ покоя, то-

ворить: не дѣлай этого, это не ладно. Совѣсть ангелъ-хранитель твой. Но не послушайся ты совѣсти, сдѣлай по-своему — и выйдетъ худо! будешь плакаться, да не воротишь дѣла, какъ вчерашняго дня. Поэтому слушайся и повинуйся гласу совѣсти во-время: заднимъ умомъ дѣла не поправишь.

А кто уважаетъ совѣсть свою, тотъ за это удостоится и чести: его чтутъ и честятъ начальство, товарищи и всѣ добрые люди: онъ въ чести, человѣкъ честный. Вотъ почему старикъ сказывалъ, что совѣсть и честь — близнецы. Будь совѣстливъ — и честь придетъ сама; не покидай чести своей—и не обидишь совѣсти. Безъ чести нѣтъ совѣсти, а безъ совѣсти нѣтъ чести. Коли есть въ тебѣ совѣсть, то люди на тебя положатъ честь; коли нѣтъ въ тебѣ совѣсти, взыщутъ съ тебя безчестье, сымутъ съ тебя честь и ходи, какъ знаешь. А солдату безъ чести жить нельзя: борода обрита, волосъ остриженъ, мундиръ въ обтяжку — весь наружу, на-виду, стоитъ и ходитъ навытяжку, не ползкомъ, глядитъ въ глаза прямо; не только начальству, да и самому Государю своему — тутъ не уйти, ни укрыться; безъ чести солдату житье—бѣда!

Солдату, военному человѣку, дороже всего и военная честь. А военная честь стоитъ на томъ, чтобы драться съ непріятелемъ храбро, дружно, устойчиво; предать душу милосердію Божію, а тѣла не щадить. Тѣло твое прахъ, прахъ и будетъ; душа лучъ благости Божіей, равно какъ свѣтъ—лучъ солнца и душа воротится туда, откуда пришла. Честь солдата стоитъ на томъ, чтобы всякой, кто видѣлъ его въ сраженіи, не смѣлъ объ немъ помышлять иначе, какъ по добру; чтобы оставить по себѣ честный помнить; чтобы ротные и эскадронные командиры спорили между собой за тебя, чтобы ходили просить полковника: прика-

жите-де такого-то написать ко мнѣ въ роту, въ мой эскадронъ; онъ у меня надежный солдатъ, самъ пойдетъ и другихъ поведетъ, только дай ему волю, да вели ура кричать.

Военная честь — слушаться начальника, не обижать сторонних людей, служить строго, стоять на часахъ чутко, говорить одну правду, а о прочемъ не заботиться; на то Богъ, Государь и справедливое начальство. Эта военная честь солдату первое и главное дѣло; безъ нея жить нельзя. Былъ у насъ солдатъ одинъ — онъ померъ, Господь съ нимъ, такъ уже поминать его поименно не годится—былъ одинъ солдатъ, что за трусость разжалованъ былъ въ нестроевые — вѣришь-ли, ребята, что жизнь его была хуже каторжной? Что Божій день, то малый и великій, кто съ нимъ не встрѣтится, ругаетъ его, дразнитъ, подымаетъ насмѣхъ! Самъ я видѣлъ, какъ покойникъ часомъ плакалъ горючими слезами. Житье, говоритъ, постылое такое, что полѣзъ бы въ воду, да и утопился! А ребята и ну пуще трунить надъ нимъ: «тебѣ ли, зайцу лапчатому, прирожденному трусу, утопиться? Да ты, чай, воды пить не станешь, коли кто не поднесетъ въ ковшѣ, а самъ на рѣку не пойдешь! Ты, сказываютъ, бѣгаешь иноходью отъ воды, отъ огня, да отъ всякой бѣды! Коли тебя самъ шайтанъ не возьметъ, такъ надо-быть живъ и здоровъ будешь даже до второго пришествія! Смотри, стерегись антихриста, какъ придетъ пора; тотъ, сказываютъ, хуже француза, хуже турка, никого не жалѣетъ! Справляй, смотри, по насъ грѣшныхъ панихиды, какъ одинъ на бѣломъ свѣтѣ останешься, да береги головушку свою».

Какъ ребята сказывали, такъ и сбылось Не то, чтобы молодецъ нашъ дожилъ до второго пришествія, а сатаны не миновалъ: удавился, не дождавъ спасовки! «Хоть бы яблочка укусилъ сперва, говорили ребята,

такъ бы грѣхъ на сатану свалилъ, а то пропалъ ни за грошъ?»

Разсудите жъ сами, ребята, какой тутъ толкъ: смерти боится, отъ штыка отъ пули бѣгаетъ среди бѣлаго дня, а домой пришелъ, жизнь опостыла — и удавился! Хорошъ молодецъ! Ладно, что онъ покойникъ, Господь съ нимъ, а то бы я не пожалѣлъ его, назвалъ бы подлецомъ!

Такъ это одно, ребята, первое и главное дѣло; *честь военная;* другое дѣло *честь гражданская*, мірская, которую знать долженъ и солдатъ и всякой другой человѣкъ, кто хочетъ жить по-людски да по-Божьи, честно, благочестиво, чтобъ любили его и уважали. Помни заповѣди Господа нашего; онѣ научатъ тебя, какъ жить на свѣтѣ. Но держись заповѣдей этихъ строго, нелицемѣрно: разъ, другой, ты начальство свое и сторонникъ людей обманешь, а Бога, самъ знаешь, обмануть нельзя. Напримѣръ, есть у насъ изъ солдатъ сапожникъ, который на исповѣди попу сказалъ, что не грѣшенъ противу заповѣди, которая гласитъ: *не укради*. Полно такъ ли, братъ? Да я, говоритъ, не воровалъ. Воровство воровству рознь; я знаю, что ты подъ полою не унесешь ничего, да ты дѣлалъ вотъ что: ты ставилъ ину пору господамъ гнилой товаръ и божился, что поставилъ хорошій; ты работы наберешь много, каждому обѣщаешь покончить ее, когда кому нужно, да къ сроку не сдѣлаешь, обманешь; а когда, бывало, принесешь сапоги, да маху дашь, не угодишь по мѣркѣ, то и норовишь взять деньги даромъ: коли тѣсны сапоги, ты говоришь: разносятся; коли широки — сядутся, — развѣ это не обманъ, не воровство?

Кто такъ дѣлаетъ, у того чести не спрашивай, не знаетъ онъ ея и не стоитъ. Кто не идетъ прямо и просто путемъ истины, а пробирается кой-какъ между

правдой и неправдой, тотъ мало чѣмъ лучше простого вора; вѣрить ему, обманщику, нельзя.

Солдатъ оберегаетъ честь свою, какъ часовой честь и мѣсто государево. Бойся палки не для того, что больно, а для того, что стыдно: поэтому бойся слова пуще палки. Не допускай начальника до немилости, а старайся всѣми силами угодить службѣ и званію своему, — узнаешь, что такое честь. Аммуниція твоя, оружіе, чисто, опрятно, исправно; завтра скажутъ выступить, такъ завтра, а сегодня, такъ сегодня; чѣмъ скорѣе на непріятеля, тѣмъ лучше. Службу ты знаешь, не отстанешь ни въ чемъ отъ товарищей, а иному еще и укажешь: такъ дѣлай, землякъ, да такъ. Обманывать, ты никого не обманывалъ, совѣсть твоя чиста какъ пуговка, начальству глядишь въ глаза прямо, не мигаючи, и знаетъ тебя по прозванію, какъ добраго солдата, всякой. Сквернословить попустому ты не любишь; а коли обругаешь кого, такъ въ глаза и за дѣло; за то и тебя никто не смѣетъ поносить; младшій зоветъ дядей, а старшій—братомъ; почитаетъ и уважаетъ всякой. Коли куда надо хорошаго, надежнаго солдата, такъ фельдфебель посылаетъ за тобой—вотъ какъ служи да живи — и узнаешь самъ, что такое честь солдатская. А коли случится побывать противъ непріятеля, такъ и самъ покажешь на дѣлѣ, что знаешь ты честь военную и ея достоинъ.

Береги платье съ-нова, а честь съ-молоду.

* * *

Солдатъ чести не кинетъ, хоть головушка сгинетъ.

* * *

Безчестье слово—а пилой пилитъ.

* * *

Гдѣ честь, тамъ и разумъ.

Солдатскій приваръ

Шелъ полкъ на новыя квартиры черезъ Курскую губернію и сталъ, послѣ переходу, на дневку по деревнямъ. Одному солдату такая попалась хозяйка, что не даетъ ничего, кромѣ хлѣба. «Нѣтъ, говоритъ, привару у меня никакого, и сами мы ѣдимъ одинъ хлѣбецъ съ мякиной, а горячаго не видали во все лѣто». Солдатъ съ вечера промолчалъ, поѣлъ тюри на квасу, и думаетъ себѣ: «коли нѣтъ, такъ нечего дѣлать, будемъ сыты и хлѣбомъ, не привыкать стать» и легъ себѣ спать на полати. Хозяйка лучину погасила, влѣзла на печь, да въ потемкахъ стала что-то хлебать; а солдату нашему, который прикинулся сонным, крѣпко запахло щами. «Погоди, подумалъ служивый, коли такъ, то надо съ тобою поправиться».

На другое утро солдатъ, вставши, началъ опять просить хозяйку, чтобы накормила его горячимъ, сталъ говорить ей, что и Государь велѣлъ отпускать солдату приваръ. Хозяйка опять за свое: божится, заклинается, нѣтъ въ домѣ ничего, кромѣ хлѣба насущнаго. «Ну, говоритъ солдатъ, коли такъ, нечего дѣлать; такъ нѣтъ ли у тебя, хозяйка хоть бороны, вѣдь чай хозяинъ хлѣбъ сѣетъ, безъ бороны не живете?» «Борона есть, батюшка, отвѣчаетъ хозяйка. Да на что же тебѣ борона»? Да коли у тебя нечего больше ѣсть, говоритъ солдатъ, такъ будемъ варить свои походные щи. Поди разведи проворнѣе огонь, да принеси мнѣ сюда бороній зубъ.» Да какъ это, говоритъ хозяйка, изъ бороньяго зуба щи варить? «Поди отвѣчаетъ солдатъ, да дѣлай что велятъ, я и себѣ сварю, да и тебя научу.» Хозяйка пошла, развела огня и принесла желѣзный бороній зубъ. Солдатъ наставилъ въ горшкѣ воды, приказалъ вымыть чистенько бороній зубъ, да и положилъ его

въ горшокъ; а хозяйка, поджавъ руки, смотритъ, что будетъ. «Ну, говоритъ солдатъ, теперь давай маленько мучицы». Та принесла. «Теперь, говоритъ, достань-ка маленько, хоть съ горсточку, капустки.» Хозяйка принесла. Хочется ей посмотрѣть, какія будутъ щи изъ бороньяго зуба. «Теперь, говоритъ солдатъ, подай съ горсточку крупъ, хоть гречневыхъ, хоть пшенныхъ да ужъ не найдешь ли гдѣ мясца кусочекъ, хоть маленькій, хоть мосолъ какой-нибудь, косточку?» Не знаю, право, говоритъ хозяйка, было тамъ никакъ, въ клѣти, немного говядины, а сама пошла да принесла. Солдатъ, собравши все это, сварилъ щи хоть куда, самъ наѣлся и скупую хозяйку свою накормилъ, да спрашиваетъ: «Что хозяюшка, хороши ли щи?» Хороши, говоритъ. «Ну, вотъ же тебѣ бороній зубъ твой, береги его: коли въ другой разъ доведется стоять у тебя солдатамъ, такъ всегда вари такія походныя щи, бороній зубъ не выварится никогда, небось, и постояльцы твои будутъ сыты.»

Возьмешь коли велятъ

Варшава была укрѣплена сильно. Солдатушки толковали, сидя за огонькомъ, да просушивая рубашки, толковали о приступѣ. «Не возьмешь ее штурмомъ, сказалъ молодой солдатъ: больно крѣпка.» «Не возьмешь? спросилъ сѣдой гренадеръ; да коли царь велѣлъ взять?» «Да штурмомъ не возьмешь, сказалъ опять тотъ же молодой солдатъ; вишь, ни въ ровъ, ни изо рва не вылѣзешь!» «Вылѣзай, не вылѣзай, отвѣчалъ съ сердцемъ старый солдатъ; тебѣ говорятъ, Государь велѣлъ взять; чего же тутъ толковать?» «Ну, разумѣется, нечего толковать, велятъ, такъ возьмешь» сказали ребята, и молодой солдатъ больше не сporилъ. Такъ оно и было: велѣно — и взяли.

Удалой отвѣтъ

Турецкая крѣпость Ахалцыхъ взята была приступомъ. Турки дрались отчаянно и не одна молодецкая головка легла на стѣнахъ крѣпости. Главнокомандующій, объѣзжая войска, которыя были на приступѣ, благодарилъ ихъ, что дрались молодцами и взяли крѣпость, и, подъѣхавъ къ полку своего имени, въ которомъ много выбыло изъ фронту, спросилъ: «Много ли васъ осталось, ребята?» и фланговый, на котораго графъ смотрѣлъ, отвѣчалъ, не запинаясь: «Крѣпости на три будетъ, ваше сіятельство!»

Что такое отчизна?

Отчизна, отечество — это родная земля наша, гдѣ отцы и дѣды жили и умирали, гдѣ родились и сами мы, живемъ и хотимъ умереть.

Она земля отцовъ нашихъ и за это зовутъ ее отчизною, отечествомъ. Мы родились на ней, за это зовемъ ее родною землею, родиною.

Кому же не люба земля отцовъ и дѣдовъ, кому не мила родная земля? Кто не постоитъ за родину свою, за землю русскую, которую завѣщали намъ въ духовной своей дѣды и прадѣды наши, а мы завѣщать должны дѣтямъ и внукамъ своимъ, чтобы было имъ гдѣ жить и тужить, веселиться и радоваться, а подчасъ и поплакать, коли лиха бѣда одолѣетъ, да утѣшиться? Развѣ жить имъ на чужой землѣ, въ поденщикахъ у чужого народа, и какъ придетъ послѣдній часъ — кости положить на чужбинѣ?

Земля Русская, отечество наше, обширнѣе и сильнѣе другихъ земель. Гордись тѣмъ и величайся, что родился ты русскимъ, что Господь сподобилъ быть

тебя ратникомъ, воиномъ Русской земли: нужды и туги вездѣ на бѣломъ свѣтѣ много, и у тебя также не безъ того: надѣйся на Бога, на Царя своего и на справедливое начальство — и правдивая служба твоя не пропадетъ.

Царство Русское велико: отъ Финскаго моря до Чернаго будетъ слишкомъ тысяча пять сотъ верстъ; отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго, безъ малаго двѣ тысячи пять сотъ; а въ длину отъ Польши до самаго конца Сибири, будетъ болѣе двѣнадцати тысячи верстъ. Въ Россіи болѣе шестидесяти губерній и областей, а иная губернія болѣе цѣлой нѣмецкой либо французской земли. Народу у Бѣлаго Царя всего болѣе русскаго; а есть, кромѣ того, много народовъ другихъ, которые говорятъ не русскимъ языкомъ и исповѣдуютъ иную вѣру. Такъ напримѣръ есть христіане не православные: поляки, армяне, грузины, нѣмцы, латыши, чудь или финны, попросту, чухны; есть мусульманскіе народы: татары, башкиры, киргизъ-кайсаки и много сибирскихъ и кавказскихъ племенъ; есть еще и кумирники, идолопоклонники: калмыки, буряты, самоѣды, вотяки, черемисы, чуваши и много другихъ; многіе изъ кумирниковъ этихъ приняли нынѣ уже православную вѣру, хотя на это всякому дана своя воля, а принуждать никого не принуждаютъ, потому что каждый изъ насъ будетъ за то, во что вѣровалъ, отвѣтъ держать Отцу небесному.

Всѣ эти губерніи, области и народы разноязычные составляютъ Русскую землю; всѣхъ ихъ бережетъ царь Русскій въ десницѣ своей, а потому всѣ подданные Бѣлаго царя должны стоять другъ за друга, за землю, за родину свою и за своего Государя, какъ односемьяне стоятъ за избу свою, за наживное добро, за себя и за старшаго въ семьѣ, за отца, либо дѣда. Поколѣ всѣ дружно стоятъ за одно, никто ихъ не осилитъ, никто

не обидитъ; а вмѣстѣ стоять всѣмъ за одно безъ головы нельзя; сказано слово: и пѣсня безъ запѣвалы не поется, а дѣло безъ головы и подавно не спорится. Вотъ для чего Богъ далъ намъ одного Царя Государя, чтобы всѣ мы держались за него на землѣ, какъ за Бога на небеси. Царь любитъ землю Русскую болѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ; ему далъ Богъ пресвѣтлый умъ-разумъ царскій, а Царь избралъ себѣ хорошихъ, умныхъ и достойныхъ совѣтниковъ и помощниковъ; чрезъ нихъ онъ управляетъ нами, а мы, любя Государя и родину свою, повинуемся безъ оглядки начальникамъ, которые поставлены отъ Государя; безъ этого не было бы ни толку ни ладу, не было бы землѣ Русской благоденствія и долголѣтія и не было бы добра намъ самимъ.

Напримѣръ, кто постарше изъ васъ, самъ помнитъ восемьсотъ двѣнадцатый годъ, а кто помоложе, чай, слышалъ объ немъ отъ старшихъ. Въ тѣ поры императоръ французскій подчинилъ себѣ всѣхъ королей, собралъ рать несмѣтную, не только изъ своей французской земли, а еще изо всѣхъ земель, ему подвластныхъ, и, словно туча грозная, налетѣлъ на православную землю нашу, на русское царство; хотѣлъ попрать ее, истоптать копытами, спалить пожарами и размести хвостомъ конскимъ родныя наши пепелища. Велика была сила вражеская, кому бы устоять супротивъ нея? ни ты, ни я, ни третій какой-либо самъ-десять, либо самъ-сотъ, не совладалъ бы съ однимъ полкомъ Наполеона, не отстоялъ бы ни одной деревушки русской, погибло бы царство православное, разогнали бы на всѣ четыре стороны насъ съ родной земли и закабалили бъ насъ французы въ оброкъ вѣковѣчный. Что жъ? Страшенъ чортъ, да милостивъ Богъ; былъ и о ту пору, какъ нынѣ, одинъ Государь земли Русской, держалъ разумъ, силу и правду въ единодержавной

десницѣ своей, сказалъ: «*Не положу изъ рукъ меча булатнаго, доколь еще хотя одинъ непріятель будетъ на землѣ Русской*», и за словомъ царскимъ старъ и малъ опоясались острыми саблями, ухватились за копье ратное; всѣ сошлись въ одну кучу, словно на пожаръ великій, всѣ слушались слова единаго, шли впередъ, когда Царь приказывалъ впередъ итти, отступали, когда Царь приказалъ заманить незванныхъ гостей въ ловушку настороженную—стояли дружно, гдѣ приказано было отстаивать—и куда дѣвалась сила сильная, гроза грозная, куда дѣвалась рать несмѣтная, вражеская? Нѣтъ ея, погибла: Господь попустилъ сгинуть ей до-тла, а Царя нашего возвеличилъ и прославилъ, указалъ ему итти до самой столицы вражеской, освободить всѣ земли и государства отъ полону и оброку, и изгнать самозванца, который былъ не царской крови, и возвести на престолъ французскій законнаго ихъ государя. Кто же могъ собрать войско русское со всѣхъ концовъ царства, кто могъ велѣть ему итти на врага, кромѣ Царя русскаго? Кто могъ повести войско это на врага и указать ему, гдѣ и какъ бить непріятеля, куда обходить, откуда зайти и куда ударить,—кто, кромѣ великаго, славнаго полководца, котораго Государь избралъ и подчинилъ ему все русское войско? И вѣдомо, что никто. Сказано слово; мужикъ уменъ, да міръ дуракъ; сколько головъ, столько умовъ; каждый городитъ свое, а въ одну душу, въ одинъ разумъ не сойдутся. На постоѣ, по избамъ, бери солдатъ какъ куръ, по одиночкѣ; а дай имъ сойтись вмѣстѣ, выстроиться, выравняться, вскинуть отъ ноги, бросить глаза на лѣво, на генерала своего, такъ на стѣну полѣзутъ и любую крѣпость штыкомъ размечутъ. Каплю воды дѣвченка тряпицей по столу разотретъ, а капля камень долбитъ; и море, которому нѣтъ конца во всѣхъ подзорныхъ трубкахъ, слилося изъ такихъ

же капель; безъ капли нѣтъ моря, что рубля безъ копѣйки, что силы царской, войска грознаго безъ солдатъ!

Славное и памятное было время, ребята, этотъ двѣнадцатый годъ. Великъ Богъ русскій, силенъ штыкъ и крѣпка грудь русская! сносливъ и стоекъ солдатъ русскій, и долго, долго красоваться будетъ силою и правдою земля русская изъ конца въ конецъ, подъ защитою русскаго Царя, да русскаго солдата!

Отстаивай, ребята, родину свою, отчизну! это зыбка твоя, колыбель твоя и могила, это домъ и домовина, хлѣбъ насущный, вода животворная; русская земля тебѣ отецъ и мать, она же тебѣ церковь православная, она и престолъ царской: она жилье отцовъ и дѣдовъ твоихъ, жилье твое и твоихъ; она же миръ и пріютъ дѣтямъ твоимъ и всѣмъ добрымъ русскимъ людямъ, всѣмъ православнымъ потомкамъ нашимъ, доколѣ труба громозвучная, послѣдняя, не позоветъ всѣхъ насъ изъ земли на судъ Божій, гдѣ будемъ отвѣтъ держать за дѣла наши, гдѣ воздастся намъ по дѣламъ и помышленіямъ нашимъ, гдѣ каждаго изъ насъ спросятъ: такъ ли ты жилъ, какъ вѣра твоя повелѣваетъ? Клалъ ли ты душу за Царя и родину свою, какъ велитъ долгъ, и совѣсть, и присяга твоя?

Отечество тебѣ колыбель и могила.

* * *

Не отрекайся отъ земли Русской, да не отречется отъ тебя Господь.

* * *

Держись дружно: камень подъ ноги топчатъ, а изъ каменьевъ твердыни кладутъ.

* * *

Одна головня и въ печи гаснетъ, а двѣ и въ чистомъ полѣ дымятся.

Загадки.

1. Безъ ругъ, безъ ногъ, а на гору ползетъ.
2. Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, а вѣкъ другъ друга не видали.
3. За уши повѣсили, за языкъ подергали — ногъ и рукъ нѣту-ти, уйти некуда.
4. Головку отрѣжу, сердце выну, дамъ пить—станетъ говорить.
5. Кругла да не дѣвка, съ хвостомъ да не мышь.
6. Шапочка алая, жилетка не ткапая, кафтанчикъ рябенькой, а ходитъ боснкомъ.
7. Латка на латкѣ, а игла не была.
8. Поле бѣлое, сѣмя черное; кто сѣетъ, тотъ разумѣетъ.
9. Ровенъ съ лѣсомъ, а свѣту не видитъ.
10. Самъ худъ, а голова съ пудъ.
11. Тяжело, не тяжело, а черезъ избу не перекинешь.
12. И долга и коротка, а одинъ одному не вѣрятъ, всякъ самъ по себѣ мѣряетъ.
13. Чего къ избѣ не приставишь?
14. Поднять можно, а вкругъ избы не обнесешь.
15. Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунь

1. Вѣтеръ.
2. Глаза.
3. Колоколъ.
4. Писчее перо.
5. Рѣпа.
6. Щегленокъ
7. Кочанъ капусты.
8. Письмо.
9. Сердцевина въ деревѣ.
10. Молотъ или безменъ.
11. Перышко.
12. Дорога.
13. Дорога.
14. Вода въ рѣшетѣ
15. Корова.

Находчивость

Часовой, который стоялъ у пристани на рѣкѣ, увидѣлъ, что офицеръ шелъ мимо его по льду, прямо на широкую полынью, которую чуть только подернуло льдомъ и запорошило снѣгомъ. Часовой сталъ кричать офицеру, чтобъ онъ не ходилъ туда, да за сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ ничего разслышать; оглянулся было, но пошелъ опять своимъ путемъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ, изо всей силы, и когда офицеръ опять на него оглянулся, то часовой нашъ брякнулъ ему ружьемъ на погребеніе. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался, подошелъ ближе, спросить: что это значитъ? а часовой растолковалъ ему дѣло и спасъ такимъ образомъ офицера отъ смерти. Былъ молодецъ и находчивъ!

Колотовъ

Во время приступа къ Варшавѣ, 26 августа 1831 года, лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ опрокинулъ и преслѣдовалъ непріятельскую конницу между двойнымъ рядомъ укрѣпленій, въ сильномъ перекрестномъ огнѣ. Многіе изъ драбантовъ полковаго командира были убиты; а одинъ изъ нихъ, 5 эскадрона рядовой Колотовъ, получивъ двѣнадцать ранъ саблями, остался на мѣстѣ. Когда, спустя нѣсколько недѣль, Колотовъ сталъ уже поправляться отъ ранъ, и товарищи, навѣстивъ его въ госпиталѣ, просили разсказать, по какому несчастію, былъ онъ такъ изрубленъ, — тогда Колотовъ сказалъ: «Не врасплохъ на меня поляки наскочили, да и не по несчастному какому случаю изрубили меня; самъ я, во всю атаку, подставлялъ и лобъ и голову и плеча, защищая нашего генерала. Товарищей моихъ изрубили, а мнѣ Богъ далъ силъ отстоять начальника и удер-

жаться при немъ до конца. Когда уже возвращались мы, кончивъ дѣло, на позицію, тогда, помнится какъ во снѣ, зазеленѣлось въ глазахъ — и я свалился съ лошади. Я думалъ, что убитъ и умираю, и благодарилъ Бога силъ за то, что далъ мнѣ покончить дѣло.»

Колотовъ, по ходатайству Его Императорскаго Высочества, получилъ военный знакъ отличія, денежное награжденіе, да кромѣ того произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Честь солдату всего дороже

Во время приступа къ Варшавѣ вахмистръ 2-го эскадрона лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, Егоровъ, рубился съ непріятелемъ долго, но наконецъ былъ изрубленъ саблями, ослабѣлъ и свалился съ лошади; а когда уже Егоровъ лежалъ на землѣ, то былъ сильно раненъ осколкомъ гранаты въ руку, а черепокъ прошелъ еще по груди и изорвалъ мундиръ.

Довольно времени спустя, командиръ полка навѣстилъ раненыхъ своихъ въ варшавскомъ госпиталѣ и увидавъ Егорова съ подвязаной рукой, спросилъ: «Каково тебѣ, молодецъ, лучше ли?» Вахмистръ отвѣчалъ: «Все слава Богу, ваше превосходительство; скоро явимся въ полкъ служить царю по прежнему; да только осмѣлюсь доложить, что когда лежалъ я на землѣ и подлѣ меня лопнула граната, которая разможила мнѣ руку, такъ отъ нея же черепокъ сорвалъ съ меня кавалерію, я и остался теперь безъ креста и безъ медалей.»

Сраженіе

Ранымъ-ранешенько, въ день праздничный, въ день Спаса, уготовано было спасеніе праведнымъ воинамъ. Собирались наши солдатушки пиръ пировать разгуль-

ный, погулять вольною волей, разгульемъ молодецкимъ: собирались бить непріятеля, сходились штыкъ со штыкомъ и грудь съ грудью.

Ранымъ-ранешенько въ день праздничный, въ день Спасовъ, не пѣтухъ съ просонья зорю прокричалъ, а трубы съ барабанами во чистомъ полѣ зорю огласили утреннюю, да пташки лѣтнія взвивалися надъ станомъ русскимъ, отряхали росу студеную съ крылышекъ, да заливались пѣснями.

Ликовалъ надъ покорной головой моей младъ жаворончекъ, пташка лѣтняя, славословилъ Творца вселенныя, накликалъ на душу радость мнѣ; и взыграло ретивое во мнѣ, очи вскинулъ я къ пѣвцу залетному, глянулъ вкругъ себя на утро радостное, на почивающихъ собратовъ моихъ, и прочелъ такую молитву я:

«Господи! ежели хочешь, то да мимо идетъ меня чаша эта; но да будетъ воля твоя, а не моя. Молодъ я и чашу смерти испить не хочется; но да будетъ воля твоя, а не моя. А коли Спасовъ день присудилъ еси мнѣ отъ сустъ мірскихъ спасеніе, то прими благостынею своею душу мою, подай силу и крѣпость мнѣ и мужество, и побѣду пошли царю государю моему— во вѣки вѣковъ, аминь».

И пробудился въ Спасовъ день, ранымъ-рано, молва, говоръ шумный по стану русскому: скоро читаетъ молитву свою солдатъ русскій, скоро снаряжается и одѣвается, а на битву съ непріятелемъ готовъ во всякое время, во всякій часъ: въ сумѣ патронъ, на ружьѣ погонъ, да коли примкнуть штыкъ,—и Господь по насъ!

И построились полки, подъ ружье стали. Горитъ солнце раннее, утреннее, на штыкахъ граненыхъ, на стволахъ чиненыхъ, на приборѣ мѣдномъ, свѣтломъ,— играетъ, блещетъ солнышко и въ нашемъ полку на завѣтной бляхѣ, дорогой: за отличіе!

Нарядили со всѣхъ полковъ по малому числу, сошлися къ ставкѣ полководца славнаго по наряду изо всѣхъ полковъ—тутъ гренадеры были двѣнадцати-вершковые, карабинеры, мушкатеры плечистые, егеря приземистые, да сноровые, стрѣлки бойкіе; тутъ гусары и уланы были пѣшіе, кирасиры и драгуны—канониры, бомбардиры мѣткіе.

И раньмъ-рано, въ Спасовъ день, отрядъ сборный передъ ставкою полководца славнаго выстроился; вышелъ онъ, головамъ голова, большимъ набольшій, царя государя правая рука, и прошелъ по фронту праздничному.

Поздоровался онъ голосомъ ласковымъ, да наказчивымъ. Здравія желаемъ! въ привѣтъ ему, отцу-командиру, ребята наши звучно и радостно привѣтствовали—смирно очами соколиными вслѣдъ за нимъ, отцомъ-командиромъ, поважнивали—а самъ собою никто усомъ не моргнулъ.

«Ребята!» молвилъ яснымъ голосомъ воевода государевъ, головамъ голова, большимъ набольшій, «ребята! дѣло подходитъ къ развязкѣ. Мы обошли съ трехъ сторонъ непріятеля—а долго онъ намъ не давался, измучилъ было насъ совсѣмъ переходами; нынѣ обошли мы его; надо грянуть, да разбить въ-пухъ». «Ради стараться»! гаркнули ребята наши единымъ голосомъ.

«Съ Богомъ» молвилъ еще главнокомандующій, «съ Богомъ! Я созвалъ васъ, чтобы вмѣстѣ помолиться, тепло и усердно; куда какъ хороша и чиста молитва солдатская передъ битвою! Помолимся ребята, да и доставай патроны»!

Сомкнулись солдатушки во каре единый; по слову: «на молитву » кивера сняли да подали въ лѣвую руку и со вздохомъ умилительнымъ очи соколиныя потупили, словно призадумались. Куда чиста и умилительна молитва русскаго солдата передъ битвою!

Гой, о чемъ, о чемъ ребята призадумались, въ Спасовъ день, ранымъ ранешенько? Радостно всякъ изъ насъ душу кладетъ за вѣру, за царя, и за родимую сторонушку—не печаль, не страхъ потупилъ очи ясныя, — благочестіе святое очи молодецкія потупило; душу положить хотимъ съ молитвою!

«Дерзайте, воины» принялъ слово іерей, «дерзайте: съ нами крестная сила и благодать ея. Благословляю васъ именемъ Господнимъ на бой смертный, да спасены будете нынѣ, въ Спасовъ день, предъ Господомъ. Карайте строптивыхъ и непокорныхъ—съ вами крестная сила; щадите и милуйте покоренныхъ — съ вами благодать Божія, стойте сильно, мощно, аки оплотъ вѣры, побѣда государева, надежда всея земли русской. Благословляю васъ. Аминь».

Клали крестъ православный на грудь молодецкую солдатушки, и колѣни преклоняли крѣпкія, на ясное чистое небо глядючи! Не одна, чай, слеза богатырская дрогнула, запнувшись на перепутьѣ объ усъ гренадерскій. Славно, ребята, и тепло, душеспасительно молиться передъ битвою!

И пошли ребята, тронулись полки густыми колоннами, заговорили знамена распущенныя съ буйными вѣтрами, отозвалась душа солдатская въ барабанахъ звучныхъ, въ трубахъ зычныхъ; кони рьяные, мѣдный гласъ послышавъ, прядутъ ушами, съ ноги переступаютъ на ногу, поводьевъ попрашиваютъ. Не стерпѣла душа солдатская, грянули ребята во всѣхъ полкахъ пѣсни молодецкія!

Легко и весело стало солдатушкамъ по молитвѣ; освѣжила ихъ вода святая, которою іерей окропилъ ряды безстрашные; беззаботно, весело шагаютъ наши солдатушки, пѣсни развеселыя сливаются съ барабанами звучными.—Шутки и смѣхъ, да веселыя поговорочки по густымъ рядамъ разгуливаютъ; а ружья на

лѣвомъ плечѣ покачиваются, штыки свѣтлые съ яснымъ солнышкомъ заигрываютъ.

— Вишь! грозитъ непріятель, сказалъ одинъ солдатъ товарищу; съѣсть хочетъ! Ну, отвѣчалъ товарищъ, пусть его: разѣвай ротъ пошире, я полѣзу: глотай коли не подавишься!

— Гляди ребята, молвилъ другой, гляди-ка новобранецъ нашъ, Евсей Гороховъ, зачастилъ ногами: ему любо, что не въ ногу идутъ! Въ артели своей онъ первый; не знаю, каковъ тутъ будетъ; а тамъ онъ—видно мать дома плохо кормила, по монастырской коврыгѣ за щеку мечетъ, по чашѣ квасу въ разъ охлестываетъ!

«Молчи, дядя», отвѣчалъ новобранецъ Евсей Гороховъ; «ѣда въ-прокъ пошла, не пропалъ на мнѣ хлѣбъ государевъ: отъѣлся я, откормился, а нынѣ въ работу пошелъ; гляди, не подгажу! Стрѣлять не больно горазда я, а коли пойдетъ дѣло въ настоящую, какъ ты же намедни сказывалъ, какъ прижмемъ переднихъ къ заднимъ, да ударимъ въ рукопашную, такъ и я не отстану, погляди»!

Тутъ стукъ и брякотня громкая въ сторонѣ послышались: глядь, молодые кони, неуки, понтонной роты, понесли: несутся понтоны во весь опоръ, нѣтъ и удержу! «Гляди», сказалъ опять краснобай одинъ, «гляди, ребята! понтоны наши, знать, воду причули, понесли!»

Оглянуться не успѣли ребята наши, между дѣломъ и бездѣльемъ часъ и полтора прошло, сошлись лицемъ къ лицу съ непріятелемъ. Заиграли сперва звучно на мѣдныхъ рогахъ, что пышутъ полымемъ, перекликались взадъ и впередъ рѣчами нахальными, картечью да ядрами; вырывало ядро докучливое тутъ и тамъ изъ густой колонны человѣка по три и по пятку; а тутъ сошлись поближе, для переговору мелкотравчатаго, ружейнаго.

«Застрѣльщики впередъ!» и высыпали ребята попарно, патроны, про запасъ, за галстукъ натыкавши; много выскочило охотниковъ, кому тѣсно было въ густой колоннѣ, да у кого на просторъ душа просилася. Словно искры отъ кремня, по всей линіи огонь посыпался, рога звучные сигналы подавали знакомые, собирались, разбѣгались застрѣльщики, да бѣгомъ, бѣгомъ впередъ пошли!

«Ура, ребята, ура!» голосъ подали тутъ и тамъ командиры полковые, баталіонные: «Ура! впередъ, ударь въ штыки да на проломъ выходи, топчи подъ ноги супротивника.»

Пошли солдатушки, словно часы заведенные, пошли впередъ, впередъ, стоптали, смяли непріятеля; безъ счету его на мѣстѣ положили, много въ полонъ полонили, а которые на-побѣгъ пошли, за тѣми погналася конница, понеслись донцы съ долгими копьями, да гусары съ саблями острыми.

Смеркло уже, когда бой затихъ. Весело солдатушки въ кружки за огни садились побѣдные: котелки кипѣли съ кашицей. Ребята, лежа, грѣлись, отдыхали, да разсказывали одинъ одному, какъ кого Господь сохранилъ отъ бѣды неминучей, да помиловалъ; кого задѣла пуля непріятельская, кого на мѣстѣ уложила. Командиры ходили тутъ же, да спасибо говорили своимъ солдатушкамъ. «Ради стараться!» отвѣчали молодцы наши, «ради стараться за Царя, за вѣру, да за землю русскую!» И Евсей Гороховъ работалъ, сказываютъ, не хуже другихъ, не пропалъ на немъ паекъ государевъ; окрестилъ онъ штыкъ свой въ крови вражеской и повилъ душу свою молодецкую славой и честію солдатскою.

На утро было молебствіе великое: вкругъ алтаря походнаго, передъ ставкою полководца, стояли знамена и бунчуги отбитые; главнокомандующій благодарилъ

солдатъ именемъ Царя; священникъ благословлялъ ихъ именемъ Спасителя; и раненые, кто могъ подойти да приползти, стояли да сидѣли тутъ же; и къ нимъ фельдмаршалъ подошелъ, благодарилъ и подавалъ имъ руку. цѣловалъ ихъ въ лобъ, и всѣ славословили однимъ голосомъ милость и благость Создателя, даровавшаго силу и крѣпость и побѣду Царю русскому во вѣки вѣковъ, аминь.

Гдѣ горе, тамъ и смѣхъ

Послѣ славной бородинской битвы, гдѣ войско русское залило и затопило полчище непріятелей и русскою и французскою кровью, было раненыхъ безъ счету. но ни одинъ не горевалъ о горѣ своемъ, а благодарилъ Господа за дарованную побѣду. Притомный свидѣтель сказывалъ намъ, что слышалъ самъ, какъ раненые, сидя и лежа въ кучахъ на чистомъ полѣ, перешучивались и посмѣивались по-пріятельски другъ надъ другомъ. Солдатъ, которому ядромъ оторвало ногу, увидалъ фельдфебеля своего, который былъ раненъ пулею на-вылетъ въ челюсть. «Что молчите. Иванъ Петровичъ, сказалъ безногой: наряжай косолапую команду свою за дровами, да за соломой!» Фельдфебель покачалъ головой и молчалъ, потому что не могъ говорить. «То-то Иванъ Петровичъ» продолжалъ солдатъ, покрякивая, «миновалось, знать, царство наше, Государь насъ съ тобой пожаловалъ, а непріятель разжаловалъ: тебѣ не скомандовать, а мнѣ не пройтись!»

Одинъ на пятерыхъ.

Поляки, съ генераломъ своимъ Уминскимъ, стояли въ 1834 г. въ мѣстечкѣ Рожанахъ, а отрядъ генерала Остенъ-Сакена въ Остроленкѣ. Надо было достать

языка, и на это вызвался охотникомъ лейбъ-казачьяго эскадрона унтеръ-офицеръ Петръ Воронковъ. Взявъ съ собою десять отборныхъ казаковъ, Воронковъ отправился ночью на 21 апрѣля глухою тропинкой и залегъ въ лѣсу подъ Рожанами. На разсвѣтѣ казаки заподозрѣли разъѣздъ польскій, 50 улановъ, выѣхавшихъ изъ мѣстечка. Воронковъ, пропустивъ ихъ мимо себя, ринулся на нихъ вдругъ съ десятью казаками въ тылъ, сбилъ и разогналъ, нѣсколькихъ положилъ на мѣстѣ, а двоихъ представилъ начальству. За это Воронковъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Старый и молодой

Изъ девяти унтеровъ, охотниковъ 85 фузелерной роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, на приступъ Варшавы, по жеребью, досталось идти Иващенкѣ. Товарищъ его, Поповъ изъ вольно-опредѣляющихъ, просилъ: «Пусти братъ, меня на свое мѣсто, тебѣ скоро достанется въ отставку, а я только-что начинаю служить.» «Такъ для того-то и не пущу», отвѣчалъ Иващенко, «ты послужишь еще, такъ дастъ Богъ и подерешься, а я черезъ годъ выйду, — тогда прощай!» «Возьми вотъ послѣднія сто рублевъ, сказалъ Поповъ, да пусти меня!» «Что мнѣ въ рубляхъ твоихъ?» — отвѣчалъ Иващенко, «убьютъ такъ и конѣйки не надо; а коли воротусь, дастъ Богъ, да сдѣлаю дѣло, такъ это стоитъ дороже ста рублевъ.»

Таблица умноженія.

Прійдетъ масляна—будетъ и блинъ:
Однежды одинъ—одинъ.

Волга Дону попяре.
Дважды два—четыре.

Нѣтъ книгъ у дяди, а карты есть:
Дважды три—шесть.

Хлѣбъ жнемъ, а сѣно косимъ:
Дважды четыре—восемь.

Безъ закваски хлѣбъ не мѣсятъ:
Дважды пять—десять.

На рукахъ, на ногахъ пальцевъ двадцать.
Дважды шесть—двѣнадцать.

Пять пальцевъ долой—пятнадцать:
Дважды семъ—четырнадцать.

Дважды девять—восемнадцать:
Дважды десять—двадцать.

У кого аршинъ, тому и мѣрять:
Трижды три—девять.

Слушай ухомъ, безъ восьми двадцать:
Трижды четыре—двѣнадцать.

Трижды пять-пятнадцать:
Трижды шесть—осьмнадцать.

Мучницы, да масленица,—вотъ тебѣ и блинъ:
Трижды семь—двадцать одинъ.

Мало ль диковинъ въ божьемъ мірѣ:
Трижды весемь—двадцать четыре.

Днемъ свѣтъ, а ночью темь:
Трижды девять—двадцать семь.

Четырежды четыре—шестнадцать.
Четырежды пять—двадцать.

На мосту, по татарски, на купырѣ:
Четырежды шесть—двадцать четыре.

Угодно откушать, тотъ милости просимъ:
Четырежды семь—двадцать восемь.

Кто атаманъ, у того и булава:
Четырежды восемь—тридцать два.

Велика честь, да нечего ѣсть:
Четырежды девять—тридцать шесть.

И кротъ въ своемъ углу зорокъ:
Четырежды десять—сорокъ.

Кинь указку, пойдемъ гулять:
Пятью пять—двадцать пять.

Коля нѣтъ, такъ нечего взять:
Пятью семь—тридцать пять.

И малъ золотникъ, да дорогъ:
Пятью восемь—сорокъ.

Беря оглоблю, пойдемъ воевать:
Пятью девять—сорокъ пять.

Отлежалъ бока, оттого и болятъ:
Пятью десять—пятьдесятъ.

Мастеръ Самсонычъ лапти плесть:
Шестью шесть—тридцать шесть.

То китъ-рыба, а то плотва:
Шестью семь—сорокъ два.

Что заслужили, то и носимъ:
Шестью восемь—сорокъ восемь.

Кто сказку слышалъ о царѣ Кирѣ?
Шестью девять—пятьдесятъ четыре.

Полѣзай на стѣну, коли велятъ:
Шестью десять—шестьдесятъ.

Дурни плодятся; не надо ихъ сѣять;
Семью семь—сорокъ девять.

Инѣ прилечь, инѣ и присѣсть:
Семью восемь—пятьдесятъ шесть.

Чего не знаешь, того не ври:
Семью девять—шестьдесятъ три.

Рядкомъ сумы на простѣнкѣ висятъ:
Семью десять—семдесятъ.

Не буянь у хозяина на квартирѣ:
Восемью восемь—шестьдесятъ четыре.

Живи, поколѣ на плечахъ голова:
Восемью девять—семьдесятъ два.

Дѣламъ своимъ всякъ самъ господинъ:
Девятью девять—восемьдесятъ одинъ.

Что хитро, то и просто:
Девятью десять—девяносто.

Полно долбить, покинь долото:
Десятью десять—сто.

Исправность и расторопность

Человѣкъ пять рядовыхъ Кинтымскаго пѣхотнаго полка сошлись и толковали промежъ собою о томъ, что скоро смотръ; а у нихъ, у одного, не было въ чемоданчикѣ сѣрыхъ нитокъ; у другого—черныхъ; у третьяго—иголокъ, да воску; у четвертаго—ваксы; а у пятаго, какъ сказывалъ онъ самъ, не было роздан-наго товару на третью пару сапогъ; у него, вишь, свой же однокашникъ выпросилъ товаръ взаймы, да къ сроку и не отдалъ

Ну, сколько они ни толковали, а день смотра насталъ. Какъ же кто изъ нихъ изворотился, да управился? А вотъ какъ: одинъ сказалъ: «коли нѣтъ да спрашиваютъ, такъ надо добыть»—пошелъ да укралъ гдѣ-то платчишко, продалъ его, напился пьянъ и купилъ нитокъ. Другой говорилъ: «воля Господня,—воровать не стану, а нѣтъ, такъ негдѣ взять» и пришелъ на смотръ неисправнымъ. Третій выкопючилъ, да выпросилъ, что ему надо было, у добрыхъ людей Христа-ради. Четвертый положилъ, вмѣсто ваксы, начерненный деревянный брусочекъ, обманулъ командира—и оказался исправнымъ. А пятый, у котораго не доставало пары сапогъ, поработавъ денька три въ поту лица, да на сапоги и заработалъ.

Ну, какъ по-вашему, кто тутъ правъ, кто виноватъ: кто изворотился, какъ слѣдуетъ расторопному честному солдату, а кто иначе?

Я думаю, тутъ нечего и толковать; который укралъ платокъ, да на него исправился, все-таки, воръ; который, перекрестясь, молвилъ: «воля Господня!» да ничего къ смотру не принесъ — плохой, ледащій солдатъ. Солдату Бога бояться и на Него возлагать надежду свою надо, да только съ тѣмъ, чтобы и самому быть исправнымъ. Коли ты все, что съ тебя спрашиваютъ, отбудешь, тогда на Бога надѣйся: Онъ тебя не оставитъ; а коли, пожалуй, самъ ѣсть не станешь, ложки ко рту не поднесешь, да будешь надѣяться, что Господь не оставитъ тебя, какъ не оставляетъ птицъ поднебесныхъ,—такъ за это въ угодники не угодишь, сытъ не будешь; тебя, просто, покоробитъ, да въ три дуги согнетъ, а плоть-таки свое возьметъ. Дальше: тотъ, который Христа-ради выпросилъ чего ему надо было, также не правъ: стыдно солдату побираться; не на то Богъ ему далъ здоровыя руки, ноги, да разумную на плечахъ голову. Тотъ, который

обманулъ командира, показалъ вмѣсто ваксы брусочекъ —мошенникъ, что ни говори, Ему, стало-быть, не первинка этакъ обманывать, да и впередъ, чай, на ремесло это зароку не положитъ,—и нѣтъ въ немъ ни чести, ни правды. А тотъ, который товаръ свой отдалъ другому, да отдавши и самъ черезъ это попалъ-было въ бѣду, а таки вышелъ правъ и чистъ и исправенъ, добылъ на потовую копѣйку свою что слѣдовало, — тотъ каковъ? Того я знаю, ребята, давно: это душа-человѣкъ, изворотливый, расторопный солдатъ, какимъ дай Богъ быть и мнѣ и тебѣ. Никого онъ не обидитъ, ни на кого онъ не ходитъ просить, ни съ кѣмъ не ссорится, да и не пойдетъ кланяться, упрашивать своего ли брата, стороняго ль человѣка: сдѣлай мнѣ, пожалуйста, то, либо дай то да это! За что ни приймется, то самъ и сдѣлаетъ; и времени на все у него станетъ, и умѣнья станетъ, и работы не боится, не пугается; затѣмъ онъ и исправенъ.

Бывало съ-вечера нарядъ въ караулъ—засуетятся ребята: у кого брюки по шву распоролись, да некогда было зашить; у кого пуговицы не хватаетъ, да негдѣ ее добыть; у кого амуниція не вычищена, либо крючекъ на воротникѣ обломался,—а у нашего у Сергѣя Лопатина—хоть его о полуночи подымай на ноги, да вели одѣваться, хоть на зарѣ—все какъ съ молотка, да съ иголочки: всталъ, встряхнулся, умылся, помолился, одѣлся—и стоитъ передъ тобой, что листъ передъ травой; веди сейчасъ его хоть на ординарцы, не токмо въ караулъ. Бывало, въ глаза смѣется онъ солдатушкамъ, которые жалуются, что некогда да не поспѣютъ. «Врете» говоритъ, «дураки, не въ томъ сила, что некогда, — Богъ далъ сутки. Богъ далъ и тихъ и время, — не въ томъ сила, что времени нѣтъ, а въ томъ, что нѣтъ у васъ досугу; а досугу нѣтъ оттого, что нѣтъ досужества. Ты прогуляешь, да ви-

ведешь пустяками часъ и полтора, а послѣ не наверстаешь ину пору, хоть ночь на-пролетъ сиди, хоть двѣ. Держи въ головѣ дѣло, помни его, да заботься о немъ; сказано слово: «всякому дню подобаетъ забота своя»—такъ и поспѣешь, и совладаешь, и управишься. Исправляй на себѣ все, что есть, что Государь пожаловалъ, не тогда, когда на службу зовутъ, а тогда, какъ со службы придешь; чинись да чистись сегодня, гулять будешь завтра, коли до гульбы охочъ, а нѣтъ, такъ за другое дѣло примешься.»

Такъ говорилъ Лопатинъ, и перечить не смѣлъ ему никто; первое потому, что сами солдаты звали его Сергѣемъ Павловичемъ: а второе потому, что Сергѣй Лопатинъ, кромѣ своей амуниціи, держалъ въ порядкѣ и еще двѣ чужія: ходилъ онъ по своей волѣ за дворянами, за юнкерами, и за это получалъ отъ нихъ по цѣлковому на мѣсяцъ.

На это дѣло, слышалъ я какъ-то, полковой лясникъ нашъ, который, бывало, и вретъ какъ правду говоритъ, Власъ Карповъ, сказывалъ разъ, на-бездѣльи, въ караульной, вотъ какую притчу:

Георгій Храбрый, который, какъ вѣдомо вамъ, во всѣхъ сказкахъ и притчахъ держитъ начальство надъ звѣрями, птицами и рыбами. — Георгій Храбрый созвалъ всю команду свою, службу служить, и разложилъ на каждаго по работѣ. Медвѣдю велѣлъ, на шабашъ, до вечера, семьдесять семь колодъ перетаскать, да сложить срубомъ: волку велѣлъ земляночку вырыть, да нары поставить; лисѣ приказалъ пуху нащипать на три подушки; кошкѣ-домосѣдкѣ — три чулка связать, да клубка не затерять; козлу-бородачу велѣлъ бритвы править, а коровушкѣ поставилъ кудель, далъ ей веретено: напряди, говоритъ шерсти; журавлю приказалъ настрогать зубочистокъ, да сѣрниковъ надѣлать; гуся лапчатаго въ гончары пожаловалъ, велѣлъ три

горшка да большую мокитру слѣпить; а тетерку заставилъ глину мѣсить; бабѣ-птицѣ приказалъ на уху стерлядей наловить; дятлу—дровецъ нарубить; воробью —припасти соломки, на подстилку; а пчелѣ приказалъ одинъ ярусъ сотъ построить да натаскать меду.

Ну пришелъ урочный часъ, и Георгій Храбрый пошелъ въ досмотръ: кто что сдѣлалъ?

Михайло Потапычъ, медвѣдь, работалъ до поту лица, такъ что въ оба кулака только знай утирается — да толку въ работѣ его мало: весь день съ двумя ли, съ тремя ли колодами провозился, и каталъ ихъ, и на плечахъ таскалъ, и торчмя становилъ, и на крестъ сваливалъ, да еще-было и лапу себѣ отдавилъ; и рядкомъ ихъ укладывалъ, концы съ концами ровнялъ да пригонялъ, а срубу не сложилъ. Сѣрый волкъ мѣсгахъ въ пяти починалъ землянку рыть, да какъ прічуетъ, да разнюхаетъ, что нѣтъ тамъ ни бычка зарытаго, ни жеребенка, то и покинетъ, да опять на новое мѣсто перейдетъ. Лисичка-сестричка надушила куръ да утятъ много, подушки на четыре, да не стало у нея досуга щипать ихъ чисто; она, вишь, все до мясца добиралась, а пухъ да перья пускала на вѣтеръ. Кошечка наша усаживалась подлѣ слухового окна, на солнышкѣ, разъ десять, и принималась за урокъ, чулокъ вязать, такъ мыши, вишь, на подволокѣ, на чердакѣ, словно на-смѣхъ, покою не даютъ; кинетъ кошурка чулокъ, прянетъ въ окно, погонится за докучливыми, шаловливыми мышатами, ухватитъ ли, нѣтъ ли за-воротъ котораго-нибудь, да опять выскочитъ въ слуховое окно, да за чулокъ; а тутъ, гляди, клубокъ скатился съ кровли: бѣги кругомъ да подымай, да распутывай, да наматывай, а дорогою опять мышенокъ на встрѣчу попадется, да коли удалось изловить его, такъ надо же съ нимъ и побаловать, поиграть,— такъ чулокъ и пролежалъ; а сорока-щебетунья еще

прутки растаскала. Козелъ бритвы не успѣлъ выправить; на водопой бѣгалъ съ лошадьми, да ѣсть захотѣлось, такъ перескочилъ къ сосѣду въ огородъ, ухватилъ чесночку да капустки; а послѣ, говоритъ, товарищъ не далъ работать, все приставалъ, да лобъ подставлялъ пободаться. Коровушка жвачку жевала, еще вчерашнюю, да облизывалась, да за объѣдьями къ кучеру сходила, да за отрубями къ судомойкѣ—и день прошелъ. Журавль все на часахъ стоялъ, да вытягивался въ-струнку на одной ногѣ, да поглядывалъ, нѣтъ ли чего новаго? да еще пять десятинъ пашни перемѣрялъ, вѣрно ли отмежевано, — такъ работать некогда было: ни зубочистокъ, ни сѣрниковъ не надѣлалъ. Гусь принялся-было за работу, такъ тетеревъ, говоритъ, глины не подготовилъ, остановка была; да опять же онъ, гусь, за каждымъ разомъ, что ущипнетъ глины, да замарается, то и пойдетъ мыться на прудъ; такъ, говоритъ, и не стало дѣлового часу. А тетеревъ все время и мялъ и топталъ, да все одно мѣсто, битую дорожку, не доглядѣлъ, что глины подъ нимъ давно нѣтути. Баба-птица стерлядей пятокъ, правда, поймала, да въ свою кису, въ зобъ запрятала —и тяжела стала: не смогла нырять больше, сѣла на песочекъ отдыхать. Дятелъ надолбилъ носомъ дырокъ и ямочекъ много, да не смогъ, говоритъ, свалить ни одной липы, крѣпко больно на ногахъ стоятъ; а самосушнику да валежнику набрать не догадался. Воробушекъ таскалъ соломку, да только въ свое гнѣздо; да чирикалъ, да подрался съ сосѣдомъ, что подъ той же стрѣхою гнѣздо свилъ, онъ ему и чубъ надралъ и головушку разломило. Одна пчела только управилась давнымъ-давно и собралася къ-вечеру на покой: по цвѣтамъ порхала, поноску носила, ячейки воску бѣлаго слѣпила, медку наклала и задѣлала сверху—да и не жаловалась, не плакалась на недосугъ.

Такъ вотъ, говоритъ Власъ Карповъ, что значитъ досугъ, а что недосугъ.

Не тѣмъ часъ дорогъ, что дологъ, а тѣмъ, что коротокъ.

* * *

Береги день нынѣшній, а завтрашній станетъ беречь тебя.

* * *

Не досугъ вершитъ дѣло, а досужество.

* * *

Не губи ты часу со причасками, не погубишь вѣку.

* * *

Охочему да расторопному часъ нуженъ; вислоухому—недѣля.

Міродерство

Когда въ городѣ случится пожаръ, то воры и мошенники кидаются тутъ же, какъ добрые люди, въ полымя, да воруютъ и таскаютъ, что попадется имъ въ руки. Тутъ крикъ, суматоха, бѣда надъ головой, всякій спасаетъ да отстаиваетъ свое, стеречь некому да и нельзя, толпа народу кругомъ; не разберешь, кто добрый человѣкъ, кто воръ; а бездѣльники тѣмъ часомъ не гуляютъ; что не погоритъ, то растащатъ. Эта напасть хуже огня.

Ну, какъ же вы думаете, ребята, ладно это, или нѣтъ? Будутъ они на томъ свѣтѣ отвѣтъ держать за то, что съ обгорѣлаго, иную пору, послѣднюю рубаху сымали, что въ часъ бѣды и напасти грабятъ, гдѣ надо спасать. Это все равно, что сѣсть верхомъ на человѣка, который утопаетъ и топитъ его въ-конецъ, вмѣсто того, чтобы подать ему руку да вытащить.

Война — это тотъ же пожаръ. Бѣда для мирныхъ жителей, которые ничему не причастны, ни въ чемъ не виноваты, а страждутъ и пьютъ горькую чашу отъ грозы, которая набѣжала на нихъ полосою. Солдатъ, который во время войны грабитъ и обираетъ мирныхъ жителей, который воюетъ не съ непріятелемъ, что̀ вышелъ супротивъ него въ чисто поле, а со стариками, да съ бабами, съ беззащитными жителями;— такой солдатъ ни чуть не лучше вора, который шаритъ по кладовымъ во время пожара. Поэтому и назвали такихъ солдатъ міродерами. Они обдираютъ міръ; для нихъ святого нѣтъ: правый ли, виноватый ли, только бы попался ловко подъ-руку, только бы гдѣ пошарить по сундукамъ, да по ларцамъ.

А кромѣ того, нигдѣ не пропадаетъ столько солдатъ, какъ на міродерствѣ: тамъ бьютъ ихъ врасплохъ и по-одиночкѣ, берутъ плѣнныхъ, какъ куръ на жерди; тамъ не одинъ солдатъ оставилъ и голову и душу, опозорилъ и себя и своихъ. Когда французы зашли было къ намъ, въ 1812 году—такъ разсказывалъ мнѣ одинъ помѣщикъ,—забрались они, человѣкъ съ пятьдесятъ, въ большой господскій домъ, на ночлегъ; буянили они много, шумѣли, гуляли, выпили да съѣли все, что было въ домѣ,—ну, это Богъ проститъ, коли ѣсть нечего, такъ по неволѣ пойдешь, да возьмешь; но этого мало, съѣли они, выпили, что нашли, да принялись отъ безсѣлья, стрѣлять изъ пистолетовъ въ зеркала, да стали рюмками, стаканами, да чашками въ бабки играть; да еще, какъ улеглись въ-повалку спать, да разулись, такъ стали кидать сапогами по дорогимъ люстрамъ, которыя сдѣланы были изъ граненаго хрусталя и висѣли посреди большой комнаты. Ну, побили они зеркала, и посуду, и окна, и люстры— все, что было. Да что же въ этомъ толку, и годится ли этакъ дѣлать? А коли не годится, такъ и намъ

остерегаться надо, чтобы объ насъ въ чужихъ краяхъ не могли разсказывать такихъ же продѣлокъ; чтобы знали русскаго солдата и боялись его въ чистомъ полѣ, въ дѣлѣ, а не въ дворахъ, да въ домахъ; чтобъ боялись и страшились его воины непріятельскіе, а не купцы, не мѣщане, не мужики и не бабы.

Краденое добро въ прокъ не пойдетъ. Тѣ же французы ограбили церкви наши, святые храмы, набрали серебра и золота не-вѣсть сколько возовъ; да Господь наказалъ ихъ за это; донцы наши отбили все назадъ, да принесли въ даръ столичному собору нашему, во имя Казанскія Богоматери. Нынѣ храмъ этотъ красуется несмѣтными богатствами и Царскія врата вылиты изъ чистаго серебра; а у міродеровъ грѣхъ на душѣ, а проку ни на волосъ, и поживы не было.

Французы же въ то время наругались нашими святыми храмами; ставили въ нихъ лошадей, — и это не прошло имъ даромъ; гнѣвъ Божій побилъ ихъ мощною русскою ратью; вся земля ополчилась, всталъ и старъ и малъ, всякъ хотѣлъ вступиться за поруганную вѣру свою — и супостаты погибли. Русскій солдатъ этого не сдѣлаетъ никогда. Русскій солдатъ сыметъ шапку, да перекрестится, въ какой бы христіанскій храмъ онъ ни взошелъ, и не безчеститъ даже турецкихъ мечетей. Всякъ исповѣдаетъ вѣру отцовъ своихъ, славословитъ Господа на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ, да всякъ знаетъ, что Богъ единъ. Бойся суда Его, и на храмъ Божій, даже и въ чужой землѣ, руки не подымай.

Раненыхъ и плѣнныхъ не обирай: грѣшно и стыдно. Будутъ они и такъ терпѣть горе и всякую бѣду на чужой сторонѣ, а ты не накликай на себя проклятія, послѣдняго у нихъ не отымай: не ровенъ часъ, ину пору и самъ попадешься, такъ узнаешь,

каково тому, кто въ плѣну, либо лежитъ съ перебитой ногой въ чистомъ полѣ, да ждетъ капли воды на запекшіяся уста свои, какъ благодати; не марай рукъ своихъ, не сквернi души. Твое дѣло бить супротивника; не твое дѣло грабить. Самъ ты, какъ солдатъ, терпишь подъ-часъ нужду, знаешь, каково бѣдовать; помни же, что и въ другомъ человѣкѣ такая же душа, какъ и въ тебѣ, и что въ немъ такое жь чуткое, живое сердце; пожалѣй объ немъ, будь милосердъ, да вспомни слова Спасителя: «чего себѣ не желаешь, не цѣлай и другому.»

Покажи ему лобъ

Въ 1824 году, въ маѣ мѣсяцѣ, киргизы, узнавъ, что корпусный командиръ ѣдетъ изъ Оренбурга въ Уральскъ, вздумали напасть на него; отборныхъ человѣкъ пятьдесятъ перебрались ночью черезъ рѣку Уралъ и залегли въ лѣску, близъ дороги, не доѣзжая Лебяжьяго форпоста. Но увидавъ, что за корпуснымъ командиромъ былъ довольно сильный конвой, они напасть не рѣшились, а подошли къ Лебяжьему и зажгли большой ометъ сѣна, чтобы надѣлать суматохи, выманить казаковъ на луга и угнать изъ станицы скотъ. Хорунжій Митрясовъ смѣтилъ воровъ и кинулся за ними съ двѣнадцатью казаками. Киргизы покинули скотъ и бросились за Уралъ; Митрясовъ переплылъ за ними: а они навели его, верстахъ въ пятнадцати отъ линіи, на сильную засаду Казаки спѣшились и начали отстрѣливаться, окруженные со всѣхъ сторонъ. Дѣло шло хорошо; да одинъ мѣткій стрѣлокъ киргизскій подползъ довольно близко къ казакамъ, прилегъ за бугоръ, и уже тремя выстрѣлами сряду ранилъ казака и двухъ лошадей. Два казака, Ялововъ и Букляшевъ, взялись уходить его; поползли ему на-встрѣчу,

припали на ра́жки, приложились и выжидали, чтобы онъ приподнялъ голову изъ-за бугра. Но тотъ ихъ смѣтилъ и лежалъ смирно. Наскучивъ дожидаться, Ялововъ говоритъ товарищу своему: «стрѣляй ты по немъ, а я его выманю, покажу ему лобъ.» «Нѣтъ», отвѣчалъ Букляшевъ, «ты лучше меня стрѣляешь: стрѣляй ты по немъ, а я ему покажу лобъ.» Сказано, сдѣлано. Букляшевъ показалъ ему лобъ: киргизъ приподнялъ голову, да сталъ прикладываться; а Ялововъ въ это время положилъ его на мѣстѣ. Киргизы, знавши, что къ казакамъ должна быть скоро со станицы подмога, струсили и разбѣжались.

Завѣтныя слова

1. Не расти тѣло, расти душу: душа вынесетъ за за собою и тѣло.
2. Не хвались, дешевое доводитъ до дорогова, а похвальба до охулы.
3. Не бушуй; крикомъ изба не рубится, горломъ дѣло не спорится.
4. Будь смиренъ и смиряйся, да смирятся предъ тобою.
5. Отдавай честь тому, кого Государь честитъ: не твоя забота, а твой отвѣтъ.
6. Не чванься; спѣсивый высоко мостится да низко ложится—въ одну яму съ нами грѣшными.
7. Не бранись за глаза: брань заочная, по указу Государеву, тебѣ же на воротъ виснетъ.
8. Не бранись и въ глаза: иной и этого не любитъ.
9. Уважай аманъ и пардонъ: лежачаго не бьютъ,
10. Стой—не шатайся, ходи—не спотыкайся, говори—не завирайся; а ляжешь спать, такъ пораньше вставать собирайся.

Загадки

1. Сила двинетъ—лѣсъ вянетъ, на томъ мѣстѣ гора станетъ.
2. Ѣдетъ орда—гора горой: оглобля одна, дуги ни одной.
3. Съ земли встала—избой стала, и хозяинъ есть, да дома не живетъ.
4. Весь въ шерсти—а шкуры нѣтъ.
5. Что за овчина—въ ней 40 аршинъ?

(1. Коса, трава и копна. 2. карета. 3. копна. 4. вой локъ. 5. половинка сукна.)

Какъ солдату конному и пѣшему, управляться съ непріятелемъ

Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, дышемъ милосердіемъ и волею Его; и солдатъ также. Но солдатъ, который смерть за плечами носитъ, рука-объ-руку съ нею ходитъ, глазъ-на-глазъ съ нею сталкивается и не смигиваетъ — солдату нельзя не помнить Бога и не уповать на Него въ каждый часъ, въ каждую минуту.

Всѣ мы слуги, вѣрноподданные Государя нашего; всѣ мы молимъ Господа напередъ о здравіи и многолѣтіи Царя, а тамъ уже о себѣ; всѣ мы служимъ ему, кто рукой, кто головой; но солдатъ, служа грудью и животомъ, выше другихъ стоитъ и ближе къ Государю своему, который самъ нерѣдко на ратномъ полѣ благоволитъ называть солдатушекъ своихъ дѣтями-товарищами. Солдату, какъ защитнику престола царскаго, слѣдуетъ безъ думки, безъ оглядки, безъ

оговорокъ, дѣлать по наказу Государеву и жить волею его

Да оно такъ и есть: рядовой солдатъ не сенаторъ, не ему разсуждать, и рядить, и судить; какъ, да что, да почему, да для чего?—это не наше горе, не наша печаль; есть на это другіе. Но солдатъ, какъ человѣкъ, которому далъ Богъ безсмертную душу и смышленную голову, долженъ разсуждать и думать, какъ бы получше, да поисправнѣе сдѣлать то, что приказано; какъ бы самому быть молодцомъ, да и другимъ, которые помоложе, примѣръ показать, да научить ихъ добру. Ты, какъ бывалый, полѣзешь впередъ а на тебя глядя, человѣкъ пятнадцать туда же, а за ними и весь баталіонъ. Скажу вамъ теперь завѣтныя слова стараго, обстрѣлянаго Суворовскаго солдата, который видалъ на свѣтѣ побольше нашего, наглядѣлся на ратный бой спереди и съ тылу, со стороны и съ боку, съ лица и съ изнанки.

Заряжать торопись, а палить не торопись.

Заряжать торопись для того, чтобы былъ ты! исправенъ, чтобы не застать тебя въ-расплохъ, чтобы было тебѣ чѣмъ отпалевываться—незаряженное ружье таже дубинка. Палить не торопись для того, что пули не воротишь; а коли выпустилъ ее на вѣтеръ, такъ въ этомъ пути ни на грошъ; лучше было бы и не стрѣлять, не тратить царскаго добра попустому, не приходилось бы тебѣ снова заряжать.

Никогда не говори: пуля виноватаго найдетъ.

Эта оговорка самая плохая, ребята. Пуля найдетъ того, на кого ты уставился дуломъ; а искать виноватаго по сторонамъ, въ обходъ, да закидывать крюки

и петли не станетъ; это не борзая собака. Стволъ у тебя въ ружьѣ прямой, — прямо пошла и пуля твоя: есть что на пути — собьетъ съ ногъ; а нѣту—пошла въ поле. На то у тебя глаза, на то руки, на то мушка поставлена на стволѣ, чтобы ты цѣлилъ, поколѣ пуля еще у тебя въ рукахъ; да пускалъ бы ее мѣтко, а не на авось. Поэтому и не говори: пуля виноватаго найдетъ; и торопись заряжать, а палить не торопись. Коли стрѣляешь по фронту непріятельскому, либо въ толпу, мѣть въ полчеловѣка; коли ты въ застрѣльщикахъ, да въ разсыпную, одинъ-на-одинъ, прицѣливайся новыше полчеловѣка, въ грудь; а если вѣрно приложился, такъ тогда уже говори смѣло: виноватаго найдетъ; тогда она не обойдетъ, не пожалѣетъ никого. Коли стрѣляешь по конному фронту, спереди, съ лица, бей въ половину вершника, въ лошадиную голову; коли сзади, пускай по забедрамъ; коли стрѣляешь по одному конному, мѣть въ разрѣзъ шага, либо еще пониже немного, въ лошадь; подъ которымъ лошадь подбилъ, тотъ тебѣ не страшенъ, тотъ изъ фронта вонъ. Гдѣ можно, стрѣляй по офицерамъ; гдѣ случится стрѣлять по артиллеріи, которая на-походѣ, старайся подбить подъ орудіемъ лошадь; поколѣ тамъ управятся обрѣзать, либо отложить постромки, наши ину пору подоспѣютъ, да отобьютъ пушку.

Застрѣяьщики, стрѣляйте въ-мѣру!

Журавля въ поднебесьи не убьешь. Знай мѣру, да подходи ближе; подбѣгай тогда, когда противникъ твой выпустилъ зарядъ, а самъ маху не давай: поколѣ пуля въ ружьѣ—твоя рука владыка. Смѣлый, хорошій застрѣльщикъ не боится сойтись въ-мѣру, а плохой стрѣляетъ ради одного стуку, чтобъ веселѣе было. А непріятель твой также, чай, не палимъ-рыба, шу-

момъ да стукомъ и его не удивишь; а мѣткой пули твоей онъ боится; сбей съ ногъ, такъ и съ рукъ сжилъ, принимайся за другого.

Работай штыкомъ смѣлѣе, штыкъ не обманетъ!

Это правда великая, ребята: нѣтъ надежды крѣпче, какъ на Бога, на Государя, да на вѣрный штыкъ: не дастъ онъ ни осѣчки, ни вспышки, врасплохъ его не застанешь; заряжать его не надо, промаху нѣтъ; пулей за камнемъ, за деревомъ не достанешь, а штыкомъ изъ земли выковырнешь! Хорошему пѣхотинцу и конный въ-одиночку ничего не сдѣлаетъ, не сунется на штыкъ, не только съ палашемъ, ни даже съ копьемъ.

Принимай пѣхота конный ударъ залпомъ, а отстаивай штыкомъ.

Много виноваты, ребята, тѣ, которые, не дождавъ команднаго слова, стрѣляютъ по конницѣ, что идетъ въ атаку; рѣдкая конница выдержитъ встрѣчный залпъ шаговъ на 50, а самую плохую не удивишь, коли пустишь по ней батальный огонь, на полтораста шаговъ; тутъ она и налетитъ, да врасплохъ тебя и застанетъ. Много ли такихъ найдется, что полѣзутъ на тебя, коли уставишь ему дуло въ-упоръ и курокъ у тебя на второмъ взводѣ? А коли выпустилъ пулю на-вѣтеръ, да спохватившись заднимъ умомъ, торопишься зарядить,—такъ тутъ еще страшнаго не много: сунуться на тебя можно, можно и подмять подъ лошадь. А приложившись по встрѣчному фронту, не давай у себя глазамъ разбѣгаться, не думай: вотъ налетитъ, вотъ срубитъ! не сунется онъ на ружье въ прикладѣ, а сунется—не уйдетъ; не отъ тебя скачетъ онъ, а на тебя, выпалить успѣешь. Поэтому и не

пускай пули, какъ часто бываетъ, черезъ голову, а пускай вѣрнѣе, не на авось: тотъ не срубитъ тебя, котораго пуля твоя свалила, а срубитъ тотъ, котораго обошла.

Коли залпъ дали по слову, и конница не осадила, а налетѣла на тебя вплоть, тогда одно тебѣ спасеніе: стой дружно, да отставный штыкомъ; тогда пришелъ чередъ отстрѣливаться одной второй шеренгѣ, а ты держись плотно, да ровняй штыковый частоколъ; не оглядывайся на полступни не подавайся ни взадъ ни впередъ, а то какъ разъ ворота сдѣлаютъ и тебя изрубятъ перваго. Какъ пошли на побѣгъ, торопись заряжать, да посылай пулю въ погоню, хоть и не такъ близко; тутъ нужды нѣтъ.

Въ-штыки иди очертя голову.

Въ штыки, на проломъ, на приступъ — это иное дѣло, это не въ застрѣльщикахъ. Тутъ нечего ни думать, ни гадать, ни оглядываться: перекрестись, прочитай короткую солдатскую молитву: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь — и пошелъ впередъ, сколько ногъ и силъ твоихъ станетъ, пошелъ дружно, густо, сильно; прибавляй шагу, чѣмъ ближе подходишь, вались, какъ съ горъ земляная вода, когда раздуетъ вешней порой ручьи и рѣчки и ломаетъ и мельницы и плотины, и лѣса стелетъ навзничь, и сноситъ дома да избы,—тутъ уже взялъ не взялъ напоромъ, первымъ дружнымъ натискомъ, а оглядкою да разстановкою не возьмешь. Тутъ что скорѣе до свалки, то и меньше побьютъ; а до рукопашной добрался, такъ уже твоя взяла. Назадъ не гляди: тамъ идетъ подмога, резервъ, и безъ твоей команды, на это распорядились и безъ тебя.

Главное правило солдату, конному и пѣшему *иди впередъ*. Коли ты подался передъ, такъ непріятелю

нельзя не податься назадъ; не то ноги ему отдавишь; а коли ты подался назадъ, непріятель полѣзъ впередъ. Это все одно, что взять два шара, пожалуй, два ядра, либо двѣ свинцовыя пули: одну поставь на мѣсто, другую покати, чтобы она по той ударила. Вѣдь, кажись, одна сила, одинъ вѣсъ въ той и въ другой: а какъ только накатилась та, что пустилъ ты въ ходъ, да толкнула другую стоячую, такъ эта и подалась назадъ, и сбило ее съ мѣста. Вотъ почему пѣхота пѣхоту, а конница конницу встрѣчаетъ и принимаетъ не стоя на мѣстѣ, а на ходу, чтобы ровнять ударъ удару. Только пѣхота кавалерію встрѣчаетъ, какъ сказано было, не трогаясь съ мѣста, а упершись дружнѣе и плотнѣе, да выставивъ штыки; и это потому, что пѣшій конному не товарищъ; пѣхотной колоннѣ, либо карею, нельзя дать того разгону, что конницѣ, а можно ей стать ежомъ, ощетиниться штыками и не дать конницѣ сойтись и столкнуться.

Конному солдату помнить надо, что у него не карабинъ, не пистолетъ оружіе, а сабля, палашъ, либо копье. Пистолетъ и карабинъ—игрушка, нужны, когда пойдетъ онъ въ наѣздники, на фланкировку, да нужны на пикетѣ, въ разъѣздахъ, на цѣпи. Конницѣ, коли идетъ въ атаку, пуще всего надо вглядываться, чтобы итти ровнѣе, колѣно съ колѣномъ, не разрывать фронта, не пускаться съ мѣста маршъ-маршъ, а рысью; подойти на близкое разстояніе, выдержать залпъ, коли противъ пѣхоты или артиллеріи, да потомъ и ударить, закусивъ повода, и рубить. Нѣтъ хуже того, какъ бываетъ ину пору, что солдаты погорячатся сначала, одинъ выскочитъ, другой выскочитъ, понесутся, поскачутъ, лошади загорятся, не доскакавъ до мѣста,—тутъ, глядишь, одинъ отсталъ, другой отсталъ, фронтъ разстроился, разорвался,—пѣхота дастъ встрѣчный залпъ, и конница, видитъ,

надежда плоха—и поворотила назадъ. А во вторую и въ третью атаку и у непріятеля духу поприбавится, коли видитъ, что тамъ не беретъ, да и лошадь твоя уже изноровится, поворотивши разъ послѣ залпа, хочетъ и въ другой и въ третій тоже. Конному солдату, а и пуще фланговому, надо беречься, чтобы въ атакѣ не давать лошади нажиматься да налегать: какъ только съ фланговъ пожмутъ, такъ середку и выжмутъ либо назадъ, либо впередъ, а одна только лошадь выскочитъ изъ фронта, такъ уже рѣдко уцѣлѣетъ и весь строй: собьются и лошади и люди.

На франкировкѣ наѣзднику надо быть и расторопнымъ и осторожнымъ, какъ застрѣльщику; держать линію, поглядывать на товарищей, мыкать взадъ впередъ, въ бокъ и въ другой, чтобы не дать непріятелю вѣрной цѣли; подстерегать противника своего врасплохъ и кидаться смѣлѣе во всѣ повода, коли улучитъ на то спопутный мигъ, для себя и для товарищей. Стрѣлять и тутъ попустому не стрѣляй, чорта не тѣшь, а надежду клади на холодное оружіе, на саблю, на палашъ, на копье.

Одинъ патронъ въ ружьѣ дороже тысячи въ полѣ.

* * *

Пуля въ полѣ—холостой зарядъ; промахъ та же хлопушка.

* * *

Люби пулю, а держись за штыкъ.

* * *

Стой дружно, не будетъ грузно.

* * *

Стрѣляй тихо, заряжай скоро.

На своихъ не пойду.

Лѣтомъ 1835 года, уральскаго войска казакъ Затворниковъ былъ на каспійскомъ морѣ захваченъ въ плѣнъ тамошними морскими разбойниками, киргизъ-кайсаками. Взявъ его на свое судно, кайсаки снова отправились на разбой въ море, и хотѣли заставить Затворникова откликаться при встрѣчѣ съ русскими рыболовными судами по-русски, чтобы обмануть ихъ, чтобы подумали они: это де не разбойничье, а также рыбацкое судно. На это Затворниковъ отвѣчалъ разбойникамъ: «хоть сейчасъ зарѣжьте, а души своей не продамъ чорту, на своихъ не пойду.» Киргизы мучили его, били, да съ тѣмъ и отстали. При этомъ были свидѣтелями другіе плѣнники наши. Когда же всѣхъ ихъ выручили и донесли о вѣрности и стойкости Затворникова Государю Императору, то Его Величество изволилъ наградить его чиномъ урядника и пожаловалъ ему еще двѣсти рублей деньгами

Неподкупная честь

Въ 1818 году былъ разграбленъ, между Новгородомъ и С.-Петербургомъ обозъ купца Солодовникова, съ серебромъ тысячъ на двѣсти. Казаки лейбъ-гвардіи уральской сотни были отряжены для поимки разбойниковъ. Урядникъ Герасимовъ увидалъ двоихъ, кинулся на нихъ и увязался за однимъ, который держалъ въ рукахъ пистолетъ. Когда Герасимовъ догналъ разбойника, то этотъ по немъ выстрѣлилъ, да не попалъ и ухватился было за саблю; но увидавъ, что съ казакомъ не совладаетъ, кинулъ ему мѣшокъ серебра, а самъ думалъ ускакать. Герасимовъ могъ бы унести и спрятать мѣшокъ серебра и отпустить разбойника; сви-

дѣтелей не было, донести некому; да Герасимовъ помнилъ присягу и боялся Бога: поймалъ разбойника и представилъ его начальству вмѣстѣ съ деньгами. За это Государь повелѣлъ выдать Герасимову двѣ тысячи рублей, или произвесть его въ офицеры, какъ самъ пожелаетъ. Герасимовъ испросилъ себѣ чинъ.

Загадки.

Шли двое, нашли пять рублей; семеро пойдутъ много ли найдутъ?

У сиваго мерина двѣ ноги бѣлыя, третья скопычена, четвертая какая будетъ?

Въ одной долгой рогаткѣ рогатокъ крестъ накрестъ счетомъ пять сотъ; а въ трехъ короткихъ много ли ихъ будетъ?

Знахарство и заговоры

Есть люди простые, не ученые, иногда и неграмотные, которые знаютъ многія зелья и снадобья, умѣютъ лѣчить иную болѣзнь, къ которой приноровились, не хуже лѣкаря; а еще больше такихъ, которые живутъ обманами, берутся не только за то, что въ людской силѣ и власти, за дѣла человѣческія, нѣтъ, за все, только давай денегъ да неси гостинецъ. Коли дѣло само собою, да волею Божьею, пойдетъ на ладъ, такъ они тебѣ козыряютъ, тутъ уже на ихъ улицѣ праздникъ; а коли конецъ выльется плохой, такъ на тебя же, либо на третьяго кого вину свалятъ; или не такъ стоялъ, не такъ глядѣлъ, либо кто помѣшалъ, да не далъ дѣла покончить путемъ, либо въ недобрый часъ затѣялъ, либо обошелъ кто либо, испортилъ глазомъ. Вѣровать въ такихъ обманщиковъ, согрѣшающихъ противъ закона божескаго и царскаго, грѣшно

и стыдно. Господь далъ человѣку силу человѣческую, а не божественную. Знахари, кудесники, чародѣи и ворожеи отвѣчать будутъ за обманы свои на страшномъ судѣ Божіемъ; отвѣчать будутъ не за ворожбу, потому-что ворожить человѣкъ не можетъ, будущее извѣстно одному Богу,—а отвѣчать будутъ за то, что обманывали людей. Солдату, какъ человѣку, который не боится смерти, не боится отвѣта за честную, храбрую жизнь свою, надобно вѣровать въ молитву Спасителя, а не въ бабьи сказки, не въ гаерство пройдохи, который только норовитъ обобрать тебя да обмануть.

Напримѣръ, живетъ въ деревнѣ мужичекъ и далъ Богъ ему разума поболѣе другихъ, и смышленъ онъ и догадливъ и расторопенъ, да и счастье служитъ ему какъ-то получше другихъ, досталась на его долю участь таланная. У сосѣдей хлѣбецъ выбьетъ градомъ, а у него Богъ помиловалъ; у сосѣдей урожай плохъ, а онъ самъ-сёмъ, самъ-восемъ вымолотитъ; вотъ простой народъ и заговоритъ: это-де не спроста, видно, старикъ нашъ такое слово знаетъ, надо къ нему итти на поклонъ, да просить, чтобы сдѣлалъ что надо, да избавилъ насъ отъ бѣды. А старикъ нашъ думаетъ про себя: коли сами напрашиваетесь въ дураки, такъ мнѣ васъ же жалѣть стать; давай сюда мѣшокъ крупъ, давай курицу, давай сѣна возъ—пригодится для хозяйства. Вотъ знахарь нашъ и плюнетъ, дунетъ да наговорною водицею поворожитъ, а взятку возьметъ, да накажетъ, чтобы въ молодой мѣсяцъ опять шли на поклонъ, да не съ порожними руками, а то, говоритъ, пропадетъ и заговоръ. Они и несутъ и кланяются и просятъ, а того не разсудятъ, что мѣсяцъ, молодой ли, старый ли, тутъ ни въ чемъ не виноватъ; неужто Господь Богъ на то его поставилъ, чтобы онъ показывалъ часъ и время, когда краснобаю нашему собирать гостинцы? Развѣ этому повѣрить можно? Ну, извѣст-

ное дѣло, не каждый годъ бываетъ неурожай, не у каждаго мужика хлѣбъ градомъ выбьетъ, вотъ, коли Богъ помилуетъ, мужички наши и почесываютъ головы, да толкуютъ: знаетъ слово старикъ нашъ: отчиталъ отъ Семена нашего бѣду; хлѣбецъ, слава Богу, благодать! А того не возьмутъ въ голову, что сами же они, да противъ своихъ словъ говорятъ: коли старикъ избавилъ ихъ отъ бѣды, такъ за что же благодарятъ они Бога? А коли Господь сохранилъ ихъ да помиловалъ, такъ неужто отъ наговорной водицы знахаря? Такъ-то они путаютъ и сами на себя наклепываютъ и грѣшатъ. Если же, на бѣду, градъ опять-таки выбьетъ у того мужика хлѣбецъ—такъ у знахаря нашего за отговоркой дѣло не станетъ: это, говоритъ, оттого, что ты, какъ вышелъ отъ меня, не въ ту сторону повернулся, либо пожалѣлъ того, что принесъ мнѣ за труды. И дѣло съ концомъ; мужикъ же и виноватъ.

Зналъ я такого старика и много видѣлъ отъ него проказъ. Связался съ нимъ какъ-то нашего полку солдатъ: знахарь ему и натолковалъ, что есть заговоръ отъ пули, отъ сабли, отъ копья, отъ стрѣлы, и что заговоръ этотъ спасаетъ и сохраняетъ человѣка и избавляетъ отъ смерти. Ну, какъ военному человѣку не купить этого заговору? Дѣло это: ни кой кладъ; иди смѣло, полѣзай на штыкъ, подставляй лобъ: вокругъ тебя перебьютъ всѣхъ, а ты, выйдешь, живъ и здоровъ,—давай ухаживать за знахаремъ нашимъ, да упрашивать его; а тотъ давай ломаться, да бодриться—нельзя, да какъ можно, да нынѣ часъ не такой, да у тебя глаза сѣрые,—ну извѣстно, норовитъ только, чтобы побольше съ него содрать. Передавалъ солдатъ нашъ знахарю этому понемногу всѣ деньжонки свои, да и научился за это отъ него заговору ратнаго человѣка, идущаго на войну. Какой же это заговоръ? Да вотъ онъ, возьмите его, я отдамъ вамъ его даромъ.

«Встану я рано утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, кремлевской. Ты стѣна кремлевская, бей враговъ-супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, ярыхъ турчанновъ, шведовъ мокрыхъ, французовъ теплыхъ: а я былъ бы изъ-за тебя цѣлъ, невредимъ; лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росѣ, во станѣ ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри княжей породы изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте супостатовъ, полоните всѣ заморскія земли: а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ, невредимъ. Иду я во кровавую рать, бью враговъ и супостатовъ: а былъ бы я цѣлъ, невредимъ. Вы, раны тяжелыя, не болите, вы, удары бойцовъ, меня не губите, вы, пищали, меня не десятерите: а былъ бы я цѣлъ, невредимъ.

Заговариваю я раба Ивана Стропилова, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ словомъ-заговоромъ на всю его жизнь, по сей день, по сей часъ, по сю битву. Слово мое крѣпко.»

Крѣпко оно да не совсѣмъ. Языкъ безъ костей, мели что хочешь, да много ли въ томъ пути? Знахарь въ накладѣ не остался, потому что обобралъ солдата нашего кругомъ; да, ему служивому, мало въ немъ пути было: въ первомъ сраженіи, подъ Эски-Арнаутларомъ, зацѣпила и его роковая пулька съ хвостикомъ, да раскроилъ ему голову турецкій наѣздникъ. Ивайъ Стропиловъ нашъ какъ выходился да оправился, такъ плюнулъ и на заговоръ и на знахаря, и самъ себя дуракомъ назвалъ, да перекрестился и поцѣловалъ мѣдный свой шейный крестъ, да возложилъ надежду и вѣру свою на Спасителя, который Самъ божественнымъ примѣромъ Своимъ показалъ, что смерти бояться не должно, что жизнь наша чистилище, а смерть искупленіе.

Есть такіе же заговоры отъ разныхъ недуговъ: отъ лихорадки, отъ любви и на любовь, отъ укушенія змѣй и собаки, отъ порѣзу—да что въ нихъ толку? Тотъ же знахарь читалъ заговоръ отъ порѣзу:

«На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь; на томъ камнѣ Алатырѣ сидитъ красная дѣвица, швея-мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожитую, зашиваетъ раны кровавыя. Завариваю я раба—такого-то—отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.»

Вотъ вамъ, ребята, заговоръ отъ порѣзу; его нашептывалъ старикъ нашъ, знахарь, когда брался остановить кровь; а какъ изъ всякой раны, коли перерублены большія кровяныя жилы, кровь течетъ, поколѣ не запечется да и перестанетъ, такъ знахарь нашъ и похвалялся, что кровь остановилъ, заговорилъ, а мужики, поглядѣвши на порѣзъ, ахали, да за нимъ тоже: такъ и есть, остановилъ, заговорилъ, не течетъ! А какъ ину пору попадался ему такой порубъ, что хлещетъ кровь словно изъ пожарной трубы, такъ онъ себѣ на умѣ: это, говоритъ не спроста; это порублено топоромъ наговорнымъ; надо было сперва отчитать топоръ, а теперь—не знаю какъ справимся!

Да и сами вы ребята, разсудите: что такое *слово*, и что это слово можетъ сдѣлать? Можетъ слово повелѣвать и приказывать человѣку, а ни солнцу, ни землѣ, ни дереву, ни камню; какъ слово можетъ помыкать силами Создателя, которыя день за день идутъ своимъ путемъ, своимъ чередомъ, споконъ-вѣку, какъ ихъ можно перенначить и пересилить? Лѣкарствомъ, снадобьемъ, зельемъ, ину пору, гдѣ умѣнья нашего станетъ, справиться можно и можно потому, что Создатель, сотворившій міръ, вложилъ въ каждую вещь и въ каждую былинку сокрытую потайную силу, съ

которою надобно спознаться человѣку, чтобы умѣть управиться; вотъ для чего и учатъ лѣкарей, какое зелье и снадобье отъ какой немочи давать, либо прикладывать; а слово,—слово наше пустой безсильный звукъ; говори на вѣтеръ да на воду, сколько хочешь, тѣшь себя, да обманывай другихъ, коли тебѣ вѣрятъ, да Бога не боишься;—денегъ нажить ину пору этакъ можно, все равно, какъ можно ихъ и украсть; а грѣха съ души не сбыть и отвѣтъ держать за это когда-нибудь придется.

Ворожейка

Бываетъ ину пору со знахарями, да съ ворожеями смѣху много: попадаются они и сами. Купалася разъ какъ-то на рѣкѣ дѣвчонка, забрела въ глубь, сбило ее теченіемъ да и утопило. Ребята увидали, подскочили, кинулись которые вплавь, которые на лодкѣ, искать утопленницы. Народу на берегу столпилось много. Тутъ вдругъ, отколѣ ни взялась, нѣкая-то старуха; лѣзетъ, продирается сквозь народъ, кричитъ: пустите меня, меня пустите, я найду. Народъ разступился, радъ глазѣть на диво дивное, чудо чудное—старуха пустила на воду черепокъ съ жаромъ, съ горячими углями; онъ, говоритъ, станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ утопленница, только мнѣ за нимъ надо слѣдомъ идти, да нашептывать. И пошла. Черепокъ понесло на водѣ, старуха наша за нимъ, да какъ оборвется со всѣхъ ногъ въ омутъ, какъ зачаститъ ногами и руками, да ну кричать, что голосу есть! Народъ забылъ горе, что потонулъ человѣкъ, да хохотъ такой поднялъ, будто подъ святочными балаганами, да подъ качелями. Ребята наши ворожейку насилу за подолъ выхватили, да уже и не металась она съ черепкомъ своимъ въ воду: перекрестившись да оглядаючись, домой; тамъ и присѣла, угомонилась.

Знахарь

Офицеръ генеральнаго штаба пріѣхалъ на съёмку въ какую-то деревню. Онъ сымалъ да клалъ на бумагу, да чертилъ; а мужики, бывало, какъ увидятъ, что возится офицеръ нашъ съ мишенями, со съёмочнымъ столикомъ, съ трубками да съ разными снарядами, то и стали перешептываться, да намекать, что офицеръ этотъ, надо быть, знается съ нечистой силой, разгадываетъ, что было и что будетъ, накликаетъ и угоняетъ грозу, и прочее. Офицеръ этотъ былъ молодой весельчакъ, смѣялся тайкомъ этому, да еще показывалъ мужикамъ, иную пору, въ воскресный день разныя шутки; а тѣ дивовались невидальщинамъ, да крестились. Разъ какъ-то у хозяина, гдѣ стоялъ офицеръ на квартирѣ, украли рублей съ пятьдесятъ денегъ. Мужикъ объ стѣну бьется. «Пропалъ я, говоритъ, совсѣмъ; тутъ моихъ было только рублевъ съ десятокъ, а тѣ чужіе; пропалъ я теперь, послѣднюю корову вести со двора, да продавать; уплатить нечѣмъ.» Деньщикъ офицера этого, парень проворный, сталъ и клясться и божиться, что деньги укралъ никто больше, какъ знахарь Миронъ; больше, говоритъ, некому; онъ одинъ только и приходилъ въ избу, да и люди говорятъ, что Миронъ дѣло свое знаетъ чудно, всю подноготную по наговорной водѣ узнаетъ; всякую болѣзнь, коли захочетъ, отчитаетъ, а на руку больно не чистъ, да и воруетъ смѣло, потому что нѣтъ на него улики, самъ досужествомъ своимъ концы хоронитъ и уличить его нельзя. Мужикъ ходитъ день за день къ офицеру, проситъ, плачетъ: «помоги батюшка отыскать вора, не то пропаду.» Офицеръ поднялся на хитрости; собралъ онъ у себя человѣкъ съ десятокъ мужиковъ, да и знахаря Мирона позвалъ, и говоритъ: «Ребята! у моего хозяина, знаете вы, укралъ кто-то деньги; я три дня

молчалъ, думалъ, что найдутся, а теперь надо распутать концы и виноватаго вывесть наружу. На всѣхъ на васъ есть поклепъ; на тебя, Семенъ; на тебя Пахомовъ; на тебя, на тебя и на колесника вашего, Игнатія да и на старика Мирона. Чѣмъ грѣшить да терпѣть напраслину, такъ выведемъ виновнаго наружу, а правыхъ оправдаемъ. Вы знаете, ребята, что я, коли захочу, читаю въ сердцѣ человѣческомъ, что по книгѣ печатной; праваго не обвиню, виноватаго не обойду». Мужики говорятъ: «что хочешь дѣлай, батюшка, только избавь отъ напраслины, да отъ поклёпу». Миронъ было пожался маленько, да дѣваться ему некуда, отказаться нельзя отъ ворожбы, а то повиноватятъ; да и стыдно ему бояться своего ремесла, самъ онъ слылъ, какъ сказалъ я, въ дѣлѣ этомъ докою. Офицеръ выдвинулъ столъ посреди избы, покрылъ его простынею, которою напередъ заставилъ утереть лице трехъ русыхъ дѣвокъ; тамъ посадилъ на столъ черную кошку, да накрылъ ее миской, а на миску поставилъ небольшую табакерку, со стрѣлкою: «кто, говоритъ, воръ, на того стрѣлка моя укажетъ прямо.» А стрѣлка эта была компасная, магнитная, которая всегда указываетъ на сѣверъ, хоть верти, да гоняй ее кругомъ сколько, хочешь; а знахаря Мирона офицеръ и поставилъ прямо супротивъ сѣвера: ты, говоритъ стой здѣсь, а ты здѣсь: а ты здѣсь, и разставилъ всѣхъ вокругъ стола. Мужики стоятъ, вздыхаютъ тяжело, да крестятся, что то будетъ. Офицеръ разогналъ стрѣлку, толкнулъ ее пальцемъ: она моталась, моталась, да прямо на Мирона-знахаря и уставилась. Мужики ахнули; Миронъ отступилъ назадъ; а какъ офицеръ ухватилъ его за глотку да закричалъ: «вотъ воръ, вяжите его, да отправляйте въ волостное правленіе», такъ знахарь нашъ въ ноги, покаялся да повинился, и пошелъ да принесъ деньги. Вотъ тебѣ и знахарь!

Волхвъ

Въ старинные годы, когда еще Богъ не даровалъ землѣ русской единодержавнаго царя и государя, княжилъ въ Новгородѣ князь Глѣбъ. Тогда проявился въ Новгородѣ какой-то смѣлый обманщикъ, который пугалъ и стращалъ народъ, называлъ себя волхвомъ, и сказывалъ о себѣ, что онъ знаетъ не только прошлое, но и будущее. Онъ даже осмѣлился идти противъ вѣры православной и соблазнялъ много народу. Новгородцы собрались на Софійской площади, вѣровали въ чудеса волхва, который обѣщалъ пройти пѣшкомъ чрезъ рѣку Волхвъ. Буйная толпа хотѣла убить епископа, который сталъ уличать обманщика, да усовѣщивать народъ. Святитель вышелъ на площадь въ полномъ облаченіи, со святымъ крестомъ—волхвъ богохульствовалъ, кричалъ, шумѣлъ, обѣщалъ народу чудеса. Князь Глѣбъ съ дружиною своею приложился ко кресту, а народъ стоялъ за волхва, не хотѣлъ прикладываться. Тогда князь Глѣбъ подошелъ прямо къ волхву, и сказалъ громко: коли ты всевѣдущъ, такъ скажи мнѣ, что съ тобою сегодня будетъ?—«Я сотворю великія чудеса!»—закричалъ волхвъ. Лжешь обманщикъ, сказалъ князь, и разсѣкъ ему голову изъ своихъ рукъ тяжелымъ чеканомъ, топоромъ, который служилъ въ то время ратнымъ оружіемъ. Обманщикъ свалился и издохъ на мѣстѣ. Народъ, глядя на это, увидѣлъ всю правду: крестился, покаялся и разошелся.

Здравствуй товарищъ!

Солдатушки наши взяли на руку — а взяли на руку—такъ взяли и городъ. Городъ или крѣпость эта прозывалась Кале, Кала, по-турецки, просто крѣпость Охотники и застрѣльщики наши рыскали еще по ули

цамъ, да выбивали еще кой-гдѣ по дворамъ, да по закоулкамъ засаду: руки въ крови, въ порохѣ, рожа въ пыли, закоптѣлая дымомъ; у кого были еще въ запасѣ патроны, сажалъ ихъ, словно ожерелье, за галстухъ, чтобы сподручнѣе было доставать да заряжать; у кого вышли, совалъ въ дуло горстями малокалиберные турецкіе патроны и пульки съ хвостиками. Кругомъ по улицамъ крикъ, ревъ, пальба, дымъ, шумъ. Одинъ егерь выскочилъ изъ-за угла да приложился было по синимъ шароварамъ и красной фескѣ—занятналъ ли, нѣтъ ли, его, глядь—въ ногахъ подлѣ, лежитъ навзничъ растянувшись однокашникъ, мировой и боевой товарищъ. Сердечный ты мой, сказалъ егерь, и ты тутъ! уклали и тебя на вѣчный покой, уходили, угомонили ретивое твое! Лѣтъ пятнадцать, горемычный ты мой, ходили мы съ тобой локоть съ локтемъ! и свора гончихъ свыкается, а намъ бы съ тобой не свыкнуться, не сжиться!

И за словомъ, собралъ ружье, амуницію, и все казенное добро убитаго, положилъ его рядомъ съ нимъ, къ сторонѣ, чтобы уцѣлѣло въ исправности, сложилъ покойнику руки ня-крестъ, какъ слѣдуетъ лежать православному покойнику, перекрестилъ и покрылъ его турецкимъ одѣяломъ, которое тутъ же гдѣ-то подобралъ. А самъ, сотворивъ крестъ, пошелъ въ притруску, придерживая рукою суму, обгонять товарищей вдоль улицы, начитывая про себя: прими Господь и утѣшь душу его.

Загадки

1. Кто видалъ сыщика? Клюкою махнетъ—всѣхъ найдетъ.
2. Есть земляночка: скорому не расходиться, горячему не развернуться, богатому не расщедриться, скупому не притаиться.
3. Гдѣ зимой холодно бываетъ, а лѣтомъ тепло?

4. Спросилъ прохожій барыню: какъ вамъ, сударыня, доводится съ родни вонъ этотъ молодецъ? А барыня отвѣчала: его мать была моей матери однимъ-одна родная дочь.
5. Сынъ отца моего, а мнѣ не братъ: кто это?

Кому жить веселѣе: пьяному, аль трезвому?

Поглядите-ка, ребята, на горемыку безталаннаго, на Сидорку Долгопятаго, котораго сами однокашники прозвали *мокрымъ*, поглядите на этого Сидорку мокраго, какое ему житье? Люди въ церковь, онъ въ кабакъ; люди за дѣло, онъ за стаканъ да за стклянницу; что день у Господа, то у Сидора праздникъ и веселье; что вырвется изъ казармы, то ужь фельдфебель и наряжаетъ двоихъ въ обходъ за нимъ, по кабакамъ, и домой ведутъ его подъ-руки, либо на рукахъ несутъ. Видно, знатный онъ баринъ, что за нимъ такъ ухаживаютъ: со двора идетъ онъ пѣшкомъ, а домой не случалось ему приходить на своихъ ногахъ; либо несутъ, говорю, либо волокутъ. И рѣдко прогуливается онъ одинъ: коли куда отпустятъ его изъ казармъ, то вѣстовой за нимъ ходитъ, словно за ротнымъ командиромъ. Оборванъ Сидока нашъ съ воротника до самыхъ закаблучьевъ: обуться ему не во что: какъ только дачу, товаръ возьметъ, то подъ мышку его да и пробирается подъ заборомъ, туда, гдѣ доска надъ дверьми повѣшена; и холстъ рубашечный — и порточный — всему одна дорога! Нѣтъ поживы отъ Сидорки мокраго ни сапожнику, ни портному, ни солдатскимъ женамъ, что рубахи шьютъ, и самъ онъ иглы въ рукахъ не держалъ, а все только держится за стекло!

За то чего ему не достанется? рѣдкую недѣлю живетъ онъ не битый, рѣдкій день не ходитъ подъ ка-

рауломъ. Въ кабакѣ ему бока отомнутъ, тутъ прищлютъ за нимъ изъ казармъ двоихъ, у эти таки подзатыльниковъ ему надаютъ, и имъ онъ надоѣлъ давно; капральный приметъ его, да поучитъ; тамъ опять-таки фельдфебель до него доберется, а на другой день, какъ проспится, ротный командиръ зоветъ на раздѣлку,—житье нашему Сидору, да и только!

А товарищи? Да и товарищи его честятъ да жалуютъ по заслугамъ; въ казармѣ нѣтъ ему прохода, нѣтъ мѣста; къ кому не подойди, либо гонитъ, либо трунитъ надъ нимъ да подымаетъ на-смѣхъ: «отойди, мокрый; люди сказываютъ, на которой койкѣ ты посидишь, та оньянѣетъ; трои сутки на ногахъ не стоитъ, качается! Поди, мокрый, просушись у печки, да къ огню не больно близко подходи, загоришься, чай, словно шкальчикъ! Что не женишься, Сидорка, носилъ бы, да носилъ женины рубахи, все лучше, чѣмъ ходить нагишомъ!

Что жъ вы думаете, люди добрые, какой ему будетъ конецъ, мокрому Сидоркѣ? А вотъ какой: не стало у него своего добра, все перетаскалъ подъ орликъ, принялся онъ за чужое. Попался онъ разъ, какъ укралъ сапоги у товарища; попался въ другой, какъ унесъ гривенникъ; попался и въ третій разъ, какъ пропилъ казенную амуницію—отдали его подъ судъ, прогулялся онъ по зеленой улицѣ: служба его пропала, отставки ему нѣтъ. Сталъ съ горя пить пуще прежняго и зналъ только двѣ квартиры: либо подъ карауломъ сидѣть, либо въ кабакѣ; а объ Рождествѣ, обрадовавшись празднику, свалился подъ заборомъ да уже и не всталъ: изъ-подъ забора попалъ онъ прямо въ мертвый покой, въ госпиталь; тамъ его и потрошили, и нашли въ немъ одну водку, словно въ бочкѣ винной, — и схоронили втихомолку. Не пошли товарищи провожать его, не хлопоталъ по немъ никто и креста

православнаго поставить на могилѣ некому! И покойнику не было добраго помину: какъ вспомянетъ кто Сидорку мокраго, то и говоритъ: собакѣ собачья смерть; не хотѣлъ жить по-людски, такъ не по-людски и умеръ!

Укажите жь мнѣ, ребята, хоть одного пьяницу, да чтобы былъ онъ путный солдатъ, и жить и служить было ему хорошо! Знаю я, что есть храбрые, исправные солдаты, которые до поры до времени капли въ ротъ не берутъ, служатъ лихо, а какъ чортъ попутаетъ, такъ пошелъ кутить на цѣлую недѣлю, на двѣ, поколѣ опять не опамятуется снова, да не очнется; тамъ опять зарокъ положитъ и не пьетъ, и молодецъ хоть куда, поколѣ снова дурь не одолѣетъ; да вѣдь этакой молодецъ былъ бы и вдвое хорошъ и за троихъ пригожъ, кабы его разъ, либо два въ году чарка не била, кабы онъ запою не зналъ, а былъ бы одинъ и тотъ же круглый годъ. Ну можно ли начальнику повѣрить да положиться на солдата, который хорошъ и исправенъ, поколѣ не соблазнится: а какъ вдругъ, ни съ того ни съ другого, ухватился за чарку, такъ хоть на цѣпь сажай; можно ли его куда отпустить, можно ли ему поручить дѣло, можно ли производить его въ чины? Нельзя; того и гляди опозоритъ и того, кто повѣритъ ему; а надо держать его въ черномъ тѣлѣ, на ряду съ самымъ негоднымъ и ледащимъ.

Зналъ я такого солдата и звали его Набоковымъ. Онъ былъ отданъ изъ господскихъ людей, помѣщика Кожина, за то, что перебилъ, пьяный, всѣ окна у двухъ сосѣдей, да стащилъ на улицѣ откупщика съ дрожекъ. Набоковъ служилъ у барина своего кучеромъ; жить ему было, какъ самъ онъ нынѣ говоритъ, хорошо; баринъ добрый, и семь лѣтъ службы своей, Набоковъ не видалъ отъ него худого слова, не только побоевъ, да и не за что, правду сказать, было. Набоковъ охотникъ былъ до коней, ходилъ за ними чисто,

сбрую и упряжь держалъ въ порядкѣ, ѣздилъ лихо, да еще и самоучкой сталъ коноваломъ и шорникомъ, такимъ, какихъ и ученыхъ найдешь не много. Отдалъ баринъ за него хорошую дѣвку, какую самъ Набоковъ пожелалъ, и были уже у него ребятишки. Чего бы, кажись, болѣ? Да и самъ онъ, Набоковъ, и тогда сказывалъ и нынѣ тоже говоритъ, что лучшаго житья не надо: работа посильная и непостылая, потому что самъ онъ охочъ былъ до лошадей; хозяйка добрая и хорошая, одежда щегольская, сытъ бывалъ завсегда и деньжонками баринъ дарилъ его бывало, и къ Святой и къ Рождеству; да еще и объ именинахъ своихъ, въ зимняго Николу. Ну, пріѣхалъ баринъ какъ-то разъ въ Москву. Набоковъ тамъ столкнулся съ другими кучерами—они и давай его подчивать. «Не пью я этого добра»,—сказалъ Набоковъ—«и родясь его въ ротъ не бралъ». «Такъ отвѣдай!» стали уговаривать его кучера; «не честно, братъ, тебѣ отнѣкиваться, коли добрые люди подносятъ; выпей-ка хоть одну, а тамъ неволить не станемъ, какъ знаешь.» Выпилъ онъ—крякнулъ и утерся полою; тамъ пристали къ нему и съ другою, тамъ поднесли третью—и напоили нашего Набокова. Пришелъ онъ домой, пожурилъ его баринъ крѣпко, и всякую правду ему говорилъ. Набоковъ зарекся: «не стану пить впередъ ни за что!» А и самъ онъ видѣлъ, что дѣло оно поганое, да опять сошелся съ пріятелями, и опять таки напился. Съ той поры бѣдный Набоковъ пропалъ; не пьетъ мѣсяцъ, другой, третій, и въ ротъ ничего не беретъ; а какъ пойдетъ гулять, то и пропадаетъ двѣ, три недѣли; а какъ запилъ, то и святыхъ вонъ выноси: нѣтъ ему ни святаго, ни честнаго; въ драку лѣзетъ со всякимъ, кого ни встрѣтитъ, и буянитъ не хуже самого Ваньки Канина. Какъ проспится, самъ плачется на себя, не помнитъ, что и дѣлалъ,—да пособить горю нечѣмъ. Ба-

рить не билъ его, не наказывалъ, а только усовѣщивалъ стыдомъ да уговаривалъ. Бывало, журитъ, журитъ его, да спроситъ: «какъ ты Бога, да честныхъ людей не боишься, Набоковъ!» А тотъ въ отвѣтъ: «Охъ сударь, одну выпьешь—боишься; другую выпьешь—боишься, а какъ третью выпьешь—и не боишься!» Наконецъ, видитъ баринъ, что проку нѣтъ, и не будетъ. Набоковъ какъ запьетъ запоемъ, то буянитъ ни въ ладъ, ни въ мѣру. Баринъ самъ заплакалъ наконецъ, и барыня тоже крѣпко жалѣла, да рѣшились, дѣлать нечего, отдать Набокова въ солдаты. Тутъ онъ, покинувъ и господъ хорошихъ, и жену, и дѣтей, и привольное житье, сперва-было опамятовался, года съ три подержался; а какъ онъ служилъ въ гусарахъ, былъ молодецъ собою и грамотенъ, ѣздилъ на конѣ славно, умѣлъ обойтись со всякою лошадью и выѣздить хоть самую неровную, то его было скоро произвели и въ унтера. Да на долго ли? Лихая бѣда одолѣла снова: разъ, либо два въ годъ Набоковъ пойдетъ пить запоемъ. Начальство терпѣло разъ, и другой, а тамъ и разжаловали Набокова опять въ рядовые и поставили его на одну доску съ ледащими пьяницами, съ послѣднимъ человѣкомъ въ полку. Пропало доброе имя и слава и служба его, пропало и молодечество, пропало все! Сгинулъ и самъ онъ ни за грошъ и не было по немъ честного помину!

Купи вина, коли хочешь купить горе на свои деньги.

* * *

Хмѣль—дурь продажная; кому надо купитъ.

* * *

У трезваго своя голова, у пьянаго чужая; а отвѣчаетъ одна.

* * *

Безъ вина одно горе, а съ виномъ старое одно, да новыхъ два: и пьянъ и битъ.

* * *

Одну чарку пей, за другою руки не протягивай, отъ третьей отворачивайся, а отъ четвертой бѣги, не оглядывайся.

Смѣтливость

Въ 1834 году Оренбургскаго войска за урядъ сотникъ Богдановъ поѣхалъ съ однимъ казачьимъ малолѣткомъ, верхами, за своимъ дѣломъ куда-то по сосѣдству, увидѣлъ издалека четырехъ человѣкъ, притаившихся въ оврагѣ. Присматриваясь опозналъ онъ ихъ киргизами, которые пробрались на нашу сторону, чтобы кого-нибудь тихомолкомъ плѣнить, либо ограбить, либо угнать гдѣ-нибудь косячокъ лошадей. Богдановъ, будучи самъ-другъ съ однимъ только малолѣткомъ, не надѣялся совладать силою съ четырьмя человѣками, и поэтому поднялся на хитрости. Высмотрѣвъ осторожно мѣсто, подъѣхалъ онъ къ овражку, гдѣ притаились киргизы, заѣхавъ кругомъ съ другой стороны и кинувшись вдругъ, успѣлъ отогнать у нихъ всѣхъ четырехъ лошадей, которыя паслись неподалеку отъ оврага. Сдавъ на руки малолѣтку лошадей, Богдановъ кинулся съ ружьемъ на киргизовъ, которые, потерявъ лошадей своихъ, не могли уже бѣжать и сдались всѣ четверо, кинувъ копья и чеканы свои на землю. Богдановъ пригналъ ихъ въ крѣпость.

Голъ да исправенъ

Въ 1822 году въ Киргизскую степь посланъ былъ изъ города Оренбурга конный съёмочный отрядъ, который сталъ на дневку у берега неширокаго, длиннаго озера, а лошади пущены были, подъ конвоемъ, на подножный кормъ по другую сторону озера, гдѣ трава была получше. День былъ жаркій; весь отрядъ отдыхалъ. Человѣкъ пять киргизовъ подкрались овражкомъ, гикнули на табунъ: лошади шарахнулись, поскакали, а въ то же время большая конная толпа киргизовъ, выскочивъ изъ-за оврага, ударила на конвойныхъ,

Въ это время Оренбургскаго войска казакъ Щелкуновъ купался въ озерѣ, по ту сторону, гдѣ стоялъ отрядъ. Нагой, какъ былъ, схватилъ онъ копье, переплылъ озеро, кинулся на первую лошадь, которая ему тутъ попалась, и понесся вслѣдъ за табуномъ. Киргизы такъ опѣшали, увидавъ голаго, какъ мать родила, вершника, который метался очертя голову, да управлялся копьемъ своимъ во всѣ четыре стороны, что разинули рты и спрашивали одинъ у другого: не самъ ли это шайтанъ? А Щелкуновъ между тѣмъ успѣлъ заскакать впередъ и заворотить весь табунъ. Киргизы опомнились, когда уже весь отрядъ поднялся за ними въ погоню и бѣжали безъ оглядки. Это называется: голъ да исправенъ.

Молодецъ

Застрѣльщики наши выживали непріятеля изъ лѣсу. Егерь взялъ въ плѣнъ одного непріятеля, сдалъ офицеру; пошелъ опять въ дѣло; взялъ другого, — опять сдалъ; захватилъ какого-то и третьяго, да и этого привелъ, а самъ пошелъ было опять на свое мѣсто. «Постой», сказалъ ему офицеръ, «что ты самъ не ведешь плѣнниковъ своихъ въ штабъ? иди хоть съ ними да запишись; ты знаешь, что у насъ приказано выдавать за каждаго по червонцу; послѣ не разберутъ либо позабудутъ тебя, а мнѣ жаль тебя,—ты молодецъ».

«Да молодцы уйдутъ, такъ съ кѣмъ же вы, ваше благородіе, останетесь?» отвѣчалъ солдатъ и пошелъ опять на свое мѣсто.

Пѣсня

«А какую солдаты ваши пѣсню пѣли?»—спросилъ князь Варшавскій у генерала Полуектова, — «какую пѣсню пѣли, какъ шли на-приступъ, подъ Варшавой?»

«Они пѣли»—отвѣчалъ генералъ—«старую пѣсню: ой на что было огородъ городить».

Полежать можно

Лѣкарь перевязывалъ раненыхъ, да увидалъ своего полка солдата съ прострѣленною ногою. «Полежи, братъ, маленько», сказалъ ему лѣкарь, «обожди, я вотъ сейчасъ тутъ управлюсь и тебя перевяжу.»—«Да, мнѣ можно и полежать, ваше благородіе», отвѣчалъ солдатъ, «я уже и самъ напередъ троихъ уклалъ.»

Ложь и правда

Знаю я, знаете и вы не хуже меня, что ложь никуда не годится; а правда дороже и чище золота; однако потолковать объ этомъ все-таки можно. Есть и такіе, что говорятъ: живутъ же люди неправдой, а намъ не лопнуть стать!

Не одинакова ложь, не одинакова и правда. Напримѣръ; стояли мы нынѣ въ караулѣ, да Мосейка рыжій, 3-го капральства, изъ евреевъ, стоя на часахъ подлѣ печи въ арестантской, приклонилъ было буйну голову, да вздремнулъ. Унтеръ заглянулъ въ арестантскую, видитъ, Мосейка что-то больно носъ повѣсилъ: «Мосейка! никакъ дремлешь ты?» а Мосейка въ отвѣтъ, оправившись, да кашлянувъ; «никакъ нѣтъ, не дремлю!»

Утромъ, передъ смѣной, барабанщикъ нашъ Титовъ стоялъ на махалѣ. Ѣдетъ дежурный по карауламъ. Онъ какъ-то не доглядѣлъ, прозѣвалъ караулъ, не успѣлъ выскочить во время; стали добираться до виноватаго: Часовой говоритъ: «не я прозѣвалъ—махальный;» а махальный Титовъ, чѣмъ бы ему молвить русское слово: виноватъ, самъ хочетъ правымъ остаться, да повиноватить другого, божится, клянется; «махалъ,»

говоритъ, «и кричалъ ему, да онъ не видалъ, не слыхалъ.» Эта ложь хуже первой: Моссйка совралъ въ свою голову, а Титовъ уже не жалѣетъ и другого, быть бы только правымъ ему. Моссйка виноватъ, что сказалъ: не дремлю,—а самъ дремалъ, а Титовъ виноватъ вдесятеро, что зарекся и сложилъ съ себя вину на другого.

Есть врали и такіе, что врутъ безъ пути, безъ толку, безъ нужды. У насъ былъ мастеровой слесарь, и по шерсти собакѣ кличку дали: бывало, никто не назоветъ его Андреемъ, а всѣ зовутъ: Андрюха-повируха. Коли скажетъ, что былъ сегодня тамъ-то, видѣлъ то-то, ужъ и знай, что не былъ и не видалъ. Бывало, что день, то у него на языкѣ обнова: то ночью къ нему домовой приходилъ, сказки сказывалъ ему, либо водяной въ болото манилъ, нето лѣшій обошелъ его да съ пути сманилъ; либо во снѣ видѣлъ, гдѣ кладъ лежитъ. А самъ о себѣ сказываетъ Андрюха-повируха, что онъ роду не простого, княжескаго, да въ подушный окладъ попалъ невзначай, а въ солдаты пошелъ охотою, за барина своего, которому, слышь, доставалось было по очереди; а мать у него, у Андрюшки, была воеводская, боярская дочь, и скоро пріѣдетъ за нимъ, возьметъ его изъ полка; а самъ онъ, Андрюшка, всякое художество знаетъ: и золото умѣетъ дѣлать изъ сѣры, мѣлу и олова, а серебро изо ртути; словомъ, нельзя того ни выдумать, ни пересказать, чего бы не вралъ нашъ Андрюха. А коли народъ, вокругъ его стоя, захохочетъ, а иной еще скажетъ ему и дурака,—плюнетъ да отойдетъ, такъ Андрюха бранится, божится, клянется и крестится. Ну сами скажите, ребята, чего такой молодецъ стоитъ и куда онъ годится? Въ три года службы доврался до того, что ни малый, ни великій, никто, отъ полковника и до послѣдняго фурлейта, не стали ему вѣрить, хоть и случится невзначай правду молвить. Кто хотѣлъ, тотъ его и оби-

жалъ; не было на него и суда; придетъ, бывало просить на того ли, на другого, а его прямо въ-зашей и гонятъ: «врешь, повируха, пошелъ!»

А благочестивый, правдивый солдатъ, который родясь неправды не вымолвилъ, достоинъ чести и уваженія товарищей, командировъ и всѣхъ добрыхъ людей. Слушайте, что̀ разскажу я вамъ для примѣра.

Стояли мы съ полкомъ въ Молдавіи, и былъ въ полку нашемъ, какъ и всюду, всякій народъ: были трезвые, славные солдаты, были ребята средней руки, были и ледащіе, были старые солдаты, были и молодые. Однажды мужики приводятъ связаннаго солдата, съ поличнымъ, говорятъ, что укралъ было съ господскаго двора, ночью, ларецъ съ деньгами; вора поймали на улицѣ, на побѣгѣ, и ящикъ нашли тутъ же подлѣ него, когда онъ кинулъ его, чтобы уйти. Что тутъ дѣлать и какъ быть? Улика на глаза, вора поймали; человѣкъ съ пять дворовыхъ кинулись за нимъ, видѣли, какъ онъ бѣжалъ, и хоть было и темно, слышали, какъ кинулъ онъ ларецъ, и нашли его тутъ же. Солдатъ этотъ былъ, почитай, рекрутъ, всего только два года на службѣ; парень, кажись, тихой, смирной, а попался вотъ въ какомъ дѣлѣ! Сдѣлали слѣдствіе, обвинили, отдали подъ судъ и совсѣмъ-было приговорили его прогнать сквозь строй. Сиротинъ, а его звали Сиротинымъ, стоитъ, сердечный, на первомъ своемъ показаніи: не я да не я; да улика на лицо, и оправдаться нечѣмъ. Сиротинъ говоритъ: «Не я воръ, видитъ Богъ, не я; съ вечера, когда, какъ сказываете, украли ларецъ, пошелъ я рыбачить, и просился у капральнаго; какъ только смерклось совсѣмъ, пошелъ я на свою квартиру, да путемъ, подъ горой, нашелъ ларецъ разбитый, порожній; я поднялъ его и понесъ, хотѣлъ объявить начальству, что нашелъ; иду, за мною какой-то человѣкъ: вдругъ закричалъ онъ: караулъ! держите, дер-

жите!—кинулся на меня; я обробѣлъ, испугался такъ, что вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, кинулъ ларецъ и побѣжалъ.» Такъ сказывалъ дѣло Сиротинъ; да не то говорили судьи: «пойманъ съ поличнымъ, такъ и виноватъ.» Тѣмъ часомъ солдатъ того же нашего полка, да только другого баталіона, Ѳедоръ Сердешниковъ, услышалъ про бѣду Сиротина, что ребята промежъ собой поговариваютъ: жаль парня, кажись смирный и хорошій былъ человѣкъ, а вонъ въ какую пустился! Ѳедоръ Сердешниковъ и спросилъ у нихъ: «да который это у васъ Сиротинъ, не тотъ ли, что гребенки работаетъ?»—Тотъ самый!—«А ларецъ-этъ о которую пору унесли, за-свѣтло говорите?»—За-свѣтло.—«Коли такъ, молвилъ Сердешниковъ, такъ погоди, ребята, надо итти къ капитану, чтобы приказалъ мнѣ явиться въ военный судъ. Сиротинъ не виноватъ, самъ я видѣлъ его, какъ приходилъ въ штабъ-квартиру за приказаніями и дожидался поболѣ часу на горѣ, у канцеляріи; самъ видѣлъ я его, что сидѣлъ на пруду, да рыбачилъ, и не сходилъ онъ съ мѣста, поколѣ уже вовсе смерклось: тогда я пошелъ домой и не знаю, что больше было.»

Сердешниковъ явился въ военный судъ и доложилъ, что Сиротинъ до самыхъ сумерокъ рыбачилъ, не сходилъ съ мѣста. Ѳедоръ Сердешниковъ служилъ двадцать три года; въ 23 года человѣка узнать можно хорошо; его всѣ начальники, до самаго полковаго командира, знали какъ перваго и лучшаго солдата въ полку. Баталіонный командиръ, который о ту пору былъ презусомъ воснаго суда, и самъ полковникъ и всѣ офицеры поручились, что коли Ѳедоръ Сердешниковъ сказалъ: дѣло было такъ и такъ, то уже не спрашивай. не допрашивай больше, и знай, что какъ Сердешниковъ сказалъ, такъ оно и было. Военный судъ пріостановился приговоромъ, сталъ снова сличать да разбирать дѣло. И нашли, что коли Сиротинъ рыбачилъ до

самыхъ сумерокъ, а сумерки въ лѣтнюю пору бываютъ тамъ около девятаго въ исходѣ, то не могъ онъ украсть ларецъ въ седьмомъ часу: вспомнили также, что его поймали съ порожнимъ ящикомъ; а коли онъ бы и самъ его разбилъ, да вынулъ деньги, такъ покажись не зачѣмъ было бы послѣ носиться съ поломаннымъ ларцемъ. Вспомнили еще, что разжалованный въ нестроевые Курской воръ, который дуетъ мѣхами на полковой кузницѣ, ходилъ по вечеру на господскій дворъ за углями, что онъ послѣ того долго пропадалъ и, воротившись, сплелъ какую-то сказку; спохватились, что онъ нынѣ сталъ что-то не въ мѣру погуливать,—взялись за него, онъ и сознался, что унесъ на господскомъ дворѣ ларецъ; а бѣдный Сиротинъ цѣлыя сутки плакалъ отъ радости, когда призвали его и объявили ему, что онъ оправданъ и что вора нашли.

Вотъ чего стóитъ одно слово правдиваго солдата, который ни обмануть, ни солгать не умѣетъ, а говоритъ всегда и вездѣ одну только правду! Вотъ какое заслужилъ онъ довѣріе у начальства своего, что коли скажетъ одно слово, то на немъ хоть терема клади, знаютъ, что слово Ѳедора Сердешникава свято и крѣпко—и слово это спасло бѣднаго Сиротина отъ напраслины, за которую онъ бы плакался весь свой вѣкъ, и судьи отвѣчали бы Богу и Государю за свою ошибку.

Правда — кусъ заработанный, ложь — краденый.

* * *

Какова рѣзва ни будь ложь, а отъ правды не уйдетъ.

* * *

Враньемъ, говорятъ, пол-свѣта пройдешь, да назадъ не воротишься.

* * *

Всякій правду хвалитъ, да не не всякій знаетъ.

* * *

Держись за правду, будутъ за тебя держаться всѣ добрые люди.

Загадки солдатскія

1. Малышъ, коротышъ, а великъ буянъ; чихнетъ жаромъ, обдастъ варомъ, огнемъ плюнетъ — комомъ дунетъ.
2. Былъ телкомъ, сталъ клещомъ, впился въ спину, а безъ него спину.
3. Стоитъ на головкѣ, короче мутовки, хвостъ за спинкой, брюхо съ начинкой.
4. Три лица, а изнанки нѣтъ; горбомъ согнулся, а прямо стоитъ; щупъ не щупъ, а ему сродни.
5. Не видалъ ты посуды, безъ поливы, безъ полуды, бока круты; клепки не гнуты, стоитъ вверхъ-дномъ, а строчка кругомъ?
6. Кафтанъ черный, сапогъ мѣдный; голова литая; хлѣба не молотитъ, по ногамъ колотитъ.
7. Черезъ плечо, да не лента.
8. Четыре топтала, одно махало, да травяной мѣшокъ.
9. Крыльевъ нѣтъ, а летаетъ бойко.
10. Пѣтушокъ безъ лапъ, а сидитъ цѣпко; пѣтушокъ безъ зубовъ, да держитъ крѣпко; пѣтушокъ безъ глазъ, а клюетъ мѣтко.
11. Черенъ, да не трубочистъ; стучитъ, да не рѣчистъ; съ ушами, да не лошакъ; кочергой, да не кочерга; и попарно живетъ, а приплоду нѣтъ.
12. Ни домъ, ни изба, ни церковь, ни казарма, а живетъ въ ней шестьдесятъ человѣкъ.
13. И самъ колодезь, и по колодцамъ ходитъ, во всѣхъ земляхъ по студенцамъ бродила; водку пила, пьяна не бывала, мнѣ пить дала, тебя напоила.

14. Не кнутъ, да погоняетъ; не толкачъ, да толкаетъ; не растетъ, да дологъ; стучитъ, да не молотъ.
15. Въ пяткѣ дыра, грибкомъ голова, не плати оброку, да служи безъ сроку.

1. Ружейный кремень.
2. Ранецъ.
3. Патронъ.
4. Штыкъ.
5. Киверъ.
6. Тесакъ.
7. Перевязь.
8. Лошадь.
9. Пуля.
10. Курокъ.
11. Сапогъ.
12. Солдатская сума.
13. Манерка.
14. Шомполъ.
15. Солдатская пуговица.

Тимоѳей Улановъ

Неподалеку крѣпости Уртазымской, на оренбургской линіи, есть казачья станица Банный отрядъ. Тамъ въ 1822 году казакъ Тимоѳей Улановъ былъ взятъ въ плѣнъ киргизъ-кайсаками и отвезенъ въ степь, откуда киргизы продаютъ невольниковъ своихъ хивинцамъ, на вѣчную работу и неволю. Разбойниковъ всего было пять человѣкъ. Ночью стали они на пустомъ мѣстѣ, гдѣ не было поблизости живой души. Двое поѣхали куда-то въ сторону, а трое улеглись спать, связавъ своего плѣнника по рукамъ и по ногамъ. Улановъ ночью успѣлъ распутать руки, а тамъ и ноги, взялъ съ земли киргизское оружіе ай-балта, топоръ на длинномъ топорищѣ, и такъ хватилъ киргиза, который лежалъ къ нему ближе, по головѣ, что этотъ растянулся на мѣстѣ; двое остальные вскочили. Улановъ положилъ еще одного однимъ ударомъ, да топоръ какъ-то вырвался у него изъ рукъ. Кайсакъ кинулся на Уланова, и они стали бороться. Улановъ и тутъ

пересилилъ, смялъ подъ себя киргиза, закололъ его ножомъ, который висѣлъ у него же, у киргиза, на поясу, а самъ выѣхалъ на линію въ Таналыцкую крѣпость съ четырьмя конями: съ однимъ своимъ, да съ тремя киргизскими.

Письмо

Какой-то становой приставъ, донося о самоубійствѣ мѣщанина, писалъ:

«При освидѣтельствованіи оказалось: потолокъ, на второй половицѣ, прострѣленъ дырою, имѣя дѣйствіе свое при напряженіи на сѣверъ, ибо комната, при постройкѣ, расположена на востокъ. Зубы найдены частію близъ наличнаго окна; прочія-жъ челюсти, какъ-будто изъ головы вовсе изъяты»—и проч.

Другой, какой-то грамотѣй, началъ рапортъ свой такими словами: «Въ предметѣ томъ, въ видахъ для соблюденія казеннаго интереса и проч.»

Скажите же, какой тутъ толкъ въ такомъ письмѣ и для чего писать такую белиберду, которую никто ни поймет? Можно быть и малограмотнымъ, коли кому не случилось многому научиться; а принялся писать, такъ не мудри, не нарывайся писать такимъ языкомъ, какимъ никто не говоритъ и порядочные люди не пишутъ; не ищи приказныхъ оборотовъ, а напиши лучше просто, вотъ какъ бы ты сталъ говорить съ кѣмъ-нибудь; только старайся писать толкомъ, ясно, безъ путаницъ; чтобы самъ понималъ и другіе понимали. Пишешь начальнику — пиши какъ будто ты говоришь съ нимъ: вѣжливо, но безъ всякихъ вычуръ; пишешь товарищу, — думай, что онъ стоитъ передъ тобою, и ты ему разсказываешь; вотъ и все. Пусть не сокрушаетъ тебя книжное писанье, за сочинителями тебѣ не угоняться; никогда не заслужишь ты такой похвалы,

какъ за простое, ясное письмо или донесеніе, гдѣ не по догадкамъ, а по прямому смыслу словъ твоихъ видно, что́ и о чемъ говоришь. Возьмемъ еще, для примѣра, рапортъ одного знакомаго мнѣ унтеръ-офицера, который былъ въ карауле и доносилъ о побѣгѣ арестанта.

«Находясь я, по приказу начальства, состоялъ въ карауле при восточной заставѣ, на 21 число сего мѣсяца, которая гауптвахта и была занята мною со смѣной благополучно; но при наступленіи ночи, неизвѣстно отчего, по прошествіи перваго часа, заготовивъ подъ нарами подкопъ, оный, содержащійся на сей гауптвахтѣ, арестантъ Иванъ Непомнящій вылѣзъ съ намѣреніемъ побѣга; почему стоявшійся на притинѣ у окна часовой Фролъ Климовъ, вызвавъ немедленно караулъ, ударилъ его прикладомъ въ голову, не допустивъ до побѣга; о чемъ къ вашему благородію честь имѣю донести, что оный арестантъ пришелъ за фельдшерскимъ присмотромъ въ чувство и содержится подъ строгимъ карауломъ.»

Унтеръ-офицеръ нашъ, какъ видите, исправенъ: арестанта не упустили; а рапорты онъ писать не мастеръ. Отчего? Не отъ того, что малограмотенъ, а отъ того, что хитритъ, что думаетъ: рапортъ писать надо по-писарски. А напиши онъ просто, какъ доносилъ объ этомъ случаѣ дежурному по караулу капитану на словахъ, такъ вышло бы вотъ что:

«Въ 1-мъ часу прошедшей ночи, часовой у арестантскаго окна услышалъ стукъ подъ угломъ стѣны арестантской комнаты, а подбѣжавъ, увидѣлъ, что арестантъ Иванъ Непомнящій подкопалъ стѣну и вылѣзалъ изъ подкопа наружу. Часовой, Флоръ Климовъ, закричалъ: караулъ вонъ, и осадилъ арестанта прикладомъ въ голову. Караулъ выскочилъ, и велѣлъ вытащить арестанта, который лежалъ безъ памяти, и отдалъ

его, за особымъ карауломъ, фельдшеру на руки; затѣмъ осмотрѣлъ арестантскую: подкопъ былъ выведенъ изъ-подъ нары, и какъ видно, надъ нимъ трудились уже давно. Арестантъ вскорѣ опамятовался, теперь здоровъ и содержится подъ строгимъ карауломъ. Имѣю честь о происшествіи этомъ вашему благородію донести.»

Прочитайте жъ разъ, другой, оба рапорта, да скажите, который толковѣе написанъ? а коли умѣешь говорить толково, зачѣмъ же безтолково писать? И неужто такой рапортъ, какъ первый, легче написать?— но думаю. Вѣрьте, ребята, не легче, а второй рапортъ написать не труднѣе; все это, какъ я говорилъ уже напередъ, оттого такъ дѣлается, что, взявшись за перо, мы хотимъ похитрить да помудрить; да какъ мудрость большая намъ не далась, такъ изъ мудраго письма нашего и выходитъ одна безтолочь.

Жизнь и здоровье

Кому не дорога жизнь, кому не дорого здоровье? А кто бережетъ его такъ, какъ беречь его долженъ, чтобы оно пошло въ-прокъ и себѣ и другимъ, чтобы не быть нѣженкой, да и не наложить самому на себя руки, не извести себя однимъ неумѣньемъ, нерадѣньемъ или несмышленостію?

Тѣло наше любитъ опрятность, а въ нечистотѣ всегда хилѣетъ. Какъ душа любитъ чистоту и непорочность духовную, такъ плоть создана для опрятности и чистоты плотской. Запусти садовникъ садъ свой, не пригляди за нимъ, — и нечистота не только будетъ обидна для глаза вашего, а заглушитъ всякое доброе зелье и коренье, заглушитъ даже и дерево, и плодъ. Гдѣ есть мѣсто пріютиться на землѣ сорнымъ травамъ, на пняхъ и деревьяхъ моху, лишаямъ, грибамъ, губкамъ, на листьяхъ и цвѣтахъ мелкихъ козявкамъ, тамъ

они привьются, ровно изъ земли народятся—и заглушатъ и задушатъ все доброе; а червь подточитъ плоды; пыль, соръ, грязь и плѣсень, а за ними и мелкія насѣкомыя попортятъ и изведутъ все. А человѣкъ нѣжнѣе куста и дерева; тѣло его любитъ уходъ и холю. требуетъ испарины свободной, чтобы нигдѣ на кожѣ не было грязи, чтобы всюду, и на головѣ, въ волосахъ, какъ на гладкомъ мѣстѣ, все было чисто; не то, обростешь грязью и лишаями и заведется на тебѣ всякая всячина; кормовые соки твои пойдутъ не въ тебя, не въ-прокъ и кожа твоя заглохнетъ. Тогда тѣло твое захилѣетъ и будешь ты плакаться на хворость свою; а тебѣ бы плакаться на себя, потому-что ты самъ себя занапастилъ. Такъ смотри же: волоса и ногти стричь, въ баню ходить, въ рѣкѣ купаться, каждый день мыться, чесаться; роть полоскать, зубы чистить, бѣлье, какъ можно чаще мѣнять, портянки и онучи также; платье суконное выколачивать, чтобы въ него пыль не набивалась, дряни не заводилось; развѣшивать и провѣтривать все, что ни есть на тебѣ, чтобы свѣжимъ воздухомъ продуло и унесло всякую духоту, чтобы ничего въ ранцѣ или въ сундукѣ у тебя не слежалось, не сопрѣло.

Оглянись-ка на товарищей своихъ: ты сейчасъ, какъ взглянешь, скажешь, кто изъ нихъ чисто около себя ходитъ, кто опрятенъ, а кто нѣтъ. Знаешь ли, есть звѣрь, который всегда лѣзетъ туда, гдѣ больше грязи; хорошо тебѣ на него глядѣть? Смотри же, чтобы не приложили къ тебѣ кличку его; и это бываетъ иную пору. Такъ помни же: ходить чисто, ходить и опрятно, чтобы нигдѣ на тебѣ шва не было распорото, чтобы и на цѣломъ мѣстѣ безъ вѣдома твоего не протерлось; а коли случится такъ, то у тебя есть на это игла да нитка, да живыя руки; помни, чтобы все около тебя было и на глазахъ чисто, опрятно, крючокъ и пуго-

вица на мѣстѣ, а мохры и нитки не висѣли; не то, дадутъ тебѣ, — какъ у насъ былъ одинъ такой — дадутъ прозваніе *махровый;* а ты знаешь, что макъ махровый хорошъ, а махровый человѣкъ—и смѣхъ и горе.

Дуракъ камень въ воду закинетъ, а сотеро умныхъ не вытащатъ, это же слово приложить можно и къ здоровью твоему: въ одинъ мигъ изведешь его и занапастишь, а послѣ никто дѣла не поправитъ. Пріучайся и къ теплу и къ холоду, и къ вёдру, и къ ненастью,— да пріучайся толкомъ, съ умомъ; гдѣ можно беречь себя, береги; придетъ, дастъ Богъ, время, что положишь и здоровье и животъ свой за службу, за царя, тогда не жалѣй: на то ты солдатъ. Но до времени береги себя. Нѣтъ ничего хуже того, какъ если ты, потный, горячій, напьешься, либо скупаешься. У лошади, чай, и не твое здоровье, да и она этого не терпитъ, и послѣдній ямщикъ бережетъ сиваго мерина своего, чтобы его не запалить, а то пропадетъ. Одна только собака сотворена такъ, что запалу не боится, пьетъ и купается во всякое время; а ты, слава Богу, человѣкъ. Положи жъ на себя зарокъ: послѣ проходки не пить, не купаться, а отдохнуть сперва часокъ въ покоѣ. У насъ былъ у капитана мальчикъ, годовъ двѣнадцати, здоровый, румяный; послали его съ письмомъ въ деревню, верстахъ въ пяти. Пришедши на мѣсто, онъ съѣлъ тутъ же тарелку простокваши съ льду. Поѣвши слегъ, сдѣлалось колотье, бока заложило, подъ крудь подперло; что ни дѣлали, мальчикъ на-вѣкъ остался калѣкой: чуть живой ходитъ и что ни возьметъ въ ротъ, то его съ души и скинетъ. Былъ у нашего полковника еще денщикъ, парень свѣжій, молодой. Онъ какъ-то разъ, въ воскресный день, игралъ съ ребятами въ чурки, въ городки бѣгалъ, поразгорѣлся, да прямо въ воду. Только-что откылыл онъ

сажень на двадцать, какъ остылъ, да и стало сводить корчами по рукамъ, по ногамъ: такъ и потонулъ. Ребята кинулись, вытащили его—да ужъ неживого; и у мертваго еще руки выворочены и ноги подтянуты комкомъ.

Много еще пропадаетъ нашего брата отъ ѣды не въ мѣру. Случается это и во всякое время, а пуще всего въ праздники, послѣ поста, когда, выморивши себя напередъ постной ѣдой, вдругъ кинешься на сытную, скоромную пищу. Погляди-ка въ любой госпиталь нашъ, на ооминой недѣлѣ, да спроси-ка любого фельдшера, много ли де было больныхъ на страстной недѣлѣ, а много ли стало теперь? Спроси жъ еще: а чѣмъ больны эти праздничные гости? Всѣ сподрядъ—брюхомъ, да горячками отъ брюха же, отъ ѣды. Есть пословица: дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. Не спросили меня, какъ сложили пословицу эту; я бы ее повернулъ вотъ такъ: ѣда не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, и въ моей пословицѣ было бы больше правды

Иной на все это скажетъ: да я всегда пью холодную воду, либо квасъ, пью какъ бы ни вспотѣлъ, и купаюсь всегда—да мнѣ же ничего не дѣлается; и ѣмъ также, сколько душѣ угодно, безъ счету—душа мѣру знаетъ: мнѣ ничего отъ этого не приключилось, и все здоровъ.

Кто повѣритъ такому краснобаю, да послушаетъ его больше, чѣмъ разумныхъ людей, тотъ будетъ каяться. Немогузнайка плохъ, а всезнайка и того пуще, и себя и другого втянетъ въ бѣду какъ разъ. Это все равно, что какой-нибудь воришко сказалъ бы: «ничего ни страшно воровать и опасности никакой. Вотъ я сколько воровалъ на вѣку своемъ—и все ничего. сходило съ рукъ.» Не споримъ въ томъ, что тебѣ сходило съ рукъ, да коли не покинешь во-время ремесло свое, такъ осунешься когда-нибудь съ нимъ, и какъ

ни виляй, а попадешься. Не бывало еще на свѣтѣ такого вороватаго вора, чтобы рано ли, поздно ли да не попалъ. Такъ и тебѣ будетъ: пьешь безъ страху до времени, ѣшь безъ мѣры до времени, а вдругъ ни съ того ни съ сего оборвешься, да и поплачешься. Отзовется все это когда нибудь, а даромъ не пройдетъ.

Зналъ я матроса одного, который славился тѣмъ, что поѣдаетъ все, что ни поставь ему, и большой онъ былъ охотникъ объѣдаться на закладъ. «Что держишь, сказалъ онъ разъ товарищу, съѣмъ въ одинъ присѣстъ артельный хлѣбъ, въ 12 фунтовъ?»—Нѣтъ не съѣшь, сказалъ тотъ, хвастаешь. «Держишь кварту вина, спросилъ первый?—Держу.—За кварту вина обжора мой съѣлъ точно, запивая квасомъ, артельный хлѣбъ; да уже кварты вина выпить ему не досталось; а коли отказалъ ее кому по духовному завѣщанію, такъ осталась она въ долгу на товарищѣ, потому-что самъ ѣдокъ на зарѣ другого дня уже Богу душу отдалъ. Красная такая смерть, какъ думаете? Вѣдь и скотина выше мѣры ѣсть не станетъ; а человѣкъ, хоть каковъ онъ ни будь, неужто хуже скотины?

Другой былъ знакомый мнѣ обжора татаринъ. Заболѣлъ онъ оспой, пролежалъ недѣли четыре, а какъ сталъ поправляться, такъ купецъ, у котораго онъ жилъ въ работникахъ, оставилъ ему на харчи хлѣба, да одного барана, а самъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ другое мѣсто. Пріѣзжаетъ черезъ недѣлю, спрашиваетъ: а гдѣ мой Ахметъ? Говорятъ Ахмета ужъ третій день какъ закопали: обрадовался онъ, что поправился отъ болѣзни, выходился, стало его позывать на ѣду; онъ зарѣзалъ барана, сварилъ его, да въ одинъ день и покончилъ. Тутъ и самаго его раздуло какъ барана, а черезъ сутки и не стало.

Коли кто тебѣ скажетъ, что человѣку здорово много ѣсть, что бываетъ тѣмъ больше силы и здоровья

въ человѣкѣ, чѣмъ онъ больше ѣстъ—такъ скажи ему въ глаза, что вретъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, долѣе и здоровѣе другихъ живали тѣ люди, которые жили трезво и умѣренно, какъ въ питіи, такъ и въ пищи. Душа мѣру знаетъ, это правда; такъ давай же волю душѣ, а не давай воли похоти; похоть не душа, а плоть; плоти же вѣрить нельзя, она мѣры не знаетъ.

Вотъ, напримѣръ, послѣ великаго поста приходитъ Свѣтлый праздникъ. Богъ самъ повелѣлъ радоваться этому дню, праздновать его и душой и тѣломъ—да знать мѣру. Кто послѣ поста разговѣется на первый день цѣлымъ десяткомъ крутыхъ яицъ, а другого десятка, можетъ статься, для того только не съѣстъ, что не на что его купить—ну, такой празднователь не пеняй, коли будутъ ему послѣ смѣяться, что дешево продалъ здоровье свое, и всего-то за десятокъ яицъ; не пеняй онъ ни на кого, коли доведется надъ нимъ прочитать на еоминой вѣчную память, и это бываетъ. А много ли радости да утѣхи тебѣ, что набьешь ты кузовъ свой верхомъ, а послѣ ходишь да не знаешь, въ которую сторону голову повернуть, все постыло, все не мило, вотъ таки ни на что глядѣть не хочется?

Звѣрю, и скотинѣ, и птицѣ, и всякому животному Богъ далъ *побудку*: побудка эта знаетъ мѣру во всемъ, знаетъ, что годится и что не годится въ снѣдь, знаетъ, и сколько чего каждому звѣрю, либо скотинѣ поѣсть можно, и сверхъ мѣры ни одно животное пищи не приметъ. Человѣку Богъ далъ умъ-разумъ. Кто ума разума своего слушается, у того душа мѣру знаетъ; а кому умъ-разумъ ни по чемъ, тому и слушаться некого; потому что въ человѣкѣ побудки нѣтъ. У того и душа мѣры не знаетъ, а изведетъ онъ себя ни за грошъ и самъ на себя грѣшнымъ дѣломъ подымаетъ руку.

Конвойный

За что у насъ столько солдатъ пропадаетъ, подъ судъ идутъ и подъ разныя наказанья, когда не доглядятъ, да упустятъ арестанта? За оплошность; за то, что не исполнили начальничьяго приказанія, что слабо присматривали, понадѣялись на авось, на небось, да на какъ-нибудь; за то, что дались въ обманъ, что не стало въ нихъ духу солдатскаго, смѣтливости, да расторопности. А вотъ какъ на моей памяти управились исправные конвойные со своими неспокойными арестантами.

Случилось какъ-то, что двое рабочихъ арестантовъ обманули конвойнаго, отвели его, будто за дѣломъ какимъ, на безлюдное мѣсто. Солдатъ худа не чаялъ и оплошалъ; они же вдругъ кинулись на него оба, отняли у него ружье, повалили его и хотѣли убить. Не бейте меня, ребята, сталъ онъ говорить имъ, за что вы меня погубите? Я стерегъ васъ не по своей волѣ, а отъ меня вамъ худа не было. Какъ быть, одолѣли меня, такъ я вашъ; воротиться я не смѣю, сами знаете, что передъ начальствомъ правъ не буду—да признаться, и мнѣ вѣдь служба эта надоѣла не хуже вашего. Возьмите меня съ собою, уйду и я съ вами. Арестанты повѣрили ему, и ушли они, бѣжали втроемъ; а когда сутки двои, вмѣстѣ побыли, да спознались съ нимъ короче и считали его своимъ, такъ какъ-то и ружье отдали ему нести, перебираясь лѣсомъ: видно, сами устали. Солдатъ нашъ только этого и ждалъ: какъ только ружье взялъ въ руки, такъ одного арестанта зарядомъ положилъ на мѣстѣ, а на другого кинулся со штыкомъ. Тотъ бѣжать, солдатъ за нимъ въ догонку, зарядилъ еще на бѣгу ружье, да и посадилъ и другому пулю въ лыжку. Затѣмъ солдатъ

нашъ явился въ свою команду, гдѣ его считали уже въ бѣгахъ, не утаилъ ничего, принесъ повинную и сказалъ, что и какъ было. За это, по докладу Государю, солдата нашего простили въ первой оплошности его, что дался было въ обманъ, да еще и наградили деньгами и унтеръ-офицерскимъ чиномъ.

На Черномъ морѣ есть крѣпость Сухумъ-Кале, а вокругъ нея живетъ народъ бойкій, проворный, смѣлый и все наголо разбойники. Невдалекѣ отъ крѣпости течетъ небольшая рѣчка, черезъ которую переправляются вбродъ. Разъ какъ-то прогоняли тутъ плѣнныхъ абазинцевъ; одинъ изъ нихъ отсталъ немного, за нуждой, а при немъ остался и конвойный. Когда отрядъ между тѣмъ прошелъ впередъ, а конвойный нашъ сталъ разуваться, чтобы пройти съ арестантомъ своимъ рѣчку вбродъ, то этотъ вдругъ налетѣлъ на него съ тылу ястребомъ, уцѣпился руками за суму, ногами уперся ему въ спину, и сталъ перекручивать, что есть силы, перевязь: хотѣлось, вишь, либо удушить солдата, либо оторвать суму съ патронами, да уйти въ лѣсъ. Конвойный, правда, оплошалъ, что далъ наскочить на себя арестанту, да только нашелся, спасибо, и не совсѣмъ далъ маху: онъ ружье свое не выпускалъ изъ рукъ, а держался за него, что за Бога; штыкъ былъ отомкнутъ; солдатъ нашъ, повозившись съ абазинцемъ, просунулъ дуло ружья себѣ подъ лѣвую мышку, уставилъ его въ упоръ на непріятеля,—который совсѣмъ было его одолѣлъ—да нагнувшись впередъ, взвелъ и спустилъ правою рукою курокъ и положилъ абазинца на мѣстѣ. Это значитъ: нашла коса на камень.

Супротивъ Очакова есть островокъ Ада, на которомъ строили крѣпость, и работали все арестанты. Конвойные разъ какъ-то прозѣвали: человѣкъ десятокъ арестантовъ кинулись на баркасъ, небольшую лодку,

отвалили отъ берега и ударили въ весла. Они, хотѣли, видно, уйти на глухую Кинбурнскую косу, гдѣ есть довольно мѣста спрятаться. Конвойные были при нихъ матросы; они воды не боялись, да гребнаго судна другого не было, догнать бѣглецовъ не на чемъ. Однако стали метаться на берегу туда сюда, и наткнулись на душегубку, на маленькую долбушку, которая больше двухъ человѣкъ не подымала. Двое кинулись въ нее, взяли у товарищей еще по лишнему заряженному ружью и пустились въ погоню. Большая лодка, баркасъ, тяжела была на ходу, такъ погоня ее скоро нагнала; одинъ конвойный правилъ, а другой благословясь, приложился, да и пустилъ пулю по головамъ, туда, гдѣ погуще сидѣли; да за другое ружье, да опять-таки по головамъ, да за третье. Арестанты видятъ, дѣло плохо; кинулись было съ баркасомъ прямо на душегубку, чтобы ее смять да утопить—такъ матросы наши стали увертываться, да около нихъ увиваться, а сами заряжаютъ, да знай попаливаютъ. На половину почти они арестантовъ перебили, а остальные взмолились, чтобъ ихъ помиловали. Конвойные заставили ихъ грести къ острову, а сами стерегли ихъ съ боку и ружья держали на-готовѣ; такъ и поставили ихъ опять на свое мѣсто. Караульный офицеръ пересчиталъ ихъ на баркасѣ—и живыхъ и мертвыхъ—всѣ тутъ; ни одинъ не ушелъ; и конвойные наши остались правы.

Мастеровой человѣкъ нигдѣ не пропадетъ

Въ одномъ изъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ командиръ заботился о томъ, чтобы всѣ кантонисты, у кого только есть охота къ какому ремеслу, обучались ему прилежно и выходили мастеровыми. Въ этомъ

баталіонѣ было два товарища дружныхъ: Скандаковъ и Жереховъ; оба они были добрые ребята, оба учились хорошо, а не ладили промежъ собой въ одномъ только: Жерехомъ самъ напросился у маіора въ мастеровые и на досугѣ всегда занимался въ столярной; а Скандаковъ не сталъ учиться ремеслу; ни столярному ни сапожному, ни слесарному; отговаривался все тѣмъ, что нѣтъ-де въ рукахъ у меня ловкости, не смогу ни за что взяться—да такъ и навелъ на то, что пошелъ на службу съ одной грамотой.

Скандаковъ, какъ хорошій писецъ, все доброе чаялъ отъ письма своего и надѣялся попасть на службу въ писаря. Оно бы конечно такъ и сталось, кабы судьба ему не поперечила: ни съ того, ни съ сего прикинулся къ указательному персту на правой рукѣ волосъ, сдѣлался ногтоѣдъ, тамъ перешло въ костоѣдъ и кончилось тѣмъ, что бѣдный Скандаковъ нашъ остался безъ пальца, то есть, не могъ свободно владѣть имъ, не могъ и писать, и попалъ съ грамотою своею въ рядовые. Ну, этому никто не виноватъ: власть Господня.

На службѣ, извѣстно, не пропадешь: Государь кормитъ. Такъ жилъ и служилъ Скандаковъ, тужилъ, правда, иногда, о прошломъ, да какъ пенять было не на кого, такъ молчалъ. Наконецъ пришло такое время, что вздумалъ онъ жениться; а гдѣ стоялъ въ то время полкъ, тамъ нашлась и невѣста,—хорошая дѣвка и съ хорошимъ приданымъ. Случись же, какъ нарочно, что за ту же дѣвку посватался въ одно время со Скандаковымъ еще и другой солдатъ, также парень хорошій, да къ тому еще и сапожникъ. Отецъ невѣсты разсудилъ, что, коли быть дочери его за солдатомъ, такъ лучше быть за такимъ, у котораго есть про запасъ и руки, который, въ случаѣ чего, такъ и прокормитъ свою семью; и отказали Скандакову, а дѣвку отдали за Романова, за сапожника.

Горько было это Скандакову и въ первый разъ отъ роду помянулъ онъ давнишнія слова стараго товарища своего Жерехова: «кабы я выучился въ баталіонѣ ремеслу, такъ теперь не былъ бы безъ рукъ; палецъ мой не помѣшалъ бы мнѣ работать, это не чистописанье.» Потужилъ—да и забылъ; больше дѣлать нечего.

Сталъ однако же поглядывать Скандаковъ на товарищей своихъ, отчего-де такой-то всегда съ деньгами и ни въ чемъ не нуждается? Оттого, что онъ портной; не сумѣетъ сшить офицерскаго мундира, либо нѣмецкаго чистаго платья, а на мѣщанъ и на купцовъ работаетъ, обшиваетъ и деньщиковъ иныхъ, и все копѣйка, другая перепадаетъ. Разница большая, подумалъ Скандаковъ, итти, когда нужда настанетъ, по-моему, въ поденщики работать съ зари до зари въ поту лица и взять пятіалтынный, или поковырять иголочкой, сидя на мѣстѣ, дня два, три и взять рублей восемь за работу.

Случилось Скандакову во время похода пойти со взводомъ въ конвой за письменной фурой, которую перевозили куда-то съ мѣста на мѣсто. На дорогѣ вдругъ лопнула шина; стала фура, нельзя ѣхать, а кузнецовъ близко нѣтъ. Засуетился баталіонный адъютантъ, который былъ тутъ же при фурѣ, давай разсылать людей туда-сюда, искать кузницы. Наконецъ нашли: кузница есть въ деревнѣ по проселочной дорогѣ близехонько, да кузнецъ недавно померъ и работать некому; а опричь этой кузницы, ближе какъ верстъ на 60, другой нѣтъ. Какъ тутъ быть? Непріятель не за горами, того гляди ночью нагрянетъ—фуры бросить нельзя никакъ, а помощи также ждать не откуда. Ребята, сказалъ атъютантъ, да неужто у васъ не найдется изъ цѣлаго взвода человѣкъ, чтобы сумѣлъ сварить шину?

Скандаковъ былъ парень ретивый, за это любили его и начальники. Бывало, гдѣ нужда, изъ шкуры лѣзетъ, чтобы угодить и не отстать по службѣ; стучитъ сердце въ немъ, почитай вслухъ, такъ вотъ и порывается, чтобы взяться за дѣло, пособить горю — такъ нѣтъ, безъ рукъ стоитъ, не умѣетъ взяться ни за что̀; только вздыхаетъ, сердечный, и молчитъ. «Вотъ, думаетъ, кабы я въ баталіонѣ послушалъ добраго слóва Жерехова, такъ теперь не стоялъ бы передъ бѣдой, да хлопалъ глазами; тамъ бы я шутя выучился кузнечному мастерству—и пошла бы наука въ прокъ.»

Между тѣмъ вызвался другой солдатъ, говоритъ: «коли лучшаго кузнеца нѣтъ, такъ прикажите мнѣ попытаться, авось какъ нибудь справимся». Стащили колесо въ кузницу, принялся за него нашъ мастеръ и сдѣлалъ дѣло. И всѣ ему спасибо; ай да Ѳедоровъ, выручилъ изъ бѣды, исполать молодцу, спасибо! Поблагодарилъ и адъютантъ, поблагодарилъ и полковникъ. Завидно, правда, было немного Скандакову глядѣть на Ѳедорова, да пришлось смолчать.

Ну, много было такихъ случаевъ во время всей службы Скандакова, и часто приходилось ему жалѣть, что упустилъ онъ время, когда можно было выучиться ремеслу шутя и теперь не сумѣетъ ни за что взяться; да покуда былъ онъ на службѣ, такъ все ничего, а вотъ какъ пустили его на подножный кормъ, какъ вышелъ въ отставку унтеромъ, да пришлось добывать свой хлѣбъ, такъ въ тѣ поры на себѣ позналъ Скандаковъ, какъ онъ былъ самъ за себя виноватъ, и часто не зналъ, куда дѣваться. На службу пошелъ онъ молодымъ парнемъ, былъ всегда здоровъ, такъ и года̀ выслужилъ, какъ былъ только что въ самой порѣ; казалось бы ему ль не заработать свой кусокъ хлѣба? а трудно было и тяжело. Служить у господъ — такъ

не всегда мѣсто найдешь, да и не всегда мѣсто и служба по тебѣ придется; работать въ поденщинѣ — работалъ Скандаковъ, однакоже кой-какъ сколотилъ небольшія деньжонки, купилъ лошадку съ телѣгой, да и пошелъ въ извозъ. Отъ этого онъ чаялъ скорѣе разжиться.

Повезъ Скандаковъ кладь какую-то на ярмарку въ Лебедянь, прохарчился дорóгой, кормы стояли дорогіе, да еще и не успѣлъ до мѣста доѣхать, какъ сталось съ нимъ новое горе: лошадь пала. Продалъ онъ задешево телѣгу и сбруж, да и пригорюнился крѣпко; заѣхалъ на чужую сторону и не знаетъ, что́ начать, куда дѣваться — а хлѣбъ и одежду заработать надо. Вотъ онъ и сталъ спрашивать у добрыхъ людей, не слыхалъ ли гдѣ работы какой, не нужно ли кому работника; ему и говорятъ, что есть-де у насъ въ Лебедянѣ столяръ, и живетъ хорошо и человѣкъ смирный; онъ-де на-дняхъ согналъ отъ себя работника, пьяницу, да теперь, никакъ, ищетъ другого. Пошелъ Скандаковъ къ столяру этому, думаетъ поспросить: не возьметъ ли его въ работники? Приходитъ—видитъ человѣкъ пять рабочихъ, дѣлаютъ стулья, столы, шкафы; спрашиваетъ: «гдѣ хозяинъ?» — Подъ навѣсомъ — говорятъ, — на дворѣ, пошелъ выбирать лѣсъ. Отправился Скандаковъ туда: видитъ хозяина въ чистомъ платьѣ, въ курточкѣ, въ передникѣ, борода бритая и красная шапочка на головѣ, коротка нѣмецкая трубочка въ зубахъ; такъ онъ ходитъ подъ навѣсомъ, переваливаетъ доски и жерди, выбираетъ на какую-то работу лѣсъ. «Здраствуйте» молвилъ Скандаковъ, поклонившись ему, «Богъ на помочь!» — Спасибо — отвѣчалъ хозяинъ, — что́ угодно вамъ? — Скандаковъ глядитъ въ глаза́ ему, не вѣритъ самъ тому, что́ видитъ; хозяинъ этотъ, столяръ, — старый товарищъ Скандакова Жереховъ.

Тутъ пошли радости, спросы, разспросы, веселье; обнялись старые товарищи, разказали другъ другу, кто что́ на вѣку своемъ видалъ да позналъ. Жереховъ, со дня отставки, жилъ себѣ столярнымъ мастеромъ не хуже нѣмца, кормилъ семью, работалъ честно и прилежно, и, покуда Господь даровалъ силы и здоровье, не заботился ни о чемъ.

Скандаковъ пошелъ въ работники къ Жерехову и радъ-радъ былъ, что нашелъ у хорошаго человѣка, да еще у стараго товарища своего, вѣрный кусокъ хлѣба.

Притча о дятлѣ

Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово свое и зарокъ, и, сдѣлавъ разъ худо, станешь впередъ отъ худа бѣгать; а коли клятва твоя и божба крѣпка только до вечера, а съ утра опять принимаешься за то же — такъ и въ добромъ словѣ твоемъ добра мало.

Дятелъ красноголовый лазилъ день-деньской по пнямъ и дупламъ и все стучалъ роговымъ носомъ своимъ въ дерево, все доспрашивался гдѣ гниль, гдѣ червоточина, гдѣ подстой, гдѣ дрябло, гдѣ дупло, а гдѣ живое мѣсто? Стучалъ такъ, что только раздавалось во всѣ четыре сто́роны по лѣсу. Къ вечеру, глядишь, голова у красноголоваго разболится, лобъ словно обручемъ желѣзнымъ обложило, затылокъ ломитъ, не въ силу терпѣть. Ну, говоритъ, «полно, не стану больше долбить попустому; завтра посижу себѣ смирно, отдохну, да и впередъ не стану — что въ этомъ проку?»

Закаялся и зарекся нашъ дятелъ; а на утро, ни свѣтъ, ни заря, какъ только пташки въ лѣсу проснулись да защебетали, дятелъ нашъ опять пошелъ дол-

бить и барабанить по сухоподстойнымъ пнямъ. День прошелъ, насталъ вечеръ — опять головушку разломило, и опять онъ закаялся — съ вечера до утра — а утромъ опять принимается за то же.

И крута гора, да забывчива;
И лиха бѣда, да сбывчива:
Кто лжетъ, тотъ и заклинается.
Кто пьетъ, тотъ и зарекается.

Притча о дубовой бочкѣ

Выросъ въ лѣсу, во зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру. Мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клёпки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы, — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ; на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана ладно, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на потребу; говорятъ, что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а до нея не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это и хорошо, да бочка наша — жила не жила — разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клёпки промежъ собой повздорили, да вмѣстѣ жить раздумали — не знаю, да только разсыпалась бочка вся врознь. Ребятишки обручи растаскали, пошли катать ихъ по улицамъ, да погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку — и о бочкѣ этой помину не стало, ровно ее и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки вся его семья,

и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ и питаетъ односемьянъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо и ладно; а какъ разсыпались клепки врознь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ и пропали порознь и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

Притча о воронѣ

Въ сказкахъ и притчахъ всегда говорится, коли вы слыхали, что орелъ правитъ птичьимъ царствомъ и что весь народъ птичій у него въ послушаніи. Пусть же такъ будетъ и у насъ; орелъ всѣмъ птицамъ голова, онъ имъ начальникъ. Волостнымъ писаремъ, примемъ, сорокопутъ, а на посылкахъ всѣ птицы поочередно, и на этотъ разъ случилась ворóна. Вѣдь она хоть и ворóна, а все-таки ей отбыть свою очередь надо. Голова вздремнулъ, наѣвшись досыта, позѣвалъ на всѣ четыре стороны, встряхнулся и, со скуки, захотѣлъ послушать хорошихъ пѣсенъ. Закричалъ онъ разсыльнаго; прибѣжала въ-припрыжку ворона, отвернула учтиво носъ въ сторону и спросила: «Что-де прикажешь?» — Поди, сказалъ голова, позови ко мнѣ скорёшенько что ни есть лучшаго пѣвчаго; пусть онъ убаюкаетъ меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его.

Подпрыгнула ворона, варкнула и полетѣла, замахавъ крыльями, что́ тряпицами, словно больно заторопилась исполнить волю начальника; а отлетѣвъ немного, присѣла на сухое дерево, стала чистить носъ и думать: какую-де птицу я позову? Думала, думала

и надумалась, что никому не спѣть противъ роднаго дѣтища ея, противъ вороненка, и притащила его къ орлу. Орелъ, сидя вздремнулъ-было между-тѣмъ самъ про себя маленько и вздрогнулъ, когда вороненокъ вдругъ принялся усердно каркать, сколько силъ доставало, а тамъ сталъ повертывать клювомъ, разѣвая его пошире, и надсѣдался всячески, чтобы угодить набольшему своему. Старая ворона покачивала головой, постукивала ножкой, сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орелъ спросилъ, отшатнувшись: «это что за набатъ? рѣжутъ, что ли кого, аль караулъ кричать?»—Это пѣсенникъ, отвѣчала ворóна, мой внучекъ; ужь лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своéму не найдешь.

Всякъ норовитъ своему; всякъ самъ для себя и краше и лучше.

Загадки

1. Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рублю, рублю, крови нѣту.
2. Воду пьетъ, хлѣба не ѣстъ, какъ подбоченился, такъ и стоитъ.
3. Что накормишь старуху, то зарычитъ да выплюнетъ.
4. Что за звѣрь: въ зиму ѣстъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло теплое, а крови нѣтъ; сѣсть, сядешь на него, а съ мѣста тебя не свезетъ.
5. Одинъ заварилъ, другой налилъ, сколько ни хлебай; а на любую артель еще хватитъ.
6. Перемчивъ на все, а своего не выдумаетъ.
7. По списку сто человѣкъ въ капральствѣ, а налицо пятьдесятъ.

8. Куликъ долбитъ, червякъ въ землю уходитъ.
9. Бѣжитъ накатомъ, горшокъ съ ухватомъ.
10. Стоитъ сухопарый мужикъ на распутьи: кто подойдетъ, онъ въ поясъ кланяется, а милостыни не проситъ.

1. Лодка на ходу подъ веслами.
2. Кувшинъ.
3. Пушка.
4. Печь.
5. Книжка
6. Зеркало.
7. Рубль, въ которомъ 100 коп., 50 грошей.
8. Молотокъ и гвоздь.
9. Лошадь въ оглобляхъ.
10. Журавль надъ колодцемъ.

Расторопные ребята

Была у какой-то хозяйки заморская вещь: хрустальный судокъ боченочкомъ, а въ срединѣ разгороженъ пополамъ: въ одну половину наливается уксусъ, въ другую масло, да такъ и подается на столъ. Послала хозяйка сына своего въ лавочку съ судкомъ этимъ, велѣла купить масла прованскаго, да уксусу. Мальчикъ пришелъ въ лавку, заплатилъ деньги, подставилъ судокъ однимъ концомъ: «Лей масла!» Потомъ, не заткнувши пробкой, перевернулъ: «Лей уксусъ!» и пошелъ домой. Мать увидала, что въ исподней половинѣ ничего нѣтъ, да и спрашиваетъ: «Гриша, да гдѣ же у тебя уксусъ?» — А вотъ онъ, говоритъ, сверху. — «Ну, а масло-то гдѣ же» — а вотъ оно, — отвѣчалъ Гриша, и снова перевернулъ судокъ. Прежде вытекло масло, а теперь и уксусъ—и Гриша остался не при чемъ.

Добрый, услужливый,—но глуповатый нестроевой солдатъ, поступивъ въ денщики, въ одинъ день распорядился привести въ порядокъ капитанское хозяйство такимъ образомъ: золоченыя пуговицы на мундирѣ и киверный приборъ вычистилъ кирпичемъ; по

дошвы на капитанскихъ сапогахъ, чтобъ не трескались, смазалъ чистымъ дегтемъ; поставилъ резинныя галоши сушить на печку, гдѣ онѣ растопились и расплылись блиномъ; а наконецъ, принялся еще дергать изъ боброваго воротника сѣдой волосъ, чтобы оставался одинъ черный.

Двое работниковъ сидѣли—сложа руки, когда имъ слѣдовало работать. Вдругъ входитъ нечаянно смотритель и спрашиваетъ одного старшаго: «Ты что́ дѣлаешь?» — Ничего. — «А ты что́?» спрашиваетъ онъ другого, который оробѣлъ и не дослышалъ, что́ отвѣчалъ первый; — Да я, говоритъ, вотъ ему помогалъ. «Добрые же вы работники, сказалъ смотритель: одинъ ничего не дѣлаетъ, а другой ему помогаетъ! Коли за такую работу васъ кормить станутъ, такъ, чай, помощниковъ много найдется.»

Дай отвѣдаю!

У иныхъ есть преглупая привычка, брать все, что́ ни попало, на языкъ. Нашелъ въ бумажкѣ гдѣ-то какой нибудь порошокъ — что-де такое это, дай отвѣдаю; нашелъ склянку завалящую съ чѣмъ-нибудь — тряхнетъ на свѣтъ, тамъ откупоритъ, понюхаетъ, да и глотнетъ; коли не покажется, такъ и выплюнетъ, а коли не деретъ кожу съ языка, такъ и проглотитъ. Однако это не всегда ладно съ рукъ сходитъ, и не разъ бывала отъ этого бѣда большая. Развѣ всякая дрянь на то́ поставлена, положена или брошена куда-нибудь, чтобы дуракъ пришелъ да съѣлъ ее? А развѣ мало такихъ снадобьевъ бываетъ, что зерно съѣшь, такъ покоробитъ тебя и въ дугу сведетъ? Развѣ мало такого зелья на свѣтѣ, что и не отплюешься послѣ, какъ въ ротъ его возьмешь, и вѣкъ пойдешь нянчиться съ лихою болѣстью? Хорошо еще, коли ты,

какъ деньщикъ у насъ былъ, впотьмахъ сдуру ваксы хватишь изъ бутылки, вмѣсто квасу, да отъ купоросу пронесетъ тебя немного — и тѣмъ дѣло кончится; а если, какъ случилось другому, хлѣбнешь чистаго купороснаго масла, да пролежишь недѣль шесть въ госпиталѣ безъ языка, а потомъ еще всѣ сподрядъ зубы почернѣютъ, да выкрошатся? Недавно былъ случай еще и хуже того. На стеклянныхъ заводахъ держатъ мышьякъ затѣмъ, что идетъ онъ въ стекло, и называютъ его, просто, бѣлымъ камнемъ. Тамъ всякій знаетъ его и остерегается; а пришелъ посторонній человѣкъ, смотрѣлъ все, разспрашивалъ, и думаетъ: что́ за бѣлый камень? Мѣлъ не мѣлъ; и пемза не пемза: непремѣнно это аптечное лѣкарство, должно быть, хорошее — и отсыпалъ себѣ, когда никто не видалъ, съ горсточку, да дома, для бо́льшаго здоровья, щепотки двѣ размѣшалъ въ водѣ и выпилъ. Что жъ, легче стало ему? Да, всю ночь благимъ матомъ прокричалъ, а тамъ легко стало — и замолкъ, когда обмыли, да положили его на столъ. Вотъ-те и лѣкарство!

Русскій солдатъ

Великому Царю и Государю русскому, Императору Петру I случилось однажды бесѣдовать съ королемъ нѣмецкимъ. Государи разговорились о томъ, чьи солдаты лучше знаютъ службу и военную дисциплину. Король отстаивалъ своихъ и увѣрялъ, что солдаты его, какъ издавна приобыкшіе къ военному порядку, должно быть получше русскихъ, которые въ то время только что набраны были изъ мужиковъ, недавно обучены, а потому-де и не могли еще свыкнуться съ воинской службой такъ, какъ его королевскіе, старые солдаты. «Не спорю, сказалъ Государь королю, что мои новобранцы въ чемъ-нибудь усту

пятъ вашимъ гренадерамъ; да спорю вотъ о чемъ: первая доблесть военная—это слѣпое, безотвѣтное послушаніе; солдату скажешь, дѣлай то,—онъ дѣлаетъ; полѣзай туда-то,—онъ лѣзетъ, безъ думы, безъ оглядки; знаетъ, что за голову его отвѣчаетъ тотъ, кто его послалъ, а самому ему объ этомъ безпокоиться нечего. Такъ въ этомъ-то дѣлѣ мои молодцы за-поясъ заткнутъ кого угодно».—Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—и въ послушаніи мои не уступятъ вашимъ; я въ нихъ увѣренъ. — «А коли такъ Ваше Величество, сказалъ Императоръ, такъ сдѣлаемте сейчасъ опытъ; да только вотъ какой: позовите вы на-выдержку солдата своего изъ караула, да прикажете ему выскочить вотъ изъ этого окна; а тамъ я позову своего и велю ему сдѣлать то же: посмотримъ, что̀ будетъ.» Король согласился, велѣлъ позвать своего солдата и приказалъ ему выскочить въ окно. Окно было въ третьемъ жильѣ; солдатъ глянулъ— и сталъ отпрашиваться, просить помилованія; а когда король настаивалъ, то солдатъ просилъ позволенія сходить напередъ да проститься со своими; ужъ я, говоритъ, ихъ больше не увижу. Король похвалилъ его за послушаніе и отпустилъ.

За тѣмъ Государь нашъ позвалъ гренадера съ гауптвахты. Гренадеръ вошелъ. «Здорово товарищъ!» — Здравія желаю Вашему Императорскому Величеству!— «Подойди сюда.» Гренадеръ подошелъ. «Прыгай сейчасъ въ окно, да съ разбѣгу!—Въ которое прикажете Ваше Величество, въ это?—«Да въ это.» И гренадеръ въ одинъ махъ вскочилъ уже на подоконникъ, перекрестился и ринулся-было головою впередъ, такъ-что Государь едва успѣлъ ухватить его за по́лки.

Государь обнялъ его, одарилъ и отпустилъ; а король пожалъ плечами и сказалъ: «Завидую вамъ, Государь, что у васъ такіе солдаты.»

Савва Иванычъ Бѣляевъ

Въ 1812 году, въ октябрѣ, французы подступили подъ Малоярославецъ; тутъ рѣка Лужа, а на рѣкѣ мостъ. Казаки Иловайскаго подоспѣли со стороны города и сожгли мостъ, а сами отступили. Французы стали наводить понтоны. Работа кипѣла; все было тихо; ни пальбы, ни сопротивленія; только стукъ раздавался, да клики и команда на вновь наводимомъ мосту. Въ городѣ войскъ не было; жители не ожидали такъ скоро непріятеля и не успѣли уйти; теперь же всѣ стали выглядывать изъ угловъ и переулковъ на подходящія по ту сторону рѣки колонны и на работу французовъ. Мало-по-малу народъ сдѣлался смѣлѣе и высыпалъ большими толпами на возвышенный, крутой берегъ рѣки и съ любопытствомъ смотрѣлъ на подступающаго во множествѣ непріятеля.

Тутъ стоялъ также и секретарь уѣзднаго суда Савва Иванычъ Бѣляевъ. А что, подумалъ онъ, если разорить теперь плотину, у мельницы, что стоитъ повыше этого мѣста, то французскому мосту не устоять. Ребята! кто за мной? — Идемъ! — Выискались ребята посмѣлѣе, спустились съ горы, и Бѣляевъ началъ свою работу: поднялъ сперва всѣ заставки на плотинѣ: вода хлынула; тамъ стали ломать шлюзъ, раскопали самую плотину, указавши водѣ дорогу—и скоро плотины не стало, разнесло ее прорвавшеюся водой. Прудъ за мельницей былъ огромный, верстъ на семь, вода высока; она съ такою силою понеслась въ атаку на непріятельскій мостъ, что его въ одинъ мигъ какъ не бывало: понтоны разорвало, разнесло; французы едва сами успѣли выскочить на берегъ—и вода вскорѣ залила всю окрестность, весь низменный берегъ, гдѣ расположились было французы, которые такимъ обра-

зомъ, отъ сопротивленія одного человѣка, секретаря Бѣляева, на этотъ разъ въ городъ не попали

Дервяновъ

1839 года въ февралѣ мѣсяцѣ, уральскаго войска отставной казакъ Потапъ Дервяновъ, съ казачьимъ малолѣткомъ Епифаномъ Джандинымъ и работникомъ изъ киргизовъ, Тюбетомъ Барановымъ, были на аханномъ рыболовствѣ, на Каспійскомъ морѣ. Сначала ставили аханы свои поблизости другихъ промышленниковъ; но скоро, по худому залову, отдѣлились и стали подаваться по льду все далѣе и далѣе на глубину. Ледъ казался всюду крѣпкимъ, погода стояла хорошая, опасности до времени никакой не предвидѣлось. Съ окончаніемъ времени промысла, прочіе рыбаки всѣ благополучно возвратились въ Гурьевъ городокъ, на устья Урала; но Дервяновъ съ товарищами не возвращались; никто не зналъ, куда они дѣвались, и потому всѣ трое показаны были, по донесеніямъ, пропавшими безъ вѣсти. Но 30 марта астраханскій мѣщанинъ Иванъ Евдокимовъ Овчинниковъ представилъ въ красноярскій земекій судъ казака Дервянова и работника Тюбета Баранова, которыхъ спасъ отъ гибели на морѣ. Вотъ собственное показаніе Дервянова, которое, по всѣмъ справкамъ, оказалось вѣрнымъ:

«Зовутъ меня Потапомъ, Никитинъ сынъ, Дервяновъ; отъ-роду мнѣ 66 лѣтъ; вѣры я православной: войска уральскаго отставной казакъ: грамотѣ не знаю, проживаю въ Гурьевѣ.

«Когда выѣхали мы, съ Джандинымъ и Барановымъ, на аханное рыболовство, въ началѣ февраля, то держались сначала лѣвой стороны уральскихъ устьевъ; но вскорѣ, по плохому залову, переѣхали мы на са-

няхъ на правую сторону, гдѣ и выбивали порядки [1]) на трехсаженной глубинѣ, а отъ черней [2]) верстахъ въ тридцати, или болѣе, моряной [3]) ледъ видно мѣстами уже взломало и откололо, но далеко за нами, въ тылу, и мы того не замѣтили. Потомъ поднялся ночью около 20 числа верховой, береговой вѣтеръ—и насъ унесло въ море. Однако на другой день моряной опять сдвинуло ледъ и насъ принесло почти къ старому мѣсту; мы сѣли верхомъ и поѣхали всѣ трое отыскивать аха́ны [4]) свои, которые унесло льдомъ. Переѣзжая взломы льда въ разныхъ направленіяхъ, мы аханов не нашли, а захватила насъ ночь и верховой погодой опять унесло въ море. Въ открытомъ морѣ плавали мы на льдинѣ 17 дней; сани были съ нами, и хлѣбъ былъ, только сталъ уже приходить къ концу. Тутъ принесло насъ опять нѣсколько ближе къ берегу, на 4-хъ саженную глубину; но унесло, какъ мы замѣчали по вѣтрамъ, далеко на западъ, къ Астрахани. Морозы стали сильнѣе, льдины стали связываться и застывать и мы успѣли кой-какъ добраться на саняхъ до 3-хъ саженной глубины, то есть верстъ на тридцать отъ береговъ. Тутъ сдѣлалась оттепель; такъ какъ это было уже къ концу марта, то ледъ сталъ рушиться и пропадать подъ нами и огромныя маины окружали насъ со всѣхъ сторонъ. Съ трудомъ держались мы еще на своей льдинѣ, видѣли смерть подъ собою и уже болѣе двухъ недѣль сидѣли безъ хлѣба. Въ одно утро увидѣли мы вдалекѣ между льдовъ кусовую посуду, стали махать и подымать на оглоблях одежду свою; наконецъ насъ увидали и къ намъ подъ-

---

1) Ставили рыболовныя сѣти.
2) Отъ береговъ, черни—это берега.
3) Вѣтромъ съ моря.
4) Аханы — рыболовныя сѣти.

ѣхала маленькая лодочка съ двумя гребцами-калмыками. Они называли себя тюленьщиками, изъ селенія Островнаго, и говорили, что они сами въ бѣдственномъ положеніи, что и ихъ носитъ уже цѣлый мѣсяцъ во льдахъ. Сколько мы ни просили ихъ сжалиться надъ нами — взять насъ съ собой, но они отговаривались тѣмъ, что сами давно уже сидятъ безъ хлѣба, не знаютъ, что̀ дѣлать, и потому насъ взять не хотѣли и даже ко льдинѣ нашей не приставали, а держались вдалекѣ. Однакоже малолѣтокъ Джандинъ кинулся въ воду и насильно влѣзъ къ нимъ въ лодку; они же, опасаясь, чтобы и мы не вздумали сдѣлать то же, ударили въ весла и вскорѣ отъ насъ скрылись. Мы же съ Тюбстомъ и съ парою коней остались въ прежнемъ гибельномъ положеніи. Льдина наша была уже не длиннѣе 25 саженъ, и часъ-отъ-часу крошилась болѣе и болѣе отъ тепла и отъ волненія. Предвидя неминучую гибель свою, мы долго совѣтовались вдвоемъ, какъ бы спастись отъ вѣрной смерти, и придумали наконецъ, вотъ что: зарѣзавъ обѣихъ лошадей, которыя отощали до того, что едва были живы, мы сняли съ нихъ шкуры дудкой, то есть, цѣликомъ, мѣшкомъ, не распарывая вдоль; потомъ зашили ихъ, завязали, какъ могли, и надули. Потомъ подвели мы два бурдюка эти подъ полозья однихъ саней, привязали на-крѣпко, спустили на-воду и помолились Богу, когда увидали, что сани съ бурдюками и сами плаваютъ, да еще и насъ обоихъ хорошо держатъ на водѣ. Съ нами былъ и топоръ и веревки; мы сейчасъ придѣлали къ санямъ изъ оглобель вёсла, взяли съ собой одежду, по куску сырой конины, чтобы не пропасть съ-голоду, сѣли на сани по колѣни въ воду и стали грести изо всей силы къ берегамъ, на сѣверъ. Пять дней и пять ночей плавали мы такимъ образомъ на саняхъ и на бурдюкахъ; то приносило насъ вѣтромъ на видъ берега, то опять

уносило. Сколько разъ выбивались мы изъ силъ и бросали весла изъ рукъ, ожидая спокойно конца; но на шестой день увидали въ сторонѣ кусовую, пустились на самодѣлковомъ кораблѣ къ этому судну, гребли, сколько силъ есть, все утро до самого полудня, и наконецъ благополучно достигли ее и были приняты астраханскимъ мѣщаниномъ Овчинниковымъ, который вышелъ уже на весну въ море на рыболовство.»

«Всего въ относѣ насъ держало, то есть носило на льдинѣ по морю слишкомъ пять недѣль; сначала кормились мы хлѣбомъ изъ своего запаса, а потомъ уже зарѣзали третью лошадь и ѣли мясо. Ледъ сдѣлался подъ конецъ уже такъ мягокъ и рыхлъ, что нога проламывалась, а на другой или третій день послѣ того, какъ мы пустились по морю на саняхъ, истерло его весь и изломало. Не придумай мы своей хитрости, да не помоги намъ Господь, давно бы насъ и на свѣтѣ не было. Чего натерпѣлись мы безъ пищи, на морозѣ, а тамъ пятеро сутокъ и по колѣни въ водѣ—объ этомъ и говорить нечего; благодаримъ Бога, что вынесъ насъ и даровалъ, противъ всякаго чаянія, еще пожить на свѣтѣ.»

Безъ Бога, ни до порога: но за Бога держись, а самъ не оплошай.

Удаль молодецкая изъ одной только могилы не выноситъ; а изъ огня, изъ воды вынесетъ.

Коли самъ не обсушишься, такъ за тебя и родной братъ на печь не полѣзетъ.

Загадки

1. Два волка бѣгутъ, оба въ небо глядятъ.
2. Четверо братьевъ подъ одной шляпой стоятъ.
3. Дважды рожденъ, ни разу ни крещенъ, первый на свѣтѣ пѣвчій.

4. Сутулый, горбатенькій, зубастый, — все поле избѣгалъ.
5. Лежитъ мужикъ въ золотомъ кафтанѣ, кушакомъ подпоясанъ, а не подымешь его, такъ самъ не встанетъ.
6. Безъ побоевъ не накормитъ.
7. Невеличекъ мужичокъ, ножки жиденьки, подпоясанъ коротенько, а по избѣ пройдется—пыль столбомъ.
8. Молчанъ-собачка, а домъ стережетъ.
9. Въ подпольѣ лежитъ пирогъ съ морковью; хочется ѣсть, да не хочется лѣзть.
10. День корпитъ, ночь корпитъ, а въ затопъ спитъ.
11. Пагишемъ ребенокъ по полу ползаетъ, а занозы не боится.
12. Два конца, два кольца, въ серединѣ гвоздь.
13. Два бойца, два стекла, четыре песта, да одинъ ревунъ.
14. Быкъ желѣзный, а хвостъ кудельный.
15. Одинъ братъ: я постою; другой братъ: я покачаюсь; третій братъ: я побѣгу.
16. Въ Саратовѣ срубы рубятъ, въ Москву щепа летитъ.
17. Лѣзу, лѣзу по желѣзу на мясную гору, сяду на деревянную скамейку.
18. Два брата пузатенькихъ подъ гору бѣгутъ, одинъ горбатенькій, ихъ за вихоръ держитъ.
19. Двое стоятъ, двое лежатъ, двое держатъ, седьмой ходитъ, осьмой водитъ.
20. Летали гуськи, дубовы носки; что взовьются, то объ земь ударятся; кричатъ не кричатъ и молчать не молчатъ.
21. Что въ водѣ родится, то воды боится.

1. Полозья подъ санями.
2. Столъ.
3. Пѣтухъ.
4. Серпъ.
5. Снопъ.
6. Хлѣбъ въ снопахъ.
7. Вѣникъ.
8. Замокъ.
9. Рыба подо льдомъ.
10. Заслонка.
11. Вѣникъ.
12. Ножницы.
13. Корова.
14. Игла съ ниткой.
15. Дорога, лѣсъ и вода.
16. Письма.
17. Сажусь верхомъ на лошадь.
18. Ведра съ коромысломъ.
19. Дверь съ косяками, петлями и человѣкъ, который ее растворяетъ.
20. Цѣпы, которыми молотятъ.
21. Соль.

У тебя у самого свой умъ

Козелъ повадился въ огородъ: бывало какъ только пастухи выгонятъ гуртъ свой, то Васька мой сперва, какъ добрый, идетъ, головой помахиваетъ, бородой потряхиваетъ; а какъ только ребятишки засядутъ въ овражкѣ гдѣ-нибудь въ камешки играть, то Васька и отправляется прямо на капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же знакомымъ путемъ, идетъ себѣ да пофыркиваетъ. Въ это время отбилась отъ гурта глупая овца, зашла въ чащу, въ крапиву, да въ лопушникъ; стоитъ, сердечная, да кричитъ, да оглядывается, не найдется ли кто добрый человѣкъ, чтобы вывелъ изъ этой бѣды. Увидавши козла, обрадовалась она, какъ родному брату: пойду дескать хоть за нимъ. Этотъ выведетъ: мнѣ не первина за нимъ итти; у насъ и впереди гурта тожъ козелъ вожакъ идетъ, за нимъ ступай смѣло! Пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ — она черезъ оврагъ: онъ черезъ тынъ — она черезъ тынъ — и попала съ нимъ же въ огородъ. На этотъ разъ огородникъ заглянулъ какъ-то пораньше въ капусту свою, да и увидалъ гостей. Схватилъ онъ хворостину предолгую, да кинулся на незванныхъ. Козелъ, какъ попроворнѣе, успѣлъ перескочить опять

черезъ тынъ, мемекнулъ, да и пошелъ себѣ въ чистое поле, а бѣдная овца замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ, что уже она кричитъ не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ огородникъ, подумавши про себя: чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ хозяинъ привяжется, выгналъ ее въ калитку, и еще-таки на дорогу вытянулъ во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, въ гуртъ, да и плачется на козла; а козелъ говоритъ: а кто велѣлъ тебѣ за мною хвостомъ бѣгать? я пошелъ въ свою голову, такъ мой и отвѣтъ; коли мужикъ мнѣ отомнетъ бока, такъ я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачѣмъ дома не кормитъ, ни на пастуха, зачѣмъ-де не приглядѣлъ за мною, а ужъ буду молчать, да терпѣть. А тебя зачѣмъ нелегкая понесла за мною? я тебя не звалъ.

И козелъ, хоть и плутъ, воръ, а правъ въ этомъ дѣлѣ. Смотри всякъ своими глазами, раскидывай своимъ умомъ, да и ступай туда, гдѣ лучше. И у насъ то же бываетъ: одинъ пустится на какой ни есть грѣхъ, а другой, на него глядя, за нимъ же, да послѣ, какъ попадется, и плачется на учителя. А развѣ у тебя у самаго своего ума нѣтъ?

Шило въ мѣшкѣ, а грѣхъ на совѣсти не утаишь

Солдатъ стоялъ на постоѣ у вдовы скорняка. Вдова перебивалась кое-какъ: мужъ большихъ залишковъ ей не покинулъ, а нашлось рублевъ съ полторы тысячи. Вдова на нихъ и торговала ложками да плошками и кормила свою семейку. Солдатъ нашъ служилъ не

первый и не пятый годъ, и знали его товарищи и начальники какъ хорошаго, и смирнаго и честнаго солдата: стоялъ онъ у вдовы на постоѣ давненько, и она на него не жаловалась, худа отъ него не видала.

Тѣмъ часомъ вдова собиралась ѣхать на ближнюю ярмарку, и всего-то верстъ за пятьдесятъ; собрала деньжонки, что кой-какъ сколотила за полгода, сосчитала ихъ вечеромъ, не таившись отъ постояльца своего, насчитала сотъ семь, положила въ сундучишко, да и стала говорить солдату, что ей купить надо, да на долго ли поѣдетъ,—просила за домомъ присмотрѣть безъ нея, да въ свободный часъ и за хозяйствомъ, потому что она, вишь, ему вѣрила, какъ своему: накормила ужиномъ, да и пошла спать.

У этой же вдовы одна дочь была за-мужемъ, и зять, парень не совсѣмъ путный, давно уже приставалъ къ тещѣ, чтобы выдѣлила жену его, дала бы, что причтется отцовскаго наслѣдья; а вдова не хотѣла: «поколѣ, говоритъ, деньжонки у меня въ рукахъ будутъ, такъ они цѣлы, да еще и по маленьку прибываютъ; добро ваше не пропадетъ, дѣтей вашихъ, коли Богъ дастъ, одѣвать и обувать буду, а денегъ вамъ не дамъ; вы и меня и семью мою разорите, а сами не наживетесь, дочь моя мужа въ рукахъ держать не умѣетъ, а онъ любитъ погулять, такъ толку изъ этого выйдетъ немного.» Зять накануѣ поссорился съ тещею, да еще съ-похмѣлья пригрозилъ; а проспался, такъ, можетъ статься, и забылъ, что говорилъ, и сердце прошло. Теща, осердившись на зятя, сказывала при сторонникъ людяхъ, что вотъ-де какой у меня зять: и грозитъ и шумитъ, — коли сбокрадутъ меня, люди добрые, либо, упаси Господи, убьютъ, — такъ уже знайте, что некому больше, какъ зятю.

Нашего солдата, который дожилъ до 35 годовъ безъ всякаго большого грѣха и худаго дѣла, одолѣла грѣшная дума, да не покидала во всю ночь: украду-де у хозяйки деньги, да подальше запрячу,—на меня никто и не подумаетъ, не скажетъ; сама хозяйка отвела весь отвѣтъ и поклепъ на зятя, а я буду въ сторонѣ.

Такъ и сдѣлалъ. Хозяйка встала чуть свѣтъ, да пошла выгнать корову; солдатъ нашъ чистился объ эту пору, собирался въ караулъ; не успѣла выйдти за ворота, какъ онъ отбилъ замокъ у сундука, деньги вынулъ, а сундучокъ отнесъ да закинулъ въ пустую баню, на задахъ у зятя; а самъ пошелъ, будто за какимъ дѣломъ, къ одному, да къ другому товарищу, которые также стояли по квартирамъ, и воротился домой, когда уже воротилась хозяйка, и спохватилась сундучка. Туда, сюда—стали разбирать, спросили хозяйку: на кого думаешь, на кого у тебя подозрѣніе, не солдатъ ли? Она говоритъ: нѣтъ; упаси меня Богъ отъ поклепа да напраслины: на солдата своего не думаю, а некому больше украсть, какъ зятю. Стали искать, нашли у зятя въ банѣ разбитый сундучишко; принялись за молодца, посадили въ острогъ, затаскали по судамъ, держали, держали — тамъ онъ гдѣ-то и померъ, бѣднякъ, и жену молодую покинулъ на сносяхъ; родила уже безъ него, какъ овдовѣла.

Солдатъ нашъ молчитъ; ни тутъ, ни тамъ, нигдѣ на него нѣтъ наговору, никто и не догадывается; ходитъ себѣ чистъ, да правъ, словно мы съ тобой. Однако, какъ поглядитъ онъ на молодую бабенку, что осталась одна-одной на бѣломъ свѣтѣ, поглядитъ ину пору на малаго ребенка, что родился на свѣтъ сиротою, безъ отца, какъ поглядитъ еще и на старую хозяйку свою, которая со дня на день стала разоряться, когда украли у нее послѣднее, что было и чѣмъ тор-

говала, добывала себѣ хлѣбъ—да какъ вспомянетъ еще къ этому, что онъ всему виной и причиной, — такъ тяжело ему становится на сердцѣ, словно камень лежитъ на груди. Бился онъ долго, терпѣлъ, перемогался, хворалъ, не спалъ по ночамъ, а заснетъ, такъ мечется, да охаетъ, да бредитъ вслухъ:—«нѣтъ мочи совсѣмъ, хоть утопиться»; только и забудетъ горе, какъ достанетъ синенькую, до напьется — а ужъ онъ сталъ и пить, чего прежде за нимъ не бывало никогда; отляжетъ тоска поколѣ хмѣленъ, а послѣ и приступитъ опять, да пуще прежняго.

Такъ сидѣлъ разъ вечеркомъ солдатъ нашъ за воротами, накинувъ шинель на плечи, да накрывши лацканомъ и лицо и глаза, словно разломило головушку, и думалъ думу, про бѣду да горе свое, что разорилъ онъ старую хозяйку свою, отъ которой опричь добра не видалъ ничего; сгубилъ занапрасно зятя ея, да пустилъ двухъ сиротъ по міру. Въ это время подошелъ къ нему однокашникъ и землякъ его, присѣлъ рядомъ да и началъ его разспрашивать: что-де ты, Касьяновъ, не веселъ больно? боленъ не боленъ, а въ себѣ не воленъ; что съ тобой сталось, говори?

Касьяновъ поднялъ голову, поглядѣлъ на товарища, да вздохнулъ: «Такъ, что-то сердце болитъ.»

«А съ чего жъ оно у тебя стало болѣть, Касьяновъ? Прежде — а я тебя, слава Богу, годовъ съ двадцать знаю, зналъ еще и до службы царской,— прежде за тобой этого не бывало, какъ не бывало и грѣха; а нынѣ...»

«Молчи, не говори вслухъ, сказалъ, испугавшись, Касьяновъ, молчи, люди услышатъ.»

«Что ты, Господь съ тобою, началъ опять товарищъ, да нешто мы съ тобой отъ людей таимся, что ли?» — Поглядитъ на Касьянова, а у него слезы градомъ и полились.—Послушай, сказалъ ему товарищъ.

покайся хоть на духу; а ты сдѣлалъ худое дѣло. Сердце въ тебѣ ноетъ отъ того, что грызетъ тебя совѣсть. Ты Касьяновъ сталъ нынѣ погуливать, чего за тобою отродясь не бывало, а деньжонокъ залишнихъ у тебя нѣтъ; гдѣ ты взялъ ихъ? Это что-нибудь да не ладно. Вотъ съ чего у тебя и сердце болитъ, да вотъ съ чего и не спится, да и заснешь, такъ мелешь не знать что, да еще и проговариваешься: ты намедни, какъ мы съ тобой въ караулѣ стояли, что говорилъ заснувши?»

«А что я говорилъ?» спросилъ, испугавшись, Касьяновъ.

«Ну, отвѣчалъ тотъ, тамъ ужь что ни говорилъ, да говорилъ; ты знаешь, что я обманывать тебя не стану. А слышали, можетъ статься, и ребята; того и гляди, что перескажутъ одинъ другому, и не ладно будетъ. Господь съ тобою, Касьяновъ, я не начальникъ тебѣ, я не духовникъ; а покайся самъ отъ себя, поколѣ люди не дознались, а то погубишь ты свою душу.

Касьяновъ заплакалъ да и признался земляку своему во всемъ; тотъ сперва не хотѣлъ-было и слушать. «Не говори мнѣ, а поди, либо скажи ротному командиру, либо попу, а мнѣ не говори»,—да Касьяновъ не пустилъ его, а велѣлъ сидѣть да слушать, «я деньги укралъ у Селиверстовой, а ларецъ закинулъ въ баню къ зятю; я и душу его сгубилъ тѣмъ и разорилъ двѣ семьи!»

«Не боишься ты Бога»,—молвилъ товарищъ его, — «не боишься Бога и не чаешь умереть! и что жь тебѣ пути и проку въ деньжонкахъ этихъ? Научился пьянствовать, чего прежде и не зналъ, да вотъ отбило тебя ото сна, отъ ѣды, да покоробило, словно отъ лихой болѣсти—только и есть! что тебѣ въ нихъ радости! Всѣ что ли прогулялъ?»

«Нѣтъ, отвѣчалъ Касьяновъ, больше сотни не прогулялъ; а тѣ цѣлы всѣ.»

«Гдѣ же они у тебя лежатъ?»

«Въ гауптвахтѣ, подлѣ печи, повыше наръ, есть въ бревнѣ гнилой сукъ и дуплина: туда я ихъ засунулъ, да приткнулъ, опять мохомъ.»

«Что же ты теперь думаешь, какъ быть?»

«Ничего я, братъ, не знаю, и ума не приложу; видно, пойду, да утоплюсь.»

«Нѣтъ, Касьяновъ, то худо ты выдумалъ, а это и похуже того. Пожалуй, утопиться не долго,—какъ вотъ не долго было тебѣ и тысячу рублевъ украсть, да послѣ что будетъ? Кого обидѣлъ ты на этомъ свѣтѣ, тому и отъ смерти твоей легче не будетъ; а души своей, хоть жерновъ на шею себѣ навяжи, не утопишь; какъ выйдешь ты на страшный судъ, такъ тебя лицемъ къ лицу, на очную ставку и поставятъ съ тѣми, кого здѣсь погубилъ, кого обижалъ, кого обворовалъ.»

«Какъ же быть, братъ?» спросилъ Касьяновъ, и опять заплакалъ, «какъ быть, дай ума?»

«Думай, да гадай ты сколько хочешь,—сказалъ опять товарищъ его, Воронаевъ,—а не миновать тебѣ, что признаться ротному; пусть доложитъ полковнику, да проси, чтобъ помиловали, чтобы покончили, да порѣшили своимъ судомъ, а деньги-моль почитай всѣ цѣлы, и съ Селиверстовой-де раздѣлаешься и поладишь, что просить не станетъ.»

Касьяновъ подумалъ — да такъ и сдѣлалъ; за добровольное признаніе его помиловали, подъ судъ не отдавали, наказали своимъ судомъ, а вдова рада, рада была, что воротила бо́льшую половину денегъ—и просить дальше не думала.

«Ну что»,—спросилъ Воронаевъ Касьянова, когда тотъ, покончилъ все и отдохнулъ уже послѣ наказанія—«ну, что, легче ль на сердцѣ теперь?

«Легко, братъ Воропаевъ, Господь тебя надоумилъ да послалъ—я бы утопился.»

«И что же, спросилъ опять Вооропаевъ, и ты какъ думаешь, теперь кончено все и хлопотать намъ не о чемъ?»

«Конечно все; чего же еще? деньги отнесъ, сто рублей только не хватаетъ; побить, побили—да это не бѣда; впередъ не попутаетъ меня сатана, не соблазнитъ!»

«Нѣтъ, братъ, не кончено,—сказалъ Воропаевъ. «Пойдемъ-ка со мной». И привелъ его ко вдовѣ, которая жила теперь опять вмѣстѣ съ дочерью, и жила почитай однимъ только огородишкомъ. — «Вотъ, тетушка, сказалъ онъ ей, пришли къ тебѣ два работника, въ кабалу: недобрый человѣкъ, что̀ укралъ у тебя деньги, покаялся, какъ знаешь (а она не знала, кто укралъ, знала только, что нашли деньги), покаялся, отдалъ тебѣ, что было денегъ, да вотъ еще насъ двоихъ нанялъ, чтобы цѣлое лѣто, когда не на службѣ, работали у тебя, что заставишь, въ огородѣ.

«Дай же ему Богъ спасеніе души», сказала старуха; «хоть онъ и обокралъ было меня, да и вамъ спасибо! А работа вамъ найдется: надо гряды копать, надо садить, да разсаживать — спасибо вамъ, спасибо и ему!»

До чего доводитъ авось да небось

Когда мы стояли съ полкомъ во Владимірской губерніи, да и вся дивизія наша, правда, стояла тутъ же, во Владимірской, такъ было въ 3-й карабинерной ротѣ два солдата, которыхъ ребята звали близнецами. Были они не братья, не земляки, одинъ тамбовскій, другой воронежскій, а оба одного росту, однихъ ста-

тей, оба изъ себя молодцы, оба Иваны, и похожи одинъ на другого какъ нельзя больше. Одного тамбовскаго звали Кириловымъ, а другого, воронежскаго, Гавриловымъ; а свои ребята, бывало, не зовутъ ихъ иначе, какъ близнецъ Кирило, да близнецъ Гаврило.

Близнецы наши были ребята смирные, хорошіе; на службѣ, правда, хоть и не такъ давно, всего годовъ съ пятокъ были, однако никакого худа за ними никто не видалъ; только были они ребята простые и ума въ нихъ не палата. Жили они промежъ собою дружно, словно братья, и гдѣ одинъ, тамъ, бывало, и другой: а коли одинъ пришелъ, а другого нѣтъ, такъ уже такъ и знай, что тотъ либо въ караулѣ, либо гдѣ на службѣ. Пришли праздники, Свѣтлое Христово Воскресеніе, и пошли они, близнецы, пройтись по селу и посмотрѣть на качели, гдѣ народу сошлось много и собрались дѣвки со всего села; а село было большое и людное. Долго ли, коротко ли близнецы наши походили тутъ, посмѣялись да повеселились, какъ поднесъ имъ товарищъ свой по рюмкѣ — они было отговаривались, да ради праздника выпили по другой, а можетъ, и по третьей. Ихъ съ непривычки маленько и разобрало, повеселѣли, глядятъ смѣючись на весь бѣлый свѣтъ, обнимаются да цѣлуются, ради пресвѣтлаго праздника, то промежъ собой, вдвоемъ, то съ другими ребятами, либо съ мужиками, дѣвками да бабами. Веселѣй да веселѣй, однако день ушелъ, настала и ночь, пошли солдаты по дворамъ, на перекличку—пошли и близнецы наши, да послѣ всего, какъ не спалось еще имъ, сошлись опять за воротами, сѣли, да стали говорить, по-братски, о всякой всячинѣ.

Слово за словомъ, близнецъ Кирило и признается близнецу Гаврилѣ, что ему больно полюбилась дѣвка

одна, вотъ-де такая-то, и что солдатскому сердцу его тоскливо жить безъ нея на свѣтѣ — надо бы то да сё, а пуще всего, что надо бы подарить ее чѣмъ нибудь на праздники, да и отца и мать, чтобы задобрить ихъ, да денегъ нѣту, и негдѣ достать.

«Да вотъ, говоритъ Гаврило, я давно было ужь хотѣлъ тебѣ сказать—не знаю какъ ты разсудишь, а мнѣ хозяинъ мой сулитъ задаромъ много деньжонокъ—да боюсь я, чтобы не было чего.»

«Какъ такъ, спросилъ Кирило, какъ задаромъ?»

«Да онъ, видишь ли, проситъ достать ему сколько-нибудь, хоть сотенку, красными либо синенькими, а отдать хочетъ тутъ же, не продержавъ ни годинка, за десять красныхъ пять сотенныхъ ассигнацій, а за пять красныхъ двѣ сотни съ половиною.»

«Эка, парень, что жъ ему—не ужто жъ онъ нигдѣ не размѣняетъ, что этакой промѣнъ платитъ?»

«Кто его знаетъ; то-то и я, видишь, побаиваюсь: а вѣдь можно бы разбогатѣть сразу—да не отгадаешь напередъ, братъ, чтобъ не было худа.»

«Такъ за сто рублевъ пятьсотъ сулитъ? Эка, подумаешь, кабы достать сотенку... что за худо! Авось да небось—все пройдетъ! Послушай, братъ, я пойду, схожу къ земляку, что у поручика нашего въ денщикахъ—чай на одинъ часъ достанетъ сотенку, вѣдь за-разъ и отдадимъ, какъ думаешь?»

«Да коли бъ досталъ, такъ бы ладно: возьмемъ по полторы сотни себѣ, да сотню ему отдадимъ, за труды; ась? ступай-ка братъ—авось!»

Теперь надо сказать, какія деньги мужикъ сулилъ нашимъ близнецамъ. Въ тѣ поры въ Казани появился монетчикъ какой-то, что поддѣлывалъ государевы ассигнаціи и спускалъ ихъ больше плотникамъ, которые приходятъ въ Казань что годъ изъ русскихъ губерній, а больше изъ Владимірской, и спускалъ такъ, что,

бывало заманитъ, подпоитъ, да и подговоритъ размѣнять заработанныя деньжонки свои на поддѣльныя, фальшивыя, и давалъ сотъ по пяти и больше за сотню настоящихъ. Мужики наши навезли денегъ много—да ужъ и сами побаиваются, не знаютъ, какъ сбыть ихъ; въ городѣ, и въ лавкахъ, и на рынкѣ, стали подмѣчать уже, что ходятъ недобрыя ассигнаціи, а начальство стерегло, чтобы кого поймать. Кто жилъ изъ мужиковъ въ Казани по 300 рублей за лѣто, глядишь, воротится на зиму домой, да принесетъ рублевъ съ тысячу. Люди дивуются, что за притча такая, отколѣ у нихъ деньги берутся?—а они мѣняютъ ихъ на фальшивыя, да и думаютъ, что богаты стали. Одолѣла ихъ, видишь, дурь, глупость мужицкая, да подбила корысть: они, такъ же, какъ и близнецы наши, авось да небось—да и пустились на такое дѣло, которое погубитъ всякаго, кто съ нимъ свяжется.

Близнецы наши подговорили денщика, достали у него съ сотню, размѣняли на пятьсотъ и подѣлились втроемъ. Денщикъ деньги положилъ опять на мѣсто, и все бы казалось и шито и крыто — близнецы погуливаютъ, задарили дѣвокъ платочками да лентами — денегъ у нихъ больше нѣтъ, и стали они уже думать, какъ бы достать еще, потому-что ужъ извѣстное дѣло кто за худымъ пойдетъ, кто на худое пустится, тотъ однимъ худымъ дѣломъ не покончитъ, а пойдетъ, впередъ, за другимъ и третьимъ—стали они опять думать, какъ бы достать денегъ, первая-де попытка сошла съ рукъ, авось и въ другой разъ будетъ то же—анъ объ эту пору мужикъ, хозяинъ нашего близнеца Кирилы, попался съ ассигнаціями своими; заковали его, стали допрашивать, онъ и показалъ на всѣхъ, кому спускалъ ихъ, да показалъ и на близнецовъ Что жъ изо всего этого вышло? и близнецы, оба, и денщикъ поручика, всѣ пропали за этой бѣдой; судились военнымъ судомъ.

подпали подъ штрафъ, наказаніе было немалое, потому-что вина большая—а много ли было имъ радости отъ этого худого дѣла? Размотали деньги въ одну праздничную недѣлю, погуляли, помотали — а плакали вѣкъ..

Слушай, ребята, близнецы мои были, какъ и сказалъ я сначала, не такіе парни, чтобы все худое у нихъ на умѣ было; жили и служили они до поры, до времени хорошо, да попутало ихъ *авось* да *небось*, а ума въ головѣ не стало разсудить, какой этому будетъ конецъ; одинъ повѣрилъ мужику, тотъ повѣрилъ другому, другой третьему, да глупымъ разумомъ и разсудили, что *авось* да *небось* русскаго солдата не выдастъ. Нѣтъ, ребята, грѣхъ безъ кары не живетъ: не накажетъ тебя Государь, такъ грызть будетъ совѣсть, да отвѣтъ дашь на страшномъ судѣ. *Авось* да *небось* не выдастъ русскаго солдата въ чистомъ полѣ, гдѣ штыкъ на штыкъ и грудь на грудь напираетъ — тамъ *небось*, тамъ и *авось*: Господь Богъ по тебѣ, Государь по тебѣ, и не страшно; а гдѣ пошелъ противъ Бога и Великаго Государя—тамъ не отведешь грозы, бѣды не минуешь! Отецъ и Государь тебѣ первый судья на этомъ свѣтѣ—Господь на томъ; судья милосердый, праведный, но строгій: отъ обоихъ не уйдешь: либо здѣсь, либо тамъ, а на расправу потянутъ. Что же, тебя нешто станетъ на то, чтобы пойти тутъ противъ Государя, а тамъ противъ Бога? Ты червь, былинка; выслужись вѣрой и правдой, окупи душу свою, скажись самъ человѣкомъ, будетъ тебѣ почетъ и здѣсь и тамъ; а коли житья тебѣ нѣтъ ни на этомъ свѣтѣ, ни на томъ, такъ куда же ты дѣнешься съ головой своею что станешь дѣлать?

МАТРОССКІЕ ДОСУГИ

Вселенная

Чудны дѣла Твои, Господи? Дивно устроены міры Твои; незримою рукою разсыпалъ и пустилъ Ты вселенную Свою по безмѣрному пространству—и она устроилась по волѣ Твоей, и безчисленные міры Твои движутся, словно по заведеннымъ часамъ, отъ вѣка и до вѣка.

Дивно создалъ Ты человѣка, по образу и подобію Твоему, и дозволилъ ему умомъ и книжнымъ ученьемъ доходить до премудрости: Ты дозволилъ ему познать законъ и порядокъ сотворенія Твоего; познать, что такое вселенная: солнце, звѣзды, луна, земля; дозволилъ познать ему, какими путями которое изъ тѣлъ небесныхъ течетъ, какъ велики они въ объемѣ и въ какомъ другъ отъ друга разстояніи.

Все это позналъ человѣкъ, Господу сонзволяющу, разными хитро устроенными снарядами, долгомѣрными подзорными трубами, прилежнымъ ученіемъ и наблюденіемъ,—а также вычислилъ цыфирными выкладками и повѣрилъ послѣ выкладки эти на дѣлѣ.

Если я, напримѣръ, по скорости хода корабля, по направленію хода или курсу, да по времени, сколько

онъ лежалъ курсомъ этимъ,—если я вычислю, что онъ къ такому-то часу придетъ на такое-то мѣсто,—и если на дѣлѣ такъ выйдетъ, то стало быть выкладка моя вѣрна; я повѣрилъ ее на дѣлѣ, и вижу, что я не ошибся, что дошелъ умомъ своимъ до дѣла. А если я такими же выкладками найду, гдѣ и въ какую пору надо стоять такой-то звѣздѣ, и если она въ урочный часъ станетъ тамъ,—то выкладка моя вѣрна, и ходъ звѣзды этой сталъ мнѣ извѣстенъ.

Солнце, которое свѣтитъ намъ и грѣетъ и живитъ насъ, безъ котораго не было бы ни тепла, ни свѣта—солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, посреди вселенной, а земля и прочія планеты катятся вокругъ, на просторныхъ, раздольныхъ кругахъ. Взгляни на яблоню, когда яблоки на ней поспѣваютъ: одно, посединѣ, пусть будетъ солнце, а прочія, вокругъ, земля и другія планеты; но всѣ онѣ бѣгутъ на кругахъ, словно взапуски, катятся, ровно ядро по землѣ, то-есть, ворочаются черезъ себя, и въ то же время подаются впередъ Ядро или бомба, пущенная по воздуху, летитъ также покатомъ: сама вертится, впередъ летитъ.

Какія жъ это другія планеты, кромѣ земли, какіе есть у нея товарищи на вѣковѣчномъ пути вокругъ солнца:—А взгляните на звѣздное небо: звѣзда мерцаетъ, словно глядитъ и щурится, играетъ огнями; а промежъ звѣздъ увидите вы тутъ, либо тамъ яркую, свѣтлую звѣзду другого разбора: она не мельтешитъ, не мерцаетъ, не горитъ огнемъ, а свѣтитъ ровно и спокойно, какъ наша луна. Вотъ это одна изъ планетъ.

Большихъ планетъ, видимыхъ глазами безъ трубы—когда стоятъ онѣ выше земли, въ нашей половинѣ неба,—планетъ этихъ, считая также землю, всего семь; но три изъ нихъ такъ удалены отъ насъ, что едва только видны бываютъ, какъ самыя малыя звѣзды.

Считая отъ солнца, планеты идутъ въ такомъ порядкѣ: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ.

Кромѣ нихъ, есть еще съ десятокъ малыхъ планетъ, видимыхъ только въ большія подзорныя трубы. Всѣ онѣ ходятъ вокругъ солнца разными кругами: Меркурій всѣхъ ближе къ солнцу, малымъ кругомъ, а Уранъ всѣхъ дальше, самымъ большимъ. Звѣзда, которую называютъ по́просту зо́рницей, также утренней и вечерней звѣздой,—это Венера; кромѣ того нерѣдко можно видѣть Юпитера, который походитъ на самую большую и свѣтлую звѣзду, только не мерцаетъ.

Ближайшая къ солнцу планета, Меркурій, удалена отъ него на 60 милліоновъ верстъ; дальнѣйшая, Уранъ, на 2800 милліонновъ верстъ. Земля удалена отъ солнца на 150 милліоновъ верстъ.

Поговоримъ теперь о землѣ нашей. Говорится, солнце течетъ вокругъ земли, солнце восходитъ и заходитъ—а на дѣлѣ земля наша бѣжитъ вокругъ солнца, ворочаясь сама черезъ себя—и отъ этого бываетъ день и ночь, зима и лѣто и счетъ годами. Какъ земля сама на себя оборотилась—такъ и сутки прочь; который бокъ земли смотритъ на солнце, на томъ боку день; а который смотритъ прочь отъ солнца, тамъ потемки, ночь. На окраинахъ, промежъ дня и ночи, промежъ свѣта и потемокъ—сумерки: по одному краю заря утренная, по другому вечерняя; тамъ восходитъ солнце, тутъ заходитъ. По самой серединѣ между восходомъ и закатомъ, на той полосѣ земли, которая стоитъ прямо по отвѣсу противъ солнца—будетъ полдень; а по другую сторону шара земного, супротивъ полудня, будетъ полночь.

Изъ этого видно, что утро и вечеръ, полдень и полночь, по мѣрѣ того, какъ земля катится, обходитъ кругомъ всю землю и что поочередно для всѣхъ жи-

телей земныхъ бываетъ ночь и день. Изъ того же видно, что для всякаго мѣста бываетъ свой полдень и полночь; и стало быть у всякаго мѣста свои часы. Петербургскій часъ на московскій не приходится; коли поставишь въ Питерѣ часы по солнцу и пріѣдешь съ ними въ Москву, то они будутъ не вѣрны: ставь ихъ по московскому солнышку. Что дальше на востокъ, то солнце раньше восходитъ; раньше приходитъ на полдень, раньше заходитъ, а именно, на каждыя 1500 верстъ къ востоку люди живутъ часомъ впередъ. Разсчитать это не мудрено, если знать, что поперечникъ земли 12 тысячъ верстъ, а окружность ея 36 т. верстъ; коли она въ 24 часа обарачивается вся черезъ себя, то на каждый часъ времени приходится изъ окружности земли по 1500 верстъ.

Въ 365 сутокъ земля обѣгаетъ вокругъ солнца и это мы называемъ годомъ. Замѣтимъ, что земля обходитъ солнце, по указанному ей Создателемъ пути, не ровно въ 365 дней, а еще въ 6 часовъ: эти-то 6 часовъ въ четыре года составляютъ сутки и вотъ почему каждый четвертый годъ бываетъ високосный: для вѣрнаго счета, мы прибавляемъ одинъ накопившійся день.

Земля летаетъ вкругъ солнца скорѣе всякой птицы перелетной, да (безъ всякаго сравненія скорѣе, чѣмъ ядро, пущенное изъ пушки: ядро пролетаетъ въ одну секунду не болѣе полуверсты, а земля—страшно вымолвить—21 версту въ секунду!

Отчего бываютъ на землѣ четыре времени года — это растолковать на словахъ не совсѣмъ легко. Если проткнуть шаръ, напримѣръ арбузъ или яблоко, спицей, и катить его ровно колесо, то сравнивъ его съ землей, можно сказать, что самая средняя полоса шара, по которому онъ катится, называется экваторомъ или кругомъ равноденствія; а двѣ точки, гдѣ вошла

спица—полюсами. Еслибъ затѣмъ земля вертѣлась вокругъ солнца такъ, чтобы ось земли стояла по одному отвѣсу съ осью солнца, то по полосѣ экватора было бы всегдашнее лѣто, а по обѣ стороны ея всегдашняя зима, потому что подъ прямымъ лучемъ солнца бываетъ жарко, а подъ пологимъ холоднѣе; такъ и въ полдень бываетъ жаръ, а утромъ и вечеромъ прохладнѣе. Но ось земли, вокругъ которой она вертится, наклонилась противъ оси солнца; поэтому зима и лѣто переходчивы. Однако, все-таки по близости экватора жарче, туда лучи солнца падаютъ прямѣе, отвѣснѣе; а у полюсовъ холоднѣе: что ближе къ нимъ, то лучи солнца ложатся отложе, болѣе вкось и вскользь.

Скажемъ слово о лунѣ: она спутникъ, провожатый нашъ; она такой же шаръ, какъ и земля наша, только въ 13 разъ поменьше. Она катится вокругъ земли, какъ земля вокругъ солнца; но есть малая разница: земля летитъ впередъ покатомъ и потому, сама, обораччиваясь вокругъ оси своей, поворачиваетъ къ солнцу посмѣнно все лицо свое, всѣ стороны; а луна бѣжитъ такъ, что показываетъ землѣ всегда одну и ту же сторону, одно лицо. Это то же, что привязать ядро или яблоко на веревку и пустить его вокругъ головы.

Теперь перейдемъ опять къ небесамъ, ко вселенной.

Мы сказали, что знаемъ, о солнцѣ, о землѣ съ луной и о прочихъ планетахъ; а о звѣздахъ не говорили. Звѣзды, которыя свѣтятся яркими искрами, играютъ алмазами, — звѣзды эти такія-жъ солнца, какъ и наше родимое солнышко; да, каждая изъ видимыхъ нами звѣздъ солнце, и вокругъ каждаго изъ нихъ, надо думать, обращаются такіе жъ міры, какъ и вокругъ нашего солнца. Ихъ не видать, конечно, и это одна догадка, но догадка вѣрная. Коли есть ясное солнышко, которое въ безмѣрномъ разстояніи кажется намъ звѣз-

дой, то оно для кого нибудь да свѣтитъ; стало быть, есть у него и свои міры.

Вотъ какая безмѣрная даль отъ насъ до этихъ отдаленныхъ солнышекъ: они видны намъ только ночью, когда все вокругъ темно, да и тогда только что мелькаютъ звѣздочками!

Такъ хитро и мудро, уму нашему непостижимо устроена вселенная: солнце наше съ землею и съ другими планетами—все это плаваетъ на вѣсу, по широкому, глубокому, далекому простору, которому нѣтъ конца!

Благоговѣемъ передъ премудростію и непостижимымъ для насъ величіемъ всемогущаго Творца — и въ ничтожествѣ своемъ съ молитвой къ Нему умолкнемъ!

Пословицы

1. Кто на-морѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался.
2. Дума за морями, а смерть за плечами.
3. За-моремъ телушка полушка, да рубль перевезу.
4. Иди въ море на недѣлю, а хлѣба бери на годъ.
5. Дальше моря—меньше горя.
6. Съ моря жди горя, а отъ воды бѣды.
7. Отдумать старику ѣхать за рѣку: погода велика — утопитъ старика.
8. На водѣ ноги жидки.
9. Хвали море, а сиди на берегу.
10. Видучи непогодь — не пошто въ море.
11. Сиди у-моря, да жди погоды.
12. Солдатъ въ полѣ умираетъ, матросъ въ морѣ, мужикъ въ ямѣ.

Петербургъ

До государя Петра Великаго Русь была царство материковое и примыкало къ морю только на самомъ сѣверѣ, въ Архангельскѣ. Ни балтійскихъ земель, ни черноморскихъ у насъ не было; первыя стояли за шведами, вторыя за турками.

Море раздѣляетъ государства, море ихъ и связываетъ: гужемъ нѣтъ ни дешеваго и удобнаго проѣзда, ни провозу товаровъ и торговли. Широкій и далекій материкъ отдѣлялъ Русь отъ всѣхъ государствъ; нельзя было иначе попасть въ одно, какъ проѣхавъ нѣсколько другихъ; а потому мы были всегда связаны, ровно въ осадѣ, и въ зависимости отъ другихъ: они могли пропускать и не пропускать къ намъ и отъ насъ товары и путниковъ, и могли накладывать какую хотѣли пошлину; мы сидѣли ровно въ мѣшкѣ.

Вотъ какъ важны море и флотъ!

На то время, какъ нарочно, шведы сами задѣвали насъ и, считая себя посильнѣе, хотѣли войны. И точно, тяжело было Петру бороться съ ними: флоту до него не было ни щепки, а воины наши были плохи, то же что нынѣ турецкіе или персидскіе: храбрости довольно, да ни порядку, ни умѣнья, а говорится: умѣнье дороже богатырства. Такъ-то царю надо было въ то время и самому учиться, и другихъ учить, и новое войско строить, и флотъ создавать, и во все время воевать.

Но силенъ и великъ былъ царь этотъ духомъ и шелъ онъ своимъ путемъ, ничѣмъ не смущаясь, и говорилъ: непріятель мой будетъ мнѣ другъ, хоть и не вдругъ,—а сперва надо его побѣдить. Петръ Великій положилъ: не мириться со шведами, доколѣ не отдадутъ ему балтійскихъ земель и моря. Тутъ стану я твердо пятой, говорилъ онъ, тутъ заложу новую

столицу, на землѣ завоеванной, и примкну ею ко всѣмъ прочимъ государствамъ. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Край, гдѣ теперь лежитъ Петербургъ, назывался тогда Ингрія, Ингерманландія. Главная крѣпость его была на острову, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, Нотербургъ, названная потомъ нами, Шлиссельбургъ. Шведы разбили насъ подъ Нарвой и готовились къ сильному нападенію, какъ Петръ вдругъ явился съ войскомъ въ 1702 году въ исходѣ сентября, подъ этою крѣпостію, которая встрѣтила его пальбою изъ 140 орудій. Начальствовалъ у насъ Шереметьевъ, а царь принялъ званіе капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка и исправлялъ должность эту на дѣлѣ.

Войско наше дошло лѣвымъ берегомъ, а 50 судовъ, которымъ нельзя было пройти мимо крѣпости, перетащены были переволокомъ, по просѣкѣ, изъ Ладожскаго озера въ Неву; онѣ переправились ниже крѣпости на первый берегъ и перевезли туда орудія и войско. Стали сильно обстрѣливать крѣпость съ обоихъ береговъ; царь былъ день и ночь на своей батареѣ, управлялъ, училъ, наводилъ орудія и стрѣлялъ своими руками. Въ 10 дней сдѣлали три пролома; охотниковъ перевезли въ лодкахъ на островъ къ крѣпости и они пошли на приступъ; шведы отбили ихъ; на помощь послано еще два гвардейскихъ полка, съ лѣстницами— но лѣстницы были не въ мѣру коротки и шведы били нашихъ, которые лѣзли очертя голову. Видя это государь отослалъ съ берегу приказаніе черезъ поручика отъ бомбардиръ, Меншикова, не лучше ли отступить, но князь Голицынъ, начальникъ приступа, видя, что непріятель много потерялъ и слабѣетъ, отдалъ громкое приказаніе, чтобъ лодки отвалили отъ острова, сказавъ: либо всѣ ляжемъ здѣсь, либо руское знамя по

ставимъ! а посланному отъ государя отвѣчалъ: «Скажи государю, что я теперь принадлежу одному Богу.»

13 часовъ длился этотъ приступъ—и крѣпость сдалась 11-го октября. Гарнизону въ ней было всего 400 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 250 уцѣлѣло, и изъ нихъ было 150 раненыхъ. У насъ было 25 офицеровъ и до 480 солдатъ убитыхъ, да 900 солдатъ и 21 офицеръ раненыхъ. Вотъ какъ шведы оборонялись, что на каждаго изъ нихъ пришлось больше, чѣмъ по одному убитому и по два раненыхъ съ нашей стороны! Въ занятой нами крѣпости было 138 орудій.

На другой годъ (1703) войска наши подъ предводительствомъ самаго царя осадили, 26-го апрѣля, другую шведскую крѣпость—Невскій Шанецъ, или Ніеншанцъ, находившуюся на мѣстѣ теперешняго Охтенскаго адмиралтейства, и 1-го мая завладѣли ею и 78 пушками. Только что мы заняли крѣпость эту, какъ шведская эскадра подъ командою вице-адмирала Нумберса, подошла къ устью Невы, 2-го мая, и сдѣлала два сигнальные выстрѣла. Шереметьевъ приказалъ отвѣчать тѣмъ же и на эскадрѣ полагали, что все благополучно; она бросила якорь и одна шнева и большой ботъ, съ припасами и снарядами для крѣпости, вошли въ Неву. Ночь ихъ захватила и они остановились у Васильевскаго острова; а царь и поручикъ отъ бомбардиръ Меншиковъ, прошедши на 30 лодкахъ Фонтанкой, въ темную, дождливую ночь, тихо подошли къ судамъ этимъ и бросились на абордажъ. Ихъ встрѣтили пушечной и ружейной пальбой—но уже поздно; оба военныя судна были взяты. Одно было о 10-ти, а другое о 14-ти пушкахъ; изъ 77-ми человѣкъ экипажа, въ живыхъ осталось только 19. Въ самомъ абордажѣ участвовали у насъ только 8 лодокъ. Шведская эскадра удалилась; Нева и Ладога остались за нами; 16-го мая 1703 года государь положилъ осно-

ваніе новой столицѣ своей, Петербургу, заложилъ нынѣшнюю крѣпость, во имя Св. Петра и Павла. За побѣду эту и въ особенности за личную храбрость при взятіи двухъ непріятельскихъ судовъ абордажемъ, царь принялъ поднесенный ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго и былъ въ это время четвертымъ кавалеромъ въ государствѣ своемъ. Бомбардирскій поручикъ Меншиковъ также награжденъ былъ орденомъ Св. Андрея за этотъ подвигъ; офицеры же и солдаты, участвовавшіе въ побѣдѣ, получили медали съ изображеніемъ Петра и съ надписью: *небывалое бываетъ*.

Первый корабль

Въ 1697 году Царь Петръ Великій, находясь въ Голландіи для личнаго изученія корабельнаго мастерства, заложилъ своими руками и строилъ съ помощію взятыхъ имъ съ собою изъ Россіи дворянъ и голландскихъ плотниковъ, 60-ти пушечный корабль, длиною во 100 футовъ, во имя *Петра* и *Павла*. Онъ былъ спущенъ, вооруженъ, оснащенъ и отправленъ въ Архангельскъ—тогда еще у насъ балтійскаго поморья не было, оно было шведское — и этотъ корабль, къ которому царь ходилъ на работу съ топоромъ за-поясомъ, былъ первый русскій военный линейный корабль.

Но первые корабли русской постройки сдѣланы были въ Воронежѣ, на верфи, основанной въ 1694 году; въ 1696 первая донская флотилія, спущенная на воду, состояла изъ 2 военныхъ кораблей, 25 галеръ, 2 галеасовъ и 4 брандеровъ, и изъ Воронежа прошла Дономъ въ Азовское море. 40-ка пушечный фрегатъ *Ластка* въ 1699 году былъ первымъ нашимъ военнымъ судномъ на Черномъ морѣ; онъ отвезъ русскаго посла, думнаго дьяка Емельяна Украинцова, въ Царьградъ и

нечаяннымъ появленіемъ своимъ тамъ перепугалъ турокъ и надѣлалъ много тревоги.

Послѣ Воронежа, верфь заложена была въ Брянскѣ, потомъ, для каспійскаго флота, въ Нижнемъ; затѣмъ, послѣ завоеванія Невы и основанія сѣверной столицы, Петръ Великій въ 1704 году началъ тамъ строить суда; а въ то же время корабли строились въ Архангельскѣ и покупались у англичанъ и голландцевъ.

Такимъ образомъ прозорливый царь въ нѣсколько лѣтъ создалъ гребной и парусный флоты на всѣхъ сопредѣльныхъ намъ моряхъ, видя, что безъ этого пособія не быть у насъ свободной торговли, ни даже крѣпости государству. Только съ этого времени Россія стала выходить изъ подъ зависимости Швеціи и Турціи, а вскорѣ сдѣлалась и побѣдительницей надъ ними.

Первый походъ

Двунадесятые годы у насъ будто роковые: 1612-й памятенъ освобожденіемъ Москвы отъ сильныхъ въ то время ляховъ съ Литвою; 1812-й помнимъ мы всѣ сами, это французскій или наполеонскій годъ; а въ 1712 году государь Петръ Великій выслалъ впервые созданный имъ корабельный флотъ русскій на Балтійское море, противъ непріятеля.

У насъ было уже построено и спущено въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Архангельскѣ нѣсколько кораблей и фрегатовъ, другіе куплены въ Англіи, Голландіи; стояла война со шведомъ—но еще молоды были морскія силы наши; ни искусныхъ командировъ и офицеровъ, ни опытныхъ экипажей; надо учиться, говаривалъ государь: пусть насъ побьютъ, выучимся бить другихъ.

Доселѣ флотъ оберегалъ только наши берега; лѣтомъ 1712 года, когда государь былъ въ Даніи, замышляя

высадку на островъ Ругенъ и склоняя датчанъ къ себѣ на помощь, первый вице-адмиралъ нашъ, Крюйсъ, стоялъ у Кронштадта съ эскадрой. Въ ней было 3 корабля, 2 фрегата, 2 шнявы, 1 бомбарда, 6 бригантинъ и 12 скампавей или галеръ.

У Толбухина маяка показались два непріятельскіе корабля и одна шнява. Крюйсъ снялся съ якоря и пошелъ на встрѣчу; но за ночью, миляхъ въ трехъ отъ непріятеля, опять бросилъ якорь. Тутъ получена вѣсть, что у Сойкиной горы показалось еще десять шведскихъ судовъ.

На разсвѣтѣ 24-го числа вчерашнія три непріятельскія судна стали сами приближаться къ намъ съ попутнымъ вѣтромъ; Крюйсъ послалъ къ нимъ на встрѣчу 2 корабля и 1 шняву, а потомъ и самъ снялся; шведы привели къ вѣтру и пошли въ море. Вѣтеръ сталъ затихать; въ помощь погонѣ нашей посланы 4 бригантины, а когда заштилѣло, то приказано галерамъ взять всѣ парусныя суда на буксиръ. Въ полдень вѣтеръ засвѣжѣлъ, бросили буксиры, но эскадра наша, несмотря на все стараніе свое, стала отставать отъ непріятеля. Не видя пользы въ погонѣ, адмиралъ поднялъ бѣлый флагъ: прекратить погоню. Непріятель былъ въ полуторѣ мили за косою, а наша эскадра по сю сторону и притомъ очень растянулась.

Увидѣвъ это, шведы опять спустились,—вѣроятно желая лучше высмотрѣть нашу эскадру и надѣясь на ходкость своихъ кораблей. Они привели къ вѣтру въ полумилѣ отъ нашихъ передовыхъ. Адмиралъ поднялъ опять красный флагъ — знакъ погони — но непріятель сталъ уходить; вечеръ наступилъ и вѣтеръ все свѣжѣлъ: адмиралъ бросилъ якорь.

На другой и третій день шведская эскадра была еще въ виду; но при очень свѣжемъ, противномъ вѣтрѣ адмиралъ, съ неопытными моряками своими, не рѣ-

шился покинуть Кронштатда. Тѣмъ первая попытка наша кончилась.

Первое сраженіе на Балтійскомъ морѣ

Царь былъ недоволенъ этимъ первымъ походомъ противъ непріятеля и приказалъ Крюйсу въ другой разъ устроивать погоню такъ, чтобы догонять непріятеля.

Въ 1713 году царь намѣрился завоевать Финляндію. Онъ писалъ объ этомъ: «Ничѣмъ такъ шведовъ къ резону и къ склонности къ миру не приведемъ, какъ Финляндіею, откуда всѣ они довольствуются.» Въ прошломъ же (1712) году онъ писалъ Апраксину: «Когда Финляндію взять, то шведская шея мягче гнуться станетъ.»

Съ весны государь отправился на 200 гребныхъ судахъ съ 16 тысячами войска въ Гельсингфорсъ, а самъ воротился въ Кронштадтъ, для высылки парусной эскадры въ море. Она, подъ командою вице-адмирала Крюйса, состояла уже изъ 8 кораблей и 8 мелкихъ парусныхъ судовъ, и государь былъ при эскадрѣ этой шаутбенахтомъ, то есть контръ-адмираломъ, подъ именемъ *Петра Михайлова*. Въ Ревелѣ стояли еще 4 корабля и 1 фрегатъ, купленный въ Англіи. Только въ этомъ, 1713 году, флотъ нашъ сходилъ въ первый разъ отъ Кронштадта до Ревеля. Государь далъ объ этомъ такое приказаніе:

«Флоту итти къ Ревелю, держа впереди три мелкихъ судна, для развѣдокъ. Если встрѣтитъ непріятеля не по силамъ, то отступить; а коли по силамъ, то гнать, а въ Ревель послать, чтобы тамошніе корабли скорѣе выходили.»

Контръ-адмиралъ *Петръ Михайловъ* хотѣлъ самъ быть въ походѣ этомъ, но вице-адмиралъ Крюйсъ

сильно убѣждалъ его поберечь себя и остаться тамъ, гдѣ онъ былъ нужнѣе. Царь хотя очень огорчился этимъ, но какъ добровольный подчиненный, повиновался. Таковъ былъ государь этотъ всегда; если принималъ на себя какую должность, не исключая и самой низшей, то строго исполнялъ все, что относилось до воинскаго послушанія.

9-го Іюля эскадра вступила подъ паруса; впереди шли четыре крейсера, а прочія суда, по малому опыту въ морскомъ дѣлѣ, еще не могли держаться въ линіи. Адмиралъ наказывалъ много разъ всѣмъ командирамъ: «пороху напрасно не тратить, а сойдясь бортъ о бортъ, дать залпъ всѣмъ лагомъ, закрыть нижніе порты и свалиться безъ церемоніи на абордажъ.»

При тихомъ, попутномъ вѣтрѣ, крейсеры наши извѣстили въ полдень на слѣдующій день, что впереди три непріятельскія судна. Погнались; вечеромъ миновали Гогландъ; ночью вѣтеръ стихъ, нѣкоторыя суда стали буксироваться, другія отставали; къ утру опять вѣтеръ засвѣжѣлъ и стали догонять непріятеля у Гельсингфорса. Адмиралъ поднялъ красный флагъ, знакъ погони; часу въ пятомъ передовые корабли наши: Антоній, Полтава и Выборгъ, уже перестрѣливались, готовясь къ абордажу.

Въ это время шведы вдругъ привели къ вѣтру, будто и сами готовы встрѣтить насъ; но они сдѣлали это, обходя подводный камень, а обошедши его опять спустились.

Намъ мѣста эти еще не были коротко знакомы; вѣрныхъ картъ въ то время также не было и корабль Выборгъ, настигая непріятеля прямымъ путемъ, сѣлъ на подводный камень. Вплоть за нимъ шелъ корабль Рига, адмиральскій, и также приткнулся къ мели; на бѣду непріятельское ядро въ это самое время пробило на Ригѣ крюйтъ-камеру: пороховая пыль поднялась

столбомъ, а ее сочли дымомъ и закричали: пожаръ! Пошла суматоха; красный флагъ спустили; въ то время не умѣли еще разговаривать сигналами, какъ теперь; адмиралъ полагалъ, что начальство надъ эскадрой, какъ само собой разумѣется, приметъ старшій по немъ; а тотъ, не зная этого, ожидалъ приказанія. Прочіе корабли, видя бѣдствіе передовыхъ и опасаясь незнаемыхъ ими подводныхъ камней, стали приводить къ вѣтру, не доходя до этого мѣста, и становились на якорь. Они оправдывались тѣмъ, что красный флагъ погони былъ у адмирала спущенъ.

Часа черезъ два кор. Рига стянулся съ мели и адмиралъ самъ отправился для распоряженій на Выборгъ. Созвали на совѣтъ командировъ: никакими силами не могли стащить бѣдствующаго корабля, который къ вечеру даже переломился отъ перевѣсу,—такъ онъ врѣзался на каменную гряду: а потому свезли, что было можно, и зажгли его.

Шведская эскадра, соединившись съ флотомъ своимъ—всего 9 кораблей, 3 фрегата, 1 шнява—на радостяхъ открыла общую пальбу, но оставалась въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, не рѣшаясь напасть.

Мы ушли въ Ревель, а шведы въ Гельсингфорсъ; по слабости и неопытности своей, кажется что мы ихъ боялись, а они насъ. И сбылась пословица, что изломаннаго лука двое боятся! Затѣмъ вся эскадра наша и съ покупными въ Англіи кораблями пришла въ Кронштадтъ; а шведская эскадра была вытѣснена изъ Гельсингфорса нашими галерами и береговыми батареями и ушла въ Карлскрону.

Финляндія была покорена сухимъ путемъ, но на морѣ владычество осталось еще спорнымъ. Государь былъ очень огорченъ неудачей, и хотя утѣшалъ себя тѣмъ, что-де первую пѣсенку можно и зардѣвшись спѣть, однако отдалъ адмирала и многихъ другихъ

начальниковъ подъ военный судъ, за упущеніе непріятеля, и многіе были разжалованы, отставлены или иначе наказаны.

Какъ быть, сказалъ контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ: поучимся, такъ научимся.

Первая побѣда на Балтійскомъ морѣ

Пришелъ 1714 годъ; въ прошломъ году флотъ нашъ сходилъ *первый* походъ свой, до Ревеля и обратно въ Кронштадтъ, и въ первый разъ парусный флотъ нашъ вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ, которое кончилось впрочемъ потерею одного нашего корабля, сѣвшаго на камень и нами же сожженнаго; а въ 1714 году Богъ подарилъ царю *первую* на морѣ побѣду.

Материкъ, соединявшій насъ со Швеціею, былъ весь завоеванъ; но война все еще длилась; насъ теперь раздѣляло море; за-море шестомъ не досягнешь—надо было снаряжать флотъ. Съ этого года начинается морская война со шведами и первый успѣхъ необычайно обрадовалъ царя.

Петръ Великій рѣшилъ сдѣлать высадку на шведскихъ берегахъ и поискъ, но «въ землю непріятельскую не гораздо въ даль ходить.» Онъ еще опасался, чтобы не потерять своего флота и приказалъ остерегаться этого и съ сильнѣйшимъ непріятелемъ не связываться. Въ готовомъ для похода флотѣ, въ Кронштадтѣ, было: 9 кораблей и 7 меньшихъ судовъ, подъ началомъ контръ-адмирала *Петра Михайлова;* въ гребномъ: 99 галеръ, много транспортныхъ судовъ и 16 тысячъ сухопутнаго войска, подъ началомъ генералъ-адмирала графа Апраксина.

Галерному флоту назначено итти вдоль береговъ Финляндіи, выгрузить, гдѣ нужно, провіантъ, принять

тамъ еще дивизію войска, итти къ Аландскимъ островамъ, а оттуда сдѣлать высадку на берега Швеціи.

Корабельному флоту, проводивъ гребной до шхернаго фарватера, за Выборгъ, итти въ Ревель; а соединясь тамъ съ 7 кораблями — частію пришедшими изъ Архангельска, а частію купленными еще у англичанъ—возвратиться, стараясь отыскать на обратномъ пути непріятеля.

Оба флота вышли 20-го мая; 31-го галеры вошли въ шхеры, а корабли пошли въ Ревель: гребной флотъ выгрузилъ въ Гельсингфорсѣ провіантъ, отослалъ транспорты обратно, принялъ еще 12 разной величины судовъ и пошелъ далѣе. Въ Поэ-Киркѣ также сдали часть провіанта, приняли пришедшія изъ Або войска и 28-го іюня гребной флотъ пришелъ въ Тверминне, на полуостровъ Гангудъ, и здѣсь только узнали, что непріятельскій парусный флотъ, изъ 16 линейныхъ кораблей и 2 фрегатовъ у мыса Гангудъ загородилъ намъ дорогу. По одну сторону Гангуда лежитъ Гельсингфорсъ, откуда шла флотилія наша, а по другую Або, куда надо ей было попасть, а шведы стали поперекъ дороги.

Этотъ полуостровъ, Гангудъ, выдаваясь глубоко въ море, раздѣляетъ шхеры Финляндіи, или островитый берегъ ея, на двѣ половины; по приглубости его, онъ очень удобенъ для парусныхъ судовъ, и имъ, стоя тутъ, легко перерѣзать путь судамъ, которыя должны обходить этотъ мысъ.

Генералъ-адмиралъ Апраксинъ остановился у перешейка полуострова въ шхерахъ и далъ знать о своемъ положеніи государю, въ Ревель, предлагая отвлечь непріятеля корабельнымъ флотомъ; «а безъ того, писалъ онъ, Богъ вѣсть, можемъ ли пройти къ Абову, понеже непріятель стоитъ въ голомъ морѣ, гдѣ намъ миновать нельзя.»

Государь, пришелъ 11-го іюня съ корабельнымъ флотомъ въ Ревель, нашелъ тамъ новые 7 кораблей еще не въ порядкѣ. Люди на флотѣ стали сильно болѣть, а между тѣмъ вдругъ 17-го вечеромъ увидѣли шведскую эскадру. Въ большихъ попыхахъ стали готовиться къ выходу въ море; и тутъ опять все еще боялись другъ друга; шведы, высмотрѣвъ эскадру нашу, удалились. 27-го получено донесеніе графа Апраксина, который просилъ царя отвлечь непріятеля, говоря, что шведы у Гангуда довольно слабы.

Числомъ судовъ, а въ особенности числомъ орудій, шведы были сильнѣе насъ; но кромѣ того государь находилъ, что у насъ только два надежныхъ корабля, а прочіе въ особенности покупные, плохіе ходоки. И потому, если подойти къ непріятелю близко, говорилъ государь, то въ случаѣ неудачи нельзя будетъ отступить; а если показаться издали, то былъ бы только «смѣхъ непріятелю». Притомъ для незнакомыхъ намъ мѣстъ въ морѣ, не было лоцмановъ. Положено было не выходить въ открытое море, а искать кораблямъ прохода къ галерамъ шхерами; а царь отправился, этимъ же путемъ, къ галерному флоту, куда и прибылъ 20-го Іюля.

Три недѣли нашъ галерный и непріятельскій корабельный флоты стояли въ одномъ положеніи у мыса Гангуда. Царь осмотрѣлъ лично положеніе и думалъ поставить на берегу нѣсколько батарей и подъ ихъ прикрытіемъ провести подъ берегомъ свои галеры; но вскорѣ нашелъ и это неудобнымъ. Капитанъ-командоръ Змаевичъ отыскалъ узкое мѣсто гангудскаго перешейка, версты въ двѣ; царь осмотрѣлъ его и тотчасъ рѣшилъ перейти галерами волокомъ. Въ тотъ же день, 24-го іюля стали готовиться, настилать подмосты, дѣлать катки—и кабы намъ еще нѣсколько дней покою, то не успѣли бъ оглянуться шведы, какъ сотни галеръ

нашихъ очутились бы въ тылу у нихъ, по ту сторону перешейка; а чухонскіе рыбаки дали знать непріятелю, что у насъ дѣлается, и шведскій адмиралъ Ватрангъ распорядился такъ:

1 фрегатъ, 6 галеръ и 3 шхербота послалъ онъ встрѣчу спуска галеръ нашихъ, къ самому переволоку; самъ съ 6-ю кораблями и 2-мя фрегатами остался на прежнемъ мѣстѣ, на мысу, а всю остальную часть эскадры отправилъ къ Тверемюнде, чтобы отрѣзать выходъ изъ шхеръ нашимъ галерамъ со стороны Гельсингфорса.

Въ самое это время царь, съ 35-галерами, стоялъ за гангудскимъ мысомъ, высматривая непріятеля, и и полагая, что отдѣлившаяся часть эскадры пошла въ Ревель, далъ туда объ этомъ знать; между тѣмъ, видя что постъ у самаго мыса весьма ослабленъ, придумалъ другое: посовѣтовавшись съ генералъ-адмираломъ, приказалъ онъ 20-ти галерамъ обойти непріятеля, взявъ морестѣе его, и войти опять въ шхеры по ту сторону полуострова, къ волоку.

26-го іюня 20 галеръ, подъ началомъ командора Змаевича и бригадира Волкова, пошли на греблѣ и благополучно обошли непріятеля; затѣмъ прошли также и остальные 15. Шведскій адмиралъ безуспѣшно хотѣлъ перерѣзать имъ путь: они проскочили; испугавшись, онъ воротилъ къ себѣ корабли, посланные въ Тверемюнде, и не зналъ, что начать; онъ распустилъ гребной флотъ нашъ, разбросалъ свой, и видѣлъ, что быть бѣдѣ.

Однакожъ, что теперь было дѣлать и нашимъ 65-ти галерамъ, отрѣзаннымъ по ту сторону полуострова?—Волокъ былъ открытъ и занятъ непріятелемъ; обойти усиленную эскадру его, у мыса, при засвѣжѣвшемъ вѣтрѣ, для гребнаго флота было слишкомъ трудно; надо было огребать далеко въ море и легко

непріятель могъ бы перехватить галеры; осталось развѣ одно, необыкновенное смѣлое средство: пробиться у берега. На это и рѣшились, сдѣлавшись отъ бывшей оплошности непріятеля посмѣлѣе.

Галеры подошли ночью къ самому мысу и съ зарею пустились въ путь, держась вплоть подъ берегомъ: авангардъ велъ генералъ Вейде, кордебаталію генералъ-адмиралъ, аріергардъ князь Голицынъ. Непріятель, ушедши въ прошлую погоню отъ берега, теперь, сметивъ поздно въ чемъ дѣло, сталъ подъ всѣми парусами опять подходить, но на наше счастье стояло маловѣтріе; только три корабля подоспѣли на выстрѣлъ и еслибы одна галера наша не стала на мель, то все дѣло кончилось бы у насъ однимъ раненымъ; но галера эта и съ нею 232 человѣка команды были взяты. Прочія галеры наши всѣ благополучно соединились по сю сторону мыса.

Такимъ образомъ смѣлое и едва сбыточное намѣреніе, перетащить сотню галеръ волокомъ, исплошило непріятеля, заставило его раздѣлить силы свои, и дало намъ средство, несмотря на первую неудачу, провести весь гребной флотъ въ абовскую половину шхеръ.

Теперь перейдемъ къ описанію того, что сбылось послѣ прорыва нашего гребного флота.

Первыя прошедшія за мысъ 35 галеръ заперли шведскія суда, отдѣлившіяся для наблюденія за волокомъ, и потребовали сдачи ихъ. Тутъ захвачено было такимъ образомъ 1 фрегатъ, 6 галеръ, 3 шхербота, подъ адмираломъ Эреншильдомъ. Онъ отказалъ и поставивъ фрегатъ посреди шести галеръ, шхерботы позади себя, и выбравъ притомъ мѣсто для этого между тремя камнями, Эреншильдъ ожидалъ нападенія. На фрегатѣ *Слонѣ* было 14 двѣнадцати-фунтовыхъ и 4 трехъ-фунтовыхъ пушекъ; на галерахъ 2 тридцати-шести-фунтовыхъ, 4 осьмнадцати-фунтовыхъ, 6 шести-фунтовыхъ,

и 72 трехъ-фунтовыхъ, на шхерботахъ: 14 трехъ—и одно-фунтовыхъ, всего 116 орудій и 941 чел. команды.

У насъ было до ста галеръ, на нихъ до 300 орудій—отъ 12 до 3 фунтовыхъ—и до 20,000 человѣкъ. Конечно мы мыли несоразмѣрно сильнѣе; но надо вспомнить, что едвали половина силъ нашихъ могла вдругъ вступить въ дѣло и употребить орудія свои. Кромѣ того, возвышенность фрегатской батареи противъ галеры, возможность потопить ее немногими выстрѣлами, и главное, неопытность наша въ бою—не дали намъ дешево купить эту побѣду.

Въ два часа 26-го іюля начался приступъ; съ фронта 11 галеръ, подъ начальствомъ бригадира Лефорта и капитана Дежимонта; съ праваго фланга 9 галеръ, съ генераломъ Вейде,—онъ же и главный начальникъ; съ лѣваго фланга 9 галеръ, подъ бригадиромъ Волковымъ и капитаномъ Демьяновымъ; за ними, въ такомъ же порядкѣ, остальные, подъ предводительствомъ контъ-адмирала *Петра Михайлова*.

На тѣсномъ мѣстѣ, подъ жестокимъ огнемъ артилеріи, галеры наши два раза подступали и два раза были отбиваемы; видя это, царь бросился впередъ и сталъ отчаянно пробиваться со своими галерами на приступъ; тогда передовыя галеры наши кинулись на ура, свалились сперва съ гребными судами, а потомъ и съ фрегатомъ. Когда лѣзли наши на фрегатъ, то многихъ разорвало пушечными выстрѣлами въ упоръ; одни падали, другіе лѣзли за ними. Шведы не успѣвали заряжать пушекъ и должны были взяться за ручное оружіе. Пошелъ рукопашный бой.

Храбрый шведскій адмиралъ Эреншильдъ былъ раненъ въ руку и въ ногу, упалъ въ свалкѣ за бортъ, запутался въ снастяхъ, и взятъ капитаномъ Бакѣевымъ. Затѣмъ наши одолѣли фрегатъ, перебивъ много команды. Сраженіе длилось два часа.

Счастливый побѣдой, вѣнценосный контръ-адмиралъ поцѣловалъ своего знаменитаго плѣнника и самъ заботился о приведеніи его въ чувство. Государь, благодаря сподвижниковъ своихъ, говорилъ имъ, какое славное выиграно дѣло: взяты суда—фрегатъ, шесть галеръ и три шхербота—и взятъ храбрый адмиралъ, флагманъ! Первый блинъ, да комомъ, говорилъ радостный царь: никто въ первую побѣду молодымъ флотомъ своимъ не плѣнялъ флагмана!

У непріятеля убито 9 офицеровъ и 352 нижнихъ чиновъ; но и мы потеряли много: убитыхъ 124, раненыхъ 342; въ числѣ первыхъ полковникъ и 7 офицеровъ; въ числѣ раненыхъ бригадиръ Волковъ и 16 офицеровъ.

Эту первую побѣду нашу въ морѣ государь почтилъ великими почестями; въ то время не было еще введено многихъ знаковъ отличій, которые нынѣ даются по заслугамъ; но царь всѣхъ наградилъ медалями, генералу Вейде пожаловалъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и даже контръ-адмирала *Петра Михайлова* пожаловалъ въ вице-адмиралы. Выбиты также и розданы золотыя и серебряныя медали, съ надписью: *Прилежаніе и вѣрность превосходятъ сильно*, и другая медаль съ латинскою надписью: *Первые плоды Россійскаго флота;* повелѣно хранить въ адмиралтействѣ взятые суда; построены въ С. Петербургѣ, на рѣкѣ Фонтанкѣ, церковь во имя Святаго этого дня, Св. *Пантелеймона*; и корабль *Пантелеймонъ Викторія*, долго потомъ возобновлявшійся; установлено совершать ежегодно въ день побѣды этой благодарственное молебствіе, и царь самъ ежегодно его праздновалъ.

Побѣдители съ торжествомъ вступили въ столицу, такимъ порядкомъ: напередъ наши 3 галеры, украшенныя флагами; три плѣнные шхербота; шесть шведскихъ галеръ; шведскій фрегатъ, съ плѣннымъ флаг-

маномъ; наша адмиральская галера, съ контръ-адмираломъ *Петромъ Михайловымъ*; двѣ галеры съ войскомъ и генераломъ Вейде. Берега Невы покрыты были народомъ, который цѣлый часъ кричалъ ура; пальба шла съ галеръ нашихъ, изъ крѣпости и со всей набережной. На берегу также устроилось шествіе, съ пушками, плѣнниками и со взятыми знаменами и флагами; царь былъ въ адмиральскомъ мундирѣ и проходили черезъ торжественныя ворота, надъ которыми орелъ держалъ въ когтяхъ слона, съ надписью: *Орелъ не мухъ ловитъ*. Надо припомнить, что плѣнный фрегатъ шведскій именовался *Слономъ*.

Воротившись, по окончаніи торжества, на свою галеру, царь тотчасъ поднялъ вице-адмиральскій флагъ, по новому сану своему и вновь началась пальба, салюты флагу этому и отвѣты. За тѣмъ былъ обѣдъ у князя Меншикова, куда царь привелъ съ собою и плѣннаго адмирала. За столомъ онъ милостиво бесѣдовалъ съ нимъ и сказалъ:

«Господа! Вы видите здѣсь вѣрнаго и храбраго слугу своего государя, который заслуживаетъ милость нашу и уваженіе. Прощаю ему, что онъ не мало побилъ моихъ храбрыхъ солдатъ и матросовъ; онъ сдѣлалъ свое дѣло честно».

Адмиралъ Эреншильдъ со слезами отвѣчалъ: «Правда, что я служилъ государю своему вѣрно; я не берегъ себя отъ смерти, а миновалъ ея по волѣ Божьей. Одно мнѣ, несчастному, осталось утѣшеніе: что я побѣжденъ и плѣненъ великимъ и славнымъ адмираломъ»

Испугавшись побѣды нашей и боясь высадки, шведскій флотъ ушелъ къ своимъ берегамъ, а нашъ вышелъ изъ Ревеля, крейсировалъ съ недѣлю около Гогланда, зашелъ въ Гельсингфорсъ, а потомъ подъ начальствомъ самаго царя и съ плѣнными судами прибылъ въ сен-

тябрѣ въ Кронштатдъ. Галерный флотъ прошелъ шхерами мимо Або, захвативъ въ морѣ нѣсколько призовыхъ судовъ: однимъ словомъ, первая и повидимому не весьма значительная побѣда эта, доставила намъ господство въ этой части моря.

Нельсонъ

Англійскій адмиралъ Горацій Нельсонъ, родившійся въ 1758 году 29-го сентября, какъ славнѣйшій военачальникъ морской, долженъ быть извѣстенъ по слуху всякому человѣку, а тѣмъ болѣе матросу. Нельсонъ обезсмертилъ себя въ особенности двумя побѣдами надъ французскимъ и соединенными французскимъ и испанскимъ флотами и убитъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

Первое изъ сраженій этихъ Абукирское. Въ маѣ 1798 года французкій флотъ вышелъ изъ Тулона, для отвоза арміи въ Египетъ, гдѣ хотѣлъ воевать Наполеонъ. Англійскій адмиралъ Нельсонъ былъ отряженъ съ 14 кораблями, отъ испанскихъ береговъ, для нападенія на французовъ. Увидавъ флотъ ихъ на якорѣ подъ Абукиромъ, у береговъ египетскихъ, гдѣ уже сдѣлана была высадка, Нельсонъ тотчасъ полетѣлъ на него подъ всѣми парусами и едва французкіе командиры, бывшіе въ сборѣ на адмиральскомъ кораблѣ, успѣли каждый воротиться на свой корабль, какъ уже дѣло загорѣлось.

Французкій флотъ, 13 кораблей и 4 фрегата, стоялъ въ правильной линіи баталіи, примкнувъ къ укрѣпленному батареей островку, къ которому корабли обращены были носомъ. Нельсонъ, съ одною половиною эскадры своей смѣло прорвался между фланговымъ кораблемъ и островомъ, или прорѣзывая линію непріятеля въ интервалахъ и поражая французовъ страшными продольными выстрѣлами, привелъ къ вѣтру

между берегомъ и линіею непріятельскаго флота; въ то же время другая половина англійской эскадры привела къ вѣтру съ морской стороны той же линіи. Такимъ образомъ половина французской эскадры была охвачена вдругъ съ обоихъ бортовъ, между тѣмъ какъ часть ихъ до времени оставалась почти безъ дѣла, а сама стояла подъ страшными продольными залпами кораблей, проходившихъ по-очередно поперекъ ихъ линіи. Ядро, которое не попадало въ первый или второй французскій корабль, попадало въ третій, пятый или десятый—и разрушеніе было ужасно.

Дѣло началось 1-го августа 1798 года, въ началѣ 6 часа пополудни, при закатѣ солнца. Черезъ три съ половиной часа уже первые пять французскихъ кораблей были вовсе сбиты и взяты; еще черезъ два часа французскій адмиралъ Брюэ, и его 120 пушечный корабль Л'Оріанъ взлетѣлъ на воздухъ, До утра продолжалась еще отчаянная пальба; но французскіе корабли, поставленные одинъ за другимъ въ два огня, и притомъ съ кормы, гибли въ томъ порядкѣ, какъ стояли. Только два корабля и два фрегата, отрубивъ ширынги, успѣли бѣжать въ самомъ бѣдственномъ положеніи, кто въ Корфу, кто въ Мальту. Девять кораблей взяты были англичанами, одинъ—адмиральскій—взорванъ, корабль и фрегатъ сожжены и одинъ фрегатъ пущенъ ко дну!

Черезъ семь лѣтъ, въ 1805 году, у Наполеона былъ уже опять огромный флотъ. Подъ началомъ адмирала Вильнева и въ соединеніи съ испанскимъ, подъ адмираломъ Гравина, онъ былъ отправленъ въ западную Индію, гдѣ однакоже едва успѣлъ захватить нѣсколькихъ англійскихъ купцовъ и военный катеръ, какъ узналъ о приближеніи посланнаго на поискъ за нимъ Нельсона и спѣшилъ возвратиться во Францію. Несчастный адмиралъ Вильневъ былъ въ жалкомъ по-

ложеніи: флотъ, конечно, былъ великъ, но въ такомъ состояніи, что не могъ тягаться съ англійскимъ: ветхіе корабли и неопытные экипажи. Наполеонъ упрямо требовалъ отъ своего адмирала, чтобы онъ сразился съ англичанами; Вильневу нельзя было принять на себя нареканія трусости и онъ, предвидя конецъ, долженъ былъ вести цѣлый флотъ на гибель. Рока не минуешь.

Поискавъ французовъ въ западной Индіи, Нельсонъ также воротился. Между тѣмъ соединенный флотъ, состоявшій тогда изъ 20 кораблей и 5 фрегатовъ, встрѣтилъ уже подъ испанскими берегами англійскую эскадру адмирала Кальдера, 15 кораблей, который вступилъ было въ дѣло съ непріятелемъ, но, при внезапно нашедшемъ густомъ туманѣ, успѣлъ только захватить два оставшіе испанскіе корабля; затѣмъ оба флота, значительно потерпѣвшіе, разлучены были этимъ туманомъ; французы вошли въ заливъ Корунья, а англичане отошли въ море.

Нельсонъ, побывъ съ флотомъ своимъ въ Англіи, опять пошелъ на поискъ и засталъ французско-испанскій флотъ въ испанской гавани Кадиксъ или Кадисъ. Нельсонъ желалъ вызвать его въ море и, предполагая, что сильному непріятелю совѣстно будетъ сидѣть взаперти, самъ отошелъ отъ Кадикса. И точно, адмиралъ Вильневъ, понуждаемый обстоятельствами, вышелъ съ соединеннымъ испанско-французскимъ флотомъ и направилъ путь къ Гибралтару, къ проходу въ Средиземномъ море. На этомъ перепутьи настигъ его Нельсонъ 21-го октября 1805 года, у мыса Трафальгара. Это была пора, когда Наполеонъ ужъ бралъ верхъ надъ цѣлымъ материкомъ; Нельсону оставалось рѣшить, быть ли Наполеону также господиномъ моря.

Тихій вѣтеръ отъ запада едва наполнялъ паруса; двумя длинными и растянутыми колоніами англійскій

флотъ, 27 кораблей, спускался на огромную дугу, въ которой держался подъ парусами непріятельскій флотъ, всего 33 корабля. «Я не буду доволенъ сегодняшнимъ днемъ, сказалъ Нельсонъ съ увѣренностію, если мы возьмемъ менѣе двадцати кораблей». Осмотрѣвъ оба флота и отдавъ приказанія, онъ спустился въ каюту свою, помолился, сдѣлалъ приписку въ духовной и весело вышелъ наверхъ. Оглянувшись кругомъ и видя, что еще осталось время, онъ обошелъ палубы, ободрялъ команду и наказывалъ не стрѣлять по пустому, на обумъ, а съ прицѣлу; онъ спокойно пропустилъ мимо себя нѣсколько лучшихъ ходоковъ: обѣ колонны при тихомъ вѣтрѣ очень растянулись, идучи подъ всѣми парусами по $2^1/_2$ узла.

Адмиралъ поднялъ сигналъ: «Англія ожидаетъ, что всякій исполнитъ долгъ свой». Громкое ура раздалось на всемъ флотѣ. Обѣ англійскія колонны прорѣзали поперекъ густую линію непріятелей: передовой корабль подвѣтренной колонны, на которомъ былъ адмиралъ Колингвудъ, опередилъ нѣсколько голову навѣтренной колонны и первый открылъ битву страшнымъ залпомъ по вице-адмиральскому кораблю, въ 12 часовъ дня.

Подъ жестокимъ огнемъ трехъ непріятельскихъ кораблей, Викторія—корабль Нельсона—медленно подвигался впередъ и прорѣзавъ линію вступилъ въ бой съ кораблемъ главнокомандующаго. Французы сильно тѣснились, не пропуская по промежуткамъ англичанъ; командиръ Викторіи замѣтилъ, что едвали обойдется безъ свалки: «Не мое дѣло, отвѣчалъ Нельсонъ, выбирайте любой!»

Прорѣзавшись наконецъ и пройдя подъ кормой Буцентавра,—корабля французскаго адмирала,—столь близко, что нокомъ-рея задѣлъ за снасти, Викторія страшно громилъ его вдоль, но и ему доставалось отъ французскаго корабля Нептуна, который, находясь съ

другой стороны, приспустился, уклоняясь отъ свалки; вслѣдъ за тѣмъ, онъ сошелся съ французскимъ кораблемъ Редутаблемъ правой стороной, и оба корабля вмѣстѣ пошли по-вѣтру; англійскій корабль Темереръ, также свалился съ Редутаблемъ по другую сторону, а французскій Фуге съ Темереромъ, такъ что нѣкоторое время эти четыре корабля, въ самомъ пылу сраженія, представляли необыкновенное зрѣлище: они находились рядомъ одинъ вдоль другого, на разныхъ галсахъ, и сцѣпившись, продолжали сраженіе, покуда французскіе корабли не сдались.

Битва, какой другой не бывало, шла въ полномъ разгарѣ. Викторія и Редутабль, свалившись бортъ о бортъ, продолжали стрѣлять изъ пушекъ—и въ то же время сыпался бѣглый огонь мелкаго оружія со шканецъ, съ юту, съ баку, съ марсовъ и изъ палубныхъ портовъ. Лѣвымъ бортомъ между тѣмъ Викторія также отстрѣливался отъ двухъ французскихъ кораблей. Французы съ Редутабля бросились было на абордажъ, но были отбиты.

Прочіе англійскіе корабли также врѣзывались, гдѣ могли, давали по залпу въ носъ и въ корму непріятеля, приводили къ вѣтру, сцѣплялись, бросались на абордажъ—кому какъ сподручнѣе было... Черезъ три часа все замолкло; все было кончено. Двадцать кораблей были взяты англичанами, или истреблены, въ томъ числѣ два стопушечныхъ; главнокомандующій Вильневъ и два испанскіе адмирала взяты въ плѣнъ; остальные 14 кораблей бѣжали, подъ начальствомъ испанскаго адмирала Гравины, который былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ, но десять только пришли домой, а четыре также перехвачены были англичанами.

Но дорого обошлась побѣда эта и имъ; не говоря о потерѣ людей, о большихъ поврежденіяхъ почти всего флота ихъ, Нельсонъ былъ убитъ! Въ то время, когда

Викторія свалился съ Редутаблемъ и Нельсонъ стоялъ на шканцахъ между штурваломъ и сходнымъ трапомъ, ружейная пуля съ марса французскаго корабля раздробила ему сверху плечо и прошла наискось грудью до спины. Онъ скончался черезъ нѣсколько часовъ, безпрестанно спрашивая, какъ идутъ дѣла, и послѣднія слова его были: «Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ.»

Тѣло Нельсона положено было въ бочку спирта или рому и привезено въ Англію; здѣсь похоронили его едва не съ царскими почестями, по завѣщанію его, въ церкви Св. Павла, и при томъ въ долбленомъ гробу или домовинѣ, которымъ еще заживо услужилъ ему одинъ изъ капитановъ, бывшій въ битвѣ абукирской: домовина эта сдѣлана была изъ мачты корабля непріятельскаго главнокомандующаго, изъ стопушечнаго корабля Оріана, который, какъ мы уже сказали, взлетѣлъ на воздухъ.

Царь-адмиралъ

Царь Петръ Великій, отправясь въ 1698 году изъ Голландіи въ Англію, для изученія морского искусства, былъ принятъ тамъ королемъ Вильгельмомъ какъ нельзя лучше, и между прочимъ приглашенъ къ нарочно устроеннымъ для этого случая морскимъ движеніямъ флота, съ пальбой и примѣрнымъ сраженіемъ. Царю до того это понравилось, что онъ сказалъ: «Не родись я Царемъ Русскимъ, то желалъ бы быть англійскимъ адмираломъ.»

Переправа

Отрядъ, посланный изъ Гурьева зимой, по льду для поисковъ и наказанія киргизовъ, шелъ прямымъ

путемъ, въ перевалъ моря; этимъ сокращалось гораздо болѣе половины пути, противу берегового, окольнаго. Зима была строгая и ледъ довольно надежный, но все надо было остерегаться моряны, которая могла взломать ледъ и разметать подъ отрядомъ въ разныя стороны. Послѣ такихъ взломовъ, которые случаются тамъ каждую зиму по нѣсколько разъ, ледъ мѣстами спирастъ и ставитъ козломъ, а мѣстами разгоняетъ, оставляя широкія маины или полыньи.

Отрядъ шелъ уже третьи сутки хорошо, — но вдругъ остановился: передъ носомъ была широкая маина, которая тянулась въ оба конца, сколько было глазу видно.

Старый уральскій казакъ подъѣхалъ и, глянувъ впередъ, сказалъ: «Ну, что жъ стали? Аль дневать?»

— Да что, отвѣчали солдаты, видишь чай куда зашли: не переплывешь; и самъ-то не знаешь какъ быть — а тутъ еще двѣ пушки!

— Такъ вы же какъ думаете быть тутъ?

— А какъ быть—про то знаютъ старшіе. Послали назадъ къ начальнику; либо обходить, либо искать гдѣ лодокъ.

— Лодокъ — спросилъ казакъ — да тутъ на морѣ что за лодки? — А ты самъ на чемъ стоишь?

— На чемъ — да вишь на льду стою.

— Такъ ты, стало быть, тѣхъ-то рукавицъ и пищешь, которыя у тебя за-поясомъ: коли ледъ подъ тобою, такъ какой же тебѣ еще лодки?

Казаки тотчасъ спѣшились и принялись за работу; выкололи цѣлую льдину, (саженъ въ десять, обнесли ее вокругъ воткнутыми кольями, протянувъ вмѣсто поручней арканы; оттолкнулись отъ матераго льду, взявъ съ собою конецъ, понеслись по вѣтру, раскинувъ, что было подъ руками, вмѣсто парусовъ, и, пристав къ тому берегу, протянули веревку; по ней

паромъ этотъ пошелъ ходить взадъ и впередъ и перевезъ весь отрядъ съ лошадьми и съ двумя пушками.

Пожеланіе врага

Государь Петръ Великій, царствовавшій всего 43 года и скончавшійся въ 1725 году, былъ всегда и вездѣ побѣдителемъ надъ врагами государства, хотя вынужденъ былъ вести въ долгое время это много тяжкихъ войнъ, со всѣми сосѣдями.

У турокъ въ то время, говорятъ, было повѣрье, будто они сами причиною удачъ Петра и разсказывали случай этотъ такимъ образомъ:

Петръ Великій въ 1695 году пошелъ на Азовъ, бывшій тогда городомъ турецкимъ; сухопутное войско обложило крѣпость, а гребная флотилія,—первая военная, выстроенная въ Россіи, на воронежскойъ ерфи, и состоявшая изъ 2 прамовъ, 2 галеасовъ, 23 галеръ и 4 брандеровъ, — только что поспѣвъ къ этой осадѣ, изъ Воронежа, запирала крѣпость отъ рѣки, выходила также на взморье, гдѣ, вмѣстѣ съ лодками запорожцевъ, забирала турецкія суда, шедшія въ Азовъ съ подвозомъ харчей и оружія. Крымская и кубанская силы много разъ пытались прорваться на помощь осажденнымъ, но каждый разъ были отбиваемы съ большимъ урономъ. Наконецъ, всѣ наружныя укрѣпленія Азова были сбиты или взяты, крѣпостныя стѣны разрушены, городъ разоренъ бомбами, и паша, видя неминуемую гибель свою, рѣшился просить милосердія царя.

Государь, хотя могъ взять Азовъ въ этомъ положеніи безъ сдачи, но жалѣя кровь подданныхъ своихъ и даже враговъ, согласился отпустить весь гарнизонъ, съ женами и дѣтьми, и съ имуществомъ, какое они могли унести на себѣ. Турки вышли и въ страхѣ

подходили къ стругамъ своимъ, на которыхъ имъ надо было спуститься къ морю; они не вѣрили своему счастью, а думали, что русскіе ихъ обманули, и, выманивъ изъ крѣпости, ограбятъ и перерѣжутъ. Но когда ихъ пропустили свободно, никого ни обидѣли, не тронули, однимъ словомъ, когда все исполнено было свято по договору, тогда паша азовскій сказалъ нашему царю:

«Мы благодаримъ Бога, что ты поступилъ съ нами правдиво и милостиво, пожаловавъ насъ не смертію, а животомъ, за которую правду твою и впредь, куда ни пойдешь войною, да управитъ Богъ путь твой благополучно и побѣдоносно.»

Надо сказать правду: если и не согласиться, что Петру Великому везло счастье отъ этого турецкаго пожеланія, то по крайней мѣрѣ побѣдителю не можетъ быть болѣе той награды, какъ когда сами непріятели испрашиваютъ ему у Бога побѣды!

Правосудіе

Государь Петръ Великій былъ отчаянно боленъ: всѣ въ страхѣ молились, и наконецъ приближенные бояре, по своимъ понятіямъ, рѣшились доложить царю: «Не соблаговолитъ ли онъ даровать жизнь осужденнымъ на смертную казнь девяти разбойникамъ, дабы они молили Богу о здоровьи его?

На это государь отвѣчалъ:—«Неужто вы думаете, что оставить злодѣйство безъ казни есть достойная царя милость и доброе дѣло? Неужто вы думаете, что такое неправосудіе можетъ быть угодно Богу и что нечестивыя молитвы столь противныхъ Ему злодѣевъ будутъ Имъ уважены?—А я думаю, что правосудіемъ надъ ними преклоню на милость къ себѣ правосуднаго Бога, прощеніемъ же ихъ прогнѣвлю

Его». Слова государя оправдались: онъ вскорѣ выздоровѣлъ, на счастье и радость вѣрноподданнымъ.

Крушеніе большого конвоя судовъ

Англійскій фрегатъ Аполлонъ, капитанъ Диксонъ, съ цѣлымъ конвоемъ, до 70 купеческихъ судовъ и еще съ другимъ фрегатомъ, вышелъ 26-го марта 1804 года изъ своего порта Корка и направилъ путь по Атлантическому океану.

1-го апрѣля сильный SW сталъ крѣпчать и переходить въ штормъ; на фрегатѣ изорвало одинъ парусъ за другимъ, или подъ однимъ фокомъ и штормовыми стакселями. По счисленію, фрегатъ считалъ себя далеко въ открытомъ морѣ; но въ ночи на 3 число вдругъ ударился о мель.

Ночь, потемки, штормъ и страшное волненіе, съ прибоемъ къ мели; отъ нѣсколькихъ ударовъ показалась течь ливмя; не успѣли опамятоваться, какъ фрегатъ перекинуло черезъ мель, но руль оторвало. Привели фрегатъ одними парусами на фордевиндъ, пустивъ въ ходъ всѣ помпы — но волненіе уже стало перекатываться черезъ палубу и заливать судно. Со всѣхъ концовъ закричали, что фрегатъ тонетъ — весь трюмъ и кубрикъ былъ уже наполненъ водой — но въ то же время онъ снова ударился и опять сталъ на мель.

Фрегатъ продолжало колотить объ мель, такъ что едва можно было устоять на ногахъ; всѣ только того и чаяли, что вотъ вотъ весь развалится и распадется. Обрубили талрепы, и мачты упали на лѣвой бортъ; фрегатъ все еще колотило, несло по мели къ берегу и сверху заливало; затѣмъ положило его на правый бокъ, затопивъ шкафутъ; всѣ орудія праваго лага были подъ водой, а съ лѣвой стороны большую часть ихъ оторвало, когда повалило фрегатъ и перекинуло на

правую жъ сторону. Однако изъ четырехъ пушекъ, оставшихся съ лѣвой стороны на шканцахъ, успѣли выпалить, хотя и безъ пользы: весь конвой судовъ бѣдствовалъ и помощи подать было некому.

Въ палубѣ выломало переборки, затопило каюту и обломки носились взадъ и впередъ, побивая людей. Кто порывался выдти на верхъ, того первой волной опять скидывало съ трапа. Почти весь экипажъ столпился на лѣвыхъ шканцахъ и гротъ-русленяхъ; надо было крѣпко держаться за что-нибудь руками и ногами, чтобы не снесло волненіемъ; командиръ, почти раздѣтый, держался за обломокъ бизань-мачты, утѣшая и ободряя команду.

Со свѣтомъ плоскій берегъ открылся въ двухъ кабельтовыхъ; это былъ берегъ португальскій, у мыса Мондего. До 30-ти судовъ изъ конвоя также стояли на мели, были выброшены и заливаемы волной. Какъ ни близокъ былъ берегъ, но мало было надежды выдти на него: прибой былъ слишкомъ силенъ, а гребныя суда съ фрегата всѣ снесло и изломало.

Фрегатъ сталъ погружаться кормой; его весь раздергало, и потому капитанъ, опасаясь, чтобы онъ не переломился вовсе, приказалъ переходить на бакъ. Какъ ни трудно было это исполнить, и хотя не всякій матросъ понималъ, для чего это дѣлается, — но обычный порядокъ и повиновеніе даже въ минуту общей гибели удержались; всѣ старались исполнить, какъ могли, приказаніе капитана; вслѣдъ за тѣмъ фрегатъ переломило посрединѣ на двое и кормовая часть затонула. На ней не было бы никому спасенія. Всѣ столпились на форъ-русленяхъ на баковомъ бортѣ, по бушприту. Тутъ было болѣе 200 человѣкъ.

При неминуемой гибели, капитанъ дозволилъ спасаться. Артиллерійскій офицеръ первый рѣшился пуститься вплавь къ берегу, но утонулъ въ виду всѣхъ.

За нимъ одинъ лейтенантъ, лѣкарь, фельдшеръ, подштурманъ и нѣсколько матросовъ — всѣ пошли туда же. Прибой былъ слишкомъ сильный. Но это не устрашило другихъ — стали пускаться къ берегу на доскахъ, съ обломками рангоута, и лейтенантъ Гарвей и до 30-ти нижнихъ чиновъ благополучно вышли на берегъ.

Штормъ все еще длился, каждая волна обливала бѣдствующихъ; погода стояла холодная. Въ ночи на 3-е люди, кто былъ послабѣе, стали коченѣть и сваливаться въ море. Эта участь постигла и двухъ молодыхъ мичмановъ. Около полудня лейтенантъ Гарвей явился на берегу съ народомъ, для помощи; но при всякой попыткѣ ихъ спустить лодку, ее выбрасывало и перекидывало вмѣстѣ съ людьми. Нѣсколько человѣкъ на фрегатѣ связали плотъ изъ обломковъ — но ихъ въ глазахъ экипажа унесло не къ берегу, а въ открытое море. Холодъ, голодъ, изнуреніе силъ, довели команду до того, что она при каждомъ ударѣ части фрегатскаго остова, о мель, ожидала послѣдней минуты. Палуба бака стояла отвѣсно, остовъ лежалъ на правомъ боку; на лѣвой сторонѣ висѣла вся тяжесть пушекъ и двухъ якорей, но ихъ, по тѣснотѣ, нельзя было обрубить: тутъ оставалось еще почти одинъ на другомъ, до 150 человѣкъ.

Штормъ крѣпчалъ, порывы его съ дождемъ набѣгали, волненіе ходило черезъ бѣдствующихъ; остовъ грозилъ разсыпаться. Многіе погибли въ эту ночь, на 4-е апрѣля, а со свѣтомъ еще человѣкъ 15 достигли берега, на разныхъ обломкахъ.

Наконецъ, 4-го послѣ полудня, насталъ часъ искупленія: лейтенанту Гарвею удалось спустить лодку, при смягчившемся вѣтрѣ, и мало-по-малу вся оставшаяся команда была перевезена на берегъ. Несчастный командиръ погибъ уже прежде.

Но и тутъ еще не пришелъ конецъ бѣдствія, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не послушался умныхъ совѣтовъ: почти четверо сутокъ протомились люди голодомъ и жаждой; на берегу встрѣтили ихъ пищей и къ несчастію также водкой; кто поѣлъ и попилъ неосторожно, послѣ этого поста, тотъ умиралъ, и многіе такимъ образомъ погибли, будучи уже спасены.

Оказалось, что до 30-ти судовъ изъ конвоя также были разбиты; ихъ большею частію выкидывало ближе къ берегу, людямъ легче было спасаться, чѣмъ съ фрегата; но и тамъ много людей погибло, а нѣсколько судовъ затонуло на глубинѣ. На фрегатѣ изъ 241 человѣкъ погибло 61.

Наука

Первая битва Петра Великаго со шведами, подъ Нарвой въ 1700 году, была весьма неудачна: воинственный и храбрый король Карлъ XII напалъ врасплохъ на войско наше, котораго было до 35 т. и разбилъ его такъ, что мы потеряли до 10 т. нижнихъ чиновъ, убитыхъ, утопшихъ, или погибшихъ отъ стужи и голода, всѣхъ генераловъ, множество полковниковъ и офицеровъ, 170 знаменъ и штандартовъ, снаряды, обозъ и казну и всю свою артиллерію, состоявшую изъ 145 пушекъ, 28 мортиръ и 4 гаубицъ. Государь въ самое это время былъ въ Новгородѣ, куда отправился самъ, для сбора и привода подъ Нарву подкрѣпленія. Непріятель его предупредилъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, Петръ Великій не показалъ такого неудовольствія, какъ многіе, упавшіе духомъ, ожидали; на лицѣ его, напротивъ, видно было одно спокойствіе и онъ, какъ будто, немного улыбнулся. Всѣ, кто былъ при немъ, крайне изумились этому, и не понимали государя; но онъ

сказалъ: «Первую пѣсенку не стыдно и зардѣвшись спѣть; дайте срокъ: одинъ битый двухъ небитыхъ стоитъ. Русскій человѣкъ переимчивъ; поглядѣвши, какъ шведы насъ бьютъ, научимся, да и сами ихъ поколотимъ».

Черезъ годъ, мы уже начали бить шведовъ порядочно, затѣмъ, когда Карлъ XII осаждалъ Полтаву и князь Меншиковъ, сдѣлавъ нападеніе на осаждающихъ, въ то же время ловко провелъ отрядъ нашъ въ городъ, на помощь осажденнымъ, король сказалъ: «Однако я вижу, что москвичи кой-что у насъ переняли. Это опасно». Вскорѣ послѣ этого, шведы разбиты были подъ Полтавою, такъ, что огромная армія ихъ погибла поголовно, а раненый король едва ушелъ къ туркамъ, и скитался много лѣтъ на чужбинѣ; между тѣмъ Петръ Великій заложилъ и выстроилъ новую столицу свою, Петербургъ, на завоеванной шведской землѣ.

Пригласивъ послѣ полтавской битвы плѣнныхъ генераловъ шведскихъ къ столу своему, заговаривая съ ними милостиво и жалѣя о несчастіи ихъ, Петръ Великій поднялъ стаканъ и сказалъ: «Пью за здоровье ваше, господа, какъ учителей моихъ въ военномъ дѣлѣ.»

Гибель англійскаго корабля Центавръ

Послѣ сраженія англійскаго флота съ французскимъ, у западной Индіи (средины Америки) 1782 года, гдѣ французы были разбиты и потеряли большую часть флота, англичане пустились въ обратный путь, забравъ съ собою плѣнные и призовые корабли и суда, а также конвой купецкихъ судовъ, всего болѣе сотни вымпеловъ.

Но даже англійскіе корабли, послѣ продолжительнаго похода и выдержаннаго сраженія, были въ весьма ненадежномъ положеніи; а плѣнные корабли и подавно.

Вычинивъ ихъ на скорую руку, смѣлый адмиралъ, однакоже, пустился съ этимъ огромнымъ флотомъ въ путь. Ихъ застигалъ среди Западнаго Океана такой жестокій штормъ, который на бѣду длился съ недѣлю, что весь флотъ разбросало и каждое судно искало по себѣ спасенія; но половина ихъ потеряла мачты, а до десяти кораблей и фрегатовъ, англійскихъ и плѣнныхъ, не говоря о купецкихъ, по ветхости ихъ, раскачало и раздергало въ открытомъ морѣ, такъ что они пошли ко дну со всей командой.

Въ числѣ послѣднихъ былъ Центавръ. Онъ вышелъ уже изъ Ямайки съ порядочною течью, которая при свѣжемъ вѣтрѣ тотчасъ увеличивалась и двѣ помпы были постоянно въ ходу.

16-го сентября началась буря. Спустивъ верхній рангоутъ на ростры, поставили штормовые паруса — но въ подводной части обстояло неблагополучно: течь до того усилилась, что всѣ помпы были въ дѣлѣ, а она не унималась. Шквалъ, какого и старые моряки не видывали, набѣжалъ послѣ полуночи и, хотя всѣ паруса были убраны, повалилъ корабль вовсе на бокъ. Вода изъ трюма залила въ палубѣ всю подвѣтренную сторону, и все еще прибывала; порты подъ водой стали подаваться и она била въ щели ключемъ.

Увидавъ, что кораблю не встать, командиръ срубилъ двѣ задніе мечты; но гротъ-мачта, при страшной качкѣ, упала на фокъ-мачту и переломила ее, а фокъ-мачта выломила и бушпритъ. Корабль тотчасъ всталъ, и съ такимъ порывомъ, что при качкѣ его съ боку на-бокъ, ни одинъ человѣкъ не устоялъ на ногахъ. Нѣсколько пушекъ оторвалось, ядра изъ кранцовъ катались по палубамъ и били людей.

Румпель переломило—закричали съ юту—и прежде, чѣмъ успѣли вставить запасный, вышибло вовсе руль. Центавръ остался безъ мачтъ, безъ руля, съ осьмью

футами воды въ трюмѣ среди шторма и страшнаго волненія. Изъ сотни судовъ въ виду было только до пятнадцати и всѣ сами терпѣли бѣдствіе; на отчаянную пальбу Центавра никто не отвѣчалъ.

Сбросили всѣ пушки, пытались привести къ вѣтру выкинутымъ съ носу на кабельтовѣ верпомъ съ нѣсколькими пушечными станками, но безъ успѣха. Качали уже болѣе сутокъ во всѣ помпы, а вода не убывала. Вѣтеръ былъ порывистый, самый жестокій.

14-го стали ломаться и портится помпы отъ прорвавшагося вмѣстѣ съ водою изъ кормоваго трюма каменнаго угля, истертаго качкой въ порохъ. Бочки съ провизіей стало подымать водой и тотчасъ же разбивало въ дребезги. Всѣ обломки эти носились надъ нижнимъ лагомъ водяныхъ бочекъ, били и толкали такъ, что нельзя было достать даже прѣсной воды.

Принялись отливать воду ведрами и 19-го, когда штормъ временно стихъ, общими силами до того убавили ее, что достали, съ опасностію жизни, бочку прѣсной воды, которой не видали ни капли уже болѣе сутокъ.

Распредѣлили команду: часть назначена была для отливки, другая для очистки трюма отъ обломковъ, третья для выброшенія тяжестей и пушекъ, четвертая для установки фальшиваго вооруженія, а плотники ладили потесь, вмѣсто руля. Подвели парусъ подъ корабль, и другой еще—но течь почти не уменьшалась. 21-го буря снова зеревѣла, помпы сдѣлались вовсе негодными. Прорубили во многихъ мѣстахъ нижнюю палубу, чтобы отливаться ведрами. Кубрикъ подмыло и подняло; ахтеръ-штевень такъ разслабъ, что по обѣ стороны вода била ключемъ

22-го не легче; подняло и колотило уже всѣ бочки нижняго лага и скоро всѣ перебило. Носъ сталъ погружаться, и нижніе порты были уже до половины подъ

водой. Вся команда пришла въ отчаянье и готовилась къ неминучей смерти. Стали готовить плоты—но всѣ сами видѣли, что не на чемъ поднять и третьей доли команды. Три оставшіяся шлюпки были приготовлены къ спуску. Хотя вообще команда во всемъ повиновалась, но выбившись изъ силъ, бросила отливаться и корабль сталъ видимо грузнуть.

Ничего не оставалось, какъ искать спасенія на плотахъ и шлюпкахъ, и притомъ поспѣшить управиться такъ, чтобы не попасть въ водоворотъ, который долженъ былъ образоваться надъ пошедшимъ ко дну кораблемъ. Такъ какъ всего спаслась одна только шлюпка съ 12 человѣками, а всѣ прочіе погибли безъ вѣсти, то опишемъ это чудесное спасеніе.

На этой шлюпкѣ былъ командиръ судна, два офицера, и девять нижнихъ чиновъ. Ее пронесло тотчасъ за корму корабля и тутъ же чуть не залило. Принявшись съ мѣста отливать ее, говоритъ капитанъ, мы тотчасъ пустились по вѣтру и понеслись—безъ паруса, безъ компаса, въ однихъ сюртукахъ и курткахъ, среди холода и страшнаго волненія. Черезъ полчаса мы уже потеряли изъ виду корабль.

Нашедши въ шлюпкѣ байковое одѣяло, мы подняли его на шестахъ и шли всю ночь по вѣтру, едва успѣвая отливать воду, между двухъ большихъ becъ. Ближайшая земля отъ насъ, въ этомъ направленіи, были острова Азорскіе, въ 800 миляхъ. При попутномъ вѣтрѣ, можно было дойти до нихъ — если не зальетъ и если попасть на нихъ безъ компаса—въ недѣлю; но при штормѣ намъ нельзя было итти иначе, какъ по вѣтру.

Мы нашли въ лодкѣ мѣшокъ сухарей, окорокъ, кусокъ свинины, двѣ бутылки воды, четыре бутылки водки. Мы положили раздавать по сухарю утромъ и по сухарю въ обѣдъ, а къ тому не болѣе рюмочки

воды, которую отмѣряли въ отбитое и заткнутое съ одного конца горлышко бутылки. Вѣтеръ зашелъ къ S, но стихъ, такъ что намъ можно было восемь дней сряду итти въ полвѣтра, почти на O.

Пошелъ дождь,—и мы ему обрадовались какъ благодати: голодъ и жажда насъ измучили. Мы подставили простыню, а подъ нее лейку, и собрали шесть бутылокъ воды.

Но мокрота и стужа насъ одолѣвали. Вѣтеръ отошелъ къ NW и мы пошли опять почти на фордевиндъ. Это былъ 15 день нашего плаванія и сухарей оставалось всего на одинъ день, да одна бутылка воды. Мы были изнурены до крайности и одинъ урядникъ скончался. Кажется, ему много повредило, что онъ пилъ морскую воду. Ночью заштилѣло, а потомъ подулъ вѣтеръ, по нашему расчету WSW.

Раздавъ утромъ на 16-й день послѣдніе сухари, мы готовились послѣдовать за урядникомъ, какъ другой квартермистръ сталъ увѣрять, что видѣлъ берегъ на SO; мы боялись вѣрить, потому что уже не разъ ошибались; но одинъ изъ матросовъ сталъ клясться и божиться, что видитъ берегъ. Направивъ туда путь свой, мы часа черезъ два убѣдились, что берегъ лежалъ передъ нами!

Близко видать—да далеко мигать! Только къ десяти часамъ вечера подошли мы наконецъ къ этому берегу! Но и тутъ бѣда: отъ прибою не могли мы найти пристанища и еще часа два шли вдоль острова Фаяла — это былъ Фаялъ, одинъ изъ острововъ Азорскихъ, и наконецъ встрѣтили рыбаковъ. Они, на лодкѣ своей, провели насъ на рейдъ, но и тутъ еще ожидало насъ жестокое искушеніе: намъ доставили хлѣба, воды, вина и плодовъ — но португальцы не выпустили насъ на берегъ до утра, заставивъ еще проночевать на шлюпкѣ, въ водѣ, покуда не осмотрѣлъ насъ утромъ карантинный надзиратель!

Богъ съ ними; теперь мы забыли кровную обиду эту. а тогда было горько. Утромъ насъ, кого свели подъ руки, а кого и снесли на рукахъ со шлюпки — никто не могъ ходить. Недѣли черезъ двѣ, мы всѣ оправились и готовы были снова—хоть на край свѣта.

И крута гора—да забывчива; и кручинно горе, да обывчиво!

Холмогорскіе горшки

Петръ Великій, навѣдавшись въ третій разъ въ Архангельскъ, спустивъ тамъ со стапеля два фрегата и заложивъ нѣсколько судовъ, осматривалъ всѣ купеческія суда, малыя и большія, милостиво бесѣдовалъ съ хозяевами, русскими и иностранцами, поощряя ихъ къ торговлѣ и мореплаванію Онъ ходилъ также по лодкамъ и баркамъ, пришедшимъ изъ Холмогоръ, съ разными крестьянскими издѣліями и припасами. Осмотрѣвъ, между прочимъ, лодку съ горшками и побесѣдовавъ съ хозяиномъ, государь упалъ было съ кладки, положенной на лодкѣ; доска сорвалась и упавъ перебила много товару. Мужикъ почесалъ затылокъ и въ простотѣ молвилъ: «Вотъ тебѣ и выручка!» Царь усмѣхнулся и спросилъ: «а много ли?» Мужикъ отвѣчалъ: «да теперь не много; а было бы алтынъ на сорокъ.» Царь пожаловалъ ему изъ рукъ своихъ червонецъ, сказавъ: «торгуй, разживайся, а меня лихомъ не поминай.»

Оплошность

Командиръ англійскаго линейнаго корабля Скиппетръ разсказываетъ, что стоя на якорѣ въ заливѣ у мыса Доброй Надежды, при жестокомъ штормѣ съ моря, у него лопнулъ канатъ. Тотчасъ отдали другой, запасной

якорь, который былъ уже приготовленъ; но по непростительной оплошности, конецъ каната его не былъ прикрѣпленъ и его высучило. Поэтому спустили баркасъ, чтобы подать конецъ кабельтова на стоявшій вблизи корабль; но баркасъ тотчасъ же опрокинуло и люди перетонули. Кончилось тѣмъ, что и самый корабль выкинуло на мель.

Нашъ адмиралъ Головинъ разсказываетъ случай, еще проще, который также чуть не погубилъ корабля: идучи съ океана въ довольно узкое мѣсто, гдѣ должно было бросить якорь, для этого все приготовили и матросы, разносившіе канатъ, много разъ уже на спросъ отвѣчали, что бухта чиста и все готово. Но они забыли остотрѣть самые клюзы, которые отъ волненія заткнуты были швабрами. Отдали якорь, швабры заѣли и онъ повисъ... А корабль несетъ прямо на каменья! Отдали другой, и къ счастію, онъ выдернулъ швабры, упалъ и забралъ.

Вотъ какъ малая оплошность доводитъ до большой бѣды!

Твердость духа

Англійскій шлюпъ Гардіанъ, командиръ Райо, съ экипажемъ въ 123 человѣка и 25-ю ссылочными, которыхъ поручено было ему отвезти въ Ботани-Бей, подошелъ по пути къ огромной плавучей льдинѣ, чтобы недостатокъ прѣсной воды замѣнить льдомъ

Кончивъ это, шлюпъ снялся съ дрейфа, но ударился на ходу носомъ о подводную часть льдины, которая подъ водою выдавалась далеко въ сторону. Судно оборотилось отъ удара задомъ на передъ, и опять ударилось, при сильномъ волненіи, кормой, которою и стало на льду. Поставивъ всѣ паруса и пересла въ людей на бакъ, капитанъ тотчасъ сошелъ со льду, но при бывшемъ сильномъ волненіи уже вышибло руль

и раскачало ахтерь-штевень, такъ что вода полилась ключемъ: въ трюмѣ оказалось 6 футовъ воды, а затѣмъ, хотя всѣ помпы пущены были въ ходъ, постоянно прибывала и черезъ сутки было 10 футъ.

Сбросили за бортъ скотъ, бывшій на шлюпѣ и корм для него; равно другія тяжести, — пробились еще сутки, выбились изъ силъ и ожидали одной гибели. Команда, послушная во всемъ, стала просить командира спасаться на гребныхъ судахъ.

Обсудивъ, что шлюпъ безъ руля и съ такою течью долженъ вскорѣ потонуть, но что всей команды нельзя помѣстить на гребныхъ судахъ, если не затопить ихъ, лейтенантъ Райо объяснилъ это экипажу и сказавъ, что самъ остается на шлюпѣ, вызывалъ къ себѣ охотниковъ, а прочимъ дозволилъ спустить гребныя суда и искать спасенія. Онъ былъ такъ спокоенъ духомъ, что ожидая самъ съ часу на часъ смерти и отпуская часть команды и офицеровъ на шлюпкахъ, выдалъ имъ свидѣтельство къ англійскому начальству, гдѣ хвалилъ послушаніе и покорность ихъ, удостовѣрялъ, что они отправились съ его позволенія и просилъ, если самъ онъ погибнетъ, не оставить мать его и сестру. На трехъ гребныхъ судахъ помѣстилась только треть команды—яликъ же разбило у борта—прочіе остались съ командиромъ на шлюпѣ, сказавъ, что хотятъ съ нимъ жить и умереть.

Сколько извѣстно, одинъ только ялъ, изъ трехъ, спасся, встрѣтивъ, ровно черезъ мѣсяцъ, французскаго купца, который принялъ людей; остальныя гребныя суда пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ на шлюпѣ командиръ раздѣлилъ людей къ работамъ, посмѣнно, назначивъ имъ нужный отдыхъ; одна часть спасала провизію отъ потопа, облегчала шлюпъ, скидывая все лишнее въ море: другіе отливали воду, а плотники возились око руля.

И Богъ услышалъ молитвы ихъ: голландскій пакетботъ, шедшій изъ Батавіи, увидалъ бѣдствующихъ, подошелъ на помощь, а какъ погода смягчилась, то успѣли исправиться и при пособіи пакетбота, который не отлучался болѣе отъ шлюпа, онъ прошелъ 1200 миль и прибылъ со всею командою благополучно на мысъ Доброй-Надежды

Корабль король Георгъ

Судьба стопушечнаго англійскаго корабля король Георгъ замѣчательна: не погибъ онъ и экипажъ его въ сраженіи, отъ непріятельскихъ ядеръ, и не былъ разбитъ въ бурную ночь о подводные каменья; онъ пошелъ ко дну, отъ непростительной оплошности, среди бѣлаго дня, въ ясную и тихую погоду, на рейдѣ портсмутскомъ, среди множества свидѣтелей на другихъ судахъ, которыя большею частію опоздали помощію. Это случилось въ 1782 году, 19 августа.

Король Георгъ воротился изъ крейсерства съ небольшою течью, которая открылась футахъ въ двухъ подъ ватерлиніею. Поэтому не сочли нужнымъ вводить корабль въ докъ, а, чтобы не терять времени, приняліись за дѣло тотчасъ, на рейдѣ.

Для этого приказали вдвинуть всѣ пушки одного лага, и выдвинуть ихъ съ другого. Распоряжался тимерманъ; корабль накренился сильно, такъ что худое мѣсто все вышло наружу; — но вскорѣ замѣтили, что корабль вовсе ложится на одинъ бокъ; команда обѣдала, когда вдругъ ударили тревогу; позабыли заткнуть шпигаты нижняго дека, и вода лилась руслами въ корабль!

Бросились къ пушкамъ но уже никто не могъ стоять на палубахъ, всѣ тяжести упали на одну сторону; порты легли на воду и въ минуту стопушечный корабль, стоя спокойно на якорѣ, пошелъ ко дну!

На немъ было въ это время болѣе 1200 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей. Со всѣхъ судовъ тотчасъ же бросились гребныя суда на помощь, но нѣсколько времени не было возможности подойти къ водовороту, который образовался на мѣстѣ потонувшаго корабля: провіантское судно, родъ большого крытаго баркаса, стоявшее въ это время подлѣ короля Георга, утащило въ водоворотъ этотъ и часть людей на немъ также потонула.

Въ пучинѣ все кипѣло, какъ въ котлѣ, и сотни людей, хватаясь то за разныя плывущія вещи, вымытыя водою изъ корабля, то другъ за друга, тонули сами и топили другихъ. Спасено было до 300 человѣкъ, а до 900 погибло. Гротъ-марсъ затонувшаго корабля, ставшаго опять на киль, когда весь наполнился водой и пришелъ на дно моря,—гротъ-марсъ виденъ былъ надъ водой еще черезъ 18 лѣтъ.

Крушеніе англійскаго купецкаго корабля Фанни

Это былъ прочный корабль Индѣйской компаніи, который, какъ большая часть компанейскихъ судовъ, по вооруженію, экипажу и офицерамъ, можно назвать полувоеннымъ. Онъ шелъ изъ Бомбея, изъ восточной-Индіи, въ Китай.

Вышедши благополучно черезъ Малакскій проливъ въ Китайское море, Фанни собрался встрѣчать тифонъ: это не водяной тифонъ, а въ Китайскомъ морѣ называютъ такъ самый жестокій ураганъ, который, кружась, иногда обходитъ вокругъ весь компасъ.

Небо стало краснѣть, тучи неслись туда и сюда, море почернѣло и закипѣло. Вѣтеръ свирѣпѣлъ и уже нельзя было нести ни одного паруса: тогда вдругъ заштилѣло, а черезъ полчаса страшно заревѣло съ

противной стороны. Это было вечеромъ; поутру сломило фокъ-мачту, которая упавъ за бортъ выбила руль. Корабль понесло бокомъ, а съ трюма закричали, что вода прибыла до трехъ футовъ. Между тѣмъ на ютѣ принуждены были связать штурмана, который вдругъ сошелъ съ ума и сталъ бѣсноваться.

Такое положеніе длилось сутки: тогда ураганъ началъ стихать, но зыбью такъ бросало корабль, безъ руля и парусовъ, что сломило гротъ-стеньгу и перебило ею людей.

Несмотря на все это, какъ только прошелъ тифонъ, то принялись за работу и, поставивъ фальшивую фокъ-мачту, подняли кой-какіе паруса и держались безъ руля цѣлый мѣсяцъ. Дошедши до китайскаго острова Гайнанъ, бросили якорь, вычинились немного и вставили сдѣланный на походѣ руль. Но вслѣдъ затѣмъ подорвало канатъ и вынесло Фанни въ море. Шлюпка, посланная за водою, осталась на берегу.

Одолѣвъ и эту бурю, Фанни успѣлъ опять подойти къ острову Гайнану, съ другой стороны, и бросить якорь въ заливѣ. Здѣсь отстаивался онъ три недѣли отъ мусона, т. е. постояннаго жестокаго вѣтра NO, запасся водой, но харчей не могъ получить нисколько, хотя очень въ нихъ нуждался. Жители готовы были ограбить бѣдствующее судно, а помощи не давали. Шлюпка съ людьми была взята въ плѣнъ и за нихъ просили выкупъ. Въ то же время четверо негодныхъ матросовъ, опасаясь, что корабль разобьетъ, хотѣли воровски спастись на баркасѣ; но его выкинуло на грядѣ у берега и разбило въ щепы. За этихъ людей жители также требовали выкупа. Капитанъ хотѣлъ постращать ихъ пушками и для этого снялся съ якоря —но противный вѣтеръ вдругъ скрѣпчалъ, и при плохомъ положеніи корабля, его понесло опять въ море. Паруса изорвало и фальшивый руль отломило и нес-

частный Фанни опять понесся по произволу бури. Управляя одними штормовыми парусами, безъ руля они неслись такъ двѣ недѣли и, успѣвъ миновать много опасныхъ мелей и каменныхъ грядъ, наконецъ поставили на мѣсто другой фальшивый руль.

Командиръ и экипажъ отъ радости будто воскресли: корабль опять съ парусами и съ рулемъ; но не успѣли оглянуться, какъ онъ попалъ въ толчею, окруженную рифами. Бросили якорь, гребныхъ судовъ уже не было, кромѣ китайскаго, изломаннаго ялика, вокругъ виденъ былъ бурунъ и корабль потащило съ двухъ якорей прямо на рифъ. Подняли кой-какъ одинъ якорь, другой отрубили и пошли искать выхода изъ буруновъ: но корабль отказалъ въ поворотѣ и сталъ на камень.

Выбило руль, который стóилъ имъ столько труда, и такъ колотило корабль о каменья, что капитанъ срубилъ мачты. Это было время прилива: вода убыла и Фанни остался на сушѝ; его укрѣпили стрѣлами. Гряды и каменья видны были кругомъ на большое пространство.

Ближайшій берегъ отъ несчастныхъ былъ Кохинхина, 250 миль — но при противномъ мусонѣ нельзя было и думать попасть туда. Ближайшій за тѣмъ островъ, Пуло-Ауро, былъ въ 800 миляхъ—а у корабля ни одного гребного судна, кромѣ плохого китайскаго ялика! Весь экипажъ, на половину индѣйцы, состоялъ изъ 56 человѣкъ.

Въ бѣдѣ этой рѣшились снять ютъ съ Фанни, сдѣлать изъ него два парома и исправить яликъ. Паромы поспѣли; но когда стали, для опыта до спуска ихъ, наливать въ нихъ воду ведрами, то увидѣли, что она пробѣгала, какъ въ рѣшето! А корабельные члены уже начали расходится и Фанни грозилъ разсыпаться! Но видно не суждено было еще всѣмъ имъ погибнуть: когда они остались безъ воды, то пошелъ проливной

дождь и они собрали парусами три бочки воды; а когда насталъ голодъ, то подъ грузомъ хлопчатой бумаги неожиданно нашли нѣсколько мѣшковъ сарацынскаго пшена. Въ малую воду, собирали также и ѣли устрицы,

Прошло двѣ недѣли — экипажъ безъ устали работалъ надъ паромами, но вдругъ отъ загнившаго груза хлопчатой бумаги, а можетъ быть еще болѣе отъ изнуренія, появилась цынга, которою почти всѣ заболѣли. Капитанъ слегъ.

Въ этомъ положеніи увидѣли они небольшое судно, которое сначала сочли разбойничьимъ, малайскимъ, но потомъ признали за американское; старшій лейтенантъ отправился на встрѣчу ему на яликѣ, но не хотѣлъ выѣхать черезъ бурунъ рифа, опасаясь, что не можетъ выгрести обратно, къ своему судну, и не желая покинуть товарищей, хотя бы самъ легко могъ спастись. Вотъ какъ благороденъ былъ офицеръ этотъ.

Наконецъ Американецъ рѣшился спустить шлюпку, которая съ великимъ трудомъ пробилась сквозь бурунъ и пристала къ мели: бывшій на ней шкиперъ приглашалъ капитана разбитаго Фанни и лейтенанта съ двумя товарищами съ собою, объявивъ что болѣе четырехъ человѣкъ взять не можетъ. Капитанъ, хотя и больной, объявилъ, что останется на кораблѣ послѣднимъ; лейтенантъ сказалъ, что не оставитъ командира — а потому бросили жребій и отдали Американцу четырехъ матросовъ, которымъ жребій вышелъ; остальные принялись оканчивать плотъ. При этихъ работахъ они встрѣтили и проводили Рождество Христово.

Эти два парома или плашкоута были длиною 17 футъ, шириною 5 футъ и вышиною 5 ф. Ихъ укопатили и удѣлали такъ, что течи не было; но когда погрузили харчи и воду и на каждый посадили по 25

человѣкъ, то они такъ погрузились, что сверхъ воды осталось бортовъ всего на 9 дюймовъ. Плашкоуты эти могли итти только прямо по вѣтру, и то очень легко могло ихъ залить. Съ большимъ трудомъ и опасностію прошли рифъ и пустились въ открытое море, просидѣвъ 40 дней на каменьяхъ.

Опасаясь варваровъ—малайцевъ, капитанъ рѣшился править къ полуострову Малакѣ—1200 миль! Страшно подумать; но надѣясь на Бога и на послушную команду свою, онъ не отчаявался. Подняли фальшборты изъ брезента, отливали воду отъ всплесковъ и шли подъ парусами на дощанникахъ своей постройки, среди бурнаго и опаснаго моря; цынга всѣхъ одолѣла, прѣсной воды уже не было; 20 дней носилось они по волнамъ, какъ увидѣли берегъ!

Но въ это время оставался уже одинъ только паромъ, на которомъ были офицеры и англійскіе матросы; другой, на которомъ были индѣйцы, ночью отсталъ. Они были въ Малакскомъ проливѣ и встрѣтили купецкое судно. Шкиперъ надѣлилъ ихъ харчами и водой и посовѣтывалъ держаться какъ можно ближе къ сторонѣ Малаки, потому что тутъ было много малайскихъ разбойниковъ, которые даже нападали было на его бригъ, убивъ и переранивъ нѣсколько человѣкъ.

Пятеро сутокъ шли они вдоль берега до гавани Малаки, потому что въ другихъ мѣстахъ приставать опасно, — народъ не надежный. Наконецъ дошли благополучно и приняты были начальствомъ и жителями какъ нельзя лучше. Больные вскорѣ стали поправляться. Затѣмъ, вошелъ въ гавань купецъ, который привезъ съ собою *одного* индѣйца съ другого парома: остальныхъ всѣхъ перерѣзали малайскіе разбойники.

Офицерскія жены

Когда Петръ Великій жарко осаждалъ шведскую крѣпость Шлиссельбургъ, начальствуя самъ ближайшею батареей, въ званіи капитана бомбардирной роты, то онъ послалъ предложить коменданту, не сдастся ли онъ, чтобы пощадить людей. Комендантъ просилъ сроку, надѣясь этимъ выиграть время: тогда тотчасъ государь открылъ жестокую пальбу. Желая чѣмъ нибудь остановить ее, хоть на время, и надѣясь получить отъ своихъ помощь, осажденные выслали барабанщика, съ письмомъ къ нашему главнокомандующему, отъ комендантши и всѣхъ офицерскихъ женъ: онѣ просили дозволить имъ выйти изъ крѣпости, гдѣ отъ огня, бомбъ, ядеръ и дыма не было имъ житья и гдѣ они отъ страху не знали, куда дѣваться.

Понявъ уловку эту, командиръ бомбардирной роты отослалъ барабанщика съ письменнымъ отвѣтомъ, что «не можетъ онъ пропустить барабанщика къ фельдмаршалу, ибо вѣдаетъ доподлинно, что онъ не соизволитъ опечалить ихъ разлукою съ супругами: а буде угодно выѣхать, то чтобы и любезныхъ мужей своихъ забрали и увезли съ собою; тогда дастся имъ пропускъ.»

Чрезъ нѣсколько дней крѣпость взята была приступомъ.

Оладьи

Обращаясь всегда съ иноземными корабельщиками и шкиперами чрезвычайно милостиво, царь Петръ Алексѣевичъ, вкороткѣ основавъ новую столицу свою, Петербургъ, встрѣтилъ на прогулкѣ голландца и спросилъ его: Ну что, не лучше ли сюда приходить вамъ, чѣмъ въ Архангельскъ?—Нѣтъ, не лучше, Ваше Величество.—Какъ такъ?—Да въ Архангельскѣ про насъ

всегда готовы были оладьи, а здѣсь ихъ что-то не видать.—А, сказалъ царь, коли такъ, то этому горю пособить можно: приходи завтра со всѣми земляками своими ко мнѣ во дворецъ, въ гости, я васъ употчую оладьями.—И на другой день, царь задалъ пиръ всѣмъ пришедшимъ въ новую столицу его шкиперамъ и корабельщикамъ и, одаривъ ихъ, отпустилъ.

Пословица

А любишь ли ты пословицы?

До хорошей пословицы я охотникъ, — особенно коли она кстати сказана; а плохой не терплю, потому что она учитъ худу.

А будто есть худыя пословицы?

Да худого гдѣ нѣтъ? Въ новую избу тараканы завсегда напередъ хозяевъ перебираются. Вотъ, напримѣръ, часто слышимъ мы съ тобою пословицу: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; эта никуда не годится. Приняла, сказываютъ, жена безъ мужа гостью, куму свою, да и накормила ее ужиномъ, который припасенъ былъ для мужа. Поглядѣвъ, что ужъ немного осталось, а мужъ-то скоро будетъ, да видно ляжетъ спать голодный, хозяйка и стала потчивать куму свою: доѣдайже, говоритъ, кумушка-голубушка, девятую шанежку (ватрушку), мнѣ однако отъ мужа битой быть.

А лучше этой пословицы мнѣ нравится та, которая говоритъ противное: повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Изъ вины твоей конечно мнѣ не шапку сшить — да на повиннаго рука не подымется, а кого люди прощаютъ, того и Богъ проститъ.

Вѣдь прошлаго не воротишь; не за то бьютъ, что зачѣмъ укралъ, а за то бьютъ, что впередъ не воруй; кто повинился, тотъ напредки отъ худа отрекается—и Богъ съ нимъ; а кто не винится—того бойся, тотъ,

стало быть, поминаючи зады, и впередъ замышляетъ.

Говорятъ, что, повинившись, зарекаются, да не на долго; зарекаются-де съ воскресенья до поднесенья; не ладно это, а все лучше того, кто говоритъ: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; такого бойся.

Кто съѣлъ мой пирогъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ!—Копить добрыя дѣла да молчать—это хорошо; а копить семь бѣдъ на одинъ отвѣтъ, доѣдать девятую шанежку, потому что за одно биту быть — это безпутно. Такого парня не научишь добру, и не стоитъ того, чтобы его бить.

Добро бить того, кто плачетъ, учитъ того, кто слушается. Съ заклятымъ, съ закоснѣлымъ и упорнымъ ничего не сдѣлаешь: это горбатый, котораго правитъ не дубинка, а могилка.

Сказываютъ, что въ старину еще купленный убійца подкрался ночью къ сильному и могучему вельможѣ; но сколько не нудилъ себя, а рука у него на кровавое дѣло не подымалась, и что дальше, то болѣе сталъ обмирать страхомъ. Не знавъ никогда доселѣ голоса совѣсти, наемный убійца до того самъ испугался немочи своей и невѣдомаго страха, что почелъ это знаменіемъ Господнимъ и ему казалось, что правая рука, въ которой держалъ онъ оружіе, стала замирать и отыматься. Въ ужасѣ будитъ онъ самъ князя и говоритъ ему:

Князь, слушай, враги твои хотятъ извести тебя, я на это дѣло дался имъ, но Богъ вразумилъ меня и посылаетъ къ тебѣ посломъ, чтобы повѣдать это и велѣть остеречься! Вели меня казнить, какъ злодѣя, я бросаю ножъ и отдаюсь во власть твою.

Князь поглядѣлъ на него, прошелся молча по покою и сказалъ: быть такъ; пословъ не сѣкутъ, не рубятъ, а домой отпускаютъ. Поди, покуда темно, чтобы я тебя и въ лицо не видалъ.

У русскаго мужика есть старинный обычай, благодарить за науку, коли его накажутъ. Если онъ дѣлаетъ это, какъ иногда случается, съ назолу, не каясь отъ сердца, не сознаваясь въ грѣхѣ своемъ, то у него языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ; языкъ мой врагъ мой: напередъ ума глаголетъ! Но если онъ дѣлаетъ это, по совѣту и въ память отцовъ и дѣдовъ, то есть, по правдѣ и въ чистотѣ сердечной, тогда можно напророчить этому виноватому, что его наказали въ послѣдній разъ и что впередъ онъ будетъ слушаться не палки, а слова: не все хлыстомъ—но и свистомъ.

Единъ Богъ безъ грѣха. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? И праведникъ седмижды въ день согрѣшаетъ; но прегрѣшеніе невольное кающемуся отпускается, а грѣшникъ закоснѣлый — чорту баранъ. Давидски согрѣшаемъ, да не Давидски каемся; хоть и первый человѣкъ грѣха не миновалъ, и послѣдній не избудетъ его, но одинаково уготовано всякому и спасеніе и кара кромѣшная, не столько по грѣхамъ его, сколько по скорому и чистому раскаянію!

О томъ, кто и кается, да хапжитъ, кается, думая обмануть и людей и Бога, говорятъ: укравъ часословъ, да услыши, Господи, молитву мою! Согрѣшающихъ мы видимъ — а о кающихся богъ вѣсть; чужая душа потемки. Но милость надъ грѣхомъ властна, какъ вода надъ огнемъ: властна, разумѣется, коли есть кайка, есть признаніе. Тогда-то говорится, что повинную голову и мечъ не сѣчетъ; гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А коли повинился и прощенъ, такъ помни: каяться кайся, да опять за то же не принимайся, не говори: прости, Господи, прошлые грѣхи — да и на предки тожь, — чтобы не было и съ тобой, какъ было, сказываютъ, съ дятломъ: какъ свѣтъ, такъ онъ принимается стучать носомъ по пнямъ и дуплямъ — къ вечеру головушку разломитъ, а онъ покается и зарокт

положитъ: больше не стану; а какъ утро настало—такъ опять за то же!

Виноватъ, да повиненъ — ни людямъ, ни Богу не противенъ; кто самъ себя называетъ должникомъ, тотъ хочетъ заплатить долгъ. Виноватый въ винѣ, правый въ правдѣ—а всякому грѣху покаяніе, держи голову уклонну, а сердце покорно, бей челомъ ниже: до неба высоко, до земли ближе!

Чесменское сраженіе

Въ турецкую войну нашу 1769 года, государыня императрица Екатерина II повелѣла готовиться балтійскому флоту въ походъ, въ Средиземное море, чтобы побезпокоить турокъ съ того конца, гдѣ они русскихъ не ожидали. Изготовлено было 7 кораблей, 1 фрегатъ, 1 бомбардирское судно, 6 транспортныхъ судовъ и начальство надъ ними поручено адмиралу Спиридову. 17 іюля государыня сама посѣтила флотъ на кронштатдскомъ рейдѣ и благословила адмирала орденомъ Св. Александра Невскаго. На другой день флотъ снялся, имѣя 8 ротъ пѣхотныхъ солдатъ и 2 роты артиллеріи, для десанта.

Послѣ разныхъ похожденій, при которыхъ нѣкоторые корабли отстали, другіе зашли въ иностранные порты, одинъ транспортъ разбился въ Категатѣ, а одинъ корабль и вовсе покинутъ былъ въ Англіи, флотъ нашъ собрался къ зимѣ въ Средиземномъ морѣ. Приданъ былъ еще контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя кораблями, двумя фрегатами и нѣсколькими транспортами, а главное начальство на морѣ и на сушѣ принялъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Всю зиму флотъ занятъ былъ блокированіемъ или занятіемъ турецкихъ городовъ и крѣпостей, то высадкой, то сборомъ туть и тамъ войска, въ подкрѣпленіе

грекамъ; но по безтолочи ихъ, своевольству, непривычкѣ къ порядку и послушанію, всѣ попытки ихъ, даже при нашей помощи, были довольно неудачны. Весной 1770 года турецкій флотъ вышелъ изъ Цареградскаго пролива и черезъ Дарданелы; тогда флотъ нашъ всѣми силами пустился на поискъ за нимъ.

Контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя кораблями и фрегатомъ, первый открылъ, въ половинѣ мая, непріятеля, за мысомъ Св. Ангела, на самой южной оконечности турецкаго полуострова Морея. Адмиралъ спустился на турецкій флотъ, несмотря на слабость свою, и завязалъ было сраженіе; но турки уклонились и при затишіи успѣли уйти буксиромъ въ заливъ Навплію.

На другой день подулъ намъ противный вѣтеръ; эскадра гнала къ вѣтру подо всѣми парусами и нашла турокъ на якорѣ, подъ крѣпостными пушками Навпліи. Наши открыли огонь, но опять заштилѣло; теченіемъ понесло корабли наши въ бухту, почему они вынуждены были бросить якорь, стать на шпрингъ, чтобы поворотиться лагомъ къ непріятелю, и продолжали сражаться; но къ вечеру вышли опять изъ бухты, при чемъ корабль Саратовъ, зашедшій слишкомъ глубоко, насилу выведенъ былъ гребными судами.

Видя, что съ такими неравными силами нельзя атаковать непріятеля подъ крѣпостью, адмиралъ отошелъ отъ бухты, выжидая выхода его въ море. Въ то же время послалъ онъ греческое судно въ Наваринъ, гдѣ графъ Ѳ. Г. Орловъ занятъ былъ другими военными распоряженіями, извѣстить его, что турецкій флотъ отысканъ. 22-го мая графъ Ѳ. Г. Орловъ съ флотомъ соединился съ эскадрою Эльфинстона у острова Цериго; 24-го въ полдень, при южномъ вѣтрѣ, открылся непріятельскій флотъ, на якорѣ при островѣ Спеціи. Поднятъ былъ сигналъ общей погони.

Турки спѣшно обрубили канаты, вступили подъ паруса и легли бейдевиндъ, на востокъ. Русскіе быстро на нихъ спускались. Южный вѣтеръ свѣжѣлъ, корабли Эльфинстона выбѣжали впередъ; къ 6-ти часамъ, когда вѣтеръ опять затихалъ, корабли Саратовъ и Нетронь-Меня открыли пальбу. Турки опять обрадовались затиши и отбуксировали корабли свои гребными судами внѣ выстрѣла.

На разсвѣтѣ, 25-го подулъ слабый N; турецкій флотъ былъ миляхъ въ четырехъ, на вѣтрѣ; погоня возобновилась, но безуспѣшно: при маловѣтріи во всѣ слѣдующіе дни, турецкій флотъ ушелъ изъ виду и скрылся за островами.

Адмиралы Спиридовъ и Эльфинстонъ раздѣлились, частію для наливки водой, въ которой терпѣли нужду. Затѣмъ, оба отправились къ острову Цериго, за главнокомандующимъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, подъ начальствомъ коего они желали атаковать турокъ.

11-го іюня графъ Орловъ соединился съ флотомъ у острова Спеція; затѣмъ нѣкоторые корабли опять наливались водой, а 19-го флотъ направился къ острову Хіосу, отыскивать непріятеля и отрѣзать ему путь домой. Но опять, маловѣтріе удерживало флотъ нашъ; наконецъ 23-го іюня подулъ свѣжій SW и въ то же время грекъ привезъ вѣсть, что турки стоятъ между Хіоса и азіатскаго материка, Анатоліею.

Флотъ нашъ пустился туда подо всѣми парусами. Командоръ Грейгъ, высланный впередъ на кораблѣ Ростиславѣ, съ двумя малыми фрегатами, для опознанія непріятеля, въ 4 часа пополудни увидѣлъ весь турецкій флотъ, становившійся на якорь подъ анатольскимъ берегомъ. Командоръ Грейгъ поднялъ сигналъ: «вижу непріятеля»; графъ Орловъ поднялъ другой: «всему флоту спуститься къ Ростиславу». Ночь

заставила флотъ нашъ привести къ вѣтру; но непріятеля прижали къ берегу.

На разсвѣтѣ, въ 4 часа, главнокомандующій поднялъ сигналъ общей погони. Весь флотъ спустился въ кильватеръ ему; въ 6 часовъ, при входѣ въ проливъ, между островомъ Хіосомъ и матерымъ берегомъ, увидѣли непріятеля въ лѣвой рукѣ, подъ берегомъ этимъ, на якорѣ, въ двѣ линіи. Въ половинѣ 9-го, въ двухъ миляхъ отъ непріятеля, нашему флоту велѣно строиться въ боевой порядокъ, причемъ адмиралъ Спиридовъ начальствовалъ авангардомъ, графъ Орловъ кордебаталіею, а адмиралъ Эльфинстонъ аріергардомъ. Въ одиннадцатомъ часу вся линія наша стянулась и состояла въ эту замѣчательную битву изъ слѣдующихъ судовъ:

АВАНГАРДЪ

Адмиралъ Спиридовъ.

Фрегаты:	*Корабли:*	*Командиры:*
Св. Николай. . .	66-п. Св. Евстафій. . .	Кап. Крюйсъ.
		Адм. Спиридовъ.
Бомб. корабль, . .	66 » Св. Януарій . . .	Кап. Борисовъ.
Почтальонъ . . .	66 » Три-Святителя. .	» Рокебургъ.

КОРДЕБАТАЛІЯ.

Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Главноком.

Фрегаты:	*Корабли.*	*Командиры:*
Панинъ	66-п. Три-Іерарха . . .	Бригадиръ Грейгъ.
		Главн. ком. Гр. Орловъ
	66 » Ростиславъ. . . .	Кап. Лупандинъ.
	66 » Петронь-Меня . .	» Безенцовъ.

АРІЕРГАРДЪ.

Контръ-адмиралъ Эльфинстонъ.

	Корабли:		*Командиры:*
Надежда	66-п.	Европа	Кап. Клокачевъ.
Африка.	80 »	Святославъ. . . .	» Баржъ.
Мелкія греческія			К.-Адм. Эльфинстонъ.
суда	66 »	Саратовъ	Кап. Хметевскій.

У турокъ въ первой линіи стояло *десять* семи- и осмидесятныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ 96-ти и одинъ 100 пушечный: во второй 7 кораблей, 4 фрегата. Турки стояли хорошо; разстояніе между кораблями одной линіи было немного болѣе двойной длины судна; корабли поставлены на шпринги, чтобы ихъ не заворотило при перемѣнѣ вѣтра; суда второй линіи поставлены противу промежутковъ первой; вся линія стояла малымъ погибомъ, дугой, со впадиною по срединѣ; отъ берега были они не далѣе полумили; первый флангъ примыкалъ къ низменному острову, лѣвый къ Чесменской губѣ. Гребныя суда, баркасы и галеры держались на веслахъ между флотомъ и берегомъ, гдѣ расположенъ былъ станъ сухопутнаго войска.

Въ 11 часовъ данъ былъ сигналъ: «спуститься на непріятеля». Адмиралъ Спиридовъ съ авангардомъ тотчасъ началъ спускаться; а за нимъ въ кильватерѣ прочіе. Въ исходѣ 12-го передовой корабль, Европа, подошелъ на выстрѣлъ и непріятель открылъ сильный огонь, со всѣхъ кораблей: но наши молчали и, подошедши на пистолетный выстрѣлъ, вдругъ стали приводить вдоль непріятельской линіи, осыпая ее ядрами. Такъ дѣлали и всѣ прочіе корабли наши, оборачиваясь лагомъ противъ турокъ. Въ половинѣ перваго всѣ корабли уже вступили въ жаркое дѣло.

Скажемъ теперь слово о нѣкоторыхъ корабляхъ нашихъ порознь.

Авангардъ и кордебаталія въ особенности смѣло напирали. Корабль Европа, подойдя вплоть, привелъ и положилъ марсель на стеньгу; но когда слѣдовавшій за нимъ Евстафій сталъ напирать, то Европа долженъ былъ уступить ему мѣсто, наполнилъ марсель и вышелъ впередъ крайняго, навѣтряннаго непріятельскаго корабля; затѣмъ онъ поворотилъ на другой галсъ, спустился и, занявъ мѣсто позади Ростислава, вступилъ опять въ самый жаркій бой.

Евстафій, при быстрой и мѣткой пальбѣ, въ свою очередь также вышелъ впередъ тѣмъ же путемъ, также хотѣлъ поворотить, но по сильнымъ поврежденіямъ въ рангаутѣ не успѣлъ въ этомъ, увалился подъ вѣтеръ и навалилъ на передовой турецкій корабль (Реалъ-Мустафа). При самой свалкѣ пушечный и ружейный огонь не умолкалъ: турки стали бросаться за бортъ и достигать вплавь берега; но Мустафа загорѣлся, пламя пошло по снастямъ и парусамъ и перешло на Евстафій. На немъ былъ адмиралъ Спиридовъ и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, родной братъ главнокомандующаго; они едва успѣли спастить на шлюпки, какъ горящая гротъ-мачта упала на Евстафій, и этотъ взлетѣлъ на воздухъ. Это сдѣлалось такъ скоро, что шлюпки со всего флота, посланныя тотчасъ на помощь Евстафію, опоздали и успѣли только снять капитана Крюйса и двухъ человѣкъ съ остова взорваннаго-корабля.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не зналъ о спасеніи брата своего до конца сраженія: онъ считалъ его погибшимъ.

Три-Святителя за Евстафіемъ, легъ бортъ-о-бортъ съ непріятелемъ и громилъ его ядрами. Увидѣвъ участь Евстафія и разсудивъ, что держа марсель на

стеньгѣ и потерявъ ходъ, также поворотить противъ вѣтра не сможетъ, рѣшился поворотить черезъ фордевиндъ, для чего и долженъ былъ прорѣзать непріятельскую линію: при этомъ онъ утлегеремъ своимъ снялъ флангштокъ у одного изъ турецкихъ кораблей, прошелъ между обѣихъ линій непріятельскихъ и, осыпая ихъ ядрами, вправо и влѣво, благополучно поворотилъ и вышелъ на просторъ.

За нимъ шелъ Св. Януарій: онъ стрѣлялъ залпами, проходя мимо, по каждому кораблю и не потерявъ ходу, когда шедшій передъ нимъ Три-Святителя долженъ былъ спуститься, поворотилъ противъ вѣтра на другой галсъ.

За Януаріемъ шелъ Три-Іерарха: чтобы не упасть на непріятеля, онъ бросилъ якорь противъ турецкаго Флагмана, и отнесъ корму на шпрингѣ. Онъ до того одолѣлъ капитана-пашу страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что тотъ, обрубивъ канатъ, бросился на берегъ: но въ торопяхъ и въ страхѣ, онъ позабылъ обрубить кормовой шпрингъ свой; поэтому корабль уклонился носомъ къ берегу, а кормой сталъ противъ борта Трехъ-Іерарховъ; съ четверть часа этотъ громилъ его продольными выстрѣлами и разбилъ въ пухъ.

За Флагманомъ слѣдовалъ Ростиславъ: онъ также положилъ марсель на стеньгу и, оставаясь на одномъ мѣстѣ, осыпалъ непріятеля ядрами. За нимъ слѣдовали уже три аріергардные корабля, которые также сдѣлали свое, но не подходили на такое близкое разстояніе къ непріятелю, какъ первые шесть кораблей, и были менѣе въ дѣлѣ.

Покуда оба флота были, въ этомъ тѣсномъ и жестокомъ бою, гдѣ каждое ядро пробивало оба борта на вылетъ, а Св. Евстафій, наваливъ на навѣтренный непріятельскій флагманскій корабль, взялъ его аборда-

жемъ, причемъ самъ адмиралъ турецкій, Гасанъ-Бей, былъ раненъ, бросился за бортъ и едва былъ спасенъ турецкою шлюпкой, а вслѣдъ затѣмъ Евстафій вмѣстѣ съ непріятелемъ загорѣлся,—турецкіе корабли, будучи всѣ подъ вѣтромъ, стали думать только о своемъ спасеніи: всѣ они стали рубить канаты, ставить паруса и уходить безъ оглядки въ Чесменскую бухту. Страхъ обнялъ ихъ, чтобы горящіе корабли съ навѣтру на нихъ не навалили.

Какъ только турки пошли на побѣгъ, то главнокомандующій, обрубивъ и самъ канатъ на Трехъ-Іерархахъ, поднялъ сигналъ: «гнаться за непріятелемъ» — и турецкій флотъ въ такой тревогѣ и безпорядкѣ тискался въ бухту, что корабли давили и ломали другъ друга.

У насъ не было брандеровъ, которые бы легко было пустить на непріятеля, бывшаго въ такомъ разстройствѣ; графъ Орловъ велѣлъ всѣмъ кораблямъ бросить якоря, а самъ сталъ у самаго входа въ бухту, на пушечный выстрѣлъ отъ непріятельскаго флота. Графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ послалъ въ самую бухту командора Грейга, на бомбардирскомъ суднѣ Громъ, чтобы въ неурядицу эту бросать бомбы и каркасы; въ то же время приказалъ онъ снарядить брандерами четыре греческія судна, бывшія при флотѣ. Это поручено было бригадиру Ганибалу.

Все замѣчательное дѣло это (24-го іюня), за которымъ слѣдовало, какъ мы увидимъ, еще славнѣйшее, длилось не болѣе какъ полтора часа. Въ два часа пополудни турки уже стояли въ бухтѣ. Мы потеряли, конечно, много; на одномъ только погибшемъ Евстафіѣ: офицеровъ, морскихъ и сухопутныхъ 35, нижнихъ чиновъ 473. На прочихъ корабляхъ: всего 13 убитыхъ и около 25 раненыхъ. Турки стрѣляли такъ безтолково, что всѣ ядра шли черезъ верхъ и одно

только шальное ядро попадало въ корпусъ. На Флагмановомъ кораблѣ избиты были всѣ три мачты, буширитъ, рей; но этимъ турки, конечно не могли унять пальбы нашего флота. О потери у турокъ, ничего даже близкаго къ дѣлу не знаемъ, но она, какъ видно по всему, была очень велика.

До самой ночи корабли наши чинились и снаряжали брандеры; во все время это Громъ бросалъ снаряды свои на турецкій флотъ, безпокоилъ его и держалъ въ страхѣ. Онъ уже и не смѣлъ болѣе отстрѣливаться. Брандеры, подъ надзоромъ бригадира Ганнибала, поспѣли только на другой день (25-го іюня) къ вечеру.

Между тѣмъ турки также чинились и строили на берегу баттареи; шесть большихъ кораблей поставили они поперекъ, противъ входа въ бухту; остальные по бокамъ и за первыми, противу промежутковъ. Въ этомъ положеніи ожидали они нашего нападенія; уйти имъ было некуда. Вѣтеръ дулъ NW, намъ попутный въ бухту, которая была биткомъ набита турецкими кораблями, транспортами, гребными галерами и даже купцами; при самомъ же входѣ въ бухту можно было стать не болѣе какъ тремъ кораблямъ въ рядъ.

По всему этому назначены были для приступа четыре корабля: Ростиславъ — командиръ Лупандинъ: Европа—командиръ Клокачевъ; Петронь-Меня—командиръ Безенцовъ; Саратовъ — командиръ Хметевскій; два фрегата: Надежда — командиръ Степановъ; Африка—командиръ Клеопинъ; затѣмъ бомбардирное судно и четыре брандера. Начальство надъ отрядомъ поручено командору С. К. Грейгу и ему приказано: войти лунною ночью съ эскадрою въ Чесменскую бухту, поставить суда какъ можно ближе къ непріятельскимъ, разгромить ихъ пушками и сжечь брандерами. Командирами брандеровъ назначены были охотники: капи-

танъ-лейт. Дугдаль, лейтенанты Мекензи и Ильинъ и мичманъ князь Гагаринъ.

Въ 11 часовъ ночи 25-го іюня командоръ Грейгъ поднялъ фонарь на гафелѣ, чтобы не встревожить непріятеля выстрѣлами; это былъ условленный сигналъ «сняться съ якоря». Корабли эскадры, идущей въ дѣло, отвѣтили фонаремъ на кормовомъ флагштокѣ: «готовы». Командоръ поднялъ три фонаря: «итти на непріятеля.»

Европа въ полночь бросилъ якорь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турокъ, они открыли по немъ съ кораблей и съ береговыхъ баттарей сильный огонь; онъ сталъ на шпрингъ и отстрѣливался взапуски отъ кораблей и отъ баттарей. Вскорѣ подоспѣлъ командоръ и бросилъ якорь съ Ростислава по самой срединѣ бухты, въ полукабельтовѣ отъ Европы, оставивъ его вправѣ. Нетронь-Меня въ то же время бросилъ якорь лѣвѣе Ростислава, въ полукабельтовѣ отъ него. Фрегаты стали еще лѣвѣе, противу береговыхъ баттарей.

Часъ съ четвертью длилась страшная пальба, отъ которой земля и море стонали. Тогда каркасъ, или зажигательное ядро, брошенное съ бомбардирнаго судна, упалъ въ рубашку гротъ-марселя турецкаго корабля: парусъ былъ изъ бумажной парусины, сухой, какъ порохъ; пламя обняло его мигомъ и перегорѣвшая гротъ-стеньга упала на палубу и обдала огнемъ весь корабль. Страхъ обнялъ турокъ и командоръ, не упуская времени, подалъ сигналъ брандеромъ: «Спуститься на непріятеля и, сцѣпившись съ нимъ, зажечь ихъ.»

Капитанъ-лейтенантъ Дугдаль, на передовомъ брандерѣ, поставивъ всѣ паруса, прошелъ мимо командора; но тутъ встрѣтилъ двѣ гребныя турецкія га́леры, которыя видно стерегли его и кинулись на абордажъ; онъ зажегъ брандеръ, бросился за бортъ и выплылъ

на свою шлюпку, которая отдала бакштовъ при самомъ нападеніи галеръ и далеко отстала. Но турки пустили брандеръ ко дну.

Лейтенантъ Мекензи подошелъ очень близко къ непріятелю и зажегъ свой брандеръ: но въ это время пожаръ съ горѣвшаго турецкаго корабля перешелъ уже подъ вѣтеръ на три другихъ, а съ этихъ стало осыпать головнями сосѣдей и едвали не половина турецкаго флота стояла уже въ огнѣ, и брандеръ Мекензи навалилъ на горѣвшій корабль.

Когда затѣмъ третій брандеръ, лейтенанта Ильина, проходилъ мимо командора, то этотъ закричалъ ему: не зажигать брандера, не сцѣпившись напередъ съ однимъ изъ кораблей, бывшихъ у турецкаго флота на вѣтрѣ, потому что подвѣтренные уже сами собой загорались. Ильинъ исполнилъ это: сошелся бортъ о бортъ, зажегъ брандеръ, бросилъ брандскугель на непріятельскій корабль и самъ кинулся въ шлюпку.

Мичманъ, князь Гагаринъ подошелъ на четвертомъ брандерѣ; но какъ уже большая часть турецкаго флота. въ тѣснотѣ этой, стояла въ огнѣ, то и онъ попалъ на горѣвшій корабль. Такимъ образомъ одинъ только брандеръ Ильина могъ исполнить дѣло свое удачно; отъ брандера Ильина загорѣлась вся навѣтренная часть турецкаго флота.

Вмѣстѣ со спускомъ брандеровъ, корабли наши перестали стрѣлять, но какъ затѣмъ нѣсколько навѣтренныхъ (отъ своего флота) турецкихъ кораблей не загорались и продолжали пальбу, то командоръ также открылъ опять по нимъ огонь.

Къ тремъ часамъ ночи вся бухта стояла въ страшномъ огнѣ. Турки замолкли и были заняты только своимъ спасеніемъ: гребныя суда ихъ тонули или опрокидывались отъ множества народу, который бросался въ нихъ толпой; цѣлыя команды, обезпамятѣвъ кида-

лись въ воду, прыгая съ корабля другъ на друга и затопляя десятки и сотни людей; вся бухта, среди тѣсноты и множества объятыхъ пламенемъ судовъ, покрылась несчастными, которые, спасаясь, топили одинъ другого. Немногіе изъ нихъ добились до берега. Командоръ отъ жалости къ нимъ приказалъ остановить пальбу. На турокъ нагнали такого страху, что они не только бросали на произволъ судьбы незагорѣвшіеся еще корабли свои, но даже бѣжали изъ крѣпости и города Чесмы, откуда жители ушли еще прежде.

Приказавъ прочимъ кораблямъ отойти немного, для безопасности, отъ пожарища, Ростиславъ остался наблюдать за развязкой. На кораблѣ этомъ перекрѣпили паруса потуже, чтобы искра не могла завалиться, и обливали ихъ и весь такелажъ изъ пожарныхъ трубъ, а палубы и борты ведрами.

Гребныя суда посланы были, чтобы постараться выбуксировать одинъ изъ двухъ не загорѣвшихъ еще турецкихъ кораблей. Ближайшіе корабли уже взрывало одинъ за другимъ на воздухъ; несмотря на это, посланные два офицера исполнили порученіе, но одинъ изъ кораблей этихъ загорѣлся уже на буксирѣ, отъ близкаго взрыва, и былъ брошенъ; другой, Родосъ, благополучно выведенъ къ флоту. На свѣту взяты были также брошенные турками галеры и баркасы. Затѣмъ въ бухтѣ не осталось, не только ни одного корабля, но даже шлюпки, которая бы не сгорѣла или не была выведена къ эскадрѣ.

Командоръ вышелъ изъ бухты, отсалютовалъ флагману и отправился къ нему съ отчетомъ: нашъ уронъ былъ ничтожный; на Европѣ убито 8, на Петронь-Меня 3, Ростиславъ опять потерпѣлъ только въ такелажѣ. Турки потеряли болѣе 10 тысячъ человѣкъ. взрывы продолжались до 9 часовъ утра. На всемъ

флотѣ нашемъ служили благодарственный молебенъ, для чего командиры собраны были у главнокомандующаго. Послѣ обѣда графъ Алексѣй Григорьевичъ поѣхалъ осматривать побоище и, нашедши нѣсколькихъ раненыхъ и тонувшихъ турокъ, приказалъ подать имъ помощь. Мѣдныя пушки съ баттарей и частію съ затонувшихъ кораблей были взяты. Князь Юрій Долгорукій, поѣхавшій съ графомъ Орловымъ, говоритъ въ запискахъ своихъ:

«Вода въ бухтѣ помутилась отъ крови и золы съ угольемъ: трупы турокъ запрудили проѣздъ на шлюпкахъ.»

Чесменская побѣда одна изъ самыхъ полныхъ и знаменитыхъ, какія были одержаны когда-либо на морѣ. Кромѣ 17 кораблей и шести фрегатовъ, погибло въ дѣлѣ этомъ большое число всякаго рода турецкихъ судовъ: шебекъ, бригантинъ, полугалеръ, галеръ, фелюкъ, всего близко сотни. Мы промѣняли Евстафій на Родосъ и помянули вѣчною памятью храбрыхъ офицеровъ и команду перваго, погибшихъ со славою. Въ наши времена выстроенъ былъ корабль Память Евстафія.

Пашинскій судъ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ турецкій фрегатъ разбился у береговъ греческаго острова Самоса. Паша заставилъ жителей заплатить всѣ убытки за погибшій фрегатъ, потому, какъ объяснилъ онъ имъ, что еслибы-де вашего острова не было здѣсь, то фрегатъ не наткнулся бы него, а прошелъ бы благополучно. За это и платите убытки.

К р у г ъ

Погонной мѣрой немудрено смѣрить разстояніе или величину, по прямой линейкѣ; а какъ смѣрять кругъ,

вотъ хоть бы обручъ, или окружность фуражки? Развѣ смѣрять ниткой, да, вытянувъ, прикинуть ее на аршинъ; а иначе дугу не смѣряешь; всякая погонная мѣра будетъ не дуга, а подтяжка.

Перерѣжь поперечникомъ кругъ пополамъ, да перерѣжь еще другой кругъ поменьше перваго: и тутъ полъ-круга, и тамъ полъ-круга—а одинъ большой, другой малый; какъ ихъ смѣряешь? Тоже и четверть-круга; возьми въ аршинъ поперечника, другой въ полъ-аршина, третій въ вершокъ; разсѣки ихъ на-четверо; и одинъ, и другой и третій будетъ четверть круга; а мѣра не одна.

Поэтому кругъ мѣряютъ не по дугѣ, а по поперечнику; говорятъ: кругъ въ поперечникѣ столькихъ-то аршинъ или вершковъ, или футовъ. А чтобы смѣрить дугу, или часть круга, такъ для этого придумали вотъ что: положили дѣлить всю окружность всякаго круга, и большого и малаго, на 360 частей (градусовъ), стало быть каждую четверть круга на 90. Вмѣсто того, чтобы мѣрять погонной мѣрой, которая и не покажетъ намъ, великъ-ли погибъ, мѣряютъ этими градусами: 90—градусовъ, значитъ четверть круга; 45 градусовъ—осьмушка и такъ далѣе.

Теперь перейдемъ къ измѣренію угловъ.

Всякій знаетъ, что такое уголъ: гдѣ двѣ прямыя черты перерѣжутся, скрестятся, сойдутся, тамъ и уголъ. Чѣмъ шире развести врознь черты эти — тѣмъ уголъ больше, чѣмъ ближе привести одну къ другой— тѣмъ меньше. Если одна на другую пала отвѣсомъ, выйдетъ уголъ прямой; если скосить отвѣсъ, то по ту сторону, куда погнешь его сверху, выйдетъ уголъ острый; по другую сторону тупой. Попробуй это хоть на портняжныхъ ножницахъ.

Но какъ смѣрить уголъ и пересказать мѣру эту словами? Боковъ его, черты, нечего мѣрять! будь они

длинны, будь коротки—уголъ, какъ есть, таковъ и будетъ; ни больше, ни меньше. А вотъ тутъ-то и пригодилась дуга, которую мѣряютъ градусами, то есть, мѣряютъ такъ, что въ четверти круга всегда 90 градусовъ, хоть будь она отъ большого, хоть отъ малаго круга: возьми циркуль, наставь его на самую вершинку угла, гдѣ черты стыкаются, да и начерти имъ кругъ: сколько его придется между боками (чертами) угла, на градусы, столько мѣрою будетъ уголъ. Черти хоть большой кругъ, хоть средній, хоть малый—мѣра угла все одна.

Поэтому градусъ, для мѣры дуги или угла, на погонную мѣру прикидывать нельзя. Во всякомъ кругѣ считай 360 градусовъ и въ томъ, который умомъ вкругъ земли обведешь, и въ томъ, который лежитъ по краю твоей пуговицы.

Бѣдствіе корабля Наслѣдникъ-Александръ

16-го сентября 1842 года баркъ русско-американской компаніи, Наслѣдникъ, подъ командой капитанъ-лейтенанта Кадникова, вышелъ изъ порта Св. Франциска, на берегу Калифорніи (Америки), и пустился къ Ново-Архангельску (на островѣ Ситхѣ, у сѣверной же Америки, болѣе на сѣверъ).

Двѣнадцать дней штили и маловѣтріе мало подвигали его; 27-го сентября яркая заря на востокѣ предвѣщала бурю; багровое солнце, какъ каленое ядро, вышло изъ-за мглы; тихо подулъ попутный SO, но скоро сталъ свѣжѣть. Въ 10 часовъ закрѣпили брамсели и гротъ, въ 11 взяли по два рифа у марселей, въ 12 остались подъ фокомъ и зарифленнымъ гротъ-марселемъ. Въ два часа дулъ жестокій штормъ съ

ливнемъ. Баркъ мчался на фордевиндъ по 12 узловъ. Огромные валы обдавали его пѣной.

Вечеромъ, капитанъ думалъ привести къ вѣтру, для чего и подготовили зарифленную бизань. Командиръ безотлучно былъ на верху, промокъ до костей и готовясь самъ стоять, всю ночь на вахтѣ, сошелъ только переодѣться. Остался опытный штурманъ Красильниковъ.

Но судьба какъ будто только этого и ждала: не успѣлъ капитанъ спуститься, какъ рулевой прозѣвалъ и судно немного рыскнуло: огромный валъ ударилъ справа въ корму и поворотилъ его къ вѣтру: другой валъ накатилъ на него горою; оно ужъ стояло бокомъ. Трескъ и гулъ, стонъ и дрожь пробѣжали по всѣмъ его составамъ. Все, что было на шканцахъ, снесло за бортъ; рубки, штурвалъ, нактоузъ, всѣ шлюпки, гикъ и гафель съ бизанью, люки—и туда же снесло Красильникова, обоихъ рулевыхъ и еще двухъ матросовъ!

Безъ управляющаго вахтой и безъ рулевыхъ, судно стояло поперекъ страшнаго волненія, которое его заливало. Боцманъ съ матросами бросились на фока-гитовы, но фокъ и гротъ-марсель вырвало вонъ и унесло. Вода лилась въ люки и уже до половины затопила палубу; судно легло на лѣвый бокъ, такъ что всѣмъ бортомъ лежало въ водѣ; всѣ огни погасли, темная ночь накрыла бѣдствующихъ.

Боцманъ Бравченко, плавая и держась за снасти, кричалъ: пошелъ всѣ на верхъ! Но и въ палубѣ топули и не знали, какъ вылѣзть; всѣ траны сорвало: бочки, доски, люки, траны, сундуки, обломки перегородокъ носились въ палубѣ при жестокой качкѣ, били и колотили во всѣ стороны, люди плавали, цѣплялись за что ни попало къ навѣтренному борту, хватаясь другъ за друга и обрываясь.

Командиръ бросился на верхъ при первомъ ударѣ волны, но вторая встрѣтила его въ дверяхъ каюты, отбросила назадъ, изломавъ перегородки, и онъ плавалъ, среди обломковъ этихъ, столовъ и стульевъ, и при каждомъ ударѣ волны его бросало качкой изъ угла въ уголъ, било о бортъ и било досками и мебелью. Онъ не потерялся, однакоже, ни на минуту; во все время кричалъ онъ: «Красильниковъ, что вы дѣлаете! Держите на румбѣ!» Но Красильникова уже не было и рулевыхъ также. Командиръ отдавалъ нужныя приказанія—но исполнять ихъ было некому и голосъ его заглушался ревомъ бури.

Наконецъ, къ счастію, волненіемъ выбило подвѣтренные порты и вода могла стекать; судно стало попрямѣе. Коммиссіонеръ Черныхъ, залитый вмѣстѣ съ капитаномъ и подкинутый къ открытому люку, ухватился за клокъ висѣвшаго паруса и былъ вытащенъ на верхъ. Подвахтенные кой-какъ также стали вылѣзать и выплывать на верхъ; другой штурманъ, Архимандритовъ, также затопленъ былъ въ каютѣ, и ухватившись за гвоздь въ бимсѣ, висѣлъ на рукахъ. Онъ слышалъ изъ каюты своей голосъ капитана, команду его, слышалъ, какъ онъ уговаривалъ каммиссіонера Черныхъ: «не бойся, хватайся, держись!» Онъ слышалъ также отвѣтъ со шканецъ, на зовъ капитана, что Красильникова снесло за бортъ. Услышавъ все это, штурманъ еще съ большею силой сталъ выбиваться на верхъ. Онъ кричалъ мореходу Папельцову, котораго увидалъ уже у люка: «осмотри руль, поставь бизань, гротъ-марсель, дай ходу!» Онъ не зналъ, что ни марселя, ни бизани не было.

Папельцовъ выбрался, кинулся къ рулю, нашелъ его въ исправности, поставилъ гротъ-трисель и велѣлъ закрывать люки парусами и кожами. Боцманъ кричалъ командѣ: «братцы, не робѣть; Богъ не потопилъ насъ

а оплошаемъ—сами утонемъ: не подымайте рукъ на себя, къ работѣ!»

Избитый и израненый Архимандритовъ спасся въ это время изъ подпалубной пучины и принялъ отъ Папельцова команду. Всѣми силами старался онъ, призвавъ другихъ на помощь, спасти капитана, котораго голосъ все еще былъ слышенъ—но голосъ этотъ не взывалъ о помощи, а распоряжался; все еще отдавалъ онъ приказанія, для спасенія судна; матросы хватали командира, чрезъ люкъ, за одежду, но страшными толчками качки его вырывало изъ рукъ и вскорѣ бѣдный капитанъ, выбившись изъ силъ, замолкъ.

Архимандритовъ одержалъ руль и привелъ къ вѣтру; принялись отливать воду всѣмъ, чѣмъ можно было почерпнуть ее или загрести. Къ осьми часамъ отлили и выкачали воду; судно спасено.

Избитый трупъ капитана нашли въ каютѣ и усердно оплакали. Въ слѣдующіе дни судно понемногу исправилось, а 4-го октября пришло въ Ситху.

Архимандритова царь наградилъ золотою медалью: «за спасеніе погибающихъ», для ношенія на шеѣ; трехъ лучшихъ матросовъ серебряною, для ношенія въ петлицѣ; компанія выдала отъ себя штурманамъ 1000 руб. сер.; Черныхъ 800 р., приказчику 500, Папельцеву 300, четырнадцати матросамъ по 100 р., а прочимъ по 50; а сиротамъ погибшаго капитана Кадникова и штурмана Красильникова назначила пенсію въ 900 и въ 400 р. ассиги.

Пѣсня.

Лейтенантскій денщикъ сидѣлъ въ Севастополѣ за воротами, рядомъ съ сосѣдомъ своимъ, грекомъ изъ мелочной завочки. Грекъ затянулъ свою заунывную

пѣсню — тянулъ, тянулъ и надоѣлъ товарищу, которому показалось, что грекъ перенялъ пѣсню эту у сѣраго волка. Денщикъ хотѣлъ было сказать ему: «да ну, брось, полно выть,» но, взглянувъ на него, увидѣлъ на диво, что грекъ заливается горючими слезами.

— Чего ты разрюмился, дуракъ?

— Э, братецъ ты ничего не понимаешь; это такая пѣсня, что ни одинъ грекъ не можетъ пѣть не заплакавъ.

— Какая жъ она такая? Ну-ка, переведи мнѣ!

— Никакъ не можно, это очень мудрено, по-руски нельзя сказать.

— Какъ нельзя! Что ты городишь? Вѣдь чай не съ голосу рюмишь, а со словъ; ну, говори мнѣ слова по-русски!

— Это, братецъ вотъ что: это такая пѣсня, что всякъ кто поетъ, тотъ и плачетъ *за свуя утецества.* Это поютъ, что одна птица сидѣла, ну и полетѣла далеко-далеко, черезъ горы, черезъ море, черезъ лѣсъ, черезъ туманъ—ну, и все летитъ, все летитъ, далеко летитъ, и опять еще дальше...

— Ну, ну, летитъ, слышу—сказалъ тотъ—а тамъ что?

— Ну, продолжалъ грекъ съ жалостной улыбкой, а тамъ и сѣла.

— Ну сѣла, да дальше что?

— Дальше ничего; только,

— Такъ что жъ въ этой пѣснѣ?—спросилъ матросъ разсмѣявшись:—о чемъ же тутъ рюмить-то?

— Э, сказалъ грекъ, покачавъ головой, я тебѣ говорилъ; по-русски ничего, а по гречески очень жалко

Матка

Говорить ли вамъ, братцы, о томъ, что земля наша кругла, почему она и называется земнымъ шаромъ? Думаю, что всякій матросъ слышалъ объ этомъ, а иной и видѣлъ.

Какъ-такъ видѣлъ?—Да вотъ какъ:

Не мудрено, коли церковь, если глядишь на нее издали, уходитъ на половину въ землю: ее покрыло горой или пригоркомъ и низу не видать. Но мудрено то, отчего на морѣ, гдѣ ни горъ, ни пригорковъ нѣтъ, рангоутъ корабля показывается тебѣ напередъ, а корпусъ бываетъ закрытъ; подойди ближе, и мало-помалу откроется корпусъ. Отчего жъ это?—Оттого коли земли и воды въ рукахъ Божіихъ скатились шаромъ, то и море повсюду должно стоять горбомъ. Возьми пушечное ядро, да разставь по немъ двѣ смоляныя пѣшки, да прогляди ихъ на глазъ; промежъ нихъ горбокъ, который закрываетъ одну пѣшку отъ другой.

А случалось ли тебѣ, стоя на бакѣ, да окидывая море глазомъ, вокругъ, гдѣ оно примыкаетъ къ небу,— случалось ли призадуматься надъ тѣмъ, почему край моря всегда пролегаетъ кругомъ, ровно обручемъ? Коли нѣтъ, то стало быть ты глядѣлъ, да не видѣлъ, а дѣло такъ, какъ я говорю. Почему же ты завсегда видишь кругъ? Потому, что земля кругла, какъ шаръ, такъ она кругла повсюду, откуда ни гляди. Гдѣ ни стань пальцемъ на ядрѣ, а другимъ, какъ вилкой, обводи—вездѣ выйдетъ кругъ.

Кто слыхалъ про лунное затменіе? Чай, многіе сами видали его—да можетъ статься иной тоже глядѣлъ въ книгу, да видѣлъ фигу. Лунное затменіе—тѣнь земли на лунѣ, когда земля наша придется прямо промежъ солнца и луны. Край тѣни этой всегда бываетъ круглый, а одинъ только шаръ или ядро бросаетъ

всегда круглую тѣнь, какъ его ни поверни. Возьми какую хочешь вещь, кромѣ ядра, да поставь отъ свѣту супротивъ стѣны и ворочай, тѣнь не будетъ кругла; а возьми ядро—тѣнь всегда будетъ кругъ.

А кто изъ васъ хаживалъ въ дальніе походы, того ужъ нечего учить: обошедши землю вокругъ, да не споткнувшись нигдѣ на порогѣ, не видавъ ни грани, ни перевалу съ лица на изнанку, поневолѣ скажешь, что земля кругла.

Шаръ земной, пущенный изъ рукъ Создателя, несется покатомъ вкругъ солнца. Проткни яблоко насквозь гвоздемъ, обороти его бокомъ къ свѣчѣ, которая будетъ солнцемъ, и оборачивай яблоко, повертывая гвоздь между пальцевъ все въ одну сторону: вотъ какъ бѣжитъ и оборачивается земля. Гвоздемъ земля не проткнута; но поперечникъ, на которомъ вертится она, называется *осью*; оба конца его—гдѣ воткнуть и выткнуть гвоздь—*полюсами*, а поясъ по самой срединѣ земли, по которому она будто катится—*равноденственнымъ кругомъ*.

Полюсы, или два пупа земли, всегда отворочены отъ солнца, вверхъ и внизъ; поэтому тамъ вѣчный холодъ. Равноденственный кругъ всегда стоитъ отвѣсно подъ солнцемъ, и это край самый знойный. Земля въ сутки оборачивается вкругъ оси своей; въ годъ обходитъ вокругъ солнца.

Безъ имени овца — баранъ; поэтому пупъ или полюсъ, который ближе къ нашимъ мѣстамъ, назвали *сѣвернымъ*, и другой *южнымъ*. Стрѣлка матки или компаса, однимъ концомъ всегда указываетъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Въ одной половинѣ земного шара, въ той гдѣ мы живемъ, на сѣверъ, т. е. къ полюсу, холодъ, а на югъ, т. е. къ равноденственной полосѣ, жарко. По ту сторону полосы этой, на другомъ полушаріи, наоборотъ: тамъ холоднѣе у своего полюса,

у южнаго; а оттуда на сѣверъ, значитъ, ближе къ срединѣ, къ равноденственному кругу, жарче.

Разстояніе мѣста отъ равноденственнаго круга (экватора), мѣряя на прямикъ къ полюсу, называется *широтою* мѣста, а разстояніе его поперекъ, мѣряя по экватору, отъ какого-нибудь другого мѣста—*долготою*. Широта и долгота нужны, чтобы обозначить точку на шарѣ, гдѣ мѣсто это стоитъ. Такъ, напримѣръ, широта полюса будетъ ровно четверть-круга, а долготы не будетъ никакой. На экваторѣ, наоборотъ, по всему кругу, широты не будетъ никакой, потому что широту начинаютъ мѣрить и считать отъ самаго равноденственнаго круга (экватора); долгота же какого-нибудь мѣста на экваторѣ будетъ такая, на сколько мѣсто это удалено отъ той точки на экваторѣ, которую условились признавать началомъ этого счета.

Еслибы провести по землѣ черту, отъ самого пупа черезъ то мѣсто, гдѣ мы стоимъ, и до экватора, то эта черта называется *полуденникомъ* (или меридіаномъ). Полуденникъ онъ потому, что когда солнце стоитъ супротивъ этой черты, то у насъ бываетъ полдень. Выше полуденника солнце не подымается; оно, при оборотѣ земли, будто само вскатывается до полуденника, а тамъ опять скатывается ниже, къ заходу или западу.

Мы, на глыбѣ своей, на землѣ, оборачиваясь вокругъ, не видимъ этого, хотъ и смотримъ; намъ показывается, будто солнце ходитъ вокругъ земли, будто оно всходитъ и заходитъ. Это все одно: хоть сову о пень, хоть пень объ сову. Ты ли понесешься на пароходѣ вдоль берега—берегъ ли побѣжалъ бы полосой мимо тебя,—для глазъ одно.

Изъ этого видно, что сѣверъ и югъ немудрено найти, потому что это концы оси, концы поперечника, вкругъ котораго земля вертится. Но гдѣ на землѣ

востокъ и западъ? Сѣверъ и югъ для всѣхъ одинъ; иди все на сѣверъ, и коли дошелъ бы за непроходимыми льдами, такъ могъ бы стать на самомъ полюсѣ и указать: вотъ гдѣ сѣверъ. То же можно сказать о югѣ. Но гдѣ востокъ и гдѣ западъ? Иди по экватору на востокъ, все на востокъ—и обойдешь вокругъ, придешь опять на старое мѣсто, а востока не увидишь. Это потому, что востокомъ называемъ мы не мѣсто на землѣ, а ту сторону, гдѣ восходитъ солнце—восходъ; западомъ же ту, гдѣ солнце западаетъ, заходитъ. На сколько ты пойдешь къ востоку, на столько онъ отъ тебя уходитъ; почему? Потому, что земля кругла.

Вотъ вамъ и компасъ, который бѣломорцы наши зовутъ маткой: сѣверъ (нордъ), югъ (зюйдъ), востокъ (остъ), западъ (вестъ) извѣстны; но вѣтры дуютъ не съ четырехъ сторонъ, а со всѣхъ, откуда Богу угодно; плывемъ мы также не только на всѣ четыре стороны, а во всѣ, куда придется путь держать. Поэтому весь кругъ компаса раздѣлили на 32 части, по осьми въ каждой четверти, назвали каждую черту *румбомъ*, дали ей кличку — и дѣло въ шапкѣ. Откуда бы вѣтеръ не задувалъ, куда бы мы ни держали курсъ, всегда можно назвать сторону эту своимъ именемъ.

Осталось одно: начертить компасъ на бумагѣ, написать на немъ всѣ 32 румба, да заучить ихъ. Безъ этого матросъ не матросъ.

Новый адмиралъ

Государь Петръ Великій, который прошелъ самъ почти всѣ службы съ низшихъ чиновъ, и прошелъ не словомъ однимъ, а дѣломъ—Петръ I, послѣ славной полтавской битвы, въ которой уничтожилъ навсегда непримиримаго врага своего, шведскаго короля Карла XII,

роздалъ всѣмъ соучастникамъ въ знаменитомъ сраженіи этомъ большія награды: даже всѣ рядовые солдаты получили по медали и годовое жалованье не взачетъ.

Когда собрались къ царю всѣ главные начальники и генералы, благодарить за оказанныя имъ милости, то они усердно стали просить его, принять чинъ полнаго генерала, который не только заслужилъ онъ, какъ начальствовавшій войсками въ семъ сраженіи, но даже и личною своею храбростію, потому что на немъ прострѣлена была шляпа, а подъ нимъ сѣдло.

Царь выслушалъ ихъ милостиво и сказалъ: «Черезъ чинъ не производятъ; радъ принять чинъ генералъ-лейтенанта, а болѣе не могу.»

Когда вѣсть обо всемъ этомъ дошла въ столицу, то генералъ-адмиралъ Апраксинъ съ флагманами поднесли царю чинъ третьяго флагмана или адмирала, царь отвѣчалъ ему письмомъ.

«Ваше превосходительство объявили намъ милость нашихъ командировъ, а мнѣ чинъ третьяго флагмана, котораго я еще въ морской службѣ не заслужилъ; однако на радостяхъ принимаю и молю Бога, чтобы даровалъ мнѣ и этотъ чинъ также заслужить, какъ сталось нынѣ на сухомъ пути, а васъ, господина адмирала, за такое предстательство благодарствуя, вручаю исправленіе новаго званія моего вашему наставительному управленію.»

Въ то же время царь своеручно писалъ извѣстіе о побѣдѣ полтавской и о производствѣ своемъ воеводѣ Колычеву, въ Воронежъ, гдѣ тогда строились военныя суда, и наказывалъ объявить объ этомъ *товарищамъ* своимъ, то есть корабельнымъ мастерамъ, чтобы и они веселились.

Бригъ Меркурій

Въ турецкую войну 1819 года флотъ нашъ стоялъ у турецкаго города Сизополя, на сѣверъ отъ Босфора (Цареградскаго пролива), выжидая турецкаго флота, который по временамъ только поспъ выказывалъ изъ Босфора и тотчасъ опять уходилъ назадъ. Для подстереженія его, и чтобы тотчасъ дать о томъ знать флоту, послано было, по направленію къ проливу, нѣсколько легкихъ судовъ, съ тѣмъ, чтобы они, при выходѣ турокъ, дали о томъ знать адмиралу сигналами, передавая ихъ другъ другу.

Съ разсвѣтомъ 15-го мая въ виду флота показался фрегатъ Штандартъ; въ 9 часовъ увѣдомилъ онъ сигналомъ, что непріятель вышелъ въ море; а какъ въ это время заштилѣло, то съ фрегата отправленъ былъ офицеръ на гребномъ суднѣ, который донесъ: Утромъ, наканунѣ, три опознательныя суда наши подошли на 13 миль къ проливу и встрѣтили турецкій флотъ, въ числѣ 18-ти вымпеловъ; завидя крейсеровъ, онъ пустился за нимъ въ погоню и два корабля его, какъ видно, лучшіе ходоки, стали примѣтно сближаться съ ними. Старшій командиръ фрегата сдѣлалъ сигналъ: «всякому взять тотъ курсъ, при которомъ у него лучшій ходъ»; но бригъ Меркурій, отставъ отъ прочихъ, былъ настигнутъ кораблями, кои открыли по немъ огонь. Около пяти часовъ вечера, пальба прекратилась. Флотъ нашъ въ возможной скорости снялся съ якоря и пошелъ къ Босфору. Къ 5 часамъ вечера бригъ Меркурій встрѣтилъ флотъ и вскорѣ къ нему примкнулъ.

Наружный видъ брига показывалъ, какую битву онъ выдержалъ: корпусъ, рангоутъ, такелажъ, паруса,—все было избито ядрами. Командиръ, капитанъ-

лейтенантъ Казарскій, такимъ образомъ донесъ о подвигѣ своемъ:

Когда турецкій флотъ пустился въ погоню за нашими двумя бригами и фрегатомъ, а отъ этого приказано было сигналомъ: «каждому бѣжать, какъ выгоднѣе,» то Меркурій легъ въ полвѣтра, почти прямо прочь отъ непріятеля. Но два турецкіе корабля, 110-ти пушечный, подъ флагомъ Капудана-паши, и 74-хъ пушечный, подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ и къ двумъ часамъ пополудни были отъ него не далѣе полутора пушечныхъ выстрѣловъ. Въ это время вѣтеръ стихъ и ходъ кораблей уменьшился; бригъ выкинулъ весла, въ надеждѣ удержаться до ночи внѣ выстрѣла; но черезъ полчаса вѣтеръ опять посвѣжѣлъ, корабли стали приближаться и открыли пальбу изъ погонныхъ пушекъ.

Видя, что некуда дѣваться, и что нѣтъ надежды уйти отъ непосильнаго боя, Казарскій собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ; штурманъ, поручикъ Прокофьевъ, какъ младшій, долженъ былъ первый подать голосъ и сказалъ: «такъ какъ уйти нельзя, разбить непріятеля нельзя, то само собою разумѣется, что должно драться до послѣдней возможности, а наконецъ привалиться къ непріятельскому кораблю и взорваться съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ».

Это мнѣніе принято было всѣми въ одинъ голосъ, и потому положено: драться, покуда не будетъ сбитъ весь рангоутъ, или не откроется сильная течь, и покуда есть кому служить у пушекъ; а затѣмъ свалиться съ непріятелемъ и подорваться. Кто изъ офицеровъ останется ва живыхъ, тотъ долженъ былъ зажечь крютъ-камеру; для этого положенъ былъ на шпиль заряженный пистолетъ.

Если разсудить, что на бригѣ было всего 18 пушекъ малаго калибра, а непріятель напиралъ съ 184-мя

пушками большого калибра—то подумаешь, что слышишь сказку; но быль наша еще не кончена, а что ни дальше, то будетъ лучше.

Казарскій объявилъ коротко командѣ, чего ожидаетъ отъ нихъ царь и чего требуетъ честь русскаго флага—и команда вся отвѣчала: рады славному бою, рады честной смерти!

Увѣрившись такимъ образомъ во всѣхъ подчиненныхъ своихъ, Казарскій сказалъ: теперь намъ ничего не страшно, а мы непріятелю страшны. Шабашъ! Убирай весла; обрубить стропы и тали и сбросить въ морѣ яликъ съ кормы, чтобы не мѣшалъ пальбѣ изъ уходныхъ портовъ! Люди по пушкамъ!

Стопушечный корабль сталъ спускаться на бригъ, чтобы дать по немъ продольный залпъ; Меркурій также приспустился и не далъ кормы своей въ обиду. Съ полчаса еще онъ кой-какъ увертывался, такъ что корабли стрѣляли по немъ только изъ погонныхъ орудій—но затѣмъ оба корабля настигли его, разошлись нѣсколько и поставили его въ два огня. Каждый изъ кораблей далъ по два залпа, а затѣмъ съ корабля Капудана-паши, подошедшаго очень близко, закричали по-русски: «Сдавайся и убирай паруса!» Меркурій отвѣчалъ на это залпомъ всей артиллеріи своей, всѣхъ осьмнадцати пушекъ, громкимъ ура и дружнымъ ружейнымъ огнемъ.

Тогда оба корабля сдались немного къ кормѣ брига и открыли по немъ жестокій огонь ядрами, книпелями и брандскугелями. Отъ послѣднихъ бригъ было загорѣлся, но пожаръ вскорѣ потушили. Бригъ во все время отстрѣливался такъ, будто нашелъ непріятеля по силамъ, стараясь только уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ.

Время шло, команда на Меркуріѣ увидѣла, что подъ турецкими ядрами еще пожить можно; много

было перебито, да не столько, какъ бы слѣдовало ожидать: одинъ путный залпъ со стопушечнаго корабля долженъ бы пустить бригъ ко дну. Меркурій прибодрился, а какое-то счастливое или роковое ядро его перебило ватеръ-штаги стопушечнаго корабля; а другое, какъ можно было замѣтить, повредило гротовый рангоутъ. Турокъ закрѣпилъ бомъ-брамсели, привелъ къ вѣтру и легъ въ дрейфъ; и на прощаніе послалъ бригу послѣдній залпъ всѣмъ лагомъ.

Такимъ образомъ Меркурій избавился одного непріятеля, но другой сидѣлъ у него чуть не на боканцахъ. Перемѣняя галсы подъ кормой брига, корабль билъ его безпощадно въ корму, чего уже никакъ нельзя было избѣгнуть. Меркурій продолжалъ свое—въ полѣ да въ морѣ вѣруютъ въ ветхій завѣтъ: око за око и зубъ за зубъ; и опять нашлось роковое ядро, которое перебило у турка форъ-марса-рей. Перебитый нокъ напоромъ паруса переломило вовсе, и онъ полетѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ лиселями!

Въ $5^1/_2$ часовъ и этотъ корабль, вынужденный убрать часть парусовъ, а можетъ быть опасаясь также, чтобы не напороться одному на засаду въ чистомъ морѣ—привелъ и легъ въ дрейфъ.

Три часа длилось сраженіе это, въ которомъ, конечно, никто изъ нашихъ не чаялъ спасенія. На бригѣ всего было убитыхъ 4, раненыхъ 6; пробоинъ: въ корпусѣ 22, въ рангоутѣ 16, въ такелажѣ 148, въ парусахъ 133; сверхъ того разбиты гребныя суда и подбита одна коронада.

Объ этомъ дѣлѣ писалъ одинъ изъ штурмановъ турецкаго адмиральскаго корабля письмо, изъ котораго мы выписываемъ слѣдующее:

«Въ вторникъ со свѣтомъ мы примѣтили три русскихъ судна: фрегатъ и два брига; мы погнались за ними, но могли догнать одинъ только бригъ, въ 3 часа

пополудни. Корабль Капудана-паши и нашъ открыли сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное; мы не могли его заставить сдаться! Онъ дрался, отступая и увертываясь, съ такимъ искусствомъ, что—стыдно сказать—мы прекратили сраженіе и онъ со славою продолжалъ свой путь. Онъ вѣрно потерялъ половину своей команды, потому что былъ, одно время, отъ насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла; но Капуданъ-паша прекратилъ сраженіе еще часомъ ранѣе насъ и сигналомъ приказалъ намъ сдѣлать то же. Бывшій на кораблѣ нашемъ русскій плѣнникъ сказалъ намъ, что капитанъ этого брига никогда не сдастся, а скорѣе взорвется на воздухъ. Коли въ древнія и новыя времена были подвиги храбрости, то, конечно, этотъ случай долженъ затмить всѣ: имя героя достойно быть написано золотомъ на храмѣ славы: это капитанъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Казарскій, а бригъ Меркурій».

Пусть же такое свидѣтельство самаго непріятеля передастъ потомству достойную славу Казарскаго и всѣхъ его сподвижниковъ; а прахъ его да почіетъ съ миромъ, а безсмертная душа да ликуетъ на небесахъ. Нынѣ уже его нѣтъ въ живыхъ.

Государь произвелъ Казарскаго въ капитаны 2 ранга, назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ, далъ ему за храбрость Георгія 4 степ.; лейтенантамъ брига «Меркурій», Скорятину и Новосильскому, мичману Притупову, поручику Прокофьеву, пожаловалъ по чину, да по кресту, первымъ тремъ Владиміра 4 ст. въ бантомъ, а послѣднему, какъ тому, кто первый подалъ голосъ въ совѣтѣ, чтобы взорваться на воздухъ, Георгія 4 степ.; всѣмъ нижнимъ чинамъ брига, до послѣдняго, знакъ Военнаго Ордена; всѣмъ чинамъ, какъ офицерамъ, такъ и низшимъ: двойной окладъ жалованья въ пожизненный пенсіонъ; бригу Маркурій далъ геор-

гіевскій флагъ, и наконецъ, чтобы увѣковѣчить память геройскаго подвига въ родѣ всѣхъ бывшихъ на бригѣ офицеровъ, государь повелѣлъ каждому изъ нихъ принять въ родовой дворянскій гербъ свой *пистолетъ*, которымъ они рѣшились взорвать на воздухъ бригъ, въ случаѣ послѣдней крайности.

Кромѣ того государь, жалуя 32 флотскаго экипажа георгіевское знамя, соизволилъ повелѣть, чтобы при экипажѣ этомъ оставался на вѣчныя времена бригъ Меркурій; а потому, коль скоро онъ придетъ въ ветхость, то строить по тому же чертежу другой и переносить на него флагъ, «дабы память знаменитыхъ заслугъ», сказано въ указѣ, «переходя изъ рода въ вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

Александнъ Ивановичъ Казарскій скончался въ 1833 году, 36 лѣтъ отъ роду, въ Николаевѣ. Офицеры черноморскаго флота поставили ему памятникъ въ Севастополѣ, на мысѣ, при самомъ входѣ въ портъ.

На саняхъ въ морѣ

1839-го года, въ февралѣ, уральскаго войска отставной казакъ Дервяновъ, съ малолѣткомъ Джандинымъ и работникомъ, изъ киргизовъ, Тюбстомъ, выѣхали на трехъ саняхъ на аханное рыболовство. Для этого выѣзжаютъ по льду на взморье (каспійское), ставятъ на шестахъ сѣти и, выбирая ихъ опять на ночь, берутъ попавшуюся въ нихъ красную рыбу. Но промыселъ этотъ опасенъ: если моряной взломаетъ ледъ, подыметъ, да потомъ задуетъ береговой вѣтеръ, то рыбаковъ уноситъ въ море. То же случилось и съ Дервяновымъ. Время промысла давно кончилось, всѣ рыбаки воротились домой, а Дервяновъ съ товарищами пропалъ. Настала весна—и вдругъ астраханскій мѣщанинъ Овчинниковъ представилъ въ судъ Дервянова съ Тюбстомъ,

которыхъ взялъ въ открытомъ морѣ съ саней. Вотъ показаніе Дервянова

Зовутъ меня Потапомъ, Никитинъ сынъ, Дервяновъ, отроду мнѣ 66 лѣтъ, вѣры православной, войска уральскаго отставной казакъ, грамотѣ не знаю, проживаю въ Гурьевѣ.

Выѣхали мы на аханное рыболовство самъ-третій въ началѣ февраля, и по худому заливу стали подыматься далѣе въ море, и стали на трехъ саженяхъ. Проспавъ ночью моряну, мы по-утру только увидали, что насъ понесло; однако вскорѣ опять сомкнуло ледъ и мы поѣхали верхами собирать аханы. Ихъ-то мы не нашли, а, подъѣхавъ къ маинѣ, увидѣли, что насъ опять несетъ въ море. Мы бросились скакать въ ту и другую сторону по льду, думали даже кинуться вплавь, но насъ уже далеко отнесло.

Такимъ образомъ носило насъ 17 дней, хлѣбъ сталъ приходить къ концу; морозы усилились, ледъ началъ цѣпляться и связываться и мы добрались по льдинамъ опять на трехсаженную глубину, то есть верстъ на 30 отъ берега; но насъ унесло далеко на западъ, къ Астрахани. Тутъ на бѣду стала оттепель; ледъ начиналъ рушиться, обивался волненіемъ и крошился. Мы доѣдали одну лошадь, остальныя двѣ были чуть живы: кормъ давно вышелъ.

Въ одно утро увидѣли мы вдалекѣ, между льдовъ, кусовую лодку (рыболовную) и обрадовались, словно воскресли: стали подымать одежду свою на оглобляхъ и махать; два калмыка подъѣхали къ намъ на бударкѣ (лодочкѣ), сказались тюленьщиками, которыхъ также безъ хлѣба носитъ четвертую недѣлю во льдахъ; они чаяли помощи отъ насъ и сколько мы ни просили ихъ взять насъ, не соглашались и держались отъ насъ на веслахъ поодаль. Джандинъ бросился въ воду, нагналъ ихъ вплавь и насильно влѣзъ въ лодку; испугавшись,

чтобы и мы не сдѣлали то же, калмыки ударили въ весла и ушли отъ насъ.

Мы самъ-другъ остались опять на икринѣ всего саженъ въ 25, и часъ отъ часу она все болѣе крошилась и изникала, отъ тепла и волненія. Видя гибель свою, мы зарѣзали обѣихъ остальныхъ лошадей, сняли съ нихъ кожу дудкой, не распаривая брюха, зашили ихъ на крѣпко, завязали и надули; эти два бурдюка подвели мы подъ одни сани и, привязавъ къ полозьямъ, спустили на-воду; да помолившись, каждый по своему, Богу, забрали топоръ, веревки, конину на пищу, да притесавъ изъ оглобель весла, простились со льдиной и пустились въ путь.

Мы сидѣли по колѣни въ водѣ, но сани съ бурдюками насъ хорошо держали и, заложивъ весла за копылья, мы стали грести на сѣверъ, къ берегамъ. Пять дней и пять ночей бились мы и не разъ выбивались изъ силъ: тогда насъ опять мыкало вѣтромъ и уносило далѣе въ море. На шестые сутки увидѣли кусовую: собравшись съ послѣдними силами, мы стали грести къ ней и около полудни благополучно пристали и были приняты астраханскимъ мѣщаниномъ Овчинниковымъ, который объ эту пору уже вышелъ въ море на весеннее рыболовство.

Всего въ относѣ таскало насъ болѣе пяти недѣль; когда мы спустились на сани, то ледъ былъ уже такъ рыхлъ, что ноги проступали насквозь. На другіе сутки послѣ того, уже весь ледъ измололо и вокругъ насъ не видно было ни льдинки.

Джандина калмыки также привезли благополучно въ Астрахань; и старикъ Дервяновъ, оправившись отъ ломоты, которою было заболѣлъ, просидѣвъ шестеры сутки по колѣни въ водѣ, много еще переловилъ рыбы на Каспійскомъ морѣ

Крушеніе англійскаго фрегата Фениксъ

Въ западной Индіи — острова противу средины Америки—есть два большихъ острова: Куба и Ямайка; первый былъ въ тѣ поры въ рукахъ испанцевъ, а второй у англичанъ. Англичане были съ испанцами въ войнѣ. Англійскій фрегатъ Фениксъ, кончивъ крейсерство свое, направилъ путь въ Ямайку

Съ полуночи — говоритъ лейтенантъ — я сталъ на вахтѣ. Съ боку раздалось: «Бурунъ передъ носомъ!» Взглянулъ — берегъ на подвѣтренный крамболъ. «По мѣстамъ! Лѣво на бортъ! Кливеръ долой!» Фрегатъ благополучно поворотилъ. «На русленяхъ! Бросай лотъ и сказывай!»

Двадцать-одинъ! «Держи полнѣе!» Двадцать. Темно, не видать низги; но такъ какъ мы попали было на берегъ при курсѣ SSO, то капитанъ приказалъ привести тотчасъ на NNW, и лотовой началъ покрикивать: Двадцать-пять! Двадцать-восемь! Пять саженъ! «Хорошо, бросай чаще!» Восемь саженъ. «Хорошо, брось еще разъ, да и полно! Пять саженъ!—«Это что значитъ? Людей на верхъ! Готовить якоря! Очищай канаты! Бросай чаще лотъ!»

Якоря готовы-съ. «Хорошо, стоять на пертулеяхъ и на рустовахъ! Чтобы обѣ бухты были чисты!» Девять саженъ—лотъ проноситъ!—«Обнести дипъ-лотъ! Готово-ли?» Готово! «Бросай»! Сто саженъ пронесло! «Хорошо, убирай все по мѣстамъ; подвахтенные на низъ! Ну слава Богу, все кончилось — а' были на волосъ отъ гибели: со-ста саженъ на-пять, съ девяти на-сто! Это опасныя каменья».

Все успокоилось; къ свѣту мы опять направили путь къ Ямайкѣ; полагали, что ушли отъ всѣхъ бѣдъ— но ночью нашелъ вдругъ страшный шквалъ, поло-

жившій фрегатъ на бокъ, и во всю ночь продолжались жестокіе порывы шкваловъ. Гротъ-мачта дала трещину. Мы были миляхъ въ трехъ-стахъ подъ вѣтромъ у Ямайки, и на Кубу, занятый непріятелемъ, намъ нельзя было спуститься. Команду посадили на половинную порцію.

Но и эта бѣда миновалась: дней въ 12 вылавировали мы благополучно и вошли въ Мантегс, на Ямайкѣ. Здѣсь застали мы еще нѣсколько своихъ военныхъ судовъ,—вычинились, запаслись, чѣмъ нужно было, и на придачу повеселились. Черезъ нѣсколько дней мы опять вышли, и первая ночь на морѣ послала намъ новое бѣдствіе.

Грозныя тучи стояли на востокѣ, вѣтеръ завывалъ; что-то недоброе готовилось. Закрѣпили марсели. Къ полудню буря свирѣпѣла; въ третьемъ часу еще болѣе; въ четвертомъ была ужасна. Закрѣпили нижніе паруса и оставили фрегатъ подъ однимъ бизань-стакселемъ. Къ ночи показались всѣ признаки урагана; мы закрѣпили паруса запасными обносными сезнями, на нижнія реи наложили штормъ-тали; укрѣпили всѣ гребныя суда и пушки, наложили на орудія двойныя брюки; спустили вовсе бранъ-стеньги и лисель-спирты, убрали на ростры утлегерь и блиндарей; изготовили брезенты на люки, съ планками и гвоздями.

Птицы съ разныхъ сторонъ налетали и падали на фрегатъ. Изъ-подъ вѣтра онѣ попадали къ намъ только лавировкой, не смогая управить прямо противъ бури.

Въ 8 часовъ вечера дошелъ до насъ первый порывъ урагана. Вой и свистъ бури по вооруженію, ревъ водяныхъ горъ и хлябей, скрипъ и трескъ всего фрегата оглушали насъ. Къ талрепамъ и мачтамъ приставлены были плотники съ топорами, на случай внезапной перемѣны урагана, съ подъ-вѣтра.

Я пошелъ на низъ поужинать. Комисаръ очень хлопоталъ, опасаясь, что у него сухари подмокнутъ. Два армейца, ничего не понимая и не смѣя никого спросить о томъ, что дѣлается, сидѣли, блѣдные какъ смерть, и поглядывали другъ на друга и на сосѣдей своихъ. Штурманъ пилъ и курилъ спокойно; второй лейтенантъ былъ на вахтѣ, третій спалъ, готовясь на службу. Я самъ хотѣлъ уснуть, но нашелъ койку свою залитою; пазы въ палубѣ отъ качки раздались и вода отъ всплесковъ бѣжала, какъ въ рѣшето.

Капитанъ позвалъ меня на верхъ. Я не помню такого урагана, сказалъ онъ; но фрегатъ довольно хорошо держится на этомъ галсѣ, противъ волненія; каково-то будетъ, когда поворотимъ? А поворотить надо; вѣтеръ отошелъ и насъ прямо несетъ на Кубу! Сходи на бакъ, продолжалъ капитанъ, да прикажи при себѣ отдать хоть половину фока, да натянуть шкотъ; когда фрегатъ придетъ на фордевиндъ, то мы тотчасъ уберемъ парусъ.—Фокъ изорветъ въ лохмотья, капитанъ, сказалъ я, и шкота осадить не успѣемъ: позвольте попробовать поворотить по вѣтру, поставивъ людей, вмѣсто паруса, на фокъ-ванты. Капитанъ согласился и мы счастливо поворотили.

Но на другомъ галсѣ было менѣе покойно: фрегатъ лежалъ поперекъ волненія и его такъ кидало, что мы боялись за мачты. Бизань-стаксель изорвало въ мохры; даже—кто не видалъ этого, не повѣритъ—даже отъ другихъ парусовъ, закрѣпленныхъ и завязанныхъ сезнями, вырывало клочья!

Несмотря на всѣ осторожности наши, вода лилась въ палубу, черезъ расшатавшіяся пазы, и мы должны были прорубить нижнюю палубу, чтобы спустить воду въ трюмъ. Въ это время я увидалъ, что вода также пробивается бортами и струится по нимъ; вызвали къ помпамъ другую вахту. Въ констапель-

ской течь! закричалъ помощникъ тимермана. «Молчать, дуракъ, чего ты орешь! Развѣ не знаешь, что объ этомъ надо вполгоса доложить вахтенному лейтенанту, а не караулъ кричать!»—Оказалось, что въ констапельской не было течи, а что вода пробивалась между обшивкой въ палубу.

Ночь, тьма, громъ и молнія, ревъ урагана—глядя на бѣдный фрегатъ, нельзя было полагать, чтобы его стало на-долго. Капитанъ стоялъ, привязавъ себя концемъ у навѣтреннаго борта; вышедъ на вахту, я сдѣлалъ съ собой то же: слишкомъ опасно было полагаться на одинъ ноги и руки.

Спустить было нижнія рея—сказалъ капитанъ—да нѣтъ возможности послать туда ни одного человѣка: не пришлось бы рубить мачтъ. Течь прибывала; помпы часто портились: ужасный валъ залилъ всѣ шканцы и разбилъ гатеръ по ретирамъ въ щепки; фрегатъ легъ на бокъ... «Срубить гротъ-мачту!» Я вскочилъ на навѣтренныя русленя, къ талрепамъ, боцманъ за мною, матросы съ топорами къ мачтѣ — но въ это время огромный валъ весь вкатился на фрегатъ, переломалъ и снесъ все, сломилъ гротъ и бизань-мачты и залилъ палубу. Фрегатъ сталъ прямо, но готовъ былъ итти ко дну; онъ отяжелѣлъ, началъ садиться и волна за волной горою ходила черезъ него. Мы едва успѣвали переводить духъ, между тѣмъ какъ одна волна скатывалась, а другая набѣгала. Всякъ прочелъ коротку молитву и предалъ себя волѣ Создателя. Спасенія не было.

Фрегатъ на мели! Закричалъ я, послышавъ, между ударами волнъ, что его колотитъ объ дно морское. Никто не смѣлъ вѣрить радостной вѣсти этой, но скоро всѣ повѣрили: удары стали сильнѣе и сильнѣе.

Корма стояла на мели, а носъ поворотился къ вѣтру: намъ удалось, наконецъ, срубить бокъ-мачту.

чтобы она не заворотила носу и не поставила фрегата лагомъ къ волненію. Нѣсколькихъ человѣкъ залило водой внизу, другихъ снесло сверху за бортъ, пятерыхъ убило мачтой; прочіе здравствовали, готовясь каждую секунду на смерть, но думая о спасеніи. Смерти не бойся, а живота ищи.

Заря занялась — фрегатъ стоялъ на каменьяхъ—по одну сторону огромный утесъ, по другую волны горами. При каждомъ ударѣ ожидали мы, что онъ развалится; а подъ скалой страшный прибой. Палубы провалились, но корпусъ еще держался. Если бы насъ волненіемъ не перекинуло черезъ рифы и не принесло къ самому берегу, то не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Благодаря Бога, фрегатъ сталъ плотно между каменьевъ и его болѣе не колотило.

Оставалось думать только о своемъ спасеніи. Послушная команда ожидала приказаній: не было ни крику, ни шума, ни суеты; всѣ молча смотрѣли на капитана. Вызвали охотниковъ, изъ которыхъ двое благополучно доплыли съ линемъ до берега—другихъ забило и утопило въ бурунѣ—линемъ этимъ передали пару кабельтовыхъ и закрѣпили ихъ на берегу, за каменья. По кабельтову вся команда, а затѣмъ и офицеры въ порядкѣ перебрались на берегъ; я и капитанъ перешли послѣдними.

Грустно сидѣли мы по нагимъ каменьямъ берега, подъ крутымъ навѣсомъ скалъ, и смотрѣли на остатки несчастнаго Феникса. Къ полудню ураганъ кончился: мы стали, что можно, спасать и перетаскивать съ фрегата; а между тѣмъ въ береговыхъ ямахъ, по каменьямъ, наловили много рыбы и сварили уху; ночь проспали спокойно.

Затѣмъ командиръ собралъ военный совѣтъ: насъ разбило на непріятельскомъ берегу; на островѣ Кубѣ: но до перваго жилья было нѣсколько сотъ верстъ;

можно было надѣяться, что испанцы не тотчасъ узнаютъ объ насъ, а потому и рѣшено было: исправить, сколько можно, катеръ, и на немъ отправиться мнѣ съ охотниками на островъ Ямайку, за помощію. На другой же день былъ я уже на пути, съ четырьмя молодцами и запасомъ харчей и воды на двѣ недѣли. Весь экипажъ проводилъ насъ крикомъ ура.

Вѣтеръ былъ попутный, и хотя мы во все время отливались ведрами, но съ небольшимъ въ сутки прибыли на Ямайку въ заливъ Монтего. Здѣсь ураганъ также надѣлалъ страшное опустошеніе; но по близости я добылъ три малыхъ судна и на четвертыя сутки бросилъ якорь у Кубы, противу бѣдствующихъ. На берегу меня подхватили и качая на рукахъ принесли къ капитану.

Всѣ мы на судахъ этихъ благополучно прибыли къ своимъ, на Ямайку, и такимъ образомъ избѣжали потопа и плѣна. Слава и благодареніе Богу!

Безчинство

Когда въ 1705 году замокъ митавскій, въ Курляндіи, вынужденъ былъ сдаться, съ болѣе чѣмъ тремя сотнями орудій, то при смѣнѣ сдавшагося шведскаго караула, наши увидѣли, что тѣла, погребенныя въ замковомъ склепѣ, были растасканы и ограблены. Испугавшись такого неслыханнаго безчинства, командовшій офицеръ пріостановился смѣной, послалъ за шведскимъ комендантомъ Кнорингомъ и не прежде смѣнилъ караулы ихъ, какъ получивъ росписку, что это сдѣлали не наши, а сами шведы. Похвальная и необходимая предосторожность, безъ которой вѣроятно свалили бы вину на побѣдителей.

Сержантъ Щепотьевъ съ товарищами

Приступивъ къ Выборгу, въ 1706 году, Петръ Великій узналъ, что шхерами пробираются въ море нѣсколько непріятельскихъ купеческихъ судовъ. Царь выслалъ тотчасъ за ними, 12-го октября, пять лодокъ съ 48 рядовыми подъ командой Преображенскаго полка сержанта Щепотьева, бомбардира Дубасова, да двухъ флотскихъ унтеръ-офицеровъ, Скворцова и Наума Синявина.

Ночь захватила лодки эти въ запутанныхъ проходахъ между островками, а сверхъ того, палъ такой туманъ, что наши, передъ носомъ, ничего не могли видѣть и шли, какъ говорится, ощупью. Они вовсе заплутались и вдругъ попали на непріятельскій военный ботъ, Эспернъ. Не зная, на кого они наткнулись, наши не робѣя закричали ура, бросились всѣми пятью лодками на непріятеля, влѣзли на судно, несмотря на пушечную и ружейную пальбу его, и въ одно мгновеніе перекололи и посталкали за бортъ, кого застали на верху, а прочихъ, накрывъ и забивъ люки, заперли внизу.

Только что они успѣли спрятаться, очистить палубу и пуститься на завоеваномъ ботѣ въ путь, какъ другой такой же, стоявъ вблизи и услышавъ пальбу, поспѣшилъ на помощь. Но урядники Скворцовъ и Синявинъ, взявъ подъ начальство свое плѣнное судно, такъ хорошо успѣли на немъ распорядиться, что встрѣтили второй ботъ пушечной пальбой изъ перваго, между тѣмъ какъ съ лодокъ пустили бѣглый огонь; второй ботъ спѣшно удалился и скрылся въ темнотѣ и туманѣ.

Опознавшись кое-какъ, наши къ утру воротились къ своему стану, къ берегу, и привели плѣнное судно.

На немъ было 5 офицеровъ, 103 рядовыхъ и 4 пушки; по подъ люками оказалось на лицо всего 30 человѣкъ, остальные были побиты. И не мудрено, они обороняlись отчаянно; изъ нашей команды оказалось, къ сожалѣнію, 30 убитыхъ; а изъ остальныхъ 18 было только всего 4 человѣка нераненыхъ! Царь и радовался побѣдѣ этой и скорбѣлъ по ней, потому что, сверхъ того, всѣ пять лодочные командиры были тяжело ранены и впослѣдствіи четверо изъ нихъ скончались отъ ранъ, а остался въ живыхъ одинъ Спиридовъ!

Объ этомъ славномъ дѣлѣ царь своей рукой писалъ Меншикову, Головину, Нарышкину, Шереметеву, Ромодановскому, Голицыну, Шафирову, Мусину-Пушкину, Брюсу, Зотову — и повелѣлъ тѣла нашихъ убитыхъ, сколько ихъ привезено было, предать землѣ въ Петербургѣ, съ офицерскими воинскими почестями, при сопровожденіи цѣлаго баталіона.

Гибель русскаго корабля принцъ Густавъ

Семидесятичетырехъ-пушечный корабль, принцъ-Густавъ, по природѣ былъ шведомъ: онъ взятъ съ бою у непріятеля въ 1788 году, со шведскимъ вице-адмираломъ и, прослуживъ у насъ десять лѣтъ, назначенъ былъ въ эскадру, посылаемую тогда на помощь Англіи и состоявшую изъ пяти кораблей и одного фрегата. Командиромъ былъ капитанъ Трескинъ, а на кораблѣ находился также флагманъ,—контръ-адмиралъ П. К. Карцовъ.

21-го августа 1798 года, адмиралъ снялся съ ревельскаго рейда; эскадра прошла, послѣ стоянки въ нѣкоторыхъ портахъ, Категатъ—тутъ 18-го сентября встрѣтилъ ее сильный противень, отъ запада, и про-

стоявъ нѣсколько дней, разлучилъ корабли эскадры, а на Густавѣ повредилъ рангоутъ и до того раскачалъ старыя кости его, что открылась большая течь, по 10 дюймовъ въ часъ. 22-го заштилѣло; прокопопатили изнутри носовой рангоутъ, гдѣ вода ключемъ пробивалась, снайтовили гальюнъ и бушпритъ; но все прибывало воды по шести дюймовъ въ часъ; опять задулъ сильный западъ, течь увеличилась, и адмиралъ, зная, что вѣтеръ этотъ бываетъ въ тѣхъ сторонахъ по осенямъ постоянный, рѣшился спуститься въ Норвегію.

Здѣсь, соединись съ двумя кораблями эскадры, нашли всякую помощь и исправились, сколько можно было; кренили корабль на обѣ стороны, конопатили и смолили; укрѣпивъ также водорѣзъ, гальюнъ и бушпритъ, съ течью двухъ дюймовъ въ часъ, пустились было снова въ Англію — но Густавъ опять вскорѣ долженъ былъ зайти въ другой норвежскій портъ, гдѣ сильные противные вѣтры продержали его до конца октября. Тогда онъ снова вышелъ: надо было притти въ Англію, къ своей эскадрѣ.

Вышли при ровномъ, попутномъ вѣтрѣ, но опъ обманулъ: вскорѣ сталъ онъ изъѣняться, дуть порывами, установился опять отъ запада и нагналъ огромную зыбь, за которою послѣдовала буря. Корабль, подъ одними нижними парусами, плохо подвигаясь впередъ, показалъ опасную течь: концы обшивныхъ досокъ вышли изъ шпунтовъ форъ-питевня и вода журчала ключемъ. Помпы не успѣвали откачивать; вода поднялась выше четырехъ футовъ. Спустившись на показавшееся подъ вѣтромъ судно, къ большой радости, узнали свой корабль Изяславъ, которому адмиралъ и приказалъ держаться вблизи, между тѣмъ какъ еще разъ всѣми силами старались остановить течь, для чего, между прочимъ, даже подвели нашпигованный пенькою парусъ—

но вода все шла на прибыль и подпялась уже на 12 футовъ.

Увидѣвъ, что нѣтъ средствъ спасти корабль и что надо поберечь команду, адмиралъ въ военномъ совѣтѣ рѣшилъ перевести всѣхъ на корабль Изяславъ. Это исполнено въ тишинѣ и порядкѣ 1-го ноября. Съ грустію экипажъ покинулъ свой корабль, молча садился на гребныя суда и переѣзжалъ на сосѣда своего, на Изяславъ; часу въ шестомъ вечера переѣхалъ и послѣдній жилецъ съ плѣннаго Густава, самъ командиръ; а когда разсвѣло, то всѣ молча глядѣли въ ту сторону, гдѣ долженъ бы стоять принцъ-Густавъ но видѣли только, какъ переваливается гребнемъ волна за волной, до самаго края моря. Не захотѣлъ принцъ-Густавъ служить третьему государю!

Изяславъ благополучно пришелъ въ Англію, съ двойнымъ экипажемъ своимъ, и поступилъ подъ начальство вице-адмирала Макарова.

Ретвизанъ

(Разсказъ матроса Ситникова.)

И еще былъ у насъ отбитый у шведовъ корабль, Ретвизанъ: онъ взятъ славнымъ образомъ на погонѣ нашимъ фрегатомъ Венусомъ, въ 1790 году, капитаномъ—котораго всѣ мы еще знали адмираломъ—Крономъ. Этотъ Ретвизанъ, какъ упрямый шведъ, также было чуть не отбился отъ рукъ нашихъ, но покорился; объ этомъ матросъ Ситниковъ, бывшій въ 1799 году на Ретвизанѣ, довольно толково разсказывалъ такъ:

Командиромъ былъ у насъ А. С. Грейгъ, сынъ знаменитаго адмирала, и самъ послѣ адмиралъ. И офицеры Ретвизана всѣ почти были извѣстны всему флоту: М. Т. Быченскій, С. И. Миницкій, И. А. Хвостовъ,

ходившій вокругъ свѣта и послѣ пропавшій безъ вѣсти, съ товарищемъ своимъ Давыдовымъ...

Славное это было время. Русская эскадра подъ адмираломъ Макаровымъ была послана въ товарищи англійской, къ адмиралу Дункену; хоть и нельзя сказать, чтобы мы много надѣлали дѣла — потому что большихъ сраженій не было—да за то ни въ чемъ не ударили лицомъ въ грязь: и дружно жили съ англичанами, какъ офицеры, такъ и наша братья, да и ни въ чемъ не отставали отъ первыхъ въ свѣтѣ моряковъ, отъ англичанъ. Это можно молвить безъ похвальбы. Бывало отъ брамсельныхъ и до послѣдняго трюмнаго, всѣ взапуски рвались, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ англичанъ—и развѣ что только одинъ разокъ удастся имъ въ какомъ-нибудь пріемѣ перещеголять насъ, а на второй и третій разъ — смотришь ужь, они сами только держись, чтобы не отстать!

Бывало не только господа офицеры, гдѣ ни сойдутся, толкуютъ все о своемъ дѣлѣ: кто чище сталъ на якорь, отдавъ разомъ всѣ фалы и шкоты и осаживая гитовы,— кто кого чѣмъ перещеголялъ, кто изъ-подъ кого вышелъ на вѣтеръ при лавировкѣ,—а и наша братья одно это во снѣ видѣла, да за трубкой ли вкругъ кадки, за чаркой ли на берегу, —все объ одномъ этомъ рѣчь вела, да отбирая расторопныхъ отъ вислоухихъ, съ первыми телько знался и водился.

Бывало приходитъ весна, солнышко начинаетъ грѣть, начинаютъ поговаривать о вооруженіи флота—и спишь, и видишь, и ждешь не дождешься первой вешней дудки въ гавани, словно перваго жаворонка! И душу радуетъ, и сердце веселитъ, словно родное!

Англійская эскадра высадила войска на голландскій берегъ, гдѣ у мыса Гельдера стояло 8 голландскихъ кораблей, 3 фрегата и шлюпъ. Англійскій адмиралъ Дункенъ отдѣлилъ отъ себя 8 кораблей, да еще два

нашихъ, чтобы взять эту эскадру. Отъ насъ пошли Ретвизанъ и Мстиславъ, подъ командой А. С. Грейга и А. В. Моллера.

Снялись со свѣтомъ 19-го августа и пошли. Но голландцы въ проходѣ къ острову Текселю сняли всѣ баканы и насъ вели кой-какіе лоцмана. Путь былъ опасный. Впереди шелъ англійскій корабль Глатонъ. Забуровивъ на одномъ поворотѣ фарватера, онъ прошелъ—но второй за нимъ, нашъ Ретвизанъ, сидѣвшій поглубже его, сѣлъ. Кто успѣлъ изъ заднихъ, остерегся: но за всѣмъ тѣмъ еще два англичанина сѣли подлѣ насъ.

Я стоялъ въ это время на рулѣ, командиръ и всѣ офицеры были на-верху, готовясь къ сраженію; шли мы полнымъ вѣтромъ. Только что Ретвизанъ дрогнулъ, какъ командиръ закричалъ: руль на бортъ,—но корабль уже ударился въ другой разъ и сталъ плотно.

Вода шла на прибыль; живо закрѣпили паруса, завезли верпъ и подняли сигналъ. Лоцманъ стоялъ чуть живой. Два англійскихъ шлюпа подошли на помощь нашу, но какъ въ это время у нихъ сталъ за нами на мель корабль Америка, то одинъ шлюпъ пошелъ къ нему, другой бросилъ якорь и принялъ съ Ретвизана два кабельтова, которые взяли на шпили — одинъ у насъ, другой у нихъ. Корабль сталъ было подаваться, но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый шлюпъ понемногу тащило къ намъ, то онъ побоялся, чтобы не свалиться; а какъ имъ притомъ показалось, что корабль сошелъ съ мели, то на шлюпѣ вдругъ отдали кабельтовъ — корабль опять сталъ. Былъ уже вечеръ, вода пошла на убыль и, покуда справились, нельзя было никакими силами его тронуть. Рѣшились ждать прилива.

Всѣ корабли проходятъ мимо насъ—въ томъ числѣ и Мстиславъ спѣшитъ въ дѣло, а мы словно посажены на-цѣпь. Такая кручина взяла, что хоть бы головою

въ бортъ ударился. Одно намъ оставалось утѣшеніе, смотрѣть на товарищей своихъ по бѣдѣ, на англійскій корабль и фрегатъ; хоть упрекать не станутъ!

Но за ночью вся эскадра стала на якорь. Мы между тѣмъ, встрѣчая отливъ, поставили стрѣлы, опуская ихъ съ привязанными къ одному концу баластинами и спайтовливая другіе концы, поперекъ судна, черезъ порты. Такъ простояли мы, при свѣжемъ вѣтрѣ и волненіи, всю ночь и еще за полдень; пришелъ приливъ и мы стали вытягивать всѣми силами завозъ. Команда рвалась и, протащивъ корабль цѣлый кабельтовъ по илу и песку, выбилась изъ силъ. Опять вечеръ наставалъ, вѣтеръ крѣпчалъ, корабль начинало сильно бить обо дно. Съ бакштова сорвало гребное судно, на которомъ были три матроса — и помощи нельзя было имъ подать; шлюпъ стало дрейфовать и онъ наскоро снялся и отошелъ; лоцманскую лодку съ 15-ю матросами и офицеромъ сорвало съ якоря и унесло на островъ Тессель; мы спустили на низъ стеньги и рей, все время стрѣляя изъ пушекъ; вода пошла на убыль; командѣ дали передохнуть, роздавъ по сухарю и по чаркѣ.

Настала ночь; буря разыгрывалась; корабль колотило, вокругъ бѣдствующіе англійскіе корабли палили изъ пушекъ, волненіе расходилось. На Ретвизанѣ показалась течь; палубы его отъ ударовъ трещали и грозили провалиться; румпель переломило, руль попортило; баркасъ, пришедшій съ вечера на помощь и отданный на бакштовъ, залило и поставило вверхъ килемъ; волна подымала корабль и, разступаясь подъ нимъ, бросала его на дно моря, съ такимъ стукомъ и трескомъ, что надо было ждать ему конца. Команда молилась и молча глядѣла на командира: въ такую пору ни отъ кого нельзя ждать спасенія, какъ отъ Бога, да отъ него Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, корабль Америку стало

тащить по мелямъ, прямо на насъ: пришлось хоть обняться, да и утопиться.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи капитанъ нашъ, видя, что спасенія нѣтъ, а между тѣмъ корабль временемъ волною вздымаетъ, приказалъ обрубить канатъ и поставить нижніе стаксели. Вѣтеръ забралъ, и корабль, словно на прыжкахъ, отъ одной волны до другой, пошелъ по грядамъ мелей и каменьевъ, потащивъ за собою принайтовленныя, вмѣсто подпоръ, запасныя стеньги и реи! Мачты дрожали, едва можно было устоять на ногахъ, а толстая наружная обшивка, отдираемая каменьями, всплывала на вершины валовъ— но корабль былъ спасенъ. На одинадцати саженяхъ бросили якорь; живо исправились и къ утру готовы были итти въ сраженіе; но утро вечера мудренѣе: голландцы передумали драться и эскадра ихъ безъ выстрѣла сдалась.

Военный призъ

Во время шведской войны Петръ Великій, какъ вице-адмиралъ, доносилъ генералъ-адмиралу со флота, при которомъ находился:

«Сегодня отъѣзжаемъ въ Мекленбургъ, гдѣ увидимся съ королями датскимъ и прусскимъ, и что тамъ учинится новаго, о томъ къ вамъ будемъ писать впредь. А еще доношу вамъ, яко адмиралу своему, что недолго взяли мы здѣсь на морѣ шведскій корабль съ желѣзомъ и сукнами, которые розданы въ награду матросамъ: а намъ на раздѣлъ досталось изъ добычи этой нѣсколько фунтовъ табаку, изъ котораго къ вашей милости посылаемъ фунтъ; извольте его во здравіе употреблять».

Ворожея

Не даромъ говорится, что на ворѣ шапка горитъ. Ты войди въ бесѣду, поклонись чинно на всѣ четыре стороны и молви; здравствуйте кумушки честныя, здорово гулливыя! Честная-то промолчитъ, а гулливая скажется: забранится.

Былъ, сказываютъ, знахарь, который взялся розыскать, кто укралъ цѣлковый; собравъ всю артель въ избу, онъ погасилъ огонь, накрылъ чернаго пѣтуха рѣшетомъ и велѣлъ всѣмъ поочередно подходить и, погладивъ пѣтуха осторожно по спинѣ, опять его накрыть: а какъ только воръ тронетъ его, то онъ-де закричитъ во весь голосъ.

Всѣ ли подходили? Всѣ. И всѣ гладили пѣтуха? Всѣ. А пѣтухъ и не думалъ кричать! Нѣтъ, сказалъ знахарь, тутъ что-нибудь да не такъ; подайте-ка огня, да покажите руки, всѣ разомъ! Глядь, анъ у всѣхъ по одной рукѣ въ сажѣ, потому что знахарь чернаго пѣтуха вымазалъ сажей — а у одного молодца обѣ руки чисты!

Вотъ онъ воръ, закричалъ знахарь, схвативъ бѣлоручку за-воротъ: у кого совѣсть чиста, у того руки въ сажѣ!

Разсказываютъ также, что землемѣръ гдѣ-то пошелъ въ знахари, когда надо было въ деревнѣ вора найти, и также не ошибся: зная его по розыскамъ напередъ, хотя прямыхъ уликъ на было, а онъ крѣпко запирался, землемѣръ всѣхъ поставилъ въ кружокъ, вокругъ закрытаго компаса, и объявилъ напередъ, что у него есть такая стрѣлка, которая прямо укажетъ вора. Открывъ компасъ и разогнавъ стрѣлку, чтобъ покружилась, землемѣръ пустилъ ее на волю, она и уставилась прямо на Карпа, потому что Карпа, какъ отъявленнаго вора, поставили на сѣверъ. Всѣ закри-

чали; постойте, сказалъ землемѣръ, чтобы намъ не взять грѣха на душу, не вколачать напраслины: до трехъ разъ отводили стрѣлку — до трехъ разъ она все опять становилась концемъ противъ Карпушки: ну, кали-такъ, сказалъ землемѣръ, такъ нечего дѣлать: берите да вяжите его: онъ воръ.

Карпушка видитъ, дѣло плохо—бухъ въ ноги, да и повинился.

А бываетъ отъ ворожей и знахарей еще и не то, вотъ поскушайте.

Жилъ былъ у лѣкаря денщикъ Андрей: парень смирный, и хоть простоватъ и больно нерасторопенъ, да не пьющій, и прожилъ онъ на одномъ мѣстѣ годовъ шесть. Разъ, передъ пасхой, въ людской лѣкаря поднялся большой содомъ: сутки двои кричали, бранились, спорили — и кончилось тѣмъ, что кучеръ пришелъ къ барину въ отчаянномъ расположеніи и началъ рѣчь свою, какъ водится, словами: «власть ваша» — а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея-де житья нѣтъ въ домѣ и что Андрей укралъ у него, у кучера 25 рублей.

Лѣкарь этому очень удивился; никогда онъ такого дѣла отъ Андрея не чаялъ; но разспросивъ кучера, самого Андрея и сторонихъ людей, не могъ розыскать ничего и не могъ обвинить Андрея; кучеръ говорилъ только, что больше некому, что никого больше не было тамъ, и потому деньги укралъ Андрей. Лѣкарь отказалъ кучеру въ бездоказательномъ обвиненіи его, и думалъ, что дѣло тѣмъ кончится; но тотъ пришелъ на другой и на третій день и черезъ два дня опять, покуда его не выгнали, сказавъ, чтобы онъ болѣе не надоѣдалъ.

Кучеръ ушелъ, молчалъ съ недѣлю, лѣкарь думалъ, что все дѣло давно забыто—но тотъ видно не могъ заспать своего горя и, посовѣтовавшись съ людьми, опять пришелъ къ барину: прикажите Андрею итти

со мною къ ворожеѣ, она всю правду сыщетъ. Коли онъ правъ, то не побоится; а коли не пойдетъ, такъ воля ваша, прикажите ему заплатить.

Чтобы отвязаться отъ докуки и кончить дѣло, лѣкарь отвѣчалъ: хорошо, идите. У кучера будто гора съ плечъ: онъ такъ вѣрилъ въ ворожею, что думалъ непремѣнно воротить свои деньги.

Дѣло было въ Питерѣ; лѣкарь жилъ на Выборгской сторонѣ, у морского госпиталя; а ворожея, которую провѣдалъ кучеръ, жила за Московскою заставой: это будетъ верстъ восемь, коли не десять; а чтобы застать ворожею, надо было притти рано.

Кучеръ готовился ровно на праздникъ: онъ заставилъ Андрея помолиться съ вечера, разбудилъ его чуть свѣтъ и на тощакъ истащилъ съ собою къ ворожеѣ. Она, по слухамъ, была старуха причудливая, сердитая, принимала гостей не во всякую пору и только по выбору,—но ужъ за то всегда говорила одну только правду; а коли и случалось что соврать, такъ этимъ, надо думать, никто не хвалился. Есть пословица: Бабушка, давно ль ты стала ворожить? А какъ нечего стало на-зубъ положить!...

Андрей не обинуясь собрался и пошелъ. Но мнѣ, говоритъ, пожалуй, куда хочешь; я ничего не боюсь. Не ѣла душа чесноку—не воняетъ,

Шли, шли, часа два — кучеръ знай торопится, да погоняетъ Андрея—наконецъ дошли. Погоди, вотъ тутъ за воротами, сказалъ кучеръ своему невольному товарищу, надо доложиться. Вскорѣ кучеръ вышелъ и сказалъ, что велѣно обождать. Они оба присѣли за воротами и бесѣдовали ладкомъ, будто ни въ чемъ не бывало. Прошло съ полчасика и кучеръ сказалъ: сходить-ка опять, да попросить—чай пора, вишь солнышко показываетъ уже не совсѣмъ рано.

Пошедши въ домъ, кучеръ что-то помѣшкался

тамъ видно не смѣло просился, либо не сразу допустили. Но вотъ онъ выходитъ и зоветъ Андрея: нѣтъ отклику. Онъ выбѣжалъ за ворота, оглянулся въ обѣ стороны, прокричалъ еще раза два: Андрей!—Андрея нѣтъ. Что за нелегкая, подумалъ онъ,—куда его теперь унесло?—прошелся по двору, и опять по улицѣ, и за угломъ и за другимъ, и на сосѣдніе дворы поглядѣлъ—нѣтъ Андрея; пропалъ, словно провалился.

Вотъ подлая-то душа, сказалъ кучеръ вслухъ, воровская совѣсть! Я жъ ему далъ теперь; и ужь теперь, власть барина, а заставь онъ мошенника заплатить мнѣ деньги, всѣ сполна. Попался.

Приходитъ кучеръ домой и кричитъ: Андрей! Ему говорятъ: вѣдь чай съ тобой вмѣстѣ ушелъ!—Да нешто онъ не приходилъ?—Нѣтъ, не приходилъ.

Кучеръ почесалъ затылокъ, да чешетъ его чуть ли не понынѣ. Андрей и о сю пору еще домой не приходилъ, а пропалъ безъ вѣсти.

Вотъ что надѣлала ворожея!

Тараканова быль

Состоя приказчикомъ при нашемъ американскомъ торговомъ товариществѣ, въ сентябрѣ 1808 года, отправился я на бригѣ Св. Николай, подъ командой г. штурмана Булыгина, изъ Новоархангельска (на Ситхѣ) въ Новый-Альбіонъ, вдоль западныхъ береговъ Америки, на югъ.

Въ тихую погоду много дикихъ навѣщали насъ, но мы остерегались и не пускали болѣе трехъ человѣкъ вдругъ на бригъ. Они были всѣ вооружены: многіе ружьями, другіе стрѣлами изъ оленьяго рогу и костяными рогатинами, въ родѣ вилъ; также костяными косарями или тесаками, кистенями, а нѣкоторые желѣзными копьями. За нитку бусъ и бисера отдавали

они большого палтуса (рыбу), а за морскихъ бобровъ требовали сукна и болѣе ни на что не мѣняли ихъ.

Послѣ бури и шторма отъ SO, отъ котораго отлежались мы подъ зарифленнымъ фокомъ, вдругъ заштилѣло и зыбь стала прижимать насъ къ берегу. Мы уже были въ отчаянномъ положеніи, какъ задувшій NW далъ намъ отойти отъ опасныхъ береговъ; но зато онъ вскорѣ задулъ такъ, что мы едва уцѣлѣли, и неслись закрѣпивъ всѣ паруса.

Вѣтры мѣнялись, мы все подавались на югъ; въ концѣ октября захватила насъ опять затишь, при такой зыби отъ запада, что никакихъ средствъ не было удалиться отъ берега: мѣста эти незнакомыя, опасныя; насъ валило прямо на подводную гряду, которая была не далѣе мили отъ берега; мы стали править за рифъ, чтобы пройти между имъ и берегомъ, но очутились посреди цѣлаго сборища надводныхъ каменьевъ и подводныхъ грядъ, такъ что оставалось только искать спасенія въ якоряхъ. Но при такой зыби и засвѣжѣвшемъ къ ночи SO, канаты наши одинъ за другимъ перетирались на острыхъ каменьяхъ и, потерявъ всѣ четыре якоря, мы въ темную бурную ночь поставили паруса и, пустившись на удачу, благополучно вышли изъ такой ловушки, изъ который въ свѣтлый день не видали выхода!

Но въ самое это время у насъ переломило фокарей. Вскорѣ вѣтеръ перешелъ къ S, потомъ къ SW и дулъ прямо на берегъ. Безъ фока-рея не было надежды отлавироваться, а замѣнить его было нечѣмъ, да и некогда. Утромъ 1-го ноября бригъ Св. Николай бросило на берегъ.

Участь судна нашего рѣшилась; надо было позаботиться о себѣ. Безъ оружія намъ и подумать нельзя было стать ногою на берегъ, а потому большое было для насъ счастье, что бригъ брошенъ былъ не на каменья,

а вплоть у берега, да притомъ въ самомъ началѣ отлива, и вскорѣ очутился почти вовсе на сушѣ. И такъ, не заботясь напередъ даже о хлѣбѣ, каждый изъ насъ, съ ружьемъ въ рукахъ, выжидалъ времени: какъ только большой валъ, ударивъ въ судно, разсыпавшись сливался съ береговъ, то мы пускались опромстью на берегъ. Зарядивъ ружья и поставивъ караулъ, мы стали сымать съ судна пушки, порохъ, харчи и разныя вещи, поставивъ изъ парусовъ двѣ палатки, развели большой огонь, обсушились и обогрѣлись.

Только что мы устроились, какъ дикіе стали подходить цѣлыми толпами. Насъ было всего человѣкъ 25, и двѣ женщины: жена штурмана—Анна Петровна —и алеутка. Николай Исаковичъ (штурманъ) распоряжался еще на бригѣ, а мнѣ поручилъ таборъ: я всемѣрно старался не допускать до ссоры съ дикими и уговаривалъ своихъ: сносите, братцы, сколько можно, да старайтесь отжить ихъ отъ табора безъ ссоры; съ дикими и уговаривалъ своихъ: сносите, братцы сколько можно, да старайтесь отжить ихъ отъ табора безъ ссоры; а старшину дикихъ я неотступно просилъ не обижать насъ и отойти отъ грѣха. Но пока я въ одномъ мѣстѣ разсуждалъ и велъ переговоры — подлѣ насъ дошло уже до расправы!

Калюжи (дикіе) полѣзли насильно въ палатки; наши стали гнать ихъ, а тѣ стали ихъ бить каменьями; наши отвѣтили имъ изъ ружей. Я бросился—и встрѣтилъ грудью копье; только что успѣлъ ухватить изъ палатки ружье, какъ камень, пущенный мнѣ прямо въ голову, осадилъ меня на землю; но я положилъ на мѣстѣ своего непріятеля.

Калюжи побѣжали; одного убитаго и нѣсколько раненыхъ они унесли, а двоихъ оставили на мѣстѣ; мы же всѣ были поранены, кромѣ четырехъ бывшихъ

на-суднѣ, но большею частію только ушибены каменьями; а командиръ нашъ былъ раненъ копьемъ и камнемъ.

Проночевавъ — или лучше сказать, прогоревъ ночь, при разставленномъ карауле, пошли мы утромъ искать мѣста для зимовья; но по близости никакого удобства не нашли. Тогда Николай Исаковичъ сказалъ намъ:

«Я знаю, что компанейское судно, Кадьякъ, должно вскорѣ прибыть къ здѣшнимъ берегамъ, миль на 65 отъ насъ; но картѣ тутъ рѣкъ не показано; коли это вѣрно, то мы дойдемъ туда легко. Здѣсь намъ не дадутъ покою и изнурятъ; а если мы тотчасъ выступимъ, то калюжки останутся грабить судно наше, а за нами имъ не по что гнаться».

На это всѣ отвѣчали: мы въ волѣ вашей и изъ повиновенія не выходимъ.

И такъ, забравъ исправное оружіе, патроны, порохъ да немного харчей, заклепавъ пушки и затопивъ оставшееся оружіе, мы переправились черезъ бывшую тутъ рѣку на своемъ яликѣ и съ Богомъ пустились въ походъ.

Мы переночевали спокойно, при часовыхъ, но на другой день уже двое дикихъ подошли смѣло къ намъ и мы узнали въ одномъ изъ нихъ старшину, бывшаго у насъ вчера. Они настойчиво просились въ проводники наши. Я поднялъ на берегу моря досточку, и сдѣлалъ на ней кружокъ, и отмѣривъ 30 саженъ, посадилъ пулю въ цѣль. Они поняли отвѣтъ этотъ и ушли.

Вторую ночь расположились мы въ лѣсу, подъ утесомъ; шелъ дождь и снѣгъ; поутру сверху стали скатываться и падать большіе каменья—это было дѣло нашихъ проводниковъ. На другой день дошли мы до рѣки и пошли вверхъ, искать брода; здѣсь наткнулись мы на шалашъ калюжей, въ которомъ никого не было.

Взявъ изъ него запасъ вяленой рыбы, мы повѣсили имъ за это бусъ и бисера, и невдалекѣ расположились ночевать.

Утромъ дикари, всѣ вооруженные, насъ окружили. Одинъ выстрѣлъ въ воздухъ разсѣялъ ихъ и мы прошли рѣку въ бродъ. Черезъ нѣсколько дней встрѣтили мы трехъ дикихъ, съ одной женщиной, которые подошли очень льстиво, бранили оставленное нами поколѣніе, хотѣли служить намъ, и когда мы опять дошли до устья рѣчки, то они предложили насъ перевезти. По другую сторону рѣки, у шалашей, ихъ сидѣло до двухъ сотъ; они прислали намъ лодку, съ двумя гребцами, въ которую можно было посадить человѣкъ десятокъ; подумавъ, мы просили ихъ достать еще другую, чтобы намъ переправиться всѣмъ вмѣстѣ. Они и прислали еще маленькую, на которой сидѣла въ гребцахъ одна баба, та самая, которая насъ встрѣтила, — и говоли, что у нихъ здѣсь болѣе лодокъ нѣтъ.

Надо было рѣшиться: въ малую лодку сѣла Анна Петровна, алеутка наша, и еще двое; въ большую девятеро изъ насъ. Какъ только большая лодка вышла на средину рѣки, такъ бывшіе въ ней двое калюжъ мигомъ ототкнули пробки, которыми заткнуты были нарочно сдѣланныя ими диры въ лодкѣ, а сами нырнули въ воду. Ее понесло мимо хижинъ, откуда дикари, съ ужаснымъ крикомъ, пустили градъ стрѣлъ и камней; но Богъ вѣсть какъ лодку нашу подхватило отражавшееся отъ противнаго берега теченіе и принесло къ нашему берегу прежде, чѣмъ она успѣла потонуть. Всѣ девять человѣкъ на лодкѣ были изранены. Малая лодка пристала къ тому берегу и дикіе ее захватили.

Сдѣлавъ это дѣло и надѣясь что часть ружей нашихъ въ лодкѣ подмочена, калюжи смѣло переправились къ намъ, для нападенія; у двоихъ были ружья.

Мы на-скоро отаборились; они остановились саженяхъ въ сорока и пускали въ насъ стрѣлы и копья и одну пулю. Мы отстрѣливались около часу и они отступили тогда только, когда мы у нихъ нѣсколько поранили и двухъ убили.

Но и у насъ одинъ (Сабачниковъ) смертельно раненъ былъ стрѣлою въ животъ. Мы понесли его на рукахъ; но въ лѣсу онъ упросилъ насъ положить его и дать покойно умереть: онъ самъ видѣлъ, что конецъ его пришелъ. Ступайте съ Богомъ,—говорилъ онъ,—они скоро васъ нагонятъ.

Очевидно дикари сбѣгались со всей округи, чтобы насъ перебить. Всякъ изъ насъ думалъ о себѣ, но у всякаго сердце болѣло по начальникѣ нашемъ, который былъ въ отчаяніи по пропавшей женѣ своей. Рѣку не могли мы перейти, дождь насъ мочилъ и мы бродили горами и лѣсами, не зная куда, ожидая поминутно новаго нападенія—а перемокшія ружья наши не стрѣляли! Голодъ насъ изнурялъ; мы ѣли древесную губку, потомъ подошвы отъ тарбасовъ своихъ (бахилъ, сапоговъ), съѣли также кишочныя и горловыя камлеи свои (рубахи изъ медвѣжьихъ кишокъ и горла сивучей), даже ружейныя нагалища или чехлы, изъ сивучей кожи! Мало того—мы закололи вѣрнаго товарища своего, собаку, и также ее съѣли...

Николай Исаковичъ, изнуряемый при такихъ бѣдствіяхъ еще своимъ горемъ, сказалъ: «братцы, мнѣ такъ бѣдовать никогда не случалось; ни къ чему ума не приложу и самъ себя не помню. Я управить вами не могу, поручаю начальство Тараканову и самъ первый ему буду послушникъ.» Всѣ на это согласились и Николай Исаковичъ написалъ карандашемъ бумагу, что поручается мнѣ начальство; самъ онъ и прочіе всѣ къ ней руки приложили.

Мы съѣли остатокъ собаки своей и, проголодавъ

день, рѣшились взять харчей у дикарей, во что бы ни стало Окруживъ двѣ хижины, мы закричали, чтобы всѣ выходили вонъ: вышелъ одинъ мальчишка, объяснивъ, что всѣ бѣжали отъ насъ, за рѣку. Взявъ по 25 рыбъ въ связкахъ, мы ушли; товарищи расположились на ручьѣ завтракать, а я самъ-третей поднялся на гору, чтобъ опознаться. Но не успѣли мы подняться, какъ двое товарищей моихъ были вдругъ ранены стрѣлами, я оглянулся и увидѣлъ толпу дикарей противъ насъ за рѣчкой, а другіе бѣжали, чтобы насъ перехватить. Стрѣлы посыпались градомъ. Я выстрѣлилъ изъ винтовки и перебилъ одну ногу. Калюжки подхватили его и бросились бѣжать въ одну сторону, а мы отъ нихъ въ другую. Раны наши были не опасны.

Дошедши до табора, отдохнувъ и поѣвши, мы держали совѣтъ, какъ быть: зима наставала, до гавани намъ не дойти и судна своего не видать. Рѣшились итти вверхъ по рѣкѣ и на привольномъ для рыболовли мѣстѣ поставить зимовку.

Ненастье сокрушило насъ. Мѣстами мы добывали мѣной съ лодокъ рыбы; рѣка была очень извучиста и мы подвигались впередъ тихо. Наткнувшись на двѣ хижины, мы просили на промѣнъ рыбы; дикари неохотно дали намъ по рыбкѣ и говорили, что больше нѣтъ. Голодъ довелъ насъ до крайности: я выступилъ и грозно приказалъ подать всю рыбу и харчи, что было; оказалось всего много и мы взяли каждый въ подъемъ рыбы и икры. За это заплатили мы бусами и бисеромъ, къ ихъ удовольствію, такъ что они же помогли намъ донести харчи до ночлега.

На другой день двое калюжей вошли въ таборъ къ намъ очень смѣло—одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ взятой нами рыбы—принесли для мѣны пузырь китовой ворвани, а потомъ спросили, не хотимъ ли мы выкупить у земляковъ ихъ Анну Петровну. Всѣ мы уди-

вились, считая ее уже погибшею, а бѣдный мужъ ея, Николай Исаковичъ, не почиялъ себя отъ радости.

Штурманъ предложилъ выкупа послѣднюю шинель свою—а сукно калюжи цѣнятъ очень высоко; я прибавилъ свой новый китайчатый халатъ, и всѣ товарищи наши, не исключая алеутовъ, кто что могъ: кто камзолъ, кто шаровары, кто шапку, составилось порядочная кучка, но дикарь все говорилъ мало и требовалъ еще четыре ружья.

Хотя на это трудно было согласиться, но я просилъ показать намъ напередъ плѣнницу. Они тотчасъ согласились: черезъ два часа явилась она передъ нами, за рѣкой. Мы хотѣли говорить съ нею, и они подвезли ее на лодкѣ и, остановившись саженяхъ въ двадцати отъ берега, стали переговариваться. Бѣдный Николай Исаковичъ рвалъ на себѣ волосы—мы насилу его отвели, чтобы онъ не испортилъ дѣла. И онъ, и Анна Петровна, а за ними и всѣ мы заливались слезами. Впрочемъ, она сказала, что ее содержатъ хорошо и жаловаться ей не на что.

Мы предложили прежній выкупъ, прибавили еще кой-что и одно испорченное ружье; но дикари никакъ не соглашались, требовали четыре ружья и повезли Анну Петровну назадъ.

Въ это время бѣдный Николай Исаковичъ, обезпамятѣвъ, рвался и метался и, объявивъ себя опять начальникомъ нашимъ, приказывалъ отдать ружья.

Положеніе наше было тяжкое. Я сказалъ, что хотя мы всегда повиновались ему и впередъ повиноваться готовы, но что такое приказаніе отдаетъ онъ не въ своей памяти и вскорѣ самъ бы сталъ укорять насъ, еслибъ мы его исполнили: оно было къ общей нашей гибели. У насъ только и осталось по ружью на брата, ими мы держались; а коли отдать ихъ врагамъ изъ рукъ, такъ это все одно, что подать на себя ножъ;

измѣнники калюжи непремѣнно взяли бы всѣхъ насъ въ плѣнъ, и его самого съ Анной Петровной. Въ такомъ размѣнѣ пути не бывать. Я сказалъ, что если хотя одинъ человѣкъ отдастъ ружье свое калюжамъ, то я имъ болѣе не начальникъ и не товарищъ, а самъ тотчасъ передамся въ руки дикихъ. Всѣ поклялись ружей не отдавать; въ томъ суди насъ Богъ и государь.

10-го декабря выпалъ глубокій снѣгъ; мы выбрали мѣсто и стали рубить избу, для зимовки. Пуще всего безпокоились мы о харчахъ; къ намъ прибылъ на лодкѣ молодой старшина; я просилъ его доставить намъ рыбы, онъ согласился и приглашалъ одного изъ насъ ѣхать для промѣна ея. Одинъ изъ нашихъ собрался, а дикари, очень обрадованные случаемъ взять у насъ человѣка, тотчасъ стали торопить насъ и собираться въ путь. Но я взялъ одного изъ нихъ и сказалъ, что оставляю его въ заложникахъ. Этого они не ждали и крѣпко повѣсили носы; а хотя и должны были на условія мои согласиться, но за то привезли нашего Кормачева обратно, безъ рыбы, сказавъ, что не достали. Очевидно, они надѣялись было обмануть насъ.

За такую измѣну, мы всѣхъ ихъ посадили у себя подъ караулъ, а на лодкѣ ихъ отправили 6 человѣкъ съ ружьями къ ихъ хижинамъ, при чемъ Кормачевъ былъ проводникомъ, и забрали тамъ запасъ рыбы. Затѣмъ, мы одарили ихъ, чѣмъ могли, и отпустили. Вскорѣ одинъ старикъ самъ привезъ намъ сотню лососей (кижучей), промѣнявъ на мѣдныя погувицы.

Мы перебрались на зимовку свою, въ избу съ будками для часовыхъ по угламъ. Тотъ же старшина навѣстилъ насъ, чтобы высмотрѣть наше новоселье: мы просили у него на промѣнъ рыбы, но онъ грубо отказалъ, надѣясь, что всѣ мы скоро погибнемъ. Я велѣлъ задержать его и потребовалъ выкупу 400 лососей и 10 пузырей икры. Съ недѣлю шли переговоры; потомъ

на тринадцати лодкахъ прибыло дикарей до 70 и привезли все, чего мы требовали. Выпросивъ у нихъ одну лодку, мы отпустили заложника, подаривъ ему испорченное ружье, суконный плащъ, одѣяло и рубаху.

Съ лодкою мы зажили получше. Теперь мы могли сами ходить по рѣкѣ на поискъ и брали тутъ и тамъ заготовленную рыбу, гдѣ могли найти ее. Разъ также наши отправились вверхъ, а затѣмъ снизу поднялось много лодокъ дикихъ, съ вооруженными людьми. Мы не пропустили ихъ мимо городка своего, заставивъ выждать нашу лодку; а когда она воротилась, то калюжи сами отказались ѣхать вверхъ, такъ какъ рыба ихъ была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда я объяснилъ имъ, что одна крайность, одинъ голодъ заставляетъ насъ грабить; но такъ какъ сами они во всемъ этомъ виноваты, загнавъ насъ, какъ враги, въ эти мѣста, то мы будемъ держаться тутъ по праву сильнаго, и потому, все верховье рѣки, отъ городка нашего, я объявляю нашимъ; а низовье пусть будетъ ихъ; если они не тронутъ насъ болѣе, то и мы ихъ не тронемъ, и даже лодки внизъ не пошлемъ; а если опять станутъ вредить намъ, то мы соберемся и пойдемъ ихъ разорять.

Сдѣлку эту они поняли, утвердили ее и сдержали: во всю зиму мы жили спокойно и они только по временамъ навѣщали насъ, чтобы видѣть, скоро ли мы тутъ пропадемъ. Но мы жили, по своему, привольно; теплая изба, дровъ много, рыбы также—а за хлѣбомъ мы не очень скучали, потому что привыкли къ рыбной пищѣ. У насъ въ Камчаткѣ и люди и звѣри, даже собаки и дворовая птица, живутъ одной вяленой рыбой.

Однако раздумывая, какъ бы выйти весной изъ своего заключенія, и зная, что дикари собираютъ при устьѣ рѣки на насъ большое ополченіе, мы положили: построить большую лодку, итти на ней рѣкой до верховьевъ, а тамъ брести горами къ югу, къ верховьямъ

внутренней рѣки Колумбіи—и ею пробраться въ жилую часть материка Америки.

Но всѣ затѣи наши пошли на вѣтеръ. Вотъ что случилось: уже лодки наши были готовы и мы ожидали весны; вдругъ Николай Исаковичъ, бывъ очень задумчивъ отъ разлуки съ Анной Петровной, объявилъ, что принимаетъ опять надъ нами начальство. Я первый объявилъ себя въ полномъ повиновеніи у него и прочіе сдѣлали то же. Онъ приказалъ готовиться въ путь и въ концѣ февраля 1809 года спустились мы на лодкахъ къ тому самому мѣсту, куда въ прошломъ году дикари привозили Анну Петровну.

Всѣ мы понимали, къ чему дѣло клонилось—но уважая страданія и скорбь своего начальника, рѣшились не доводить его до отчаянія и не выходить изъ повиновенія, а надѣяться на Бога.

Къ намъ подъѣхалъ старикъ, подарилъ *шикотъ* или плетенку, корзину изъ прутьевъ, которая такъ плотно сплетена, что воды не пропускаетъ. Онъ разспрашивалъ насъ обо всемъ, провожалъ и былъ очень услужливъ: онъ ловко оберегалъ лодки наши отъ наноснаго лѣсу и выпроводилъ насъ, мимо засады земляковъ своихъ на островѣ, другимъ узкимъ проливомъ. Дошедши до устья рѣки, мы стали таборомъ, насупротивъ селенія дикихъ; а старику подарили, что могли, и еще дали ему нарочно отлитую нами оловянную медаль, на которой былъ двуглавый орелъ и годъ, мѣсяцъ и число. Его звали *Лютлолюкъ*.

На утро пріѣхало къ намъ много дикарей, и въ томъ числѣ та самая баба, которая увезла отъ насъ Анну Петровну. Мы тотчасъ захватили ее и одного старшину и объявили, что выдадимъ ихъ только за взятыхъ у насъ ими плѣнниковъ. Явился мужъ этой дикарки и сказалъ, что плѣнники уже переданы другому поколѣнію, но въ четыре дня обѣщалъ доста-

вить ихъ, если только мы не сдѣлаемъ зла заложникамъ.

Черезъ недѣлю по ту сторону рѣки опять явилось много народу и они насъ вызывали къ переговорамъ. Я самъ-третей спустился къ берегу. Шайка эта пришла со старшиной, на которомъ были шаровары, куртка и шляпа, тогда какъ земляки его ходятъ почти нагіе, въ одѣяхъ одѣялахъ или плащахъ. Съ нимъ была и наша Анна Петровна.

Но каково было изумленіе наше, когда она, послѣ перваго привѣтствія, объявила, что мы задержали родную сестру старшины въ пуховой шляпѣ, что они оба люди добрые, содержатъ ее — Анну Петровну — хорошо, а потому она и требовала, чтобы мы тотчасъ освободили своихъ плѣнниковъ; сама же она не желаетъ съ нами горе мыкать, а остается тамъ, гдѣ ей хорошо, и намъ совѣтуетъ отдаться въ ихъ руки. Къ этому она прибавила, что старшина обѣщаетъ отправить насъ на одинъ изъ кораблей, стоящихъ теперь невдалекѣ въ заливѣ; а о взятыхъ съ нею вмѣстѣ сказала, что Якова и Котельникова здѣсь нѣтъ, они достались на долю другого поколѣнія; алеутка же Марья здѣсь.

Насъ какъ громомъ поразило; я переспрашивалъ Анну Петровну, убѣждалъ ее—все напрасно. Она говорила, что мы всѣ погибнемъ, а въ рукахъ у этого старшины будемъ цѣлы. Дѣлать было нечего, съ этою вѣстью пошелъ я въ таборъ.

Долго Николай Исаковичъ не хотѣлъ этому вѣрить, и мы за него крѣпко боялись. Я сказалъ ему, что она сдѣлала умнѣе насъ, такъ ей вѣрить можно; чѣмъ пропадать въ дремучихъ лѣсахъ одинъ по другому—лучше и вправду передаться дикарямъ. Онъ молчалъ; я объявилъ то же всѣмъ товарищамъ; они просили подумать— и мы отложили рѣшеніе до утра.

По утру пятеро изъ насъ: штурманъ, я, Овчинниковъ и два алеута, передались калюжамъ, сказавъ старшинѣ ихъ, что вѣримъ его честному слову; прочіе, простившись съ нами по братски остались по себѣ и, не довѣряя обѣщаніямъ дикихъ, перейти къ нимъ отказались, но не къ добру: вздумавъ переѣхать на островъ, они нашли на камень, утопили лодку, подмочили весь порохъ и сами чуть не потонули. Безъ оружія, они всѣ взяты были въ плѣнъ другимъ поколѣніемъ дикихъ.

Старшину нашего звали *Ютрамакіемъ*. Всѣхъ насъ разобрали по рукамъ; Николай Исаковичъ пошелъ къ тому же хозяину, у котораго была Анна Петровна и съ нею помирился. Вскорѣ Ютрамакій перешелъ жить на другое мѣсто и взялъ съ собою меня и Николая Исаковича, обѣщавъ вскорѣ выкупить и супругу его. Но у нихъ вышла какая-то ссора и хозяинъ Анны Петровны воротилъ выкупъ за мужа ея—дѣвку и два аршина сукна—и требовалъ возврата штурмана. Ютрамакій не соглашался. Наконецъ, самъ Николай Исаковичъ упросилъ его въ этомъ, желая быть при женѣ; но съ этого времени каждаго изъ насъ безпрестанно мѣняли, дарили и продавали съ рукъ на-руки, ровно товаръ, и бѣдный Николай Исаковичъ съ Анной Петровной терпѣлъ самую горькую участь: то ихъ соединяли, передавая обоихъ одному хозяину, то разлучали—и одна смерть ихъ кончила такое бѣдствіе: она скончалась въ августѣ 1809 года, а онъ въ февралѣ 1810. Миръ праху его.

Я оставался всего болѣе у Ютрамакія: онъ обходился со мною очень хорошо. Я старался его тѣшить. Они настоящіе ребята: я сдѣлалъ бумажный змѣй, и когда онъ поднялся, то они съ удивленіемъ говорили, что русскіе могутъ достать солнце съ небесъ. А когда я сдѣлалъ пожарную трещетку, показавъ старшинѣ, что она подаетъ разный голосъ и можетъ служить

для сигналовъ, то мнѣ дивились, какъ человѣку, которому по уму нѣтъ ровни во всей поднебесной!

Въ сентябрѣ 1809 г. я поставилъ себѣ особую избушку, стрѣлялъ много дичи, а зимой дѣлалъ хозяину обручную посуду: когда я выковалъ для этого изъ гвоздей, на камнѣ, скобель и зауторникъ, то диву конца не было. Меня уравняли, по званію, со старшиной и всюду звали въ гости на ряду съ нимъ и такъ принимали.

Въ зиму на 1810-й годъ у калюжъ былъ голодъ, мало рыбы пришло, и они платили за десятокъ лососей по бобру. Трое изъ нашихъ бѣжали отъ голоду ко мнѣ; хозяинъ мой много бобровъ переплатилъ, а кормилъ насъ; когда же ихъ потребовали назадъ, то онъ сослался на меня. Я отпуттилъ ихъ, но съ уговоромъ, чтобъ не обижали и досыта кормили.

Весной перекочевали мы, и я построилъ землянку еще лучше первой, съ бойницами. Чтобы любоваться ею, старшины приходили издалека и я прославился мастеромъ и великимъ строителемъ.

Въ маѣ Богъ услышалъ молитвы наши—американское судно подошло къ берегамъ. Радость нашу нельзя и описать. Хозяинъ мой отправился со мною на бригъ, къ капитану Броуну, гдѣ я уже засталъ одного изъ нашихъ, Валгусова. Броунъ выкупалъ насъ, кого привозили, вызывая къ тому дикихъ, и отдавая по пяти байковыхъ одѣялъ, по пяти саженъ сукна, напилокъ, два ножа, зеркало, пять картузовъ пороху, пять мѣшковъ дроби за каждаго. Но двоихъ нашихъ дикари задержали и просили выкупа вдесятеро болѣе. Капитанъ Броунъ захватилъ старшину, сказавъ, что увезетъ его, если не выдадутъ русскихъ. И въ тотъ же день ихъ привезли, даже доставили къ другому дню третьяго, о которомъ сказали, что его нѣтъ,

Шубина, и принявъ за каждаго положенный выкупъ, весело отправились на берегъ.

Такимъ образомъ Броунъ выкупилъ 13 человѣкъ; въ плѣну погибло 7; одинъ выкупленъ былъ уже прежде, а одинъ остался, завезенный куда-то далеко. 9-го іюня прибыли мы въ Новоархангельскъ, на Ситхѣ, черезъ одинъ годъ, восемь мѣсяцевъ и 20 дней послѣ выхода изъ этого-же порта.

Вспоминая о приключеніяхъ своихъ, мы часто благословляли память Николая Исаковича: не послушайся мы его, не воротись къ устью рѣки, а уйди— какъ мы хотѣли—въ горы, и всѣ бы мы погибли!

Нельзя жить безъ начальства, нигдѣ, даже и въ плѣну: а во время бѣды, безъ головы рукамъ и ногамъ плохо.

Вырѣзка судовъ подъ Варной

Когда флотъ нашъ стоялъ въ войну 1828 года подъ турецкою крѣпостью Варной и бомбардировалъ ее, то въ самой глубинѣ бухты, подъ стѣнами крѣпости, находилось 14 турецкихъ малыхъ парусныхъ судовъ. Онѣ большею частію были безъ военнаго вооруженія и вообще опасны для насъ не силою своею, а тѣмъ, что могли при удобномъ случаѣ послужить непріятелю брандерами, отъ которыхъ флоту нашему надо было безъ-устали быть на сторожѣ. По этому государь, отбывая на фрегатѣ Флорѣ 14-го іюля въ Одессу, приказать изволилъ: постараться вырѣзать врасплохъ турецкія суда подъ крѣпостью и взять или сжечь ихъ.

Главный командиръ черноморскаго флота поручилъ дѣло своему начальнику штаба капитану 2 ранга Мелихову; для этого собраны были вооруженные катера и баркасы со всей эскадры, 26-го іюля къ 10 часамъ

ночи, у бригантины Елисаветы, поставленной нарочно для этого между крѣпостью и флотомъ. Въ 11 часовъ гребныя суда, съ офицерами и подъ начальствомъ Мелихова, втихомолку пустились подъ южный, болѣе высокій, берегъ, чтобы подъ нимъ прикрыться и спрятаться отъ непріятеля. Онъ увидѣлъ бѣду, когда она уже былъ на носу, когда гребныя суда подошли на половину ружейнаго выстрѣла. Съ передовыхъ непріятельскихъ судовъ открыли огонь — но поздно: съ крикомъ ура, наши ударили въ весла, бросились на суда, приставая передовыя къ передовымъ, и послѣ получасовой драки, завладѣли всею флотиліею. Тотчасъ взяли ее на буксиръ и потащили къ своему флоту.

Во время этого приступа и бою, крѣпость молчала; но какъ только узнала, что флотилія потеряна, то открыла самый сильный огонь, со всѣхъ орудій, обращенныхъ къ рейду. Темнота ночи служила для насъ лучшею защитой: крѣпость стрѣляла на удачу.

Первое съ моря судно взято было катеромъ фрегата Евстафій, мичманъ Салькова; *второе* баркасомъ корабля Парменъ, мичманъ Ситниковъ; *третье* баркасомъ корабля Пименъ, лейтенантъ Конкевичъ, и катеромъ корабля Нордадлеръ, лейтенантъ Аркуловъ; *четвертое* двумя катерами корабля Іоаннъ Златоустъ, лейтенантъ Вишневецкій и ластоваго экипажа поручикъ Тыртовъ; *пятое* катерами корабля императоръ Францъ, капитанъ-лейтенантъ Потемкинъ и лейтенантъ Зигури: послѣдній напалъ на самое судно, а первый на бывшій при немъ вооруженный баркасъ, который однако успѣлъ уйти подъ крѣпость; *шестое* катерами корабля Пименъ, лейтенантъ Ивановъ и мичманъ Джотти; *седьмое* катеромъ корабля Пантелеймонъ, лейтенантъ Чигирь; *осьмое* катерами кораблей Парменъ и Скорый, и фрегата Рафаилъ, лейтенанты: Юрковскій, Ольшев-

скій и Манганари, и мичмана: Кутузовъ и Вѣтровъ; судно это было брандвахтей; на немъ находился и командиръ флотиліи и при немъ было два большихъ вооруженныхъ баркаса, на каждомъ по 25 человѣкъ и по 12-ти фунтовому единорогу; первые катера наши встрѣчены были огнемъ изъ орудій и ружей, почему и бросились на помощь другія, ближайшія гребныя суда; баркасы съ орудіями также взяты и много турокъ при этомъ перебито; *девятое* судно взято катеромъ корабля Парижъ, капитанъ Свирскій; *десятое* другимъ катеромъ корабля Парижъ, лейтенантъ Скаржинскій: на этомъ суднѣ взяты два малыя орудія; *одиннадцатое* катеромъ корабля Норд-адлеръ, лейтенантъ Мазгана; *двѣнадцатое* катеромъ транспорта Марія, мичманъ Тударевъ; *тринадцатое* баркасомъ корабля Пантелеймонъ, лейтенантъ Микрюковъ; на этомъ суднѣ взятъ одинъ фальконетъ; *четырнадцатое*, стоявшее у самой крѣпости, вырѣзано баркасомъ корабля Парижъ, лейтенантъ Зайцевскій.

Сначала турки отчаянно оборонялись, потомъ стали спасаться и бросались въ море. Непріятеля одолѣла тутъ не одна храбрость матросовъ, а расплохъ, въ которомъ его захватили, то есть порядокъ и тишина, въ которой подошелъ гребный отрядъ. У насъ было убитыхъ 4, раненыхъ 37, въ числѣ раненыхъ 3 офицера и 1 гардемаринъ. Въ плѣнъ взято 46 человѣкъ, а болѣе того убито и выкинуто за бортъ; кромѣ того 14 парусныхъ транспортныхъ судовъ, два вооруженныхъ баркаса, три орудія малаго калибра и два 12 фунтовыхъ единорога,

Пословицы

1. Прошелъ по́-морю аки по́-суху.
2. Не море топитъ, а лужа.

3. Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и лужи не боится.
4. Пьяному море по колѣно—а лужа по уши.
5. Не вѣрь морю, а вѣрь кораблю.
6. Плывучи моремъ, бойся берега.
7. И въ морѣ, что въ полѣ: не столько смертей, сколько страстей.
8. Моремъ плыть—впередъ глядѣть.
9. Море переплыть, не поле перейти.
10. Подъ носомъ вижу, а подъ килемъ не вижу.
11. Безъ лота—безъ ногъ; безъ лага—безъ рукъ; безъ компаса—безъ головы.

Воздушный шаръ

Ходитъ и ѣздитъ человѣкъ по землѣ; подрывается онъ и подъ землю, добывая руду и другія потребности; плаваетъ по водѣ, пускаясь моремъ въ дощаникѣ вокругъ всего земнаго шара, но этого всего мало: захотѣлось подняться выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и полетать, поплавать по воздуху.

Отчего судно плаваетъ по водѣ? Оттого, что оно легче воды; оно сядетъ въ воду на столько, чтобы выдавить подъ собою свой вѣсъ воды, а тамъ и устоится; больше ему грузнуть не отъ чего. Желѣзо много тяжеле воды, у насъ и пословица говоритъ: пошелъ ко дну, какъ ключъ; плаваетъ по топорному; но пусти на воду посудину изъ листоваго желѣза—и она поплыветъ. Почему?—Да потому, что объемъ великъ; такой кузовокъ будетъ грузнуть въ воду, поколѣ не выдавитъ подъ собой столько воды, сколько въ немъ самомъ вѣсу, а потомъ и станетъ. А полоса желѣза отчего тонетъ? Оттого, что сколько бы она ни погружалась, съ ней не прибудетъ объема, а объемъ этотъ малъ, тѣсенъ, не можетъ занять въ водѣ столько мѣста, сколько самъ вѣситъ—желѣзо тяжеле воды.

Но изъ желѣзныхъ листовъ можно дѣлать и мореходныя суда и дѣлаютъ, какъ вы знаете, пароходы. И человѣкъ тонетъ въ водѣ, а коли подвяжетъ пары двѣ бычачьихъ, надутыхъ воздухомъ пузырей — такъ дѣлается весь и съ пузырями, легче воды, и не тонетъ Пузыри вѣсу прибавляютъ мало, а объему много; вотъ почему они и не даютъ тонуть.

Воздухъ та же вода, мы въ немъ плаваемъ, какъ рыба въ водѣ; да только мы гораздо тяжеле воздуха, который много сотъ кратъ рѣже и легче воды. У рыбы есть плавной пузырь, она его то надуваетъ, то сжимаетъ, и сколько ей нужно воздуха, чтобы не быть тяжеле воды, столько держитъ его; коли хочетъ итти на дно, сжимаетъ въ себѣ пузырь этотъ умаляя и все тѣло свое; коли хочетъ всплыть — распускаетъ или раздуваетъ пузырь, и все тѣло ея дѣлается толще. Само собой разумѣется, что живая рыба кромѣ того помогаетъ перьями, плескомъ, гребетъ и правитъ.

Вотъ затѣйникамъ и пришло на умъ, что еслибы у человѣка былъ такой плавный пузырь, чтобы ему съ пузыремъ по объему, стать легче воздуха, то можно бы подняться. А чтобы не улетѣть вовсе, въ нескончаемое поднебесье, то есть и на это стопоръ: воздухъ нашъ упругъ, какъ пуховая подушка — что больше гнести его, то тѣснѣе сляжется; поэтому нижніе слои воздуха, на которыхъ лежатъ верхніе, гораздо гуще—и чѣмъ выше подыматься, тѣмъ воздухъ жиже. Поэтому человѣкъ съ плавнымъ пузыремъ, кабы такой нашелся, поднявшись отъ земли, по легкости своей, будетъ подыматься до тѣхъ поръ, поколѣ не придетъ въ равновѣсіе, т. е. въ такой слой, который легче нижняго слоя и гдѣ поднявшаяся тяжесть, по объему своему, можетъ устояться.

Но въ человѣкѣ нѣтъ такого пузыря, его не раздуешь. Надо придѣлать пузырь этотъ къ нему сна-

ружи; все одно. А чѣмъ его надуть? — Что у насъ есть легче воздуха? — Кажется нѣтъ ничего!

Богъ далъ человѣку такой разумъ, такую смѣтку, что человѣкъ до всего добирается.

Воздухъ упругъ: его можно сжать, стиснуть — можно и распустить, разжидить, надо только умѣючи за это взяться. Отъ холода, отъ мороза, воздухъ густѣетъ, отъ жары рѣдѣетъ. Если сдѣлать большой легкій пузырь, шаръ, а снизу оставить въ немъ дыру на обручѣ и подъ этой дырой развести огонь, то пузырь раздуется, воздухъ въ немъ станетъ рѣдѣть, лишекъ его будетъ выгонять въ нижнюю дыру, а наконецъ, коли воздухъ станетъ такъ рѣдокъ и жидокъ, что вмѣстѣ съ шаромъ сдѣлается легче воздуха наружнаго, то шаръ подымается вверхъ и полетитъ, Коль скоро же воздухъ внутри шара остынетъ, то онъ сожмется, ссядется, пузырь обомнется, опадетъ и свалится на землю.

Попытайтесь сдѣлать вотъ что: возьмите простой бычачій пузырь, смятый, какъ есть, завяжите его туго-на-туго, размочите, чтобы онъ сталъ погибче, а потомъ согрѣйте его осторожно, — на огнѣ либо въ печи: какъ только воздухъ въ немъ — хоть его и очень немного — согрѣется, такъ онъ станетъ расплываться, расширяться, пузырь надуется и сдѣлается полнымъ, словно набитымъ; какъ остынетъ онъ, такъ воздухъ опять съежится и пузырь попрежнему ляжетъ въ складки, опадетъ.

Это первый родъ воздушныхъ шаровъ: шьютъ большой шаръ, сажени въ двѣ или три поперечника, изъ легкой шелковой ткани; шаръ этотъ покрываютъ лакомъ, чтобы онъ держалъ воздухъ: на шаръ, сверху, накидываютъ сѣтку, отъ сѣтки опускаютъ внизъ бичевки, а за бичевки подвѣшиваютъ челнокъ. Поставивъ на челнокъ, подъ самую дыру шара, жаровню, или

очажокъ съ горящимъ спиртомъ, можно согрѣть воздухъ въ шарѣ до того, что и шаръ и съ нимъ челнокъ подымутся на воздухъ. Покуда человѣкъ, сѣвшій въ челнокъ, станетъ поддерживать огонь, шаръ будетъ подыматься и плавать по воздуху; а коли станетъ убавлять огонь, то шаръ начнетъ опять опускаться на землю.

Но есть еще и другой способъ, другой родъ воздушныхъ шаровъ: если на желѣзные опилки налить воды и купоросной кислоты, то отъ этого состава пойдутъ пузыри; но пузыри эти не изъ того жъ воздуха, какъ тотъ, которымъ мы дышемъ; пузыри эти, если поднести къ нимъ огонь, какъ только выйдутъ изъ подъ воды, загораются и хлопаютъ, стало быть это воздухъ, да другой; нашъ не горитъ, а это горючій. Горючій воздухъ въ десять или пятнадцать кратъ легче нашего воздуха, а потому коли имъ надуть такой же легкій шаръ, пузыремъ, и подвязать къ шару легонькій челночекъ, то человѣку можно на немъ подняться.

Не болѣе 80 лѣтъ, какъ люди стали пускаться въ воздушныхъ шарахъ на полеты; много смѣльчаковъ погибло за этими попытками; иной съ шаромъ своимъ упалъ въ море; другой, по неосторожности, вдругъ выпустилъ изъ шара воздухъ и упалъ пластомъ изъ подъ облаковъ на землю; случалось и то, что шаръ на воздухѣ загорался.

Но человѣкъ смѣлъ: счастливый къ обѣду, роковой подъ обухъ. Всякъ надѣется на счастье, всякъ надѣется миновать роковаго обуха, и понынѣ еще много людей, то тутъ, то тамъ, пускаются на воздушныхъ шарахъ по воздуху. Счастливый имъ путь!

Но управлять воздушными шарами доселѣ не умѣютъ. И мудрено: во первыхъ потому, что воздухъ жидокъ, на лету судно ни руля, ни даже веселъ не

слушается; говорятъ: на водѣ ноги жидки—а ужъ на воздухѣ и подавно; во вторыхъ и потому, что весь шаръ со всѣмъ приборомъ сноситъ вѣтромъ, а противъ вѣтра управлять нельзя ничѣмъ. По этому воздухоплаватели и пускаются всегда только съ попутнымъ вѣтромъ.

Толщина или высота всего слоя воздушнаго вкругъ шара земного гораздо менѣе ста верстъ, этотъ слой воздуха, съ облаками своими и называется атмосферой. Воздухоплаватели не подымались выше шести верстъ отъ земли, чѣмъ выше, тѣмъ морознѣе и тѣмъ воздухъ рѣже, такъ что тамъ тяжело дышать и даже иногда кровь идетъ и ртомъ и носомъ.

Корабельный мастеръ

Петръ Великій, изучивъ первый изъ русскихъ кораблестроеніе и зная его такъ основательно, что могъ быть хорошимъ плотникомъ, и тимерманомъ, и самимъ мастеромъ, стоялъ въ спискѣ своихъ корабельныхъ мастеровъ, получалъ на ряду съ ними жалованье, закладывалъ самъ и строилъ суда. Когда онъ выходилъ въ одеждѣ корабельнаго мастера, то требовалъ, чтобы всѣ прочіе мастера обходились съ нимъ за-просто и самъ чествовалъ ихъ товарищами. Онъ хаживалъ къ нимъ въ гости, обходился безъ чиновъ и, проводя поучительную бесѣду за закуской, самъ удостовѣрялся въ знаніи и заботливости ихъ.

Островъ Питкернъ

Въ ноябрѣ 1787 года, англійское правительство отправило лейтенанта Блея командиромъ на шлюпѣ Боунти, въ Южный океанъ, для перенесенія оттуда хлѣбнаго дерева въ западную Индію, на американскіе

острова. Почти годъ были они на пути до острова Таити; здѣсь неосторожнымъ морякамъ нашимъ такъ понравилось, что они грузились почти полгода и насилу управились. И нехотя, да наконецъ снялись они съ якоря и пошли по назначенію

Команда на Баунти была сборная, частію съ купецкихъ судовъ, разный сбродъ; предъ отплытіемъ въ море она на прощаніе съ таитянами сильно попировала; на суднѣ вышелъ какой-то раздоръ, драка, одна часть команды возмутилась и дѣло на тотъ разъ рѣшилось тѣмъ, что капитана и 19 человѣкъ, оставшихся ему вѣрными, посадили на шлюпку и давъ имъ бочоночекъ воды, нѣсколько бутылокъ вина, пуда четыре хлѣба и компасъ — шлюпъ, управляемый главнымъ зачинщикомъ, штурманомъ Христіаномъ, поднялъ паруса и, съ буйными криками и пьяными пѣснями, пустился обратно къ сандвичанамъ. На суднѣ осталось всего 25 человѣкъ.

Бунтовщики сперва пристали къ острову Табуай, но дикіе вступили съ ними въ бой и хотя англичане остались побѣдителями, но рѣшились уйти къ старымъ друзьямъ своимъ на островъ Таити. Но и здѣсь они не рѣшались остаться, зная что о возмущеніи ихъ будетъ узнано въ Англіи, а разсказавъ жителямъ сказку, будто капитанъ и товарищи ихъ вздумали поселиться на открытомъ ими островѣ, просили надѣлить ихъ харчами и другими припасами и вызывали охотниковъ изъ таитянъ съ ними переселиться.

Забравъ съ собой нѣсколько туземцевъ обоего пола, бунтовщики опять отправились было на Тобуай и стали тамъ селиться; но тобуайцы опять на нихъ вооружились и чуть не вырѣзали ихъ. Испуганные этимъ, они снова воротились на Таити.

Между тѣмъ бунтовщики немного опамятовались и стали поговаривать о винѣ своей и призадумываться

надъ своею участью. Навѣрно Англія пошлетъ ихъ отыскивать, чтобы казнить виновныхъ, и на Таити найти ихъ легко. Восемь человѣкъ бунтовщиковъ, съ шестью таитянками, воровски перебрались на судно свое и украдкой отправились искать другого убѣжища.

Такимъ образомъ весь экипажъ судна Боунти раздѣлился на три части: капитана съ 19 человѣками пустили на шлюпкѣ въ море; штурманъ Христіанъ самъ-восемь поплылъ искать скрытнаго пристанища: а 17 человѣкъ остались на Таити. Послѣдуемъ за судьбою каждой части.

Бѣдственно было положеніе двадцати человѣкъ, покинутыхъ на шлюпкѣ, съ самымъ малымъ запасомъ харчей и воды, среди океана. Всѣ предались отчаянію—одинъ капитанъ Блей не терялъ духа и, требуя отъ прочихъ строгаго повиновенія, обѣщалъ, съ помощію Божіею, спасти ихъ. Всѣ поклялись покорностію; кто на-Бога положится—не обложится: капитанъ не обманулъ своихъ товарищей бѣдствія.

Ближайшій берегъ отъ нихъ былъ островъ Тофоа, въ 30 миляхъ; Блей направилъ туда путь свой, достигъ острова, но лишь-только успѣли они обвести цѣпной фалинь вкругъ камня или берегового дерева, какъ дикіе кинулись на нихъ толпою и пустили градъ камней, замахиваясь дубинками. Наши бѣдняки были безоружны, они должны были погибнуть; урядникъ Портонъ, видя неминучую бѣду, искупилъ добровольною смертію своею спасеніе ихъ: онъ выскочилъ на берегъ и закричалъ: отваливай! Только что успѣли отпутать цѣпной фалинь, какъ дикіе убили урядника и разорвали на части.

Шлюпка отвалила. Въ отчаяньи несчастные не смѣли болѣе пытаться приставать къ островамъ, гдѣ въ обычаѣ было такое плохое хлѣбосольство. Они снова поклялись капитану въ повиновеніи и просили

его, во чтобы ни стало, вести ихъ въ мѣсто, населенное не дикими, а европейцами. Подумавъ о положеніи своемъ и сообразившись, Блей рѣшился на неслыханное дѣло: идти черезъ Торресовъ проливъ, мимо Новой Голландіи, на островъ Тиморъ, къ голландскому поселенію. Это переходъ въ 4000 миль!

Пустились благословясь въ путь, положивъ надѣлять каждаго человѣка въ день сухарями по три золотника, да одною чаркою воды. Вскорѣ ихъ застигла страшная буря, а затѣмъ и другая; шлюпку такъ заливало, что едва успѣвали отливаться; а сухари не только размокли; но обратились въ размазню. По разсчету времени, еще уменьшили порцію.

Послѣ 32 дневнаго голода, жажды, зноя, непосильныхъ трудовъ и изнуреній, несчастные увидѣли берегъ пролива Торреса, пристали къ пустому островку и нашли тамъ добрую воду и много плодовъ. Бѣдняки думали, что попали въ рай; они переночевали на острову—но со свѣтомъ ихъ окружила вооруженная толпа дикихъ, переѣхавшихъ съ однаго изъ сосѣднихъ острововъ; бѣдняки наши съ трудомъ успѣли броситься въ шлюпку и отвалить

Въ проливѣ видѣли они по берегатъ дикихъ, которые даже манили и призывали къ себѣ путниковъ: но эти, будучи вовсе безоружны, вспоминали бѣднаго урядника Нортона и проплыли далѣе. Мѣстами приставали они, съ большою осторожностію, къ пустыннымъ островкамъ, гдѣ находили плоды и воду. Не смотря на это, силы странниковъ истощались; при выходѣ изъ пролива всѣ 19 человѣкъ лежали, разслабленные и больные, и въ отчаяніи молили Бога о скорой и легкой смерти. Одинъ капитанъ Блей, хотя самъ чуть живой, не терялъ духа и старался обнадеживать и ободрять свою команду.

Наконецъ, пробившись въ этомъ бѣдственномъ поло-

женіи еще болѣе трехъ недѣль, и притомъ опять въ открытомъ морѣ, гдѣ нѣтъ для пристанища острововъ, увидѣли берегъ и Блей объявилъ, что это голландскій островъ Тиморъ. Радость была неописанная; благодарственныя молитвы со слезами раздавались круглыя сутки, до прихода къ пристани. Здѣсь приняли бѣдствующихъ, изъ которыхъ одинъ только померъ отъ болѣзни, а прочіе 18, въ мартѣ 1790 г., на купеческомъ суднѣ благополучно достигли родины своей, Англіи.

Теперь обратимся къ шайкѣ бунтовщиковъ, оставшейся на островѣ Таити: судьба ихъ короткая; англійское правительство послало фрегатъ Пандору, который отыскалъ ихъ, взялъ закованныхъ, и въ этомъ положеніе они, потерпѣвъ еще разъ крушеніе, наконецъ прибыли въ Англію, гдѣ ихъ судили военнымъ судомъ и по приговору суда перевѣшали.

Наконецъ, остается еще та шайка, девять человѣкъ, которая, съ шестью мужчинами и десятью женщинами острова Таити, бѣжали на суднѣ Боунти невѣдомо куда.

Много лѣтъ полагали, что они всѣ погибли въ морѣ: они пропали безъ вѣсти и давно уже объ нихъ перестали думать, когда, въ 1814 году, англійскому фрегату Бретону, шедшему въ Чили, случилось бросить якорь у небольшого островка, который былъ извѣстенъ, какъ никѣмъ необитаемый, и гдѣ никогда почти не останавливались суда, по неудобству и даже опасности стоянки. Островокъ этотъ называется Питкернъ и лежитъ на островитой части Тихаго океана, въ одномъ округѣ съ островами Таити, гдѣ оставалась часть бунтовщиковъ, и Тубуая, гдѣ шлюпка капитана Блея потеряла урядника Нортона.

Капитанъ и офицеры Бретона, бросивъ якорь у необитаемаго острова Питкерна, до крайности изумлены

были видомъ на небольшое, но прекрасное поселеніе, очевидно основанное европейцами. Въ то же время нѣсколько шлюпокъ, хорошо устросныхъ, пустились подъ парусами отъ берега къ фрегату; а на самомъ берегу показались люди, призывавшіе путниковъ дружескими знаками. Еще болѣе изумились офицеры Бретона, когда невѣдомые жители эти смѣло пристали къ фрегату и, поздоровавшись на чистомъ англійскомъ языкѣ, начали бесѣдовать.

Съ любопытствомъ разсматривали офицеры этихъ полудикихъ и полуобразованныхъ людей, съ пріемами ловкими, приличными, въ странной одеждѣ, полудикихъ по чертамъ лица, англичанъ по языку. Кто вы и откуда вы?—спросилъ капитанъ. Вмѣсто отвѣта, одинъ изъ посѣтителей спросилъ: не знавали ль вы въ Англіи капитана Блея?—Тогда только англичане вдругъ догадались, съ кѣмъ бесѣдовали, и въ свою очередь спросили: Нѣтъ ли на островѣ штурмана Христіана?—Нѣтъ, отвѣчали молодые люди, его давно нѣтъ; онъ погибъ, какъ и товарищи его, всѣ кромѣ одного; но въ живыхъ остался сынъ Христіана и теперь возмужалъ. Насъ теперь на островѣ 48 человѣкъ; при насъ остался одинъ только живой человѣкъ; съ корабля Баунти, это—отецъ Адамсъ; мы христіане, молимся каждый день съ отцомъ Адамсомъ; англійскаго короля признаемъ мы и своимъ, говоримъ всѣ по англійски, по отцамъ; а по матерямъ своимъ знаемъ также языкъ таитскій.

Съ большимъ любопытствомъ офицеры отправились на берегъ, гдѣ нашли прекрасно устроенное селеніе и цѣлое поколѣніе свѣжихъ молодцовъ и дѣвушекъ, подъ управленіемъ старика Адамса. Весело, но чинно сѣли за обѣдъ, прочитавъ напередъ вслухъ молитву, а кончивъ обѣдъ, также помолившись, встали. Вотъ что разсказалъ старикъ Адамсъ:

Пустившись въ 1788 году самъ-девять отыскивать пристанища, штурманъ Христіанъ попалъ съ заграбленнымъ судномъ къ нежилому острову Питкернъ; осмотрѣвъ его, онъ рѣшился здѣсь остаться, какъ по причинѣ богатства растительности и удобства для поселенія, такъ и потому, что островъ лежитъ въ сторонѣ и весь окруженъ опасными рифами, посему суда никогда почти къ нему не заходятъ.

Все, что можно было, перетащили на берегъ, а судно сожгли, чтобы не было признаку. Для поселенія выбрали скрытое мѣсто, въ раздолѣ, за лѣсомъ, и стали строиться. Но видно не было Божьяго благословенія на беззаконное дѣло; сначала, казалось, все шло хорошо: ни въ чемъ не было недостатка; богатая почва награждала каждаго за малый трудъ; урожай былъ на слѣдующій же годъ обильный. Но буйные англичане стали обижать таитянъ, хотѣли обратить ихъ изъ товарищей въ слугъ и работниковъ и отбивали у нихъ женъ.

Страшная кара послѣдовала: шесть таитянъ, сговорившись, напали ночью на англичанъ и всѣхъ девятерыхъ перерѣзали какъ барановъ, по одиночкѣ. Таитянки взвыли голосомъ и привыкнувъ уже къ англичанамъ, по дикому обычаю своему условились отмстить убійцамъ, не понимая, что одно убійство нельзя поправить другимъ; на слѣдующую же ночь онѣ убили всѣхъ шестерыхъ таитянъ. Остались на островѣ однѣ женщины, десять таитянокъ.

Сдѣлавъ дѣло это, онѣ пошли отыскивать всѣхъ убитыхъ англичанъ, чтобы тѣла ихъ похоронить честно, по своимъ обычаямъ. Онѣ собрали осьмерыхъ, а девятаго не могли найти; разсыпавшись во всѣ стороны, онѣ наконецъ нашли и девятаго—полумертвымъ, но еще живымъ: это былъ Адамсъ. Онъ, израненный, заползъ въ ближайшій лѣсокъ и пролежавъ тамъ сутки безъ памяти, едва дышалъ.

Таитянки принесли его домой, ухаживали за нимъ всѣ, и вскорѣ Адамсъ всталъ на-ноги. У нѣкоторыхъ таитянокъ оставалось по ребенку отъ убитыхъ англичанъ, другіе были беременны; сынъ штурмана Христіана былъ первый уроженецъ острова. Затѣмъ Адамсъ былъ признанъ и оставался общимъ отцомъ и старшиной этого семейства, въ которомъ, черезъ 26 лѣтъ, въ 1814 году, было 48 душъ.

Адамсъ пришелъ въ себя. Глубокое искреннее раскаяніе имъ овладѣло; онъ сталъ молить Бога денно и ночно о прощеніи великаго грѣшника, уже столько наказаннаго судьбой. Онъ сталъ учить и наставлять всѣхъ матерей и дѣтей, которыхъ и удалось ему воспитать въ страхѣ Божіемъ. Молодежь, подъ благословеніемъ и при молитвахъ общаго старшины, отца и учителя своего, Адамса, вступила въ браки и такимъ образомъ населялось и устроивалось одно семейство за другимъ.

Въ 1825 году англичанинъ капитанъ Бичи, на пути къ Берингову проливу, навѣстилъ островъ Питкернъ и нашелъ увеличившееся поселеніе его до 66 душъ, въ благоденствіи; Адамсу было уже 60 лѣтъ, но онъ былъ свѣжъ, бодръ, и подъ его присмотромъ, заботой и ученіемъ вся семья его жила въ добрѣ и въ покоѣ.

Островъ Питкернъ всего пяти миль въ окружности, вся земля раздѣлена была на полосы и участки и отецъ Адамсъ не прежде дозволялъ женитьбу, какъ когда молодые люди, готовившіеся къ тому, обработывали такой участокъ сада и огорода, который могъ прокормить семью. Ссоръ не бывало болѣе никогда и никакихъ; всѣ были правдивы, добродушны, богобоязливы. Много разведено ими кокосовъ, банановъ, хлѣбныхъ деревъ, а также свиней и козъ, которыя по счастью были на сожженномъ ими суднѣ. Рыбы много; ключевая вода хороша, но ея было маловато.

Старикъ Адамсъ былъ прощенъ англійскимъ правительствомъ и скончался спокойно въ 1829 году. Жителямъ островка становилось тѣсно, особенно смущалъ ихъ недостатокъ прѣсной воды. Правительство предложило имъ переселить нѣкоторыхъ на другіе острова; но питкерицы не могли другъ съ другомъ разстаться, почитая себя одною семьей; по этому ихъ перевезли всѣхъ на просторный островъ Таити. Здѣсь, однакоже, нехорошее поведеніе мѣстныхъ жителей до того опечалило бѣдныхъ переселенцевъ, что многіе изъ нихъ рѣшились воротиться въ свое одиночество, на тѣсный, но спокойный островокъ. Они прибыли благополучно и живутъ тамъ съ миромъ до нынѣ.

Петербургская верфь

Послѣ заложенія крѣпости въ С. Петербургѣ, при самомъ основаніи столицы этой, въ Троицынъ день 1703 года, первымъ дѣломъ Петра Великаго было заложеніе верфи корабельной и адмиралтейства. 1714 года въ сентябрѣ, царь спустилъ со стапеля корабль, *Шлиссельбургъ*, заложенный по его чертежу и собственными его руками. Царь при спускѣ этомъ распоряжался лично, какъ корабельный мастеръ, и когда корабль сошелъ прекрасно, въ общей радости сказалъ всѣмъ бывшимъ тутъ такое слово:

«Товарищи! Есть ли кто изъ васъ такой, кому бы за 20 лѣтъ предъ симъ пришло на мысль, что онъ будетъ со мною на Балтійскомъ морѣ побѣждать непріятеля на корабляхъ, построенныхъ нашими руками! А думалъ ли кто, что мы переселимся въ эти мѣста, усвоенныя потомъ нашимъ и кровью?»

«Думалъ ли кто видѣть здѣсь такихъ побѣдоносныхъ матросовъ и солдатъ, русской крови, и городъ

этотъ,—новую столицу, населенную нами и большимъ числомъ чужестранцевъ—мастеровыхъ, торговыхъ и ученыхъ,—прибывшихъ къ намъ, какъ на общій пиръ, для сожитія съ нами? А чаялъ ли кто, что мы увидимъ себя въ такомъ почтеніи у всѣхъ прочихъ владѣтелей?»

Въ древности науки и просвѣщеніе были дома въ Греціи, оттуда черезъ Италію разлились по всему западу—а мы остались въ прежнихъ потемкахъ, наравнѣ съ азіатцами. Пришелъ и нашъ чередъ: вы видите всѣ на дѣлѣ, что если захотите прямо, честно и старательно помогать мнѣ, трудиться съ послушаніемъ, то мы скоро никому ни въ чемъ не уступимъ.»

«Наука, знаніе, искусства, просвѣщеніе — обращаются по всему человѣчеству, какъ кровь въ тѣлѣ нашемъ; какъ она протекаетъ, по всѣмъ членамъ, согрѣвая и оживляя каждый, такъ и науки даютъ человѣку и всей общинѣ жизнь и разумъ; предвижу, любезные товарищи мои, что придетъ время, когда мы сравняемся съ самыми просвѣщенными народами, сравняемся и, если Богу угодно, превзойдемъ ихъ успѣхами въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величіемъ громкой и заслуженной славы.»

Всѣ бывшіе при этомъ, слушая рѣчь царя и не проронивъ ни словечка, воскликнули: «Ей, самая истина это, и рады мы стараться за тобою, указывай и веди насъ, великій государь, по пути свѣта!»

Тендеръ Струя

Тяжело бываетъ для судовъ нашихъ крейсерство у восточныхъ (абхазскихъ) береговъ Чернаго моря; тутъ мѣсто открытое, во все море, до самаго Цареградскаго пролива и до береговъ дунайскихъ; тутъ берега приглубые, крутые, грунтъ ненадежный, защиты ни-

гдѣ и никакой. А каково же здѣсь въ позднюю осень, или зимой?

Въ мѣстахъ этихъ, около укрѣпленія нашего Новороссійска, по часту случаются такія штормы, изъ норд-остовой четверти, что ихъ въ другихъ мѣстахъ и не знаютъ, а здѣсь дали имъ особое названіе: *бора*. Говорятъ, что отъ боры этой и на берегу ни одинъ человѣкъ на ногахъ своихъ устоять не можетъ; каково же терпѣть бору въ морѣ, у опасныхъ береговъ, да еще при жестокомъ морозѣ!

Обыкновенно передъ борой на горномъ хребтѣ, который тянется вдоль бухты, показываются клочья облаковъ, кои вскорѣ отрываются и разносятся, на ихъ мѣсто изъ за-горъ показываются новые; а между тѣмъ налетаютъ шквалы, покачиваясь туда и сюда румба на четыре. Затѣмъ налегаетъ на заливъ и сама бора, вздуваетъ воду, срываетъ полосами верхушки валовъ, крушитъ и ломаетъ все.

Въ исходѣ ноября 1847 года стояли въ бухтѣ новороссійскій фрегатъ *Мидія*, бригъ *Аргонавтъ*, тендеръ *Струя* и транспортъ *Березань*, когда налегла на малую эскадру эта бора. Для стоянки здѣшней положены мертвые якоря пудовъ по 300, и притомъ попарно, съ грунтовыми цѣпями: но фрегатъ потащило съ этими якорями (съ бриделемъ). Брошенный на помощь судовый якорь удержалъ фрегатъ, саженяхъ въ 50 отъ мели. На тендерѣ Струя лопнула своя (судовая) цѣпь отъ бриделя и тендеръ едва не погибъ. Съ бригомъ Аргонавтъ случилось еще хуже: носовая часть его, обдаваемая брызгами при сильномъ морозѣ, до 13 градусовъ, стала обмерзать и отъ наслойки льда, сплошь отъ гальюна до русленей и подъ ними, начала грузнуть въ воду. Отъ этого и вода, попавшаяся всплесками на палубу, также вся скатывалась къ баку и замерзала. Вся палуба, рангоутъ, снасти, шлюпки на ба-

концахъ, все покрылось слоями льда, который замерзалъ толще и толще, а носъ все болѣе погружался. На бѣду, отвалившейся льдиной выбило еще погонный полупортъ и, покуда успѣли задѣлать его, много воды налилось въ палубу и она также замерзла подъ бакомъ.

Для облегченія носовой части брига бросили два якоря, перетащили носовыя каронады на корму, но этого было мало: ледъ замерзалъ горой и погружалъ носъ. Команду раздѣлили на три смѣны и она обрубила ледъ—но люди не могли вынести рѣзкаго шторма, при сильномъ морозѣ; одежда на нихъ вся леденѣла въ четверть часа, руки и ноги костенѣли, брызги разъ въ разъ обдавали и снасти и судно и людей, да тутъ же примерзали. Эта тяжкая работа длилась 16 часовъ сряду и командиръ брига, капитанъ 2 ранга Рюминъ, не можетъ нахвалиться терпѣніемъ и спокойствію команды, говоря, что еслибы матросы хоть немного исплошились въ работѣ, то бригъ погибъ бы. Наконецъ бора затихла и бѣдный Аргонавтъ поправился.

Но все это только присказка, а быль впереди. Это цвѣточки, а вотъ и ягодки.

12-го января 1848 года на этомъ же рейдѣ стояли на бриделяхъ: фрегатъ *Мидія*, капитанъ 1 ранга Кастофъ; корветъ *Пиладъ*, капитанъ 2 ранга Юрковскій; бригъ *Пиламедъ*, к. л. Вердеманъ; шкуна *Смѣлая*, лейтенантъ Колчинъ, и тендеръ *Струя*, лейтенантъ Леоновъ; да стояли на своихъ якоряхъ: пароходъ *Боецъ*, капитанъ 2 ранга Рыкачевъ, и транспортъ *Гостогай*, лейтенантъ Щеголевъ. Съ утра погода и вѣтеръ были непостоянны, въ полдень стали показываться смерчи, погода стала стращать борой отъ NO, и потому реи и стеньги на всей эскадрѣ были спущены. Набѣгали жестокіе шквалы, а часа полтора за полдень на корветъ набѣжалъ смерчъ, которымъ положило его набокъ и сорвало съ двухъ цѣпей. Корветъ насилу удер-

жался на двухъ якоряхъ своихъ—а между тѣмъ бригъ Паламедъ, въ полуторѣ кабельтовыхъ, штилевалъ; якорныя цѣпи его обвисли! Вскорѣ заревѣла бора и къ ночи морозъ усилился до 16 градусовъ.

Свидѣтели говорятъ, что этого страха и ужаса нельзя ни вздумать, ни описать. Такого урагана никто и никогда въ жизнь свою не видалъ; при этомъ трескучій морозъ, ревъ моря и урагана, что въ двухъ шагахъ не слышно команды, ни голоса человѣческаго; ледяныя брызги несутся и кружатся по воздуху, какъ носятся снѣжинки въ метель — но ледъ этотъ рѣжетъ лицо и руки, а отъ густоты ледяныхъ капель меркнетъ свѣтъ; каждая волна, вскатываясь, стынетъ на взлетѣ и замерзаетъ на корпусѣ судна, на палубѣ и куда попадетъ — и назадъ въ море откатывается мало воды, вся остается ледянымъ слоемъ на суднѣ.

Отстаиваясь на рейдѣ, всѣ суда эти обмерзли кругомъ и сплошь наслойными льдинами; снутри также все замерзло, куда только вода попала; сбиваемыя бурей со снастей льдины падали и били людей, которые сами чуть не примерзли тамъ, гдѣ стояли и работали Командиры и офицеры только дивились матросамъ нашимъ, которые не поддавались ни урагану, ни смерчу, ни морозу, а работали безъ ропота и безъ устали, сколько въ комъ было силъ. Ни страху, ни безтолочи и безпорядку, ни жалобъ и плачу, всѣ молча дѣлали свое дѣло, крестясь по временамъ и полагая надежду на Бога и начальство.

Ночью лопнула цѣпь подъ бригомъ Паламедъ; брошены два якоря, потомъ и третій; бригъ удержался на 26 футахъ. Но волненіемъ и льдинами выбило погонный портъ; всѣ офицеры кинулись къ этому бѣдствію, три раза заколачивали портъ досками, и доски опять напоромъ волнъ выбивало и отбрасывало работниковъ; вода заливала палубу и мерзла подъ бакомъ,

нось все болѣе тонуть. Бригъ не сталъ уже подыматься на волны, которыя начали перекатываться черезъ него, и рабочіе поневолѣ вовсе отступились отъ обрубки льда.

Бригъ опять стало дрейфовать и въ 5 часовъ утра онъ ударился кормою такъ, что руль выбило. Трюмъ, а затѣмъ и кубрикъ налился водой; бригъ повоpотило тѣмъ бортомъ къ берегу, повалило, сначала бить всѣмъ лагомъ обо-дно, и выбило гротъ-мачту. Къ счастію еще, что его повалило налубой подъ вѣтеръ — иначе не было бы угла, гдѣ бы можно было укрыться отъ волнъ.

Къ разсвѣту бригъ прибило къ самому берегу, пятеро удалыхъ матросовъ вызвались передать на берегъ конецъ: они сѣли въ шестерку, которую сорвало съ боканцевъ; имъ и всего-то надо было прогрести до берегу съ полкабельтова—но волной захлеснуло и опрокинуло шлюпку и всѣ пятеро погибли. Не прежде какъ около полудня, когда бора временно нѣсколько стихла, удалось, при помощи жителей, свести команду на берегъ. Командиръ, офицеры и много нижнихъ чиновъ приняты были въ госпиталь, съ ознобами.

Та же судьба постигла транспортъ Гостогай. Онъ стоялъ на своихъ якоряхъ, потому что всѣ бридели были заняты, и съ вечера бросилъ третій якорь, а потомъ еще два верпа гускомъ; но его потащило со всѣхъ якорей и въ 4 часа утра ударило объ мель и вышибло руль. Отъ бою сдѣлалась течь и вода поднялась на 9 футъ. Снутри и снаружи все судно обросло аршинною корою льда.

Всю команду и бывшихъ для перевозу 30 солдатъ услали на низъ, закрыли люки и старались согрѣться. Командиръ судна говорилъ, что хотя люди почти замерзли на верху, покуда шла работа, и всѣ окоче-

нѣли, такъ что едва ходили, но что онъ ни отъ кого не слышалъ жалобы и ни одинъ человѣкъ до приказанія не ушелъ на низъ.

Съ разсвѣтомъ увидѣли, что транспортъ принесло очень близко къ берегу; несмотря на это съ большимъ трудомъ перевезли команду, чуть живую, и многіе познобили руки и ноги.

Пароходъ Боецъ пришелъ только наканунѣ этого бѣдоваго дня, за угломъ; онъ также долженъ былъ отстаиваться на своихъ якоряхъ. Въ полночь держался онъ на двухъ якоряхъ, вытравивъ у одного 40, а у другого 90 саженъ цѣпи; затѣмъ, въ помощь якорямъ, развели пары и пустили машину полнымъ ходомъ. Несмотря на это не могъ онъ ничего сдѣлать противу порывистаго урагана, который все болѣе свирѣпѣлъ; въ 2 часа лопнула одна якорная цѣпь, а въ 4 часа пароходъ потащило съ якоремъ и съ парами; въ 6½ часовъ положило его лѣвымъ бокомъ къ берегу, саженяхъ въ 20. Пароходъ затопили, чтобы его не било о дно морское, а затѣмъ, передавъ кабельтовъ на берегъ, спасли всю команду.

Съ разсвѣтомъ 13-го бора усилилась до нельзя: мгла отъ пасмурной погоды и отъ носимыхъ по воздуху ледяныхъ брызговъ была такая, что вмѣсто свѣту стояла тьма. Только порою, когда съ ураганомъ набѣгала свѣтлая полоса, съ флегманскаго фрегата видно было, что на рейдѣ устояли: тендеръ Струя, на бриделѣ, на своемъ мѣстѣ, хотя за мрачностію видѣнъ былъ одинъ только рангоутъ его; корветъ Пиладъ, не сорванный съ бриделя, держался на вольной водѣ, на своихъ якоряхъ; прочихъ никого не было видно.

Къ ночи казалось съ фрегата, будто на тендерѣ сдѣланы были сигнальныя вспышки и будто стрѣляли изъ пушекъ; но вѣрнаго ничего нельзя было видѣть,

ни слышать, хотя онъ стоялъ только въ четырехъ кабельтовыхъ отъ фрегата!

13-го пополудни потащило съ трехъ якорей корветъ Пиладъ. Онъ бросилъ еще два запасные якоря; но въ 8 часовъ вечера и онъ не миновалъ участи своей, ударившись кормою объ мель. Сняли руль съ петель, чтобъ его не вышибло; корветъ било обо дно, вода стала прибывать, и дошла до двухъ футъ, но команда, кинувшись дружно къ помпамъ, выкачала ее. Къ 9-ти часамъ утра (14-го января) корветъ сталъ на мели всѣмъ килемъ, врѣзавшись кормою на 7, а носомъ на 3 фута въ грунтъ. Только 15-го числа, при помощи жителей, команда свезена была на берегъ; 7 офицеровъ и 42 нижнихъ чина отправлены въ госпиталь съ ознобами. Капитанъ Юрковскій хвалилъ и благодарилъ команду, за послушаніе, терпѣніе и стойкость ея.

Шкуна Смѣлая стояла на своемъ мѣстѣ, на бриделѣ, и хотя бѣдствовала отчаянно, однакоже съ помощію Божію, при распорядительности командира, лейтенанта Колчина, заботливости офицеровъ, и непомѣрныхъ усиліяхъ вѣрной команды, спаслась. Двои сутки сряду всѣ были въ авральной работѣ, всѣ вооружились топорами, тесаками, абордажнымъ ручнымъ орудіемъ всякаго рода и неотступно обивали ледъ, которымъ бѣдное судно обростало кругомъ будто навожденіемъ какимъ, и все погружалось глубже въ бездну. Для облегченія бросили оба якоря, хотѣли сбросить даже оружія — но они обмерзли горою льда и не было возможности ихъ высвободить. Рано утромъ 14-го числа командиръ увидѣлъ, что всего этого мало, что шкуна грузнетъ и должна затонуть. Но живой живое гадаетъ; не будь плохъ, не покинетъ и Богъ: сбросили въ море брифокъ-рей, отрубили утлегерь; шкуна вынурнула! Вся команда и всѣ офицеры

бросились опять обрубать ледъ вокругъ, сваливая глыбы его въ морс, и шкуна уцѣлѣла! Не будь у меня такихъ отличныхъ матросовъ, такой покорной и и вѣрной команды — доносилъ послѣ командиръ — мы бы и всѣ неминуемо погибли.

Осталась за нами быль о тендерѣ Струя: быль горестная, печальная, которую больно разсказывать. 14-го января, когда ободняло, увидѣли съ фрегата, что надъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ бѣдный тендеръ, торчитъ только топъ мачты его съ салингомъ: это былъ крестъ надъ могилою 52 человѣкъ, заживо погребенныхъ. Командиръ, лейтенантъ Леоновъ, мичманы Обезьяновъ и Ковалевскій, штурманъ Скосыревъ, 4 унтера, 37 рядовыхъ и 7 нестроевыхъ — всѣхъ смерть сравняла, чрезъ всѣхъ перекатывалась та же волна, покачивая общій гробъ ихъ, съ наклоненнымъ на бокъ крестомъ.

Флагманскій фрегатъ отстоялся благополучно. И такъ, изъ семи судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, одно затонуло отъ намерзшаго льда, четыре выкинуло на берегъ, а два только выстояли на якоряхъ. Впослѣдствіи всѣ сняты съ мели, кромѣ брига Паламедъ, который разбило о каменья.

Тендеръ Струя, который, по растаяніи льда, потонулъ вовсе и сѣлъ на дно на глубинѣ 38 футовъ — тендеръ былъ поднятъ уже въ августѣ. Трупъ командира узнали по карманнымъ часамъ его, которые остановились на $10^1/_2$ часахъ. Вѣроятно не за долго до этого времени — утра или вечера? — тендеръ затонулъ. И тендеръ какъ и прочія снятыя съ мели суда отправлены были для починки въ Севастополь.

Китъ

А правда ли, что китъ-рыба плескомъ своимъ топитъ судно? Правда, потому что это дѣло бывалое —

но случается очень рѣдко: было этому, за память человѣческую, всего едвали съ пятокъ примѣровъ.

Китъ не рыба, потому что дышитъ не жабрами — которыхъ у него нѣтъ, а дышитъ и пускаетъ паръ верхними ноздрями или *дыхалами;* эти два дыхала, кругловатыя дыры, у него на лбу. Китъ не рыба, и потому, что рожаетъ дѣтенышей и кормитъ ихъ молокомъ. Вѣдь и моржъ и тюлень въ водѣ живутъ, да не рыбой же ихъ звать за это.

Китъ бываетъ длиной саженъ двадцати и побольше. Его бьютъ китоловы, для китоваго уса, который у него вмѣсто зубовъ и десенъ, да еще болѣе для ворвани. А бьютъ его съ лодки, либо прямо съ судна, острогой броскомъ, въ кидку; острога эта на длинной бичевкѣ, которая крѣпится за банку шлюпки; раненый китъ, нырнувъ таскаетъ за собою шлюпку, а какъ придетъ ему время перевести духъ, то опять выплываетъ на верхъ; тогда стерегутъ его и, подъѣхавъ на гребдѣ, опять всаживаютъ другую острогу. Измучивъ его такимъ образомъ, ждутъ, чтобы онъ изошелъ кровью, а потомъ тутъ же въ морѣ лазятъ и пластаютъ и жиръ укладываютъ въ бочки.

Что китъ, нырнувъ, опрокидываетъ шлюпку, или даже взмахомъ плеска вскидываетъ ее кверху, это также изрѣдка случалось; а хотя ежегодно изъ разныхъ государствъ выходитъ не одна сотня китобойныхъ судовъ, но чтобы китъ разбивалъ парусное судно, этому, какъ мы сказали, примѣровъ немного.

Лѣтъ тому 30 англійскій китобой Эссексъ увидалъ большого кита, который нырнулъ и, показавшись опять близъ судна, пустился на него стрѣлой: онъ ударилъ головой въ носъ судна, такъ что сбилъ съ ногъ весь экипажъ, и проползъ подъ килемъ, отчего судно дрожало во всѣхъ составахъ. Китъ показался съ другой стороны, опять нырнулъ и исчезъ. Но

сильная течь показалась; бросились къ насосамъ; чудовище снова появилось, взбивая вкругъ себя волну и и пѣну и щелкая огромною пастью; не успѣли опомниться на Эссексѣ, какъ китъ вторично ударился головою объ носъ судна, которое и начало тотчасъ же тонуть. Экипажъ едва только успѣлъ броситься въ гребныя суда, изъ коихъ одно только спаслось отъ гибели, встрѣтивъ, послѣ страшныхъ бѣдствій и голода, купецкое судно; остальныя шлюпки пропали безъ вѣсти.

Въ 1848 году перувіантскій купецкій бригъ, находясь въ Тихомъ океанѣ почти подъ экваторомъ, дрогнулъ такъ, будто набѣжалъ на мель; капитанъ Сливоло и команда переполошились, но вскорѣ увидѣли, что они на глубинѣ бездонной и что толчкомъ этимъ угостилъ ихъ поплывшій въ сторону китъ. Онъ играя пускалъ двойнымъ фонтаномъ пѣну изъ дыхалъ, будто ни въ чемъ не провинился. Но шутка эта обошлась дорого капитану Сливоло и командѣ: бригъ былъ проломленъ и. течи ничѣмъ нельзя было удержать. Пробившись безъ малаго сутки, экипажъ покинулъ затопляющее судно и спасся на гребныхъ судахъ. Цѣлую недѣлю они бѣдствовали въ открытомъ морѣ, но наконецъ всѣ въ цѣлости прибыли въ портъ. Можетъ статься, впрочемъ, въ этомъ случаѣ китъ и не думалъ обижать плавателей, а сами они на грѣхъ наткнулись, можетъ-статься онъ дремалъ, а бригъ прозѣвалъ его и самъ на него натолкнулся.

Китобойный бригъ Александра, въ августѣ 1851 года встрѣтилъ большого кита, въ Тихомъ океанѣ, также невдалекѣ отъ экватора, и выслалъ противъ него лодки свои, съ народомъ и снарядами. Первая шлюпка подошла къ нему: забойщикъ, стоя на носу шлюпки, пустилъ броскомъ острогу; китъ, не говоря худого слова, оборотился къ своему непріятелю, ра-

зинулъ трехсаженную пасть и, захвативъ ею всю носовую часть шлюпки, раздавилъ какъ орѣшекъ. Ловцы бросились въ море и были подобраны тотчасъ другою лодкою. Подумавъ, они рѣшились подойти къ чудищу въ другой разъ: много били они на вѣку своемъ китовъ, но никогда съ ними не случалось того, что нынѣ. Подошли, пустили острогу—и сердитый звѣрь приговорилъ ихъ къ такому же наказанію, какъ первыхъ: и эту лодку онъ также раздавилъ, а люди насилу спаслись въ третью. Между тѣмъ бригъ Александра подошелъ, капитанъ, не разсудивъ болѣе отдавать киту шлюпки свои на закуску, но не желая также упустить хорошей добычи, придержался поближе къ киту и приказалъ пустить въ него острогу прямо съ брига. Дважды китъ прошелъ мимо брига, но не довольно близко, а притомъ капитанъ хотѣлъ повыждать, чтобы дать раненому звѣрю уходиться; въ третій разъ онъ подвернулся довольно ловко; острога пущена и глубоко вошла въ толщу жирнаго тѣла. Но звѣрь въ ту же минуту оборотился, нырнулъ — и бригъ дрогнулъ всѣмъ составомъ, будто набѣжалъ на камень. Вода съ шумомъ полилася въ трюмъ, въ большой подводный проломъ. Нельзя было и подумать о задѣлкѣ; девять человѣкъ и десятый капитанъ, составлявшіе весь экипажъ брига, едва успѣли кинуться въ послѣднюю шлюпку свою, не взявъ даже ни сухарей, ни воды. Бригъ пошелъ ко дну. На счастье бѣдняковъ, китъ смиловался надъ ними и оставилъ ихъ въ покоѣ; еслибы онъ перекусилъ и эту, послѣднюю лодку, тогда какъ уже весь бригъ пошелъ ко дну и на всемъ видимомъ протяженіи моря не было видно ни былинки, то конечно ловцы наши погибли бы поголовно. Они носились трои сутки по океану, когда наконецъ встрѣтили американское судно, которое приняло и отвезло ихъ въ ближайшій портъ.

Китъ самое огромное животное на морѣ и на сушѣ. При длинѣ его въ 18 и 20 саженъ, онъ въ обхватъ будетъ болѣе десяти саженъ, а вѣсомъ супротивъ двухъ сотъ быковъ. Онъ рожаетъ по одному, много по два китенка; сосцы у него спереди, на груди, и онъ поворачивается бокомъ, когда ими кормитъ. Кожа на немъ почти черная, гладкая, безъ шерсти и безъ чешуи. Головища занимаетъ чуть не треть всего туловища; въ открытую пасть его могла бы войти на веслахъ любая шестерка, съ народомъ. Супротивъ груди у него гребки или ласты, по одному на сторонѣ, длиною въ сажень или болѣе: плескъ раздвоенный, на двѣ половины, лежитъ не на ребро, какъ у рыбы, а плашмя; каждая половина его растянулась сажени на полторы. Глаза у него небольшіе, мало чѣмъ больше коровьихъ; вмѣсто ноздрей дыхала, на лбу или на темени; поэтому китъ, задремавъ на водѣ и опустивъ рыло въ воду, дышетъ свободно. Какъ у насъ зимой отъ духу валитъ паръ, такъ и китъ почти безпрестанно въ оба дыхала пускаетъ двумя снопами воду, паръ и пѣну; поэтому китъ и примѣтенъ издалека. Пасть у него съ избу, а глотка и вся съ кишку пожарной трубы! Глядя на это, поневолѣ скажешь: охота смертная, да участь горькая. Чудищу этому ничего не проглотить, кромѣ молявки да разныхъ морскихъ червячковъ и слизняковъ. Зубовъ нѣтъ у него; а вмѣсто того поставлены частоколомъ мохнатыя пластинки, называемыя *усомъ*. Вотъ богатырь напъ захватитъ пастью, что Богъ пошлетъ, процѣдитъ воду сквозь мохнатый частоколъ, а что завязнетъ подъ заборомъ, то ему и пожива. Голосу у него нѣтъ, онъ нѣмъ, какъ рыба, но грозно шумитъ, выгоняя пѣну въ дыхала.

Когда китоловъ увидитъ съ марсу кита, то подходитъ къ нему и, спустивъ двѣ, три шлюпки, съ греб-

цами и забойщиками, отправляетъ ихъ на звѣря. Очередная шлюпка подходитъ первая и забойщикъ, стоя на носу, пускаетъ въ кита острогу шагахъ въ восьми, не далѣе, чтобы она глубже впилась въ мясо. Острога эта привязана къ линю, который сложенъ въ шлюпкѣ чистой бухтой, чтобы могъ высучиваться свободно. Шлюпка держится въ это время съ большою осторожностію на веслахъ, съ боку и та, чтобы не попасть ему подъ плескъ, въ ту минуту, какъ забойщикъ пуститъ изъ рукъ острогу, ударивъ во всѣ весла, отгребаетъ прочь. Раненый звѣрь ныряетъ и быстро идетъ на побѣгъ: на всѣхъ шлюпкахъ и на суднѣ подымается страшный крикъ ура! На забойной лодкѣ одинъ смотритъ за чистотой бухты, изъ которой китъ сучитъ линь, такъ что бортъ дымится, а гребцы гребутъ во всѣ весла вслѣдъ за бѣглецомъ. Иногда выпускаютъ 200, или 300 саженъ линя; бѣда, коли онъ ляжетъ на бортъ, съ боку шлюпки: тогда ее опрокидываетъ. Раненый китъ бѣжитъ подъ водою со скоростію 8-ми или 9-ти узловъ. Бѣда также, коли въ бухту лопаря попадетъ человѣкъ: англійскій китобой Скоресби, побѣдившій на вѣку своемъ 332 кита, разсказываетъ два случая: одному забойщику оторвало руку, другого вовсе высучило за бортъ и хотя линь тотчасъ обрубили, но никто болѣе бѣдняка этого не видалъ.

Пробитый острогою китъ, нырнувъ, остается отъ четверти до получаса на глубинѣ: далѣе ему терпѣть нельзя, и онъ всплываетъ, чтобы перевести духъ. Тутъ-то его стерегутъ со всѣхъ шлюпокъ, ударивъ въ весла, подходятъ вплоть и со всѣхъ сторонъ вса-живаютъ броскомъ по вольной острогѣ, безъ лопаря. Звѣрь ныряетъ въ другой разъ, но ослабѣвъ, выходитъ уже скорѣе и пускаетъ дыхалами, вмѣстѣ съ пѣною, кровь. Съ крикомъ ура! лодки опять подходятъ и принимаютъ чудовище на копья или рогатины;

дыхалами подымается снопомъ почти одна кровь, которою заливается и окрашивается море по всей окружности; издыхая, богатырь хлещетъ плескомъ своимъ по водѣ, взбивая волны — и оборачивается бокомъ; громкое ура ловцовъ провожаетъ послѣдній вздохъ его.

Вся охота эта за китомъ иногда оканчивается въ часъ, два или три, а иногда и въ сутки не справятся съ нимъ; а бываетъ и то, что онъ вовсе уходитъ, съ острогами, и уноситъ сажень двѣсти линя.

Убитаго кита буксируютъ къ судну, придерживаютъ и поворачиваютъ, какъ нужно, талями и оттяжками, а рабочіе ходятъ по немъ въ сапогахъ съ желѣзными шипами, какъ у насъ по льду на базлукахъ. Съ одного звѣря набираютъ сала, на ворванъ бочекъ 30, мясо его не годится, но его ѣдятъ гренландцы, чукчи и колоши. Для полнаго груза ворвани на порядочное судно, требуется до десяти китовъ, но такой богатый уловъ рѣдко кому достается на долю.

Говорятъ, что дикари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ на кита въ одиночку и справляются съ нимъ такимъ образомъ: когда китъ подплываетъ близко къ берегу, то дикарь кидается за нимъ вплавь, припасая два деревянные кола и долбню или колотушку. Онъ подплываетъ къ киту, осторожно взбирается на него и подошедши къ головѣ, вдругъ затыкаетъ коломъ и заколачиваетъ одно дыхало. Китъ тотчасъ ныряетъ, но вскорѣ выходитъ опять на верхъ: дикарь поджидаетъ его, въ лодкѣ или вплавь, опять взбирается на него и заколачиваетъ ему послѣднее дыхало: черезъ полчаса съ небольшимъ китъ задыхается и его буксируютъ къ берегу,

Смѣлымъ Богъ владѣетъ

Въ турецкую войну 1828 года катеръ Соколъ — лейтенантъ Вукотичъ—былъ посланъ отъ флота, стоявъ-

шаго подъ Анапой, въ Суджукъ, нѣсколько южнѣе Анапы, по тому же берегу, для отрѣзанія сообщенія со стороны Требизонда. 9-го мая на разсвѣтѣ Соколъ увидѣлъ большое двухмачтовое турецкое судно, у самаго входа въ бухту, въ которую спрятался, подстерегая непріятеля. Катеръ тотчасъ вышелъ къ нему на встрѣчу, подошелъ на пистолетный выстрѣлъ и далъ залпъ со всего борта; турки опустили паруса. Лейтенантъ Вукотичъ спустилъ четверку, на которой отправился самъ съ шестью вооруженными матросами на судно; но каково же онъ удивился, когда нашелъ тамъ 300 турецкихъ солдатъ, въ полномъ вооруженіи, подъ командою тысячника (кимъ-баши) и двухъ старшинъ (ага)! На катерѣ Соколѣ было всего 25 человѣкъ и 10 пушченокъ!

Обезоруживъ плѣнниковъ своихъ, Вукотичъ взялъ судно на буксиръ и привелъ его къ флоту. За это былъ ему пожалованъ орденъ Св. Георгія 4 ст.

Нахлобучка

Давно уже въ 1785 году случилось на Каспійскомъ морѣ дивное дѣло: есть тамъ портъ Зензели, въ который входятъ суда выгрузившись вовсе, потому что на барѣ или перекатѣ всего не болѣе 5 футовъ воды. Рейдъ открытъ кругомъ, кромѣ запада, и потому входъ въ него съ разгрузкой всегда очень опасенъ.

Нашъ купеческій галіотъ, приготовясь итти въ гавань, выгрузился, но его при этомъ захватилъ врасплохъ шквалъ съ моря и опрокинулъ, перевернувъ вверхъ дномъ. Музуры (матросы), сидѣвшіе внизу, полетѣли вверхъ-тормашки, но опамятовшись увидѣли, что пустой галіотъ, въ которомъ сперло воздухъ въ трюмѣ, не идетъ ко дну, а плаваетъ визъ палубой, ровно надутый мѣхъ.

На другой день вѣтеръ стихъ, подъѣхали съ берега лодки и, услышавъ голоса въ судиѣ, прорубили дно галіота и приняли оттуда, какъ изъ подполья, заключенныхъ.

Но недавно, въ 1847 году, случилось такое же происшествіе, только еще замѣчательнѣе нашего.

Шведская купецкая шкуна Флора, со шкиперомъ Лефгреномъ и помощникомъ его съ шестью матросами, нагрузила въ Швеціи строевого лѣсу и пошла въ Испанію. Утромъ 16-го ноября невдалекѣ отъ порта Барселоны, набѣжалъ на нее такой жестокій шквалъ, что опрокинулъ ее вдругъ вверхъ килемъ. Три матроса упали за бортъ и были унесены, другіе три, а также шкиперъ съ помощникомъ, были это время внизу; а какъ весь грузъ лѣса упалъ со дна трюма на исподъ палубы, то они успѣли пролѣзть черезъ люкъ въ трюмъ. Судно не тонуло, потому именно, что нагружено было лѣсомъ, и что въ трюмѣ сперся воздухъ.

Тамъ сидѣли несчастные нѣсколько дней, впотьмахъ, съ трудомъ только отличая день отъ ночи, по слабому свѣту, который доходилъ черезъ глубину моря до открытаго люка, въ затонувшей палубѣ. Они нашли нѣсколько сельдей и небольшой боченокъ рому; бѣдствующіе согласились расходовать каждый день по кусочку селедки на человѣка и по 20 капель рому, который примѣшивали для питья къ морской водѣ. Ни сухарика, ни другихъ харчей, кромѣ селедки—и ни капли прѣсной воды!

Прошли трои сутки: плѣнники измаялись, жажда доводила ихъ до отчаянія; одинъ матросъ опился морской воды и къ вечеру померъ. На пятые сутки остальнымъ стало душно и заболѣла голова; въ тѣснотѣ этой они уже такъ надышали воздухъ, что онъ испортился. Харчъ вышелъ весь; одинъ матросъ ѣлъ смолу, изъ пазовъ, другимъ она показалась противною.

На шестые сутки не стало у нихъ терпѣнія: несмотря на опасность затопить судно, они карманными ножами продолбили въ днѣ судна дыру и выставили оттуда флагъ: бѣлый платокъ на разогнутомъ и выпрямленномъ обручѣ.

Рыбаки съ острова Майорки, который лежитъ на срединѣ Средиземнаго моря, увидѣли этотъ флагъ Вотъ куда отнесло отъ испанскихъ береговъ перевернутое судно! Рыбаки подошли на лодкахъ и, узнавъ, что подъ нахлобучкой этой есть живые люди, воротились на островъ за топорами и, прорубивъ днище, выручили оттуда четырехъ бѣдняковъ, замореныхъ до полусмерти. Всѣ они, получивъ помощь, остались живы.

Не бывало еще такой бѣды на свѣтѣ, изъ которой бы Господь не выручалъ. Вѣруй, надѣйся, а самъ не плошай. Поваля, Богъ не кормитъ, молись, а самъ къ берегу гребись.

Не гораздъ, да находчивъ

Подружившись гдѣ-то на прогулкѣ, русскій матросъ заспорилъ съ англійскимъ, кто изъ нихъ выкинетъ лучшую штуку, чтобы показать мастерство свое, проворство, умѣнье и безстрашіе въ матросскомъ дѣлѣ. Закладъ былъ не дорогой—о квартѣ вина: да дорога слава. Вызвали свидѣтелей: англичанинъ влѣзъ на гротовой флагштокъ, сталъ на клотикѣ на голову, развелъ ногами, опустивъ ихъ, обнялъ ими опять флагштокъ и спустился. И наши и англійскіе матросы закричали ему ура; молодецъ, что и говорить.

Нашъ митроха полѣзъ — а что дѣлать еще и самъ не знаетъ, выше клотика не влѣзешь, на головѣ онъ тамъ не стаивалъ, а думаетъ: нечего дѣлать, до слова крѣпись, а за-слово держись; стану и я. Надобно од

накоже полагать, что одна кварта росинта была новыми земляками до заклада: по крайней мѣрѣ, товарищи нашего закладчика замѣтили, что онъ какъ-то ланы разправлялъ по выбленкамъ, по-медвѣжьи. Англичане закричали въ голосъ, что это-де не по-матросски; но тотъ остановясь, чтобы перевести духъ, отвѣчалъ смѣло: не спрашивай начала, жди конца — и пошелъ дальше.

Смѣло долѣзъ онъ туда, откуда лѣзть дальше некуда, поднялся на клотикъ, ухватился за него руками, вскинулъ вверхъ ноги — да и перевернулся... У всѣхъ замерло сердце; но дурака да пьянаго Богъ бережетъ: штукарь нашъ сѣлъ задомъ на бомъ-брамъ-ванты, съѣхалъ по нимъ стрѣлой до бомъ-салинга, ухватился за нихъ руками, да какъ дурь-то изъ него вдругъ вышибло, то онъ, перекрестясь, живо спустился до салинга и по марса-фалу внизъ.

Никто не успѣлъ опомниться отъ испуга, какъ онъ уже стоялъ передъ англичаниномъ и сказалъ: «Что братъ, небось ты удивилъ? Нѣтъ, твоя штука не штука, а ты сдѣлай-ка по моему! Ставь кварту-то!»

Алеуты

Та часть свѣта, въ которой государства: англійское, французское, прусское, австрійское, а также половина Россіи, называютъ Европою; другая часть Россіи, Сибирь, ушла въ Азію; а гдѣ къ востоку конецъ Азіи, тамъ она моремъ отдѣлена отъ Америки. Въ сѣверной Америкѣ и у нашего царя есть доля тамъ на прибережномъ острову, на Ситхѣ, поселеніе, а частая гряда острововъ, идущая отъ этихъ мѣстъ по направленію къ Сибири, также наша: она населена алеутами.

Этотъ народъ добродушный, смирный, но и смѣлый и отважный, особенно на ловлѣ, въ морѣ. По морю

ходятъ они не на корабляхъ, не на шкунахъ, не на баркасахъ даже, а на байдаркѣ—и смѣло пускаются почти во всякую погоду.

Байдарка построена очень искусно: остовъ ея связанъ изъ тонкихъ — въ малый палецъ — жердочекъ, скрѣпленныхъ китовымъ усомъ и сивучьими жилами; эти палки собираются у нихъ по берегамъ, ихъ приноситъ море съ американскаго материка, а на островахъ нѣтъ лѣсу никакого.

Связанъ остовъ этотъ, длиною отъ полуторы до двухъ сажень, смотря потому, быть ли байдаркѣ двулючной или трехлючной, то есть для двоихъ или для троихъ сѣдоковъ, считая и гребца; одѣваютъ его лафтаками; шкурами тюленя или сивуча, которыя сшиваются жилами. Люки покидаютъ круглые, на обручахъ, а впрочемъ весь верхъ, какъ и бока, обтягиваютъ лафтакомъ. Такая байдарка легка, не боится быть залитою и всплываетъ, какъ чайка, на самую высокую волну и скатывается съ нея, опять какъ на салазкахъ.

Въ средній люкъ садится одинъ человѣкъ, въ носовой другой, завязываютъ подъ мышками сшитую изъ звѣриныхъ кишекъ обтяжку, которая идетъ трубой отъ люка и обнимаетъ станъ; одежда аулетовъ также не промокаетъ: они берутъ въ руки весло съ обоюдною лопастью, чтобы грести имъ безъ переносу, справа и слѣва — и смѣло пускаются въ море. Въ такомъ положеніи алеуты гребетъ, безъ отдыха и перемежки, 10 или 12 часовъ, дѣлая по четыре узла; а если путь не такъ дальній, то и по семи. Много ловкости и сноровки нужно для управленія байдаркой: надо всегда править въ разрѣзъ волны, чтобы она не хлеснула въ бокъ и не перевернула; также легко перевертывается байдарка, если сѣдокъ немного свѣсится изъ нея на одну сторону: тогда мудрено выбраться изъ затяжного люка. Но всегда труднѣе отва-

ливать съ открытаго берега и приставать къ нему тамъ, гдѣ и въ затишь зыбь разсыпается въ камняхъ опаснымъ буруномъ. Чтобы пристать, алеутъ выжидаетъ на веслахъ девятый валъ, то есть одинъ изъ самыхъ большихъ, и на немъ выѣзжаетъ на берегъ; затѣмъ, прежде чѣмъ подоспѣваетъ другой, надо успѣть выскочить и вытащить за собою на подхватъ байдарку. Еще больше снаровки надо, чтобы такимъ же образомъ отвалить отъ берега, столкнувъ байдарку на отходящую волну, сѣвши въ нее, обвязавъ обтяжку и принявшись грести во всѣ лопатки.

На переѣздѣ въ открытомъ морѣ, съ острова на островъ, въ бурную погоду, лафтакъ съ исподу одной байдарки лопнулъ: въ байдаркѣ этой сидѣлъ слуга нашего лѣкаря, ѣхавшаго на другой байдаркѣ, для прививанія алеутамъ оспы. Такъ какъ байдарка сверху закрыта на глухо, то она не пошла ко дну: она плаваетъ какъ надутый мѣхъ; но непривычный къ такому подтопу путникъ началъ кричать. Алеуты тотчасъ выхватили его, со смѣхомъ и, посадивъ временно верхомъ, черезъ верхъ, на свою лодку, опрокинули тутъ же худую байдару, выкачали изъ нея воду и заткнувъ дыру въ два дюйма кускомъ сырой рыбы — которая въ такомъ случаѣ всегда служитъ имъ вмѣсто пробки— опять поставили лодку на дно, сѣли и со смѣхомъ и шутками продолжали путь. Для выкачиванія воды, у алеутовъ въ каждой байдаркѣ лежитъ деревянный насосъ, или трубка съ поршнемъ.

Пословицы

Руля за бортъ не положешь.
Сколько ни тянуть, а будетъ отдать.
Тяни, тяни—да и отдай.
Самъ летитъ—самъ полундра кричитъ.

Руль не рулитъ, вода прѣсна.
Выше клотика не лазить (не влѣзешь).
Видно ты съ якоря илу не ѣдалъ (кого укачиваетъ).
Ему надо прописать боцманскихъ капель.
Не посвищешь, такъ и вѣтеръ не подуетъ.
Отпустили ему, по штату, куль да баластину.
Свистка на верхъ — снижу не слышу; свистокъ къ вину—сплю да слышу.

Пророчество

При осадѣ Азова 1696 года, когда Петръ Великій только что начиналъ расширять владѣнія свои, заводить флоты и войско, ему принесли камень, выпаханный будто бы крестьяниномъ изъ земли, на коемъ была надпись:

«Сѣверный орелъ раскинетъ крылья свои надъ морями Чернымъ и Балтійскимъ». Зная, что это была любимая мысль Петра, думали угодить ему этимъ, снискать милость и награды. Государь посмотрѣлъ на камень, а тамъ и на приносителей и сказалъ: «Камень хорошъ, и желаніе добро; а надпись ложная.»

Товарищи

25-го сентября 1828 года въ осаждаемой съ суши и съ моря турецкой крѣпости Варнѣ одинъ бастіонъ былъ до того разбитъ, что по немъ можно было пройти въ крѣпость. Но по отчаянной оборонѣ турокъ и рѣшительнымъ отказамъ сдаться, можно было предвидѣть, что занятіе крѣпости и города приступомъ стало бы намъ дорого; жалѣя людей, государь приказалъ взять приступомъ одинъ только бастіонъ этотъ, послѣ чего и крѣпость не могла бы долго устоять. Для штурма

назначены были охотники изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ и двѣ роты Измайловскаго полка.

Въ головѣ колонны дозволено было идти на приступъ, вмѣстѣ съ солдатами 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, сотнѣ матросовъ, подъ командой лейтенанта Зайцевскаго. Матросы эти вызвались охотой, а какъ они давно уже съ отличіемъ отправляли сухопутную службу въ траншеяхъ, то просьба ихъ была уважена.

Въ 5 часовъ колонна бросилась на приступъ; турки до того захвачены были врасплохъ, что не могли опомниться и бастіонъ былъ занятъ. Но безумная отвага понесла эту горсть людей дальше и занесла въ самую середину крѣпости. Дорого бѣдняки за это поплатились: оба наши офицера были тяжело ранены, да кромѣ того убито 6 матросовъ, ранено 44 и безъ вѣсти пропало 6.

Подъ вечеръ уцѣлѣвшіе храбрецы наши сидѣли въ сапахъ (въ подходныхъ рвахъ) и утѣшались тѣмъ, что дали себя знать туркамъ. Глядя на проломъ, по которому они утромъ прошли и на которомъ теперь лежало четверо убитыхъ товарищей, одинъ изъ матросовъ сказалъ: «А что братцы, коли наши покойники останутся тамъ на ночь, то турки-собаки надъ ними наругаются. Пойдемте кто-нибудь со мною, они теперь напуганы и не чаятъ насъ.»

Два матроса вышли изъ сапы, бросились въ проломъ, подняли всякій по трупу и въ глазахъ турокъ, которые теперь въ большемъ числѣ стерегли проломъ, унесли убитыхъ товарищей въ закрытый ровъ. Мало того, они выскочили въ другой разъ, и турки не успѣли опомниться, какъ два молодца наши схватили по другому трупу и, подобравъ такимъ образомъ всѣхъ четверыхъ, воротились на свое мѣсто.

Матросы въ траншеяхъ были сборной команды, съ разныхъ кораблей, поэтому, къ сожалѣнію, было

неизвѣстно, котораго они были экипажа и какъ прозывались.

Прибавимъ къ этому, что кровь храбрыхъ не даромъ канула на мусульманскую землю: приступъ, по запальчивости нашей, не удался; но испуганные имъ турки, видя что въ крѣпость черезъ проломъ войти не трудно, черезъ нѣсколько дней сдали крѣпость.

Ожогъ и озноб

Если случится рабочему человѣку сильно ожечься, да по близости нѣтъ лѣкарской помощи, то обложи ожогъ взбитою хлопчатою бумагой; если ея нѣтъ, обсыпь густо мукой—мука намокнетъ отъ огня и подсыхая слижется корой; нужды нѣтъ, этого не бойся и коры этой не сымай, а гдѣ станетъ пробивать гной, тамъ все присыпай сверху муки.

Отъ ожога же и отъ озноба нѣтъ лучше крапивнаго настою. Собери лѣтомъ крапиву, со стеблемъ, листьями, какъ есть, изомни и налей простымъ виномъ; коли отморозишь руку, ногу, ухо, то наперед всего осторожно ототри снѣгомъ, не давая ознобу вдругъ отходить на теплѣ; а когда уже разгорится озноблен-ная часть, тогда примачивай прямо настоемъ вина на крапивѣ.

Сраженіе при Гренгамѣ, 1720

Шведы были упорны: 17 лѣтъ прошло уже отъ основанія Петербурга и много побѣдъ мы надъ ними одержали, а они все еще надѣялись вырвать опять изъ рукъ Петра Балтійское море и земли. Они оставили всѣ стороннія ссоры свои, помирились, не безъ потерь, съ Англіею, Даніею, Польшею, Пруссіею; приглашали всѣхъ къ себѣ на помощь и хотя не-

много нашли помощниковъ, однако опять пошли на Россію.

Англійскій флотъ и точно въ 1720 году соединился было со шведскимъ и вошелъ въ Финскій заливъ, угрожая Петербургу; но онъ успѣлъ только сжечь одну русскую баню, на островѣ Наргинѣ, близъ Ревеля, и спѣшно отозванъ былъ къ столицѣ шведской, Стокгольму, которой уже грозили наши войска.

Петръ готовился вездѣ къ оборонѣ и къ нападенію, выжидая, что сдѣлаетъ непріятель; а узнавъ, что у Аландскихъ острововъ показались шведскія галеры, онъ приказалъ князю Голицыну, начальнику въ Финляндіи, послать на нихъ нашу гребную флотилію. Князь Голицынъ пошелъ самъ съ войскомъ на 61 галерѣ, объ одной пушкѣ каждая и 29 лодкахъ. Вышедши въ острова, онъ увидѣлъ — не гребныя суда шведскія, а линеный корабль подъ флагомъ вице-адмирала, четыре фрегата и еще девять мелкихъ судовъ.

Вѣтеръ былъ свѣжій, невыгодный для гребныхъ судовъ, и при томъ противный, но Голицынъ положилъ не отступать передъ непріятелемъ, хотя онъ былъ несравненно сильнѣе,—а выждать только, не затихнетъ ли вѣтеръ. Но шведскій адмиралъ тотчасъ самъ спустился на него, подъ всѣми парусами, считая гребную флотилію нашу вѣрной добычей. Князь Голицынъ, уклоняясь отъ неравнаго боя на открытомъ мѣстѣ, самъ пустился въ проливъ между двухъ острововъ, Френсберга и Роскіера, гдѣ много подводныхъ каменьевъ. Шведы запальчиво преслѣдовали его до острова Гренгама, надѣясь на знаніе мѣстности и своихъ лоцмановъ; но тутъ князь Голицынъ вдругъ обратился на непріятеля, такъ нечаянно, что начавъ строиться въ боевой порядокъ и приводить къ вѣтру, два шведскіе фрегата попали на мель.

Этого наши и ждали: часть галеръ отдѣлилась и,

бросившись на абордажъ, взяла оба фрегата; другія успѣли въ тѣснотѣ отрѣзать путь остальнымъ двумъ фрегатамъ и послѣ нѣсколькихъ продольныхъ выстрѣловъ по нимъ, также взяли ихъ на абордажъ; корабль ушелъ одинъ и галеры наши не могли гнаться за нимъ въ открытое море. Нашихъ убито однакоже 82 человѣка, ранено 246.

Эта побѣда одержана была въ годовщину гангутской; четыре фрегата, на коихъ взято 104 пушки и 407 плѣнныхъ, торжественно и благополучно приведены были въ Петербургъ, мимо англійскаго флота, подъ начальствомъ адмирала Нориса, который не устерегъ нашихъ, за темнотою ночи. Царь писалъ Меншикову: «Не малая побѣда, потому что одержана при очахъ господъ англичанъ, пришедшихъ оборонять отъ насъ шведовъ.»

Свалки на морѣ

Всякъ изъ насъ знаетъ, видѣлъ самъ, либо слышалъ о бѣдствіяхъ, гдѣ суда, свалившись по оплошности, погибали; но каждый изъ насъ знаетъ только два, три такихъ случая — а сколько ихъ бываетъ всего, коли сосчитать на всѣхъ моряхъ? Ихъ бываетъ много, и такъ-то много, что и сказать страшно; а такъ какъ по большей части бѣдствія эти случаются отъ того, что часовой, которому велѣно смотрѣть впередъ, дремлетъ, либо зѣваетъ, то и не худо сдѣлать здѣсь выписку о такихъ случаяхъ и, глядя на цыфры эти, казниться.

Въ пять лѣтъ съ 1845 по 1849, оглашено 3,016 свалокъ; это выходитъ слишкомъ по 600 въ годъ или безъ малаго по два на день! Изъ этого числа погибло въ морѣ, отъ свалки, круглымъ числомъ по 56 судовъ въ годъ—стало быть болѣе чѣмъ по одному судну въ недѣлю.

Шутка подумать, что день денской на морѣ суда сталкиваются, то въ туманъ, то ночью. и что изъ нихъ каждую недѣлю по одному и по два идутъ ко дну! А сколько такихъ случаевъ остаются въ безгласности! Сколько судовъ, то парусныхъ, то паровыхъ, сталкиваются и расходятся, или одно изъ нихъ идетъ ко дну и никто объ этомъ не узнаетъ!

Вотъ какъ важна должность баковаго матроса, или форъ-марсоваго, которому поручено смотрѣть впередъ! Вотъ сколько у него можетъ быть на совѣсти; сколько душъ можетъ онъ погубить, вздремнувъ или зазѣвавшись.

Колумбъ

Въ 1446 по Р. Хр. родился въ небольшомъ, но въ то время сильномъ, морскомъ и торговомъ государствѣ Христофоръ Колумбъ. Родина его называлась Генуя, въ землѣ италіянской. Онъ съ издѣтства полюбилъ море, и въ службѣ разныхъ сосѣднихъ государей, гдѣ выпадалъ ему случай, обошелъ всѣ извѣстныя въ тѣ времена земли.

А надо сказать вамъ, что въ то время знали только свою половину земного шара, полагая что въ другой половинѣ все одно море, а земель нѣтъ. Нынѣ люди раздѣляютъ весь земной шаръ на пять частей, называя ихъ частями свѣта: половина Россіи, Англіи, Франція, Германія, Швеція и другія государства составляютъ первую часть свѣта — *Европу*; наша Сибирь, Китай, Индія, Персія, мѣста, гдѣ созданы были Адамъ и Ева, гдѣ Палестина, Іерусалимъ, составляютъ другую часть—*Азію*; на западъ отъ Азіи и на югъ отъ Средиземнаго моря лежитъ третья часть, отчизна араповъ—*Африка;* эти три части связаны вмѣстѣ сушей, все одинъ материкъ, и потому были извѣстны искони;

были также давно открыты острова, ближніе и дальніе, — но четвертая часть свѣта, *Америка*, лежащая насупротивъ насъ, въ супротивной отъ насъ половинѣ земнаго шара, вовсе никому не была извѣстна и никто объ ней во снѣ не грезилъ. Пятая часть, *Океанія*, также не была еще извѣстна; она, состоя изъ множества великихъ и малыхъ острововъ, открываема была исподволь различными мореплавателями.

И такъ отчаянный морякъ Колумбъ, когда ему исполнилось 35 лѣтъ отъ роду, перебывалъ во всѣхъ тогда извѣстныхъ земляхъ и даже заходилъ не разъ въ открытое море дальше всѣхъ другихъ: ему все хотѣлось пройти далѣе, до нельзя, увидѣть, какой и гдѣ конецъ этому морю и нѣтъ ли тамъ другихъ земель. И спитъ и видитъ онъ одно: пройти незнакомое море это въ перевалъ, изъ конца въ конецъ, и узнать, нѣтъ ли тамъ, гдѣ еще никто не бывалъ, другихъ земель.

Чѣмъ болѣе сталъ онъ объ этомъ думать, тѣмъ пуще стала его одолѣвать охота итти туда, невѣдомо куда; чѣмъ болѣе разсуждалъ онъ объ этомъ и бесѣдовалъ, то самъ съ собой, то съ людьми, тѣмъ тверже сталъ онъ вѣровать тому, что въ другомъ полушаріи есть земля, и земля обширная, большая, никому неизвѣстная.

Онъ разсуждалъ такъ: вся земля, съ водами своими, въ рукахъ Создателя скаталась въ шаръ земной; гдѣ суша поднялась повыше, тамъ вода стекла, материкъ и острова обсыхали и дали пристанище человѣку и животнымъ; гдѣ суша опала ниже, туда стеклась вода, залила всѣ котловины, всѣ мѣста, которыя ниже уровня—и вышло море.

А если такъ, то можетъ ли быть вся суша на одномъ боку земнаго шара, а вся вода на другомъ? Не можетъ; нельзя ей сдвинуться всей на одинъ бокъ, на одну

сторону земного шара; тогда бы земля эта потонула, ушла вся въ воду, ее бы залило кругомъ водой, вся суша была бы морскимъ дномъ и весь шаръ земной залитъ моремъ. Суша тяжеле воды, земля съ одного бока водяного шара плавать не станетъ; либо вся она должна уйти въ воду, либо ядро земли должно быть каменное, а съ него должна подыматься суша въ обѣ половины шара, выше уровня моря.

Разсудивъ это, Колумбъ словно видѣлъ передъ собою новую часть свѣта, за далекимъ, за широкимъ моремъ, и сталъ порываться туда, на развѣдку и поискъ. Незнакомыя растенія и маленькій лѣсъ, которые иногда выкидывало море на берега крайнихъ къ западу острововъ, еще болѣе убѣждали его въ томъ, что еще далѣе на западъ, отъ Испаніи, должна быть невѣдомая земля.

Восемнадцать лѣтъ Колумбъ носился съ этою догадкой, въ которую вѣровалъ какъ въ дважды два, носился съ нею и упрашивалъ всѣхъ почти государей, снарядить корабли, повѣрить ихъ ему, Колумбу, и поручить ему открытіе новой части свѣта. Никто ему не вѣрилъ; почти никто не хотѣлъ слушать его, многіе говорили: онъ рехнулся.

На 56-мъ году жизни своей онъ, наконецъ, заставилъ умныхъ людей призадуматься надъ этимъ дѣломъ, доложить объ немъ королю испанскому, который, выслушавъ много разъ затѣйливаго и смѣлаго морехода, рѣшился дать ему три парусныхъ судна и снарядять ихъ въ далекое плаваніе.

Въ началѣ августа 1492 года Колумбъ отплылъ въ невѣдомый путь. Сначала команда его радостно и съ вѣрою ожидала будущаго; но когда суда оставили за собою Канарскіе острова и уже 21 день плыли между моремъ и небомъ—дѣло въ тѣ времена небывалое,—то всѣ начали роптать, ихъ взяло нетерпѣніе и отчаянье; онъ ведетъ насъ на явную погибель, говорили они,

надо его связать, забить въ каюту и воротиться; нашлись даже и такіе буяны, которые готовы были выкинуть своего начальника за бортъ, считая его сумасшедшимъ.

Бѣдный Колумбъ, твердо вѣруя въ свою истину, поневолѣ и самъ сталъ отчаяваться, видя какого труда ему стоило сладить съ безтолковыми, невѣрующими крикунами: безумные, говорилъ онъ, потерпите! мы, по счисленію, уже обходимъ треть земнаго шара; уже мы теперь въ другой половинѣ, и вотъ, не сегодня, такъ завтра, увидимъ землю! Видите ли морскую наплывную траву, признакъ береговъ?—Видите ли стаи птицъ, которыя всѣ летятъ отъ запада, отъ берега!—Дайте жъ мнѣ три дня сроку; если въ три сутки не откроемъ передъ собою берега — то обѣщаю отдаться на вашу волю и воротиться; а кто первый увидитъ землю — стерегите, — тому отъ меня богатая награда.

И Колумбъ не обманулся: 11-го октября ночью увидѣли передъ собою огонь: долго не вѣрили глазамъ своимъ, покуда наконецъ не раздалось съ форъ-марса: берегъ видѣнъ! И громкое ура раздалось отъ марса и до кубрика. Всѣ выскочили на верхъ; съ разсвѣтомъ бросили якорь и Колумбъ, съ испанскимъ знаменемъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, первый ступилъ ногою на новую землю.

Спутники его бросились ему въ ноги, прося прощенія за малодушіе свое и худое послушаніе; жители тѣхъ странъ, нагіе дикіе, въ перяныхъ и пестрыхъ украшеніяхъ, никогда не видавшіе бѣлыхъ людей, окружили Колумба, полагая, что онъ сошелъ къ нимъ съ неба.

Четыре раза еще навѣстилъ Колумбъ Америку, или прилегающіе къ ней острова—перенесъ много радости и печали, наградъ и обидъ, счастья и бѣдъ — и скон-

чался въ Испаніи въ 1506 году, стало быть на 70-мъ году отъ рожденія.

Съ этихъ поръ, со времени Христофора Колумба, стали смѣлѣе пускаться въ открытое море, обошли мало-по-малу всѣ острова и весь берегъ матерой Америки, и наконецъ, чтобы пускаться въ Америку двоякимъ путемъ: кто на западъ, кто на востокъ, обошедши полушаріе вокругъ, приходили къ одной и той же землѣ. Одинъ только крайній сѣверъ Америки остался доныиѣ недоступнымъ, за непроходимыми льдами.

Быль про себя

Отецъ мой былъ крестьянинъ Курской губерніи, жилъ въ свое время безбѣдно, но когда онъ умеръ и мать наша осталась одна съ дѣтьми, то хозяйство наше поразстроилось. Когда мы, сыновья, подросли—а насъ было четыре брата—и мать положила заклятіе, чтобы не раздѣляться даже и женатымъ, а жить вмѣстѣ, то состояние наше стало опять понемногу поправляться; старшій братъ хозяйничалъ, а мы, хоть и были всѣ четверо погодки, были у него подъ приказомъ. Покуда мы были малы, то матери было очень тяжело съ нами, безъ рабочихъ рукъ; но какъ мы всѣ вдругъ подросли, то поэтому и хозяйство ея вдругъ стало поправляться.

Двое старшихъ братьевъ уже были женаты, когда сказанъ былъ у насъ рекрутскій наборъ. Намъ, какъ четвернякамъ, не миновать было рекрутчины и потому весь домъ нашъ, вся семья, заливалась горькими слезами. Мать совсѣмъ извелась въ три дня отъ плачу и причитывала то надъ однимъ изъ насъ, то надъ другимъ, какъ надъ покойниками. Я былъ младшій, еще парень глупый, и плачъ матери и невѣстокъ меня совсѣмъ смутилъ и напугалъ; третій братъ былъ малорослый и въ солдаты не годился, а потому и не горе-

валъ; но двое старшихъ, какъ послышали, что бѣда подходитъ, бѣжали и стали прятаться въ лѣсахъ и оврагахъ. Наберутъ бывало ночью, тайкомъ, хлѣба и уйдутъ дня на три, на четыре; а я оставался одинъ съ матерью и невѣстками, на хозяйствѣ, потому что третій братъ былъ въ извозѣ.

Разъ, когда старшіе братья воротились за хлѣбомъ, я сталъ проситься съ ними, но они сказали, что мнѣ бояться нечего, меня не возьмутъ, а сами опять ушли. Я сначала было и повѣрилъ имъ, но послѣ разсудилъ, что они меня обманываютъ. Я рѣшился уйти самъ по себѣ. Взявъ хлѣба порядочный запасъ, я ночью вышелъ и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что я до этого времени еще и мало гдѣ бывалъ въ околицѣ и не зналъ, куда итти и гдѣ прятаться.

Шелъ я недѣли двѣ, покуда съѣлъ весь хлѣбъ, тогда пришла бѣда, ѣсть до смерти хочется, а взять негдѣ, просить и стыдно и страшно, чтобы не стали допрашиваться; а украсть боюсь и подавно. Однако голодъ донялъ меня такъ, что я подъ вечеръ зашелъ въ первую встрѣчную деревню, вошелъ въ избу и, заставъ тамъ одну только хозяйку съ ребятишками, признался ей во всемъ и просилъ, чтобъ накормили. Ей меня жаль стало; давши мнѣ поѣсть и ломоть хлѣба на дорогу, она сказала: Богъ съ тобой, иди куда знаешь.

Два дня шелъ я опять степью, на полдень, опять проголодался, а деревни никакой не попадалось. Доняла меня такая грусть, что ужь радъ бы воротиться, да не знаю, куда идти. Цѣлый мѣсяцъ шатался я такъ, ослабъ, заболѣлъ, и кормился одною сырою только рожью и гречихой, почему и лежалъ по цѣлымъ днямъ въ хлѣбахъ, а ночи шелъ, самъ не зная куда. На разсвѣтѣ одного дня взошелъ я на курганъ, чтобы увидать, гдѣ растетъ хлѣбъ, и залечь туда на день, и увидалъ, что невдалекѣ около дороги растетъ горохъ.

Обрадовавшись этому, я пошелъ туда, залѣзъ въ горохъ, наѣлся его въ волю и нарвалъ себѣ еще запасу, поклавъ за пазуху. Вдругъ увидѣлъ я ѣдущаго по дорогѣ мужика; я притаился, но онъ меня увидалъ, спускаясь по изволоку съ горки, подъѣхалъ, вызвалъ и связалъ мнѣ назадъ руки. Я такъ оробѣлъ, что и не противился ему; я былъ еще парень молодой и крѣпко отощалъ, а онъ былъ мужикъ здоровый. Связавъ, онъ порядкомъ отстегалъ меня кнутомъ, а потомъ привязалъ къ оглоблѣ и поѣхалъ: я долженъ былъ, какъ могъ, ровняться съ лошадью, которая не рѣдко бѣжала рысью. Такимъ образомъ привелъ онъ меня въ домъ свой, который былъ не въ деревнѣ, а стоялъ самъ по себѣ, какъ хуторъ; въ избѣ онъ развязалъ мнѣ руки и, погрозивъ кнутомъ, послалъ на печь.

Между тѣмъ хозяйка собрала обѣдъ; онъ сѣлъ, поѣлъ, разсказалъ ей, что поймалъ вора въ горохѣ, какого-то бродягу—а я сижу между тѣмъ на печи, голодный, какъ волкъ, и не знаю, что будетъ. Немного погодя, хозяйка сказала: ужь хоть воръ, да надо же и его чѣмъ-нибудь покормить; тотъ отвѣчалъ: да я уже покормилъ его кнутомъ, довольно: дай ему щецъ да хлѣба; а самъ легъ спать, приказавъ хозяйкѣ строго меня караулить.

Отдохнувъ съ часокъ, хозяинъ опять связалъ мнѣ руки, вывелъ на дворъ и привязавъ къ осѣдланной лошади, самъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Бѣгу я въ припрыжку, не знаю, что изъ меня будетъ, куда меня ведутъ; сколько ни прошусь, ни отпрашиваюсь — хозяинъ молчитъ, и не глядитъ на меня. Между тѣмъ смерклось и стало такъ темно, что не видать было ни зги; я бѣгу, спотыкаюсь и падаю, а хозяинъ ругаетъ меня, что я плохо поспѣваю и что онъ черезъ меня опоздалъ, сбился съ дороги и не попадетъ, куда надо было, къ ночи. Побившись еще немного, хозяинъ

увидалъ, что не шутя сбился съ дороги; нашли тучи, поднялся встрѣчный вѣтеръ и пошелъ мелкій, докучливый дождь. Хозяинъ въ досадѣ свернулъ съ дороги въ сторону, досталъ желѣзныя путы, приковалъ меня на замокъ нога съ ногою къ лошади и заставилъ такимъ образомъ стеречь ее, а самъ легъ, укрывшись тулупомъ и заснулъ. Все это сдѣлалъ онъ молча, не сказавъ мнѣ ни одного слова и не отвѣчая также ни однимъ словомъ на всѣ мои просьбы.

Лошадь стала пастись и шагъ за шагомъ потащила меня за собой, я долженъ былъ, не зѣвая, шагать за нею, какъ только вздумается ей переставить ногу; иначе она дергала меня желѣзными путами, такъ что я не могъ устоять на ногахъ. Долго проходилъ я съ нею такимъ образомъ, и замучила она меня до того, что я съ отчаянія заплакалъ. Чтобы хоть немного отдохнуть, я поймалъ ее за морду, приподнялъ ей голову и не давалъ пастись, а заставлялъ стоять смирно на одномъ мѣстѣ. Оглядываясь кругомъ, между тѣмъ какъ она все дергала и рвала меня, то головой, то путами, переставляя ноги, я увидѣлъ, что должно быть она отошла довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ хозяинъ; тогда пришло мнѣ вдругъ въ голову другое: что еслибъ мнѣ удалось сбить съ ноги путы, сѣсть на готовую, осѣдланную лошадь и ускакать! Придумавъ это, а взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее еще далѣе: ночь была такъ темна, что не видать было, куда ступаешь ногой; но пробившись можетъ быть около часу и удаляясь, сколько могъ опознаться, все въ одну сторону, чтобы уйти подальше, я наконецъ очутился съ лошадью въ оврагѣ, гдѣ былъ мелкій кустарникъ, тутъ я остановился, присѣлъ и сталъ ощупывать свои кандалы; но я увидалъ, что мужикъ мой не ошибся, пустивъ меня беззаботно съ лошадью на всѣ четыре стороны: путы были изъ крѣпкаго, кру-

ченаго желѣза и такъ хорошо наложены, что мнѣ мало оставалось надежды. Я однакоже не отчаявался, другаго спасенія не было и я подумалъ: что будетъ, то будетъ, еще должно быть ночи много осталось — постараюсь; если хозяинъ и проснется, то онъ до свѣту меня не отыщетъ. Придерживая одной рукой лошадь за поводъ, чтобы она смирно стояла, я все еще сидя перебиралъ другою рукою путы, разбирая, гдѣ они послабѣе, гдѣ ихъ можно перебить, а тамъ хотѣлъ искать ощупью какого-нибудь камня, снять стремя и попробовать своего счастья. Такимъ образомъ я сидѣлъ на корточкахъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, какъ вдругъ лошадь моя фыркнула, сильно рванулась у меня изъ рукъ и пустившись во весь духъ, таскомъ поволокла меня за собой по землѣ. Не понимаю и теперь, какъ меня Богъ спасъ, что она мнѣ задними ногами не раскроила черепа; но, конечно, она успѣла сдѣлать такимъ образомъ со мною только нѣсколько скачковъ, какъ вдругъ взвилась на дыбы, а тамъ со стономъ рухнулась на-земь. Я не успѣлъ опомниться, какъ волки навалились на лошадь со всѣхъ сторонъ; первый изъ нихъ, самый отчаянный, схватилъ ее за горло, и въ это-то время она и взвилась на дыбы; но видно, онъ мѣтко вцѣпился и разорвалъ ей горло, потому что она, какъ я сказалъ, упала и въ самое это время волки бросились со всѣхъ сторонъ и начали ее рвать.

Нѣсколько минутъ лежалъ я, оглушенный и въ полузабытьи, въ растяжку на землѣ, но вскорѣ, не смотря на боль въ головѣ и страхъ, пришелъ совсѣмъ въ себя, слышалъ, видѣлъ и помнилъ все, что около меня дѣлалось. Волковъ было безъ малаго до десятка; лошадь лежала уже не живая, они рвали и дергали ее такъ, что даже и меня, прикованнаго къ ней, таскали съ нею по землѣ. Раза три, тотъ либо другой изъ нихъ обнюхивали меня вплоть, но опять кидались на свою добычу.

Я лежалъ и ожидалъ своего конца. Это длилось, какъ мнѣ казалось, очень долго, я думаю болѣе двухъ часовъ; нажравшись до сыта, волки стали отходить по одиночкѣ и, присѣвъ тутъ же по собачьи, облизывались и выжидали своихъ товарищей. Въ числѣ ихъ было также гнѣздо молодыхъ, но уже порядочныхъ подростковъ, съ волчицей; одинъ изъ нихъ вздумалъ какъ-то съ дуру завыть, но волчица тотчасъ же кинулась на него, оскаливъ зубы, и онъ замолчалъ и, поджавъ хвостъ, принялся опять рвать зарѣзанную лошадь. Наконецъ пятокъ ихъ, облизавшись, окружили меня, подошли вплоть, такъ что дотыкались до меня мордой, и стали обнюхивать: я лежалъ смирно и не дышалъ, они отошли, сѣли вмѣстѣ и дружно завыли, потомъ стали шататься порознь, одинъ подошелъ и еще немного погрызъ кость, а затѣмъ всѣ они разбѣжались. Немного спустя, я уже слышалъ голоса ихъ издалека, по ту сторону оврага.

Собравшись съ духомъ, я привсталъ, началъ впотьмахъ присматриваться и увидѣлъ, что лошадь съѣдена дочиста: остались однѣ только растасканныя врозь кости. Путы все еще прикованы были по прежнему къ ногѣ конской, объѣденной кругомъ и оторванной вмѣстѣ съ лопаткой отъ тѣла. Потянувъ свою ногу я потащилъ за собою и ту; мнѣ почти не было никакой надежды отъ нея отдѣлаться. Я принялся однакоже ломать конскую ногу въ колѣнкѣ и послѣ долгаго мученья успѣлъ въ этомъ; тогда я перекрестился и отправился вдоль по оврагу, волоча путы и кусокъ ноги лошадиной за собой; но когда прошелъ первый страхъ, то я сталъ подогадливѣе, забралъ привѣсокъ этотъ въ руки и мнѣ было посвободнѣе идти. Я ожидалъ каждую минуту, что либо хозяинъ меня нагонитъ, либо опять волки нападутъ и съѣдятъ безъ пощады, потому что теперь уже у меня нечѣмъ было

ихъ подчивать. Я бѣжалъ, сколько могъ; но наконецъ вовсе выбился изъ силъ и замѣтилъ начало зари. Успокоившись немного, въ ожиданіи свѣта, я легъ подъ кусты въ оврагъ, или по тамошнему въ балку, и вскорѣ заснулъ.

Отдохнувъ, не знаю сколько времени, я проснулся; солнышко было уже высоко: сперва я не могъ опомниться—разбитая голова моя болѣла, а все что случилось со мною въ ночи, казалось мнѣ дурнымъ сномъ. Но объѣденный волками мосолъ съ путами на ногѣ моей увѣрилъ меня, что все это дѣялось со мною на яву. Помоливши усердно за спасеніе свое и горько покаявшись, что пустился, по глупости и по примѣру старшихъ братьевъ, на такое недоброе дѣло, я и самъ не зналъ, что теперь начать, какъ быть и куда дѣваться; проклятые путы смущали меня еще болѣе, а между тѣмъ нечѣмъ было сбить ихъ и я видѣлъ, что самъ не смогу отъ нихъ отдѣлаться; а какъ въ этомъ видѣ показаться куда нибудь людямъ на глаза, въ деревню или проѣзжимъ? Всякій сочтетъ колодникомъ и отправитъ къ начальству; а какъ быть безъ хлѣба?

Между тѣмъ какъ я раздумывалъ все это и плакался на горькую судьбу свою, услышалъ я голоса: мимо меня невдалекѣ пролегала дорога, которой я и не замѣтилъ: по ней ѣхали чумаки съ обозомъ, на волахъ, и играли на сопѣлкахъ. Слушая издалека пѣсни эти, я крѣпко позавидовалъ добрымъ людямъ, которые, не боясь свѣта Божьяго, ни глазу другихъ людей, ѣдутъ себѣ спокойно и еще веселятся. Чумаки остановились около этого мѣста кормить воловъ, и поставивъ возы свои въ ряды, распустили скотину, а сами раскинули треножники и принялись варить кашу. Я все сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ ходили они между возами, перекликались, шутили и смѣялись,—какъ дымокъ закурился и понесся вѣтеркомъ на мою сторону и мнѣ

запахло и жаренымъ и вареным. Волы бродили вокругъ меня близко и одинъ изъ чумаковъ, пошедшій согнать скотину ближе къ дорогѣ, чтобъ не было потравы, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ и, подумавъ немного, подозвалъ товарищей. Чумаки сошлись надо мной и стали допытываться, кто я и что за человѣкъ; затѣмъ они взяли меня, дивуясь путамъ на ногѣ моей и лошадиной ногѣ съ копытомъ, и привели въ таборъ, къ своему атаману или старшинѣ.

Я разсказалъ всю правду, что какъ было; выслушавъ все и подивившись похожденіямъ моимъ, они надо мною сжалились, сбили съ меня путы и накормили меня доброй кашицей съ саломъ. Когда они собрались опять ѣхать, то я сталъ проситься съ ними, но они не взяли меня, сказавъ, что боятся отвѣту, а посовѣтовали лучше итти домой. Я поблагодарилъ ихъ и за это, сказавъ, что радъ бы и домой итти, да не знаю дороги; разспросивъ меня хорошенько откуда я, они показали мнѣ какъ итти, сказавъ, что видно я шатался все вокругъ да около, потому что прямымъ путемъ будетъ не такъ далеко и дойти можно въ недѣлю.

Пошелъ я домой и безъ особенныхъ приключеній благополучно добрался до своей родной деревни. Глупость наша не пошла къ добру: какъ пришелъ наборъ и дошла до насъ очередь, то втораго брата моего отыскали, засадили и забрили ему лобъ, а хозяйка его съ ребеночкомъ, черезъ меня остались сиротами. Въ то же время, какъ побѣгъ нашъ длился мѣсяцевъ пять и притомъ въ самую рабочую пору, отъ начала лѣта и до поздней осени, то хозяйство наше больно потерпѣло и разстроилось. На бѣду за нами числились еще старыя недоимки, съ тѣхъ поръ, когда мать моя не могла всего выплачивать; міръ, какъ говорили, платилъ за насъ. Кромѣ того, по разстройству нашего

хозяйства, мы и не могли уплатить даже сполна и новыхъ податей: сходка собралась, по разнымъ мірскимъ дѣламъ, и присудила, между прочимъ, отдать меня за побѣгъ и за недоимки въ рекруты, взачет другимъ. Это случилось зимой, такимъ образомъ я прошатавшись почти полгода, натерпѣвшись страстей да еще разоривъ, пополамъ съ братьями, хозяйство наше, участи своей не миновалъ, а кабы сперва-начала не послушавшись худаго разума, пошелъ бы прямо изъ нашей семьи въ солдаты, такъ ничего бы этого не было и оба старшіе, женатые братья мои сидѣли бы теперь дома, да вся семья молила бы за меня Бога. Теперь служу я хорошо, да ужъ стараго грѣха не воротишь, прошлаго не поправишь.

Дѣдушка

Въ 1691 году молодой царь Петръ Алексѣевичъ нашелъ въ одномъ изъ сараевъ, въ подмосковскомъ селѣ Измайловѣ, брошенный тамъ ботикъ, который когда-то поднесенъ былъ англичанами родителю Петра царю Алексѣю Михайловичу. Не видавъ никогда такого судна, любознательный царь разсматривалъ его съ большимъ вниманіемъ и очень обрадовался, когда приглашенный голландецъ Брантъ взялся починить его, оснастить и пустить на-воду.

Ботикъ и точно былъ спущенъ, съ мачтой и парусомъ, на рѣку Яузу. Царь катался по рѣкѣ, по Просяному пруду, по озеру Переяславскому, и это ему такъ полюбилось, что онъ рѣшился основать флотъ, хотя въ то время не владѣлъ еще нигдѣ моремъ, кромѣ Архангельска.

Однако настало для Петра то время, когда флотъ нашъ, гребной и парусный, не только явился и Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ, но даже былъ гла-

ною причиною воинскихъ успѣховъ, особенно противу шведовъ. По Нейштатскому миру въ 1721 году, балтійскія губерніи и Финляндія остались навсегда за нами и на завоеванной землѣ процвѣтала уже новая столица, Петербургъ, а въ гаваняхъ балтійскихъ спокойно стоялъ нашъ флотъ. Тогда царь, вспомнивъ ботикъ на Яузѣ, назвалъ его *Дѣдушкою* русскаго флота и въ честь ему устроилъ особое торжество: ботикъ привезенъ былъ въ 1723 году изъ Москвы въ Шлиссельбургъ, тамъ вновь исправленъ, и самъ царь поплылъ на немъ Невою въ столицу свою.

У Смольнаго монастыря встрѣтила его царица, съ *невскимъ* гребнымъ флотомъ; спустившись до Троицкой церкви, при пальбѣ и празднествѣ, ботикъ былъ поставленъ подъ особый навѣсъ, на сохраненіе.

Вскорѣ царь сдѣлалъ большой смотръ кронштадтскому флоту, на рейдѣ, всего 19 кораблей и 4 фрегата, кромѣ множества галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. Здѣсь ботикъ или *Дѣдушка* прошелъ подъ штандартомъ вдоль всей линіи, при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ флота и крѣпости, при барабанномъ боѣ и музыкѣ и громогласномъ кликѣ ура.

Въ это время гребцами на *Дѣдушкѣ* были четыре флагмана: адмиралы Сиверсъ, Гордонъ, Сенявинъ и Сандерсъ; государь стоялъ на рулѣ, а генералъ-адмиралъ Апраксинъ и адмиралъ Крюйсъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ. *Дѣдушка* отвѣчалъ на здраствованіе внучатамъ своимъ изъ четырехъ пушченокъ. Все празднество это длилось двое сутокъ.

Затѣмъ *Дѣдушка* былъ опять привезенъ въ Питеръ и отданъ коменданту на вѣчное сохраненіе. Еще два года сряду, до кончины государя, ботикъ 30-го августа былъ спускаемъ для празднества. Императрица Елисавета Петровна возобновила торжество это, но съ 1750 года ботикъ покоился подъ навѣсомъ; только въ

1803 году, когда праздновали столѣтіе С.-Петербурга, ботикъ поставленъ былъ на возвышеніи, на стопушечномъ кораблѣ Гавріилъ, посреднѣ Невы, супротивъ коннаго памятника Петру Великому.

Въ 1836 году государю императору благоугодно было отдать почетъ великому пращуру своему: новымъ торжественнымъ плаваніемъ ботика мимо флота, какого еще до того не бывало на кронштадтскомъ рейдѣ.

28 іюня, при салютѣ съ крѣпости, ботикъ спущенъ былъ на Неву, и принятый Адмиралтействъ-Совѣтомъ отъ коменданта, приведенъ на буксирѣ парохода въ Кронштадтъ и введенъ, при салютахъ же, въ военную гавань. 2-го іюля *Дѣдушку* поставили при почетномъ караулѣ, на возвышенное мѣсто, покрытое алымъ сукномъ, на пароходѣ Геркулесъ; 26 линейныхъ кораблей, 21 фрегатъ, 10 бриговъ, 2 шкуны, 2 люгера, 2 яхты тендеры — всего 64 вымпела, подъ начальствомъ 84-хъ лѣтняго адмирала Крона, стояли въ линіи на девяти верстахъ; государь съ Высочайшимъ семействомъ своимъ, дворомъ и иноземными послами, прибылъ на пароходѣ Ижора: тогда Геркулесъ, подъ адмиральскимъ флагомъ, обошелъ всю линію флота. при отданіи ботику чести, съ барабаннымъ боемъ и кликами ура.

Затѣмъ Геркулесъ сталъ на якорь, на ботикѣ поднятъ былъ штандартъ и пальба открылась со всего флота и съ крѣпостей. *Дѣдушка* отвѣтилъ семью выстрѣлами и всѣ корабли расцвѣтились флагами. Государь прибылъ на Геркулесъ и осмотрѣлъ Дѣда Русскаго Флота въ новомъ убранствѣ его; а когда послѣ того Геркулесъ съ ботикомъ стоялъ уже у входа въ гавань и пароходъ Ижора проходилъ мимо, то самъ Императоръ и всѣ особы свиты его стояли въ почтительномъ положеніи, лицомъ къ ботику. Онъ привезенъ

былъ опять въ Петербургѣ и сданъ подъ храненіе коменданту, гдѣ поставленъ нынѣ въ особомъ домикѣ, и гдѣ посѣщаютъ его любопытные, покланяясь въ немъ памяти Петра Великаго.

Адмиралъ Кронъ

Кто не помнитъ бойкаго, веселаго, живого и почтеннаго Романа Васильевича Крона, который, прослуживъ болѣе полувѣка на-морѣ, все еще леталъ бѣгомъ на марсъ и салингъ, если марсовые не скоро или не видно управлялись. Кто не помнитъ адмирала, который бывало, когда чѣмъ недоволенъ, говаривалъ: «Какой это карабъ! Это стыдно для видно; какой это матросъ— какой человѣкъ ничево не знаетъ; это карошо для ничево!» Кто не зналъ Романа Васильевича, котораго всегда укачивало на берегу и который годъ за годъ порывался въ море, какъ на просторъ — который не выходилъ въ море безъ супруги своей, занимавшейся въ морѣ присмотромъ и уходомъ за больными, а въ военное время перевязкою раненыхъ?

Не меньше того живо преданіе, что адмиралъ Кронъ, еще въ капитанскихъ чинахъ, взялъ бригомъ шведскій фрегатъ, а фрегатомъ корабль.

Вступивъ въ службу нашу изъ англійскаго флота въ 1788 году лейтенантомъ, Романъ Васильевичъ чрезъ недѣлю пожалованъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ 22 пушечнаго брига Меркурій. Въ то время началась война со Швеціей и высланный на крейсерство Меркурій въ одно лѣто взялъ до 30-ти непріятельскихъ купецкихъ судовъ.

На слѣдующую весну Романъ Васильевичъ Кронъ едва успѣлъ выйти въ море на Меркуріѣ, какъ взялъ въ бою, между островомъ Борнгольмомъ и Карлскроною, шведскій 12 пушечный катеръ Спаконъ съ 60

человѣками экипажа. Затѣмъ эскадра наша изъ двухъ кораблей, двухъ фрегатовъ, и брига Меркурій, отправилась въ Норвегію; чтобы провести оттуда зазимовавшій тамъ на пути изъ Архангельска корабль. Бригъ, для развѣдокъ, держался нѣсколько ближе къ берегамъ и увидѣлъ тутъ на якорѣ шведскій 44-хъ пушечный фрегатъ Венусъ, который также высланъ былъ на крейсерство, но, замѣтивъ 31 мая эскадру нашу, спустился въ заливъ Христіанія и за островами бросилъ якорь. Капитанъ Кронъ 1-го іюня подошелъ вплоть къ фрегату, далъ ему продольный залпъ съ брига, и кончилъ тѣмъ, что заставилъ спустить флагъ. На Венусѣ было 300 человѣкъ команды, а на Меркуріѣ 80 человѣкъ; пушекъ, на одномъ 44, на другомъ 22, и еще меньшаго калибра.

Такъ-то имя Меркурій для бриговъ нашихъ роковое и счастливое: въ Балтійскомъ морѣ бригъ этого наименованія отличался въ 1789 году, а на Черномъ морѣ въ 1829, подъ начальствомъ А. И. Казарскаго, какъ разсказано въ книжкѣ этой въ особой статейкѣ.

По возвращеніи съ плѣннымъ фрегатомъ, Кронъ произведенъ былъ во 2-й рангъ, награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса, сдѣланъ командиромъ взятаго имъ фрегата Венусъ и зимовалъ со всей эскадрой нашей въ Ревелѣ.

Весной 1790 года шведскій флотъ напалъ на нашу ревельскую эскадру, но потерявъ самъ при этомъ два корабля, долженъ былъ уйти. Затѣмъ ревельская эскадра, при адмиралѣ Чичаговѣ, соединилась съ кронштадтскою, подъ вице-адмираломъ Крузомъ и, обложивъ шведскій флотъ въ Выборгскомъ заливѣ, заперла его тамъ; а Р. В. Кронъ отряженъ былъ 8 іюня съ двумя фрегатами и четырьмя катерами къ Ниткопасу, для поиска надъ мелкою флотиліею шведовъ. Кронъ взялъ четыре изъ осьми найденныхъ тамъ мелкихъ

судовъ; затѣмъ одно сожжено самими шведами, а три успѣли уйти въ глубину шхеръ. 21 іюня непріятельская флотилія изъ 50-ти судовъ напала на Крона—но послѣ трехчасоваго сраженія, она должна была спѣшно отступить и ушла опять въ шхеры, оставивъ на берегу двѣ свезенныя туда для атаки пушки; да на побѣгѣ самъ непріятель сжегъ шесть канонерскихъ лодокъ своихъ, которыя были такъ избиты, что не могли за нимъ слѣдовать.

22-го іюля при общемъ прорывѣ шведскаго флота, изъ Выборгскаго пролива сквозь флотъ адмирала Чичагова, Кронъ съ фрегатомъ своимъ атаковалъ сильную гребную флотилію, перетопилъ и разбилъ нѣсколько судовъ; шведскія канонерскія лодки спускали флаги свои, сдаваясь, и даже подымали русскіе флаги, но коль скоро Кронъ оставлялъ ихъ, обращаясь на другихъ, то онѣ поспѣшно уходили, подъ веслами и парусами; это и вынудило его не давать пардону, а добивать до конца всѣ перехваченныя имъ лодки. Пустившись затѣмъ въ погоню, вмѣстѣ съ флотомъ нашимъ, за бѣгущимъ непріятельскимъ флотомъ, Кронъ настигъ ночью, въ 11-мъ часу, у острова Гохланда, фрегатъ и заставилъ его спустить флагъ; на бѣду однакоже, въ общей тревогѣ фрегатъ этотъ въ эту же ночь, пользуясь свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ и темнотою, ушелъ.

Продолжая погоню за непріятелемъ, который бѣжалъ къ Свеаборгу (тогда еще шведскому), Кронъ 23-го іюля настигъ шведскій линейный 64-хъ пушечный корабль Ретвизанъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе, нѣсколькими удачными выстрѣлами избилъ ему рангоутъ, такъ что замедлилъ ходъ его, потомъ дрался съ нимъ еще часъ съ четвертью, давъ время подойти спѣшившему на помощь, но отставшему отъ Венуса, кораблю нашему Изяславъ. Тогда Ретвизанъ спустилъ

передъ фрегатомъ флагъ. За этотъ подвигъ, Кронъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени.

Такимъ образомъ Р. В. Кронъ взялъ съ бою бригомъ Меркурій шведскій фрегатъ Венусъ, а фрегатомъ Венусъ шведскій же линейный корабль Ретвизанъ.

Р. В. Кронъ скончался въ 1841 году, на 88 году отъ роду, полнымъ адмираломъ, оставивъ по себѣ память отличнаго моряка и воина счастливаго, какъ говорили, на попутные вѣтры. Счастье счастьемъ—а умѣнье пользоваться имъ во всякую минуту, не упуская времени и случая, также чего-нибудь да стоитъ, Для этого, конечно, нужны такая пылкость и рвеніе къ службѣ и морю, какими надѣленъ былъ благородный и хотя вспыльчивый, но справедливый начальникъ, адмиралъ Р. В. Кронъ.

Турецкій флотъ въ 1829 году

Въ продолженіе послѣдней войны нашей съ Турціею, флотъ непріятельскій держался въ Босфорѣ, подъ прикрытіемъ сильныхъ крѣпостей европейскаго и азіатскаго береговъ пролива. Флотъ этотъ показывался только на самое короткое время въ Черномъ морѣ, будто только для славы, держался къ анатольскимъ берегамъ и прежде, чѣмъ нашъ флотъ, находившійся большею частью у Варны и Сизополя, успѣвалъ подойти къ Босфору,—турки давно уже стояли въ проливѣ. Они для прогулокъ этихъ выбирали южный вѣтеръ, коимъ могли выйти изъ пролива и воротиться туда, между тѣмъ какъ для насъ вѣтеръ этотъ былъ противный.

Англійскій лейтенантъ Слэдъ находился гостемъ на турецкомъ адмиральскомъ кораблѣ, при одной изъ та-

кихъ прогулокъ, и описалъ то, что слышалъ и видѣлъ при этомъ случаѣ, такимъ образомъ:

Чтобы попасть на адмиральскій корабль (капудана-паши), я проѣхалъ по всей линіи флота: корабли были чисто окрашены, но такелажъ болтался, обвиснувъ слабиной, а фоки реевъ торчали туда и сюда. Селиміеръ, прекрасный стопушечный корабль безъ юта, съ краснымъ шелковымъ флагомъ, висѣвшимъ отъ гафеля до воды, окруженъ былъ шлюпками. Пушки его смотрѣли туда и сюда — будто иныя готовились сбивать непріятельскія брамъ-стеньги, другія топить шлюпки; одинъ глядѣли къ носу, другія къ кормѣ. Куральщики сидѣли въ портахъ, свѣсивъ ноги за бортъ.

Мы взошли: Капуданъ-паша сидѣлъ развалясь съ трубкой посреди палубы, на тюфякахъ и подушкахъ. Его окружала стража и прислуга разнаго рода, въ пестрой одеждѣ; матросы сидѣли и лежали кучками, при пушкахъ — кто молился, кто завтракалъ, кто игралъ въ шашки. Паша поздоровался съ нами и пригласилъ насъ въ каюту: два офицера подхватили его подъ мышки и повели. Вся толпа пошла за ними.

Каюта была отдѣлана чисто и красиво. Насъ посадили, подали кофе, трубки, шербетъ, опахалами гоняли мухъ. Паша объявилъ, что нынѣ же идетъ въ море, искать русскій флотъ. Слово *искать* удивило меня; въ Стамбулѣ всѣ знали, гдѣ стоялъ русскій флотъ и найти его было бы не мудрено. Паша пригласилъ меня въ свидѣтели на этотъ поискъ и я принялъ это, какъ гость, съ удовольствіемъ.

Я спѣшно отправился на берегъ, чтобы взять кой-что съ собою, но возвращаясь съ горестью увидѣлъ, что нетерпѣливый паша уже снялся съ якоря. Нѣкоторые корабли шли подъ нижними парусами, другіе подъ брамселями, третьи подъ стакселями. Вѣтеръ

свѣжѣлъ, каикъ нашъ отставалъ, мы были въ миляхъ четырехъ отъ Селиміера и выбились изъ силъ; но я кричалъ: налягъ! и удвоилъ плату. Мы выгребли до скалъ *Самлегадъ*, насупротивъ азіатскаго мыса *Калцедонія*—этотъ входъ въ Босфоръ, шириною въ 20 миль. Здѣсь встрѣтила насъ сильная зыбь съ отбоемъ—челнокъ нашъ едва не опрокинуло, гребцы начали молиться... мы были еще въ миляхъ шести отъ флота, который началъ приводить къ вѣтру, но отдалъ марса-фалы—какъ казалось, увидавъ меня. Однакоже гребцы стали поворачивать назадъ, и точно, одна волна могла бы залить нашъ каикъ. Я взялъ въ одну руку пистолетъ, въ другую горсть серебра: гребцы, пожавъ плечами, принялись за весла. Наконецъ, мы въ четвертомъ часу достигли Селиміера, пройдя съ утра греблей 38 миль!

Нельзя было пристать за зыбью и волненіемъ и гребцы упрашивали меня воротиться, увѣряя, что каикъ тотчасъ опрокинетъ. Я закричалъ: концы подайте! Къ одному привязалъ вещи свои и ихъ подняли — за другой самъ ухватился и, выждавъ время, когда каику можно было на гребнѣ волны выдти изъ-подъ меня, рванулся и выскочилъ на палубу. *Аферимъ*!—закричали турки—браво! Я оглянулся—каикъ уже нырялъ между волнами вдалекѣ.

Паша курилъ, сидя на гакабортѣ. *Аферимъ*, —сказалъ и онъ мнѣ — какъ васъ не опрокинуло на такой скорлупѣ? — Благостію Божіею, отвѣчалъ я. Великъ Богъ, сказалъ онъ, прошу садиться. Подать трубку! Подняли марсы-фалы, посадили фока-галсъ, такъ что только рей трещалъ, и мы пустились въ Черное море, по девяти узловъ.

Селиміеръ отлично слушался руля и летѣлъ, какъ фрегатъ. Какой прекрасный корабль,—сказалъ я!—Да, отвѣчалъ паша—по милости Божьей. хорошъ. — Безъ

Бога ни до порога, сказалъ я, но вѣдь и мастеру заслуга; кто его строилъ? — Право не знаю, отвѣчалъ адмиралъ. Надо итти къ русскому флоту, говорилъ я —надо отбить у нихъ Сизополь.—«*Бакалумъ*»—посмотримъ, отвѣчалъ онъ спокойно на все это—*Иншаллахъ*, коли Богу угодно; *Аллахъ-керимъ*, Богъ милостивъ.

Бакалумъ, *Иншаллахъ*, *Аллахъ-керимъ*—вотъ враги турокъ, говоритъ англичанинъ Следъ — а я, переводчикъ, прибавлю отъ себя, что и у нашего брата есть такіе же природные непріятели: это *авось*, *небось*, да *какъ-нибудь*: эти непріятели насъ часто губятъ!

Прошедши миль 20, продолжалъ Следъ, при закатѣ солнца, турки пристально смотрѣли по небосклону на бѣлыя облака, не паруса ли это? Но въ то же время вдругъ на сѣверѣ показался русскій флагъ. Паша велѣлъ сомкнуть линію и взялъ курсъ къ берегу. На совѣтъ мой выслать фрегатъ встрѣчу идущему, паша никакъ не согласился.

Наступила ночь; имамы, съ крюсъ-марса каждаго корабля, пріятнымъ напѣвомъ приглашали правовѣрныхъ на молитву. Всѣ палубы въ мигъ покрылись молящимися. Кончивъ молитву, каждый ложился въ повалку, гдѣ кому приходилось, коекъ или постелей не было ни у кого; самъ адмиралъ спалъ въ конурѣ, за бизань-мачтой, куда надо было лѣзть ползкомъ. Вахтенные мурлыкали гнусливые напѣвы; въ полночь, и въ 4 часа утра, двѣнадцать барабановъ вызывали подвахтенныхъ на смѣну. Съ разсвѣтомъ мы были у самаго входа въ Босфоръ: ни одного чужого судна не было въ виду — и это очень успокоило весь экипажъ. Но у входа встрѣтила насъ шлюпка, съ приказаніемъ султана, итти въ море. Паша былъ очень недоволенъ, но его утѣшила немного другая шлюпка, которая везла шута пашинскаго и лоцмана, не поспѣвшихъ наканунѣ.

Шутъ вскочилъ на палубу, кувыркомъ по воздуху очутился подлѣ своего повелителя и, поцѣловавъ полу кафтана его, сказалъ: Вотъ какъ перевернется передъ тобою русскій адмиралъ!

— Я велю пригвоздить ухо твое къ дверямъ моей каюты,—отвѣчалъ паша:—гдѣ ты шатался?

— Тогда дуракъ будетъ подслушивать тайны мудреца,—сказалъ шутъ—,спроси лоцмана, онъ передъ тобою: не возьми онъ меня въ свою лодку, то дураку оставалось развѣ переплыть къ побѣдоносному флоту твоему верхомъ на морской свинкѣ; перевозчики шуток не знаютъ, а требуютъ денегъ.

Это былъ намекъ на скупость паши, который разсмѣялся и заговорилъ о другомъ.

Вышедшая въ море турецкая эскадра состояла изъ шести кораблей, трехъ фрегатовъ, пяти корветовъ и трехъ бриговъ. Кромѣ капудана-паши, на эскадрѣ было еше три адмирала. Двое изъ нихъ были храбрые и опытные моряки, которые командовали кораблями подъ Навариномъ. Тамъ, по словамъ ихъ, пала и вся ихъ сила морская, и матросы и офицеры — а остались новобранцы, сволочь. Разсказывая, какъ русскій бригъ Меркурій ушелъ отъ нихъ, одинъ изъ адмираловъ, капуданъ-бей, бѣсился и говорилъ: «Заяцъ былъ въ моихъ рукахъ — но псы мои сами испугались своего лая! Первое ядро отбило ихъ отъ орудій и они отступились!»

Сдѣлали ученье пальбой, которое паша поручилъ мнѣ. Толпа въ 1400 человѣкъ бросалась кучками туда и сюда—не было никакой возможности сладить съ нею и вразумить ее. Комендоры каждый разъ позабывали затыкать заналъ и стрѣляли безъ прицѣла. Пальники стояли по палубѣ, гдѣ и какъ попало, кадокъ для этого не было. Въ числѣ 120-ти орудій на Селимісрѣ, было нѣсколько пушекъ 110-ти фунтовыхъ, съ огромными

каменными ядрами. При этихъ орудіяхъ состояли особые бомбардиры. Я велѣлъ выстрѣлить изъ одного, а самъ отошелъ было къ носовымъ портамъ, чтобы видѣть полетъ ядра: оглянулся — никого нѣтъ около пушки, всѣ бѣжали, подымаясь по трапу изъ палубы и подхватывая на бѣгу мотню шароваръ. Боялись, что пушку розорветъ. Я не хотѣлъ отступить отъ приказанія и вынужденъ былъ самъ приложить пальникъ.

На другой день я хотѣлъ осмотрѣть крютъ-камеру. Вы увидите ее, сказалъ паша, когда мы вступимъ въ сраженіе. Тогда будетъ поздно—отвѣчалъ я. Подумавъ, онъ сказалъ: хорошо, съ Богомъ, но порохъ вещь опасная. И въ самомъ дѣлѣ опасная—особенно на турецкомъ кораблѣ; огней не только не гасили при этомъ, но меня провожали четыре простыхъ фонаря, а въ крютъ-камерѣ, гдѣ порохъ былъ повсюду разсыпанъ, и картузы лежали кучами и подавались къ заряду безъ кокоръ, хотѣли еще вынуть свѣчи изъ фонарей, чтобы мнѣ лучше видѣть этотъ прекрасный порядокъ. Не понимаю, какъ не всѣ турецкіе корабли сами себя подымаютъ на воздухъ.

Главное строгое требованіе турецкаго адмирала было, чтобы всѣ корабли жались тѣснѣе и держали линію; да чтобы слуги дневали и ночевали безотходно у пушекъ. Прислуга каждаго орудія составляла артель, которая сидѣла тутъ на коврѣ или войлочкѣ. пила кофе и курила трубки. Для того въ каждомъ декѣ было по двѣ кофейни, гдѣ варили и жарили день и ночь. Все сидѣло или лежало весь день въ повалку, и турки не могли надивиться мнѣ, что я, котораго никто не погонялъ хлыстомъ или палкой, весь день ходилъ по кораблю; а когда я однажды полѣзъ на салингъ, чтобы высмотрѣть показавшееся издали судно, то вся команда высыпала на палубу, чтобы посмотрѣть на такое чудо.

Понадобилось взять рифы: для этого съ каждаго нока марса-рея человѣкъ спускался по шкаторинѣ марселя и съ большимъ трудомъ продѣвалъ штыкъ-болтъ въ люферсъ, въ которомъ не было желѣзнаго коуша. Впрочемъ, работы шли изрядно. Я хотѣлъ вразумить турокъ, но мнѣ отвѣчали, что такъ водилось всегда, и желѣзнаго коуша не нужно.

При лавировкѣ, эскадра всегда поворачивала послѣдовательно, т. е. одинъ корабль за другимъ; поэтому ночью, идучи разными галсами, корабли нерѣдко сваливались. Два несчастные корвета, между прочимъ, столкнулись такъ, что съ трудомъ доплелись послѣ до Босфора, а въ Стамбулѣ все перенолошилось, полагая, что весь флотъ разбитъ русскими и остались всего только два обломанныхъ корвета.

Эти ломки надоѣли пашѣ и онъ просилъ моего совѣта. Я предложилъ, чтобы вся эскадра поворачивала ночью вдругъ: это ему понравилось и онъ велѣлъ было мнѣ внести маневръ этотъ въ число сигналовъ; но обдумавъ дѣло, онъ часа черезъ два прислалъ за мною и съ важностью объявилъ, что не можетъ согласиться на мою выдумку. Я увѣрилъ его, что это вовсе не моя выдумка—но спросилъ, почему?—Потому, сказалъ паша, что тогда разстроится линія. Противъ этого нечего было сказать.

На шестой день мы заштилѣли, и страхъ былъ великъ, чтобы русскій флотъ не отрѣзалъ насъ отъ Босфора. Я предложилъ итти въ Сизополь, разорить и сжечь, что можно, и воротиться. Паша собралъ флагмановъ и командировъ для совѣта. Совѣтъ рѣшилъ, что предложеніе мое не годится. Я махнулъ рукой и поѣхалъ съ Нурей-бесмъ, командиромъ фрегата, обѣдать.

Фрегатъ этотъ, какъ всѣ суда турецкія, былъ очень чистъ и опрятенъ; турки моютъ палубы ежедневно и притомъ у нихъ вовсе нѣтъ привычки пле-

вать. Я наѣздникъ, говорилъ Нурей-бей, и до назначенія меня командиромъ на фрегатъ, ни въ морѣ, ни даже на суднѣ никогда не бывалъ. Вообще командиры турецкихъ судовъ, вовсе не зная дѣла, сидятъ за кофе и за трубкой, предоставляя офицерамъ полное распоряженіе; если ихъ во время работъ что нибудь обезпокоитъ, то такой командиръ вскакиваетъ и, отколотивъ чубукомъ или рупоромъ первыхъ двухъ или трехъ человѣкъ, кто попадется, опять садится на свое мѣсто и берется за трубку.

Однажды капуданъ-паша спросилъ меня, не хочу ли я видѣть сухопутную силу его, которая была также на кораблѣ, чего я дотолѣ и не зналъ, и тотчасъ же шесть жалкихъ солдатъ, съ барабанщикомъ и флейщикомъ, явились передъ нами. Они стали дѣлать ружейные пріемы и шутъ нашинскій, схвативъ чубукъ, сталъ ихъ передразнивать. Всѣ хохотали, и сами солдаты, и паша, и зрители.

Въ другой разъ я вышелъ чуть свѣтъ на палубу: мы несли бомъ-брамсели, реи были кой-какъ обрасоплены, команда и всѣ вахтенные спали, и съ подвѣтра угрожалъ шквалъ. Я разбудилъ вахтеннаго офицера, который простодушно спросилъ: «да что же теперь дѣлать?»—Толковать было некогда; я спѣшилъ убрать паруса, обрасопить реи, и едва справился, какъ жестокій шквалъ разметалъ весь флотъ. Паша съ безпокойствомъ вылѣзъ изъ конуры своей; я подошелъ къ нему и, сказавъ, что даже нижніе порты всѣ на-ночь оставались незакрытыми, прибавилъ: «если впередъ мы будемъ такъ безпечны, то легко можетъ случиться, что уснувъ спокойно на этомъ свѣтѣ, нечаянно проснемся на томъ.» Я не успѣлъ оглянуться, какъ вахтеннаго офицера схватили, чтобы, по приказанію паши, выкинуть за бортъ. Съ трудомъ я остановилъ казнь эту и успокоилъ разгнѣваннаго пашу.

Русскіе фрегаты въ теченіе десяти дней были постоянно въ виду. Наконецъ, я уговорилъ пашу послать на нихъ погоню. Послали фрегатъ и корветъ; мы шли подъ малыми парусами и ничѣмъ не могъ я убѣдить адмирала итти на прекрасномъ кораблѣ своемъ самому въ погоню. Онъ боялся русскихъ, какъ пугала, и вся команда также.

Наступила ночь. Одинъ корабль, флагманъ Реалъ-бей, уналъ далеко подъ вѣтеръ и не хотѣлъ прибавлять парусовъ. Паша былъ въ нерѣшимости, строить ли опять линію по этому кораблю, или лечь въ дрейфъ и выждать его. И это все дѣлалось при погонѣ за непріятелемъ! Стали совѣтоваться: одни говорили, что ночью строиться опасно, можно свалиться; другіе, зная слабость паши, полагали, что всего важнѣе выстроиться въ одну линію; шутъ утверждалъ, что если мы только начнемъ спускаться, то конечно нельзя будетъ остановить ни одного корабля, до самаго входа въ Босфоръ; буфетчикъ замѣтилъ, что ночью вообще мудрено что-нибудь сдѣлать; главный чубушникъ опасался за здоровье паши; а самъ паша, измоченный дождемъ, бѣгалъ въ сердцахъ и нерѣшимости взадъ и впередъ по шкафутамъ, съ трубкой въ одной рукѣ, съ рупоромъ въ другой, кашлялъ, сердился и не зналъ, что начать. Наконецъ явился главный поваръ и также началъ разсуждать. Вышедъ изъ терпѣнія, я взялъ его за оба плеча, повернулъ и оттолкнулъ; шутъ расхохотался, капитанъ тихонько пожалъ мнѣ руку, поваръ бранился. Наконецъ отправили тендеръ со строгимъ приказаніемъ къ Реаль-бею прибавить парусовъ, и въ одиннадцатомъ часу линія была выстроена и всѣ корабли несли огонь.

Порывистые шквалы стали усиливаться; встревоженный паша просилъ меня обойти весь корабль и осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Въ декахъ было вели-

колѣнное освѣщеніе, вся команда сидѣла по пушкамъ—но вездѣ встрѣчали меня просьбою присовѣтовать нашѣ спуститься къ Босфору. Утомившись, я прилегъ въ каютѣ на часокъ уснуть; вдругъ просыпаюсь отъ шума воды мимо борта... бѣгу на верхъ, и вижу, что мы летимъ въ полный бакштагъ по 12-ти узловъ!!

Я не сказалъ ни слова—говорить было поздно. Мы пролетѣли Босфоръ въ туманѣ и съ такою скоростію, что я увѣренъ, будь это русскій флотъ, онъ проскочилъ бы мимо всѣхъ береговыхъ батарей также благополучно, какъ и мы. Въ Буюкдере вся эскадра въ удивительномъ порядкѣ, въ одну линію, бросила якорь. Всѣ суда заняли обычныя свои мѣста.

Капуданъ-Паша донесъ султану, что подходилъ на видъ Сизополя и загнавъ русскій флотъ въ свои порты, остался повелителемъ Чернаго моря. Весь Стамбулъ говорилъ: Великъ Богъ!—и праздновалъ побѣду своего флота.

Закладъ

Англичанинъ—спорщикъ, охотникъ до закладовъ и притомъ отличный пловецъ—прибылъ во Францію на людей посмотрѣть и себя показать. Переѣхавъ проливъ и остановившись въ гостинницѣ въ Кале, онъ тотчасъ же сталъ разспрашивать, какіе въ этомъ приморскомъ городѣ есть извѣстные пловцы и водолазы. Ему назвали нѣсколько человѣкъ; онъ освѣдомился кто и гдѣ они, сказавъ, что желалъ бы съ ними познакомиться.

Англичанинъ пошелъ пройтись по городу, а хозяинъ гостинницы и нѣсколько дармоѣдовъ, занимающихся тѣмъ, чтобы ловить на удочку богатыхъ проѣзжихъ англичанъ, стали разспрашивать служителя пріѣзжаго гостя и, узнавъ все, что имъ нужно, то

есть, что онъ богатъ, чудакъ, спорщикъ, охотникъ до закладовъ и что ему нѣтъ ровни въ искусствѣ плавать и нырять — тотчасъ разгласили объ этомъ по городу.

Не успѣлъ онъ воротиться въ гостиницу, какъ къ нему уже явился скорый и бойкій французъ, сказавшій о себѣ, что онъ первый ловецъ и водолазъ во всей Франціи.

— А, сказалъ англичанинъ, а я не послѣдній въ своемъ отечествѣ; стало быть намъ не стыдно потягаться?

— Я готовъ, извольте назначить часъ, мѣсто и условія.

— Часъ—сказалъ англичанинъ—хоть завтра съ разсвѣтомъ; мѣсто—да вотъ взморье, у пристани; а условія—тысяча фунтовъ (на наши деньги 6 тысячъ цѣлковыхъ).

Ударили по рукамъ, пробесѣдовали дружно вечеръ, заняли условія и положили плыть вдоль берега, покуда одинъ изъ двухъ, выбившись изъ силъ, откажется.

Англичанинъ выходитъ въ назначенный часъ на берегъ, готовый кинуться въ море, и видитъ, что бойкій противникъ его ужъ тутъ и также готовъ, но тащитъ съ собой какой-то огромный мѣшокъ.

— Это что значитъ, спросилъ англичанинъ, который хотѣлъ пуститься въ море какъ мать родила и безъ всякихъ припасовъ.

— А это моя дорожная сума съ харчами,—сказалъ французъ; тутъ хлѣбца немного, сыру, ветчинки, баклага съ водой,—вѣдь воду, по которой мы поплывемъ, пить нельзя—да еще три бутылочки вина, для подкрѣпленія силъ.

— Къ чему же это, куда?

— Какъ къ чему! Да развѣ вы хотите меня уморить голодомъ? Этого уговора не было!

— Я полагалъ, что достаточно будетъ закусить на берегу, и пообѣдать по окончаніи дѣла?

— Благодарю покорно, я не намѣренъ во все время постничать.

— Да на сколько же времени вы собираетесь въ походъ? — спросилъ озадаченный англичанинъ.

— Не знаю; какъ сила возьметъ: я бывало сутки по трое и по четыре держался; я беру харчей на недѣлю. Говорится! ѣдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю.

Англичанинъ, не говоря ни слова, поклонился и, доставъ 6000 цѣлковыхъ, отдалъ ихъ французу, раскланялся и отправился домой.

Такимъ образомъ балагуръ-французъ получилъ закладъ, а еще никому не было извѣстно, умѣлъ ли онъ плавать!

Три супостата

Не знаю правда ли, а говорятъ, будто нашего брата русака подъ часъ одолѣваютъ три супостата прирожденные: *авось*, *небось*, да *какъ-нибудь*. Есть и пословица, сложенная на этотъ ладъ: русскій-де человѣкъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось, да какъ-нибудь.

Поклепъ это, какъ я полагаю, и русскій человѣкъ такому грѣху не причастенъ. Мало ли что врутъ; вѣдь говорится же и такая пословица: Бей русскаго, часы сдѣлаетъ! Такъ будто это и правда? Говорятъ же: мужикъ глупѣе вороны, и хитрѣе чорта,—такъ будто это и правда?

Однако, съ чего-нибудь да берутся такія рѣчи; отъ слова не сбудется; но слово-то съ чего-нибудь да взялось; съ вѣтру только губы смякнутъ.

Когда идешь на худое дѣло — не говори авось;

вотъ тутъ-то суностатъ этотъ и обманетъ. Не думай авось пройдетъ, авось не увидятъ, не узнаютъ — спохватишься шапки, когда головы не станетъ: авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ. А коли путное, молодецкое дѣло на умѣ, тогда пускайся смѣло на авось; тутъ оно рѣдко тебя выдастъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Когда худое на умѣ — не говори небось; безпутному дѣлу небось плохая подмога: авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ. Стыдно тебѣ станетъ, коли храбрость твоя пойдетъ на худое, да еще и удачи не будетъ: небось тебя выдастъ, какъ нить дастъ. А послѣ плохо, самъ знаешь: кайка-то есть, да воротьки-то нѣтъ! А коли закричатъ: охотнички за мной! Тогда, перекрестясь, говори небось, и поноси.

Третій недругъ нашъ, какъ-нибудь, это мужика посконная борода; онъ никуда не годится. Сдѣлать дѣло какъ-нибудь—наскрести на свой на хребетъ, ужъ это не только на путное дѣло не годится, а что бы ни взялъ въ голову либо въ руки, все дѣлай не по концамъ пальцевъ, не такъ, чтобы съ рукъ долой, а съ ногъ хоть собаки тащи — а дѣлай такъ, чтобы работа мастера хвалила. Говорится, что дѣло мастера боится, а иной мастеръ дѣла боится, и вотъ такимъ-то мастеромъ, который дѣла боится, не слѣдуетъ быть никому. Какъ-нибудь лапоть плетутъ, да и то концы хоронятъ, безъ этого нельзя. Какъ-нибудь хотѣлъ мужикъ мужика въ шею ударить, да свернулъ себѣ большой палецъ: и тутъ безъ сноровки нельзя. Какъ-нибудь тетерка шагаетъ, такъ и за то въ осилъ попадаетъ; безъ оглядки не ходи. Сдѣлаешь какъ-нибудь, такъ никакъ не будетъ, а хуже того, что и вовсе не сдѣлано.

Намъ,—говорятъ хорошія мастера,—лишь бы мѣрку

снять, да задатокъ взять; тѣсны сапоги разносятся, а просторные сядутся—такова наша работа!

А добрые люди отвѣчаютъ на это: не потрафлено, такъ прикинуто — и носи самъ; не умѣлъ играть комомъ — поиграй желвачкомъ. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ.

Такъ изъ трехъ свай этихъ, ребята, одна вовсе никуда негодится — ее надо покинуть въ землѣ, накласть угля на нее, а пусть она себѣ безъ помину пропадаетъ: этой третьей сваѣ кличка: — *какъ-нибудь*. А о двухъ первыхъ,—которымъ кличка авось, да небось, можно молвить такъ: вѣдь на авось мужикъ и хлѣбъ сѣетъ; коли дѣло таково, что рука не дрогнетъ перекреститься — то съ Богомъ, бери на авось и вѣруй въ небось, а коли нѣтъ—такъ брось.

Плѣнъ и побѣгъ

Въ 1807 году капитанъ В. М. Головнинъ, извѣстный послѣ плѣномъ своимъ у японцевъ, отправился на шлюпѣ Діана въ кругосвѣтное путешествіе. Это было первое на судиѣ русской постройки; шлюпы Надежда и Нева уже прежде этого, подъ начальствомъ И. Ѳ. Крузенштерна, первые подъ русскимъ флагомъ обошли вокругъ свѣта—но эти два судна куплены были въ Англіи.

Экипажъ Діаны былъ отборный; офицеры избраны были отличные; вооруженіе, запасы и всѣ принадлежности изготовлены и устроены были съ особенною заботливостію и знаніемъ дѣла.

Незадолго до выхода шлюпа изъ Кронштадта, государь вынужденъ былъ заключить миръ съ Наполеономъ—миръ не прочный, но кой-какъ державшійся до 1812 года миролюбіемъ царя нашего, который не хотѣлъ войны. Этотъ миръ не полюбился англичанамъ,

которые были и оставались въ ссорѣ съ французами и хотѣли принудить къ тому же другихъ. Отъ этого вышла у насъ съ ними размолвка.

Приплывши въ Англію и запасшись тамъ еще чѣмъ нужно было, В. М. Головнинъ, видя что дѣло между Англіей и Россіей можетъ дойти до разрыва, сталъ хлопотать о выдачѣ ему отъ англійскаго правительства свободнаго паспорта, какіе выдаются судамъ, идущимъ за ученьими розысками въ дальній и многолѣтній путь. Эти паспорты заведено выдавать разными государствами, на случай объявленія войны послѣ отбытія судовъ, въ томъ именно уваженіи, что такія суда, хотя и военныя, но отправлены не для войны, а для ученыхъ розысковъ на общую пользу

Паспортъ и былъ выданъ — но на бѣду въ тотъ самый день, когда объявлена была между Россіею и Англіею война. Діана отправилась и по необходимости зашла на мысъ Доброй-Надежды. Здѣсь стояла англійская эскадра и адмиралъ ея объявилъ, что не можетъ отпустить нашего шлюпа, а долженъ его задержать, до полученія изъ Англіи приказаній. Какъ ни горько, а надо было покориться силѣ.

Проходитъ одинъ мѣсяцъ за другимъ, наконецъ и цѣлый годъ — а англичане все еще держатъ шлюпъ нашъ, будто бы не получая изъ Англіи приказанія. У капитана уже почти недоставало средствъ содержать и продовольствовать команду; англичане ему не только не оказывали ни въ чемъ и никакой помощи, но напротивъ, старались всячески притѣснять, чтобы принудить отдаться добровольно въ ихъ руки: то требовали они, чтобы матросы наши высылались для работъ на англійскія суда — въ чемъ однакоже Головнинъ отказалъ на отрѣзъ—то грозили свезти команду нашу на берегъ и приставить къ шлюпу свой карауль

Видя, что положеніе его со дня на день становится хуже и что добра ожидать нельзя, командиръ Діаны рѣшился выручить команду и судно и уйти изъ залива при первомъ удобномъ случаѣ. Дѣло это было весьма трудное: Діану поставили въ самой глубинѣ, въ углу залива, подлѣ англійскаго адмиральскаго корабля и окружили многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ надо было проходить. Кромѣ того всѣ паруса были отвязаны и нельзя было привязать ихъ въ глазахъ англичанъ; провизіи свѣжей не было вовсе, а сухарей очень мало — за годъ всѣ съѣли — и заготовить ихъ также нельзя было, при наблюденіи непріятеля.

Головнинъ нарочно выѣзжалъ много разъ на шлюпкѣ изъ залива, наблюдая различіе вѣтровъ, которые въ самомъ заливѣ и въ открытомъ морѣ стояли всегда разные. Такимъ образомъ онъ узналъ, какого вѣтра ожидать въ морѣ, при такомъ-то вѣтрѣ въ бухтѣ, и, соображаясь съ этимъ, готовился. Съ большою осторожностію перевезли понемногу самый небольшой запасъ харчей и воды и, подготовивъ въ палубѣ паруса для привязки, ждали по ночамъ попутнаго вѣтру.

Въ половинѣ мая 1808 года, ночью, задулъ очень свѣжій NW; англійская эскадра чинилась, отдыхала и исправлялась еще къ выходу въ море; но телеграфомъ дано было знать съ вечера, что два судна идутъ съ моря: ихъ то всего болѣе надо было опасаться. В. М. Головнинъ надѣялся на темную и бурную ночь и на расторопную команду свою. Терять время было нечего; надо было рѣшиться; годичная неволя всѣмъ такъ надоѣла, что всѣ готовы были на отчаянное спасеніе.

Какъ только смерклось, на Діанѣ привязали втихомолку штормовые стакселя — другихъ парусовъ нельзя было привязать скрытно; тутъ нашелъ шквалъ

и командиръ, велѣвъ обрубить канатъ, поворотился на шпрингѣ и, поднявъ стакселя, пошелъ. Въ ту же минуту замѣчена была тревога на ближайшемъ англійскомъ суднѣ, отколѣ и закричали въ рупоръ адмиральскому кораблю, что русскій шлюпъ уходитъ.

На Діанѣ была тишина: никто не смѣлъ громко говорить, не только кричать. Миновавъ всѣ суда, она пустилась въ проходъ изъ бухты и въ то же время бросились подымать брамъ-стеньги, привязывать паруса: всѣ офицеры, гардемарины и унтера работали внизу, на реяхъ и марсахъ.

Несмотря на усилившійся вѣтеръ, дождь и темноту, въ два часа успѣли привязать фокъ и марселя и поставить ихъ, также вытрѣлили брамъ-стеньги, подняли брамъ-реи, поставили брамселя, подняли на мѣста лисель-спирты, изготовили къ подъему лисели; такъ, что если бы только вѣтеръ позволилъ, то и они были бы поставлены.

Въ десять часовъ Діана была уже въ открытомъ морѣ и англичане въ погоню за нею не поспѣли; такимъ образомъ кончился плѣнъ Діаны на мысѣ Доброй-Надежды, продолжавшійся годъ и 25 дней.

Уменьшивъ порцію, пустившись далѣе на югъ и далѣе отъ всѣхъ острововъ и береговъ, остерегаясь всякой встрѣчи и обогнувъ Новую Голландію, Діана во весь путь пристала къ одному только островку, лежащему въ сторонѣ отъ всякаго пути, и затѣмъ отправились прямымъ путемъ и пришла благополучно 23-го сентября 1810 года въ Камчатку.

Кривотолкъ

Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ! Такъ говорятъ люди въ оправданіе неправды своей. Но это кривотолкъ: пословица эта не для того сложена, чтобы

разрѣшить насъ во лжи и неправдѣ; пословица эта сложена въ духѣ смиренія и кротости, она говоритъ тоже, что: одинъ Богъ безъ грѣха, бабинъ сынъ не безъ грѣха; она сложена для того, чтобы мы прощали другъ друга, а не сами себя. Если товарищъ обидѣлъ или оболгалъ меня и покаялся, то я прощаю его, говоря: всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ; Богъ съ тобой, не обижай впередъ никого, а обидишь повинись.

А кто прилагаетъ эту пословицу къ себѣ, тотъ, какъ журавль, межи не знаетъ, а черезъ шагаетъ; онъ говоритъ еще: живутъ же люди неправдой—такъ и намъ не лопнуть стать. Вотъ какъ одинъ кривотолкъ доводитъ до другого! И эту пословицу сложили люди на смѣхъ и стыдъ тѣмъ, которые живутъ въ неправдѣ — а эти обрадовались ей, да и приняли, словно прямое и путное слово. Вѣдь сказалъ же цыганъ, что краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленной пригодится, такъ для чего бы намъ и не воровать! — Говорятъ: кто укралъ, на томъ одинъ грѣхъ; а у кого украли, на томъ десять. Къ чему это сказано? Къ тому, чтобы стереглись люди отъ поклепу; кого обокрали, тотъ клеплетъ въ бѣдахъ и сердцахъ всякаго и конечно грѣшитъ этимъ; а мнѣ случалось слышать, что воръ принялъ кривотолкомъ пословицу эту къ себѣ и говорилъ: на мнѣ меньше грѣха, чѣмъ на томъ, кого я обобралъ.

Къ доброму мостись, отъ худого пяться: ищи добра, а худое само придетъ. Дѣй добро, и жди добра: лучше самъ потерпи, а другого не обидь; легче быть въ обидѣ, чѣмъ обидчикомъ. Добрымъ путемъ Богъ правитъ. Намъ добро никому не зло — то законное житье.

Пароходъ Амазонка

Сколько ни толкуй людямъ, что въ несчастныхъ случаяхъ гибели на морѣ, суета и безпорядокъ первый губитель — а все неймется! Трудно въ такое время быть при себѣ, въ полной памяти и спокойствіи духа— да нельзя безъ этого; за это мы нерѣдко дорого приплачиваемся.

Отчего замѣчено, что при крушеніи купецкихъ и промысловыхъ судовъ, а также перевозныхъ, погибаетъ гораздо болѣе людей, чѣмъ при крушеніи военныхъ судовъ? — Оттого, конечно, что тутъ болѣе порядка и послушанія, а тамъ нѣтъ ни того, ни другого.

Большой, прекрасный и новый англійскій пароходъ Амазонка, пакетботъ или перевозное судно, отправилось изъ Англіи въ началѣ 1852 года, въ Америку (Западную Индію), съ полуторы сотнями путниковъ. Дня черезъ три, когда пароходъ былъ уже давно въ открытомъ морѣ, въ часъ по полудни закричали пожаръ! Одно несчастное и неосторожное слово это въ минуту произвело такую тревогу на пароходѣ, что люди бросались въ тѣснотѣ туда и сюда, съ воплемъ и крикомъ, сбивая другъ друга съ ногъ и не разсуждая, что этимъ можно только развѣ погубить себя, а не спасти.

Огонь показался съ правой стороны, на кубрикѣ или въ трюмѣ, и тотчасъ дымомъ завалило всю палубу; въ ту же минуту почти пламя пробилось и въ машинную. Шкиперъ выскочилъ полуодѣтый, сталъ распоряжаться — матросы принялись за дѣло, всѣ помпы пущены были въ ходъ; но пассажиры много мѣшали, увеличивая крикомъ и воемъ своимъ общій страхъ, а также бросившись самовольно къ гребнымъ судамъ, чѣмъ прочіе еще болѣе были напуганы, опасаясь, что суда будутъ нечаянно захвачены; другіе бросились отымать суда, третьи старались не допустить ни тѣхъ,

ни другихъ, и все это увеличивало страхъ и безпорядокъ.

Вскорѣ огонь одолѣлъ команду, такъ что принуждены были отступиться. Шкиперъ тотчасъ началъ спускать гребные суда, которыхъ было на пароходѣ столько, что они легко могли поднять всю команду и пассажировъ; но страхъ отнялъ у нихъ всякое послушаніе даже разумъ: толпами бросились они къ гребнымъ судамъ на боканцахъ, на кожухи, спускали и сбрасывали ихъ безъ всякой осторожности, безъ толку и порядка, не слушаясь никого, кидались въ нихъ толпами же, а какъ еще на бѣду волненіе было велико, то перегруженныя шлюпки, почти ни кѣмъ не управляемыя, опрокидывались и тонули одна за другою, и народъ тонулъ десятками.

Одинъ изъ спасительныхъ ботовъ уцѣлѣлъ; имъ овладѣли толковые матросы и спасли на немъ изъ воды до 20 человѣкъ. Прочіе едва-ли не всѣ погибли. Черезъ полчаса мачты взорвало на воздухъ. На другой или третій день ботъ съ народомъ встрѣтилъ и спасъ англійскій же купецъ, на бригѣ Маредонъ. Спасшіеся утверждали всѣ, что 146 товарищей ихъ погибли только отъ суеты, безтолочи и своевольства, обезпамятѣвъ въ страхѣ и не слушая ни приказаній, ни просьбъ ни даже наставленій и совѣтовъ для собственнаго ихъ спасенія

Акула

Акула, или какъ ее иногда называютъ, шарка, — также Іонинъ-китъ, — это самый злой и кровожадный звѣрь, изъ всѣхъ жителей морской глубины. Настоящая акула бываетъ до двухъ и даже трехъ саженъ длины, пасть у нея подъ исподомъ головы, какъ бы у нашего осетра, но только не такая: акула глотаетъ чуть не

по пуду мяса вдругъ; вотъ разсказъ моряка, бывшаго свидѣтелемъ поимки огромной акулы:

«Мы илыли у африканскихъ береговъ: матросы увидѣли акулу, которая долго держалась за кормой, будто ждала подачки, и просила позволенія потѣшиться: съ гика спустили чрезъ блокъ толстый лопарь, на который навязана была цѣпь съ острымъ крюкомъ и большимъ кускомъ мяса. Акула подошла къ приманкѣ и отстала опять; но въ то самое время, когда думали что она вовсе отказывается отъ закуски, она кинулась на нее стрѣлой и повернувшись въ полъ-оборота навзничь — потому что пасть у ней снизу — проглотила и мясо и крюкъ и съ четверть аршина самой цѣпи.

«Матросы съ крикомъ ура ухватились за лопарь, но акула съ такою люто стію бросалась изъ стороны въ сторону, что гикъ, а съ нимъ и весь югъ вздрагивали; надо было обождать и дать звѣрю уходиться. Онъ бросался отвѣсно въ глубину и, засаживая себѣ крюкъ еще глубже въ тѣло, вдругъ останавливался, рванувъ цѣпь такъ, что гикъ дрожалъ и покачивался; боялись, чтобъ толстый стропъ отъ блока не оборвался и закрѣпили конецъ лопаря за кнехтъ у бизань-мачты; потомъ акула пустила слабину и вдругъ опять метнулась въ сторону и пошла ходить на кругахъ, подергивая цѣпь туда и сюда. Наконецъ она утомилась; тогда стали ее подымать и послали расторопнаго матроса на гикъ, съ петлей въ удавку, чтобы подвести ее снизу и накинуть на акулу съ хвоста.

«Между тѣмъ она, будучи подвѣшена за крюкъ, отрывисто вздрагивала, изгибалась и хлестала плескомъ; темная кровь лилась у нея изъ пасти, въ которой видны были по временамъ нѣсколько рядовъ острыхъ, треугольныхъ зубовъ, точно будто бы поставлено было рядомъ, одна за другою, нѣсколько крупныхъ пилъ.

«Проморивъ ее тутъ на вѣсу часа два, наконецъ рѣшились вытащить на ютъ: но только что она послышала недъ собою опору, какъ начала хлестать и метаться во всѣ стороны, такъ что нельзя было приступиться. Съ трудомъ ее добили и не довѣряя смерти этого опаснаго и живучаго звѣря, напередъ всего отрубили ему голову, а потомъ уже распазили. Въ 1828 году Готье, командиръ французскаго корабля, также поймалъ акулу, и считая ее уже давно мертвою - - потому что она была разрублена и распажена—хотѣлъ разсмотрѣть пасть и четыре ряда зубовъ ея. Не успѣлъ онъ всунуть неосторожно руку въ страшную пасть эту, и раскрыть ее, какъ она судорожно сомкнулась, и всѣ пальцы съ половиною кисти руки капитана Готье, какъ отсѣченные самымъ острымъ топоромъ, остались въ закрытой пасти.»

Мясо акулы ѣдятъ, но оно жестко. У ней пасть далеко отнесена отъ носу, подъ исподъ головы и распорота поперегъ, дугой. Это самая прожорливая тварь, которая у неосторожныхъ купальщиковъ нерѣдко отхватываетъ какъ ножемъ руку или ногу.

Весьма замѣчательно, что передъ акулою всегда плаваетъ быстрая маленькая рыбка, называемая лоцманомъ; иногда ихъ бываетъ двѣ, три, но всегда онѣ играя взадъ и впередъ и около чудовища, какъ будто состоятъ при немъ для прислуги на посылкахъ и никогда его не покидаютъ. Говорятъ, что рыбка эта живетъ пометомъ акулы, а потому и не отходитъ отъ нея.

Встрѣча морского царя

Почти у всѣхъ европейскихъ народовъ заведено праздновать въ морѣ день перехода судна черезъ экваторъ или равноденственный кругъ: это самая срединная полоса земного шара; средина жаркаго пояса. При

этомъ поздравляютъ, а иногда и купаютъ или окачиваютъ водою тѣхъ, кто въ первый разъ переходитъ изъ сѣвернаго полушарія въ южное. Распоряжается всѣми затѣями обыкновенно первый мазонскъ и проказникъ между матросами, которому командиръ дозволяетъ явиться на шканцы въ нарядѣ морского царя, или дѣдушки-водяного.

Первое русское судно перешло экваторъ 1803 года 26-го ноября, подъ командой капитана И. Ѳ. Крузенштерна. Одинъ только командиръ до этого бывалъ уже въ южномъ полушаріи; остальные всѣ были новички. Должность дѣдушки-водяного, который въ пеньковомъ парикѣ и тулупѣ наизнанку вышелъ встрѣчать гостей своихъ, поручена была матросу Павлу Курганову. Онъ явился съ острогой или трезубцемъ, красно балагурилъ, много насказалъ о чудесахъ жаркихъ странъ и выпросилъ у командира по чаркѣ вина на команду, такъ какъ у его самаго для потчиванья и угощенія дорогихъ гостей не было никакихъ запасовъ, кромѣ морской соленой воды. Этою водою онъ и окатилъ, на угощеніи, всю команду. Обыкновенно все это дѣлается такъ.

Получивъ тайкомъ позволеніе командира потѣшиться, морской-царь засылаетъ гонца, передового, разубраннаго флагдукомъ и расписаннаго въ лицѣ сажей и мѣломъ. Гонецъ этотъ иногда ходитъ на деревяшкѣ или на костыляхъ и торопится въ припрыжку изъ-подъ бака на ютъ. По слову: милости просимъ—выползаетъ изъ форъ-люка самъ морской-царь, подъ вывороченнымъ тулупомъ, въ шутовской шапкѣ, съ острогою въ одной рукѣ и съ кузнечнымъ мѣхомъ въ другой: значитъ онъ же и царь вѣтровъ. Иногда царедворцы сажаютъ его на колесницу, изъ пушечнаго станка, въ которую запряжены львы или медвѣди. У царедворцевъ его, у кого рыба въ рукахъ, у кого ракъ или раковина, и у всякаго по ведру воды изъ-за борта.

Поѣздъ этотъ тянется до сборнаго мѣста, на шканцахъ или шкафутахъ. Тутъ водяной допрашиваетъ команду, зачѣмъ они пришли въ царство его и требуетъ съ нихъ за это дань. Послѣ разныхъ шутокъ, онъ освобождаетъ отъ дани всѣхъ тѣхъ, кто уже проходилъ царство его, то есть экваторъ, и платилъ пошлину прежде, а остальныхъ окачиваетъ водой.

Иногда водяной высылаетъ послѣ гонца звѣздочетовъ своихъ, которые берутъ высоту солнца, дѣлаютъ счисленіе и объявляютъ, что корабль вошелъ въ царство водяного и вотъ сейчасъ только переваливается изъ сѣвернаго полушарія въ южное.

Конецъ всего этого — много шутокъ и смѣху, да чарка вина.

Животныя

Изъ животныхъ сосцовыхъ, т. е. которыя кормятъ дѣтенышей сосцами, самое большое на сушѣ — слонъ, а въ водѣ—китъ. Слонъ бываетъ вышиною до двухъ, а длиною до двухъ съ половиною саженъ; китъ длиною до двадцати и болѣе саженъ, а въ обхватѣ на половину. Самое малое животное, напротивъ, мышь-землеройка, которая водится изрѣдка около Уральскихъ горъ: вся длина тѣла ея съ небольшимъ въ дюймъ. Но самое высокое на переднихъ ногахъ животное жирафъ; у него долговязая шея, въ сажень; отъ переднихъ копытъ до вершины маленькихъ рожковъ на головѣ, безъ малаго три сажени, а задъ вдвое ниже. Онъ мастью чубарый, ѣстъ древесный листъ и живетъ въ Аѳрикѣ. Изъ числа плотоядныхъ — самый большой звѣрь ледовитый или бѣлый медвѣдь.

Изъ птицъ голенастыхъ (какъ куры), самая большая страусъ, называемый также строфокамилъ. Отечество его африканскія безводныя степи; эта птица выше сажени и почти безкрылая; летать онъ не можетъ, а

бѣжитъ шибче лошади. Арабы иногда пріучаютъ ее подъ сѣдло: она легко подымаетъ на себѣ человѣка. Изъ плотоядныхъ птицъ самая большая царь-коршунъ, или грифъ, въ американскихъ высокихъ горахъ; ширина полета его двѣ сажени. Онъ впрочемъ питается только падалью. Изъ лапчатыхъ птицъ, баба больше всѣхъ тѣломъ, а тагакъ или альбатросъ—родъ бурной птицы—самая большая по ширинѣ полета. Самая крохотная птичка—это медососы или колибри, въ жаркихъ краяхъ; иныя изъ нихъ не болѣе нашего шмеля.

Изъ гадовъ надо назвать, какъ самыхъ огромныхъ, морскую черепаху-великана, въ сажень длины; крокодила, похожаго на ящерицу, но длиною иногда до трехъ саженъ, и наконецъ змѣю удава, саженъ пяти и болѣе. Всѣ эти животныя ѣдятъ одну скоромъ; крокодилъ и удавъ хватаютъ довольно крупную скотину и не брезгаютъ, если попадется, человѣкомъ.

Изъ рыбъ, самая большая наша бѣлуга; извѣстно, что изрѣдка попадалась она длиннѣе двухъ саженъ, а вѣсомъ болѣе 50-ти пудовъ. Впрочемъ, акула бываетъ длиннѣе, но гораздо поджарѣе.

Пожаръ и потопъ

Прусскій вольный корабельный мастеръ Якимъ Нетельбекъ работалъ со своими плотниками на верфи, у Кенигсберга, когда пробѣжалъ по народу крикъ и говоръ, что на устьѣ рѣки Прегеля, въ купецкой гавани, загорѣлся голландскій корабль со льномъ. Мастеръ Якимъ бросился со своимъ народомъ туда — и увидѣлъ, что пламя уже вскидывало конскимъ хвостомъ вверхъ изъ кормовыхъ портовъ голландца; народъ же прорубилъ палубу во многихъ мѣстахъ и заливалъ пожаръ сверху водою. Но этимъ давали только огню

больше простора, а ведрами уже нельзя было его унять. Между тѣмъ вокругъ стояло множество другихъ судовъ, а на самомъ берегу были товарные склады и запасы.

Видя, что на мѣстѣ нѣтъ путнаго указчика и что, того гляди, всю гавань охватитъ огнемъ, мастеръ Якимъ кинулся на горящее судно: схватилъ за плечо шкипера и закричалъ:—Ты обезумѣлъ, сердечный! Что ты дѣлаешь? Вели скорѣе затопить судно, тебѣ нѣтъ другого спасенія.

Но ни шкиперъ, ни другой кто не хотѣлъ слушать этого совѣта; всѣ метались, словно безъ ума, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ — а пожаръ усиливался, пламя хлестало во всѣ концы и выживало людей. Якимъ схватилъ за руку одного изъ своихъ плотниковъ, соскочилъ съ нимъ въ шлюпку и, придержавшись у борта горящаго корабля, приказалъ ему прорубить дыру въ обшивкѣ, вплоть у воды. Но плотникъ, боясь отвѣта, отказался.

Якимъ выхватилъ у него изъ рукъ топоръ, приказалъ ему держаться крюкомъ у борта, и принялся самъ рубить. Какъ только прорубилъ онъ окошко, то пошелъ рубить его ниже и ниже, покуда не хлынула въ него вода. Тотчасъ бросился онъ на судно, гдѣ толпилась сотня безтолковаго народа, и кричалъ, расталкивая всѣхъ вправо и влѣво: спасайтесь на берегъ, судно тонетъ! Слышите, судно идетъ ко-дну, спасайтесь!

И точно, корабль началъ ложиться на бокъ; тогда народъ очнулся и, повѣривъ Якиму, бросился по сходнямъ на берегъ. Вскорѣ судно, оправившись, стало садиться, и сѣло на дно, погрузившись до половины мачтъ.

Тревога затихла, огня не стало, всѣ смотрѣли разиня ротъ и спрашивали: Кто это сдѣлалъ!—Кто зато-

пилъ судно?—Я затопилъ,—отвѣчалъ мастеръ Якимъ, а самъ пошелъ домой.

Шумъ и говоръ пошелъ по всему городу; всякъ судилъ и рядилъ по своему—а на другой день Якима потребовали въ судъ.—Мнѣ прочитали показаніе просителей въ томъ,—говоритъ мастеръ Якимъ,—будто я затопилъ корабль съ товаромъ и причинилъ этимъ на сотню тысячъ рублей убытку. Такъ ли, спросили, меня, и что скажешь въ оправданіе свое?

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ я, да что же болѣе тутъ дѣлать было? Вѣдь судно все стояло въ огнѣ, ленъ въ трюмѣ горѣлъ ярымъ пламенемъ, которое выбивало уже во всѣ концы; неужто такой пожаръ вы зальете ведромъ? Да кабы можно было погасить его, такъ развѣ задушить подъ палубой, закрывъ всѣ люки—но и этого нельзя: ленъ не такой товаръ, а тутъ еще принялись прорубать палубу! Пошлюсь на тысячу свидѣтелей, что судно чрезъ четверть часа стояло бы въ огнѣ кругомъ; тогда не было бы къ нему никакого приступа и вскорѣ не только вся купецкая гавань была бы обнята пламенемъ, а сгорѣли бы и склады и запасы, и цѣлые ряды сараевъ и навѣсовъ на берегу—да Богъ вѣсть, кто порукой, можетъ-статься и весь городъ Кенигсбергъ! Посудите, господа, и порядите праведно, по-людски и по-Божьи: я худа не сдѣлалъ, а спасъ только гавань, верфи и городъ отъ большой бѣды!

Обсудивъ дѣло на мѣстѣ, судъ опять призвалъ въ присутствіе, какъ просителей, такъ и корабельнаго мастера Якима, и объявилъ ему, мастеру Якиму, отъ имени города и начальства благодарность. Хозяинъ затопленнаго судна и купцы, нагрузившіе на него товаръ свой, почесали затылки, но наконецъ, подавъ Якиму руки, сказали: Ты правъ Якимъ, и дѣло твое правое.

Битва съ индѣйцами

Лѣтъ 30 тому, на сѣверѣ Америки было еще мало поселеній и купецкіе корабли ходили къ этимъ берегамъ только для промѣна бусъ, бисера, ножей — и на бѣду свою также ружей и пороха,—на рухлядь. Корабль, на которомъ я служилъ штурманомъ, занимаясь уже нѣсколько мѣсяцевъ этою мѣною, подвигался изъ бухты въ бухту далѣе на сѣверъ. Старикъ индѣецъ, прибывшій къ намъ на челнокѣ, вызвался привести насъ въ безопасную бухту, гдѣ обѣщалъ очень выгодную мѣну. И точно, онъ привелъ насъ къ удобному якорному мѣсту, прикрытому съ моря островкомъ. Но мѣсто было тѣсное и мы стояли не далѣе тридцати саженъ отъ береговъ.

Индѣецъ, котораго мы прозвали Присѣдалой за то, что онъ припадалъ каждый разъ, когда мы стрѣляли изъ ружья, оставилъ насъ, а мы, осмотрѣвшись, взяли кой-какія осторожности, зная, что здѣшнимъ дикарямъ нельзя класть пальца въ ротъ. Вскорѣ онъ воротился съ товарищами и мы выгодно вымѣняли у нихъ до сотни бобровъ и выдръ; они обѣщали привезти еще много товару и шкиперъ рѣшился простоять тутъ нѣсколько дней. Присѣдало и товарищъ его Русъ остались на суднѣ, прочіе воротились на берегъ, куда отправилась и часть нашихъ. Но весь берегъ былъ покрытъ непроходимымъ, вѣковымъ лѣсомъ, почему мы сѣли опять въ шлюпку и переѣхали на островъ, за которымъ стояли.

Здѣсь мы нашли слѣды индѣйскаго стана и много огнищъ; а расхаживая по острову, мы вскорѣ нашли дурныя для себя примѣты: здѣсь очевидно сожжено было по частямъ европейское судно: по остаткамъ видно было, что все желѣзо, гвозди, петли, крючья

были отодраны и вынуты. Я, призадумавшись, сѣлъ на плиту, которая подо мною покачнулась; желая поправить ее, я увидѣлъ подъ нею кусокъ аспидной же плиты, съ надписью. Вытащивъ ее, я созвалъ товарищей и прочиталъ:

«Дикіе заманили сюда 9-го іюня 1784 года американскій промысловый бригъ Боберъ, напали и вырѣзали его ночью, а потомъ сожгли.»

Положеніе наше было не завидно. Шкиперъ хотѣлъ бы сняться съ якоря и уйти, но вѣтеръ былъ противный. Оставалось утѣшиться тѣмъ, что Боберъ, вѣроятно, былъ вырѣзанъ другимъ племенемъ, а наши пріятели, Присѣдало и Русъ, были на видъ простодушны и, казалось, зла не замышляли. Шкиперъ приказалъ намъ однакоже остерегаться, не пускать вдругъ болѣе трехъ гостей на судно и держать ночью строгій караулъ.

Русъ и Присѣдало ничего не знали о погибшемъ здѣсь за нѣсколько лѣтъ суднѣ, а выпросились ночевать у насъ. Оба старика эти были безоружны и очень сдружились съ нами. Въ ожиданіи продолженія выгодной мѣны, имъ шкиперъ позволилъ переночевать на шканцахъ. Они оба давно уже спали крѣпкимъ сномъ, когда я вполночь вышелъ на вахту и присѣвъ безпечно у борта—не могу сказать что задремалъ,—но забылся, вспоминая прошлое. Вдругъ мнѣ платкомъ затянули ротъ и въ то же время руки мои были за спиною, какъ скованныя... Оглянувшись съ трудомъ, я увидѣлъ за собою Руса и Присѣдала. Они связали меня по рукамъ и по ногамъ, а платокъ во рту не давалъ мнѣ подать голоса. Я былъ одинъ наверху; матросъ, назначенный на часы, сошелъ внизъ, и этою-то оплошностію враги наши воспользовались. Вывѣсивъ для знака товарищамъ своимъ фонарь за бортъ, они сами стали на часы у люковъ. Не прошло

десяти минутъ, какъ кругомъ изъ за-борта, молча, стали показываться дикари, какъ тѣни; они приставали къ судну и поднимались на него такъ тихо, что я ихъ только видѣлъ, но почти ничего не слышалъ. Они заняли люки и перешептывались.

Я услышалъ голосъ шкипера, который меня звалъ; я едва могъ промычать горломъ и несчастный начальникъ нашъ, не слыша отвѣта и не зная, что дѣлается, сталъ подыматься по трапу... каждая ступня его отдавалась у меня, какъ ножъ въ сердцѣ, я зналъ что его ждетъ. Едва показалась непокрытая голова его сверхъ люка, какъ раздался по ней глухой ударъ кистеня, которымъ можно было свалить быка. Разбойники, не давъ убитому упасть, подхватили его подъ руки и выкинули за бортъ.

Убивъ капитана, дикари закрыли и заколотили всѣ люки. Въ палубѣ сдѣлалась тревога, но поздно. Увѣрившись въ побѣдѣ своей, разбойники развязали мнѣ ноги, ослабили веревку на рукахъ, сняли повязку со рта и, подведя къ люку, знаками приказывали мнѣ объясниться съ плѣнными товарищами.

Я подалъ голосъ—помощникъ шкипера обозвался и спрашивалъ, что сталось?

— Капитанъ убитъ, сказалъ я, люки заколочены, а я здѣсь въ плѣну. Думай, и будь остороженъ!

Помолчавъ нѣсколько, товарищъ мой спросилъ: —Воленъ ли ты въ словахъ своихъ, можешь ли говорить?

— Меня двое держатъ, отвѣчалъ я, и заставляютъ говорить съ тобой — но можетъ быть они нѣсколько понимаютъ языкъ нашъ.

— Такъ и мы понимаемъ другъ друга, сказалъ тотъ: много ль вамъ лѣтъ на шканцахъ?

— Годовъ тринадцать будетъ,—отвѣчалъ я, понявъ, что онъ спрашиваетъ много ли дикихъ.

— Съ хлопушками, продолжалъ онъ, или только съ игрушками?

— Съ пятокъ хлопушекъ будетъ, но игрушками также не шути: къ рукамъ пришлись.

Индѣйцы, видно смѣтивъ, что мы говоримъ лишнее, оттащили меня опять и посадили на ютъ. Русъ былъ старшина, ему всѣ повиновались; онъ ждалъ разсвѣта и подкрѣпленія. Такъ прошла ночь. Со свѣтомъ по рѣзкому свисту Руса, которому отвѣчали изъ лѣсу, индѣйцы стали прибывать толпами; я насчиталъ ихъ болѣе сотни. Меня развязали вовсе; я завидовалъ товарищамъ своимъ, которые, сидя внизу, могли бы за одинъ разъ поднять и себя и разбойниковъ этихъ на вездухъ.

Они собрали нѣсколько концовъ, спустили ихъ на ялъ нашъ, привязали одинъ конецъ къ мачтѣ нашего судна, взяли ялъ лодками своими на буксиръ и, передавъ конецъ на островъ, при входѣ въ бухту, принялись тащить туда судно наше. Они не доглядѣли, что оно стояло на якорѣ; но смѣтивъ скоро, въ чемъ дѣло, отыскали топоръ, отрубили канатъ и опять принялись на островкѣ за веревку.

Въ это самое время изъ шкиперской каюты раздался ружейный залпъ: я вскочилъ—крикъ и вой дикихъ указалъ мнѣ, куда глядѣть; я увидѣлъ, что наши подстерегли и перебили ихъ одиннадцать человѣкъ, проѣзжавшихъ мимо на двухъ лодкахъ. Нѣкоторые изъ дикихъ бросились было на меня, но Русъ, вѣроятно предвидя, что я имъ еще нуженъ, или считая меня невольникомъ своимъ, погрозилъ имъ и они отошли. Часть дикихъ кинулась на берегъ, подхватить убитыхъ и раненыхъ; другая была на острову и тащила туда судно наше, но обѣ шайки были раздѣлены и первые не смѣли приблизиться къ кормѣ нашего судна, ни пройти мимо его къ острову.

Дикари на острову, въ злобѣ своей, стали тянуть бичеву съ такою силою, что порвали ее; судно было на ходу къ острову и отливомъ несло его туда же; стоя у штурвала, среди дикихъ, я невольно положилъ право руля—и судно наше не ударилось на мель, а покатилось влѣво и вошло въ проливъ, ведущій въ открытое море. Я и самъ не знаю, какъ и почему я это сдѣлалъ; я не могъ надѣяться спасти судно; но привычка великое дѣло: мы шли прямо на берегъ, руль былъ у меня въ рукахъ—и я положилъ его право, чтобы не удариться о берегъ. Дикари были перепуганы, не совсѣмъ понимали то, что я сдѣлалъ, и сами не знали, что начать. Большая часть ихъ бросилась за бортъ и поплыла къ острову—но до 25-ти человѣкъ и съ ними Русъ остались, хотя судно наше несло теченіемъ мимо острова въ море. Я былъ въ страхѣ и надеждѣ, не зналъ, что будетъ, и про себя молился. Я хотѣлъ было открыть одинъ люкъ, но толчекъ кистенемъ и ножъ въ рукахъ Руса заставили меня отойти.

Между тѣмъ судно вышло изъ пролива и легкій вѣтеръ понесъ его далѣе отъ берега. Дикари опомнились: Русъ подошелъ ко мнѣ и, замахнувшись нѣсколько разъ ножемъ, приставилъ его къ груди моей, требуя знаками, чтобы я правилъ къ берегу. Я объяснилъ ему, что вѣтеръ отъ берегу, и что во всякомъ случаѣ безъ парусовъ ничего нельзя сдѣлать. Онъ понялъ меня и требуя указанія, какой парусъ и какъ отдавать и ставить, тотчасъ самъ съ товарищами принялся за работу, продолжая впрочемъ грозить мнѣ по временамъ ножемъ.

Такимъ образомъ поставили мы гротъ, фокъ и бизань; дѣло шло очень медленно, потому что дикари не умѣли за него взяться, хотя и старались всѣми силами, и Русъ видѣлъ, что не по моей винѣ насъ

отнесло уже на полмили отъ береговъ. Онъ былъ въ видимомъ страхѣ, но надѣялся на меня и на страшныя угрозы свои. Конечно, они бы давно меня убили, еслибы только съумѣли безъ меня справиться съ судномъ. Они стали нудить меня все болѣе, а я старался объяснить имъ направленіе вѣтра и дѣйствіе парусовъ, доказывая, что не въ моей власти перескочить на берегъ и что надо еще прибавить одинъ парусъ — а именно, кливеръ. Они поняли меня и когда мы развязали его и я имъ показалъ кливеръ-фалъ, то они всѣ толпою кинулись подымать его съ такимъ усердіемъ, какъ лучшіе матросы.

Мы отошли отъ берега на цѣлую милю; множество лодокъ съ дикими выѣхало, но всѣ они въ страхѣ и недоумѣніи держались кучкой на половинѣ этого разстоянія. Надобно сказать, что я съ отчаянія закурилъ цыгарку, подавъ другую Русу, который также курилъ; мнѣ пришло въ голову, что дикари въ лодкахъ не могли знать, что у насъ дѣлается и, что постановка столькихъ парусовъ должна была ихъ озадачить; пушки наши были заряжены картечью, и въ то самое время, когда судно при поднятіи кливера покатилось къ вѣтру, а всѣ дикари продолжали съ крикомъ надраивать фалъ его и шкотъ, одно изъ орудій, къ которому я подскочилъ отъ руля, пришлось прямо по направленію лодокъ: не долго думавъ, я приложилъ цыгарку къ запалу—и самъ отскочилъ назадъ къ питурвалу.

Картечь легла очень близко отъ лодокъ; всѣ онѣ, полагая, что мы овладѣли судномъ, быстро пустились къ берегу. Мои дикари со страшнымъ визгомъ бросились ко мнѣ; но они остановились въ страхѣ и недоумѣніи, не зная, я ли причиною этой суматохи; а я указывалъ имъ въ палубу, стараясь увѣрить, что не я выстрѣлилъ, а запертые товарищи мои. Ничего

ле понимая—хотя въ палубѣ ни портовъ, ни пушекъ не было—дикари со страхомъ и бѣшенствомъ на меня смотрѣли и не знали, что дѣлать.

Вѣтеръ былъ слабый, но изрядная зыбь, и къ крайней радости моей я замѣтилъ, что многихъ незванныхъ гостей моихъ, съ непривычки, стало укачивать. Время шло, мы уходили отъ береговъ, и въ отвѣтъ на страшныя угрозы Руса съ братіею, я отступился отъ руля, показывая, что необходимо поставить марсели, безъ которыхъ лавировать нельзя. Я, наконецъ, однакоже долженъ былъ сдѣлать что нибудь, иначе они бы меня, безъ сомнѣнія, убили; приведя къ вѣтру, я сталъ поворачивать и къ неожиданности моей поворотилъ съ этимъ безтолковымъ экипажемъ и легъ на другой галсъ.

Убѣдившись, что судно идетъ къ берегу, индѣйцы ревѣли и плясали отъ радости, а въ то же время другихъ рвало, четырехъ такъ укачало, что они растянулись на палубѣ и стонали.

Дикари держались между гротъ и бизань-мачтами и неохотно стояли на бакѣ, потому что носъ болѣе качало и имъ страшно было смотрѣть, какъ по временамъ волна обдавала галіонъ. Я постучалъ въ задній люкъ — штурманъ тохонько отвѣтилъ: идите всѣ къ форъ-люку, сказалъ я, и стойте на трапѣ. Самъ я пошелъ на бакъ, брался за разныя снасти, будто для управленія; часового у этого люка сильно укачало, но онъ былъ вооруженъ отнятыми у меня пистолетами. Люкъ этотъ былъ только покрытъ глухой крышкой и черезъ нея перекинута желѣзная полоса съ наметкой; я вдругъ нагнулся, выдернулъ кляпышъ и откинулъ полосу; часовой припалъ, чтобы удержать люкъ, закричавъ изо всей мочи, но крышка уже слетѣла, весь экипажъ нашъ выскочилъ, а я обнявъ часового съ пистолетами, катался съ нимъ по палубѣ.

Наши встрѣтили толпу дикарей такимъ отчаяннымъ натискомъ, что не далѣе какъ въ десять минутъ вся палуба была очищена. Убитыхъ было не болѣе семи, остальные въ страхѣ сами кинулись за бортъ, и всѣ перетонули; одного только Руса мы вытащили и, повѣсивъ на рею, подошли къ острову, чтобы показать его дикимъ; съ которыми простились картечью.

Къ закату солнцу мы уже все привели въ порядокъ и, оплакавъ несчастнаго шкипера своего, пустились въ дальній путь. Если и моя неосторожность чуть не погубила насъ всѣхъ, то покрайности оставалось мнѣ то утѣшеніе, что мнѣ уже удалось и спасти судно.

Бесѣда за хлѣбомъ-солью

У Ермила, пришедшаго домой въ числѣ безсрочныхъ, былъ зажиточный отецъ. Ермилъ съ набору попалъ въ армію, въ пѣхоту, прослужилъ ни много, ни мало, да честно и въ свою очередь отпущенъ былъ до призыва.

Отецъ обрадовался Ермилу, угощалъ и потчивалъ его — а и того пуще мать напекла ему пироговъ да ватрушекъ — и задумали на праздникъ позвать гостей изъ сосѣднихъ селеній: двоихъ товарищей Ермила, да еще двоихъ безсрочныхъ же, которые воротились почти о ту же пору, а служили во флотѣ.

Сошлись они, ѣли—пили чинно, потомъ развеселились за пирогами, да за брагой, и бесѣда пошла поразвязнѣе, а старики, глядя на нихъ, любовались. Ѣли они и пили — да не въ брагѣ сила, а въ бесѣдѣ. Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда; а безъ бесѣды, и хлѣбъ-соль въ глотку не пойдетъ.

Вотъ подумаешь, сказалъ солдатъ Токаревъ, жили дома—только намъ и свѣту было, что въ окнѣ: анъ на улицу выйдешь — больше увидишь. Немного мы съ

тѣхъ поръ на свѣтѣ пожили, да много видѣли. Вотъ и я видалъ иныя прочія земли, примѣромъ сказать: польскую и нѣмецкую стороны, турецкую, гдѣ на-голо все турки, и Персію, гдѣ тѣ же турки—только что черноволосые, да въ черныхъ смушетыхъ шапкахъ да говорятъ по своему, по персидски. Турки однако побравѣе персіанъ, а персіане поплутоватѣе будутъ; а поляки перещеголяли и тѣхъ и другихъ; поудалѣе турокъ и поплутоватѣе персіанъ. А все народъ разный и всякому на уразумѣніе данъ свой языкъ!

— Да, много исходили, сказалъ другой солдатъ, Дрягаловъ, а все чай того больше осталось свѣту не исхоженнаго; кто сколько ни хаживалъ, а никто конца свѣту не видалъ!

Хозяйскій сынъ, который угощалъ радушно товарищей, не перебивалъ бесѣды ихъ своими разсказами, а чинно слушалъ, да развѣ только поддакивалъ. Онъ на рѣчь Дрягалова замѣтилъ только, что вотъ-де и у нихъ въ полку былъ старый фельдфебель, съ шевронами во все плечо, такъ и тотъ сказывалъ, что-де никто всего свѣту не исхаживалъ, никто конца ему не видывалъ.

— А у насъ старый каптенармусъ былъ,—подхватилъ Токаревъ, — такъ тотъ ужъ гдѣ не бывалъ! Онъ сказывалъ, что самъ вездѣ былъ и самъ видѣлъ, что нѣтъ тому свѣту конца.

— Ну вотъ, похвалился, сказалъ Дрягаловъ: такъ что жъ онъ и видалъ-то, коли видалъ, что нѣтъ конца? Стало быть, не вравши, и сказалъ бы просто, каптенармусъ твой, что я-де не видалъ его, не доходилъ то есть до конца, а другіе можетъ статься и видѣли.

Матросъ Склянкинъ утеръ губы кулакомъ, а кулакъ чинно вытеръ объ утиральникъ, помоталъ головой да усмѣхнувшись погрозилъ Дрягалову:—Не говори, парень, — вотъ я и не съ эстолько служилъ, можетъ

статься, какъ твой каптенармусъ, а видалъ своими глазами, что свѣту нѣтъ конца!

Товарищи вытаращили глаза на Склянкина и не знали, шутитъ ли онъ, или въ росхмѣль чушь несетъ. —Что, сказалъ онъ, аль не вѣрится вамъ? Вотъ хоть побожиться такъ не грѣшно: самъ былъ и самъ видѣлъ, что нѣтъ конца свѣту, а все равно растилается во всѣ стороны, куда ни поди!

— Экой ты, молвилъ Дрягаловъ, такъ вѣдь то-то оно и есть: ну, стало быть и ты, хоть и далеко заходилъ, а все до конца не дошелъ.

— У кольца нѣтъ конца, сказалъ Склянкинъ, такъ и не найдешь его. Вонъ, гляди тараканъ по квашнѣ бѣжитъ: ну какъ онъ бѣжитъ кругомъ, да воротится на то же мѣсто, такъ видѣлъ онъ, аль нѣтъ, что поперекъ кадки нѣтъ конца?

Всѣ уставили глаза на квашню, старикъ отецъ Ермила оглядѣлъ кадку кругомъ, ровно не вѣрилъ, что тараканъ по ней конца не найдетъ, а мать Ермила, подпершись ухватомъ, позабыла, что хотѣла изъ печки кашу достать.

— Поперекъ то, вѣстимо, что все кругомъ ходить станетъ,—обозвался надувшись Токаревъ,—такъ вѣдь вдоль клепки пойдете—хоть вверхъ, хоть внизъ: все край есть.

— А кабы и вдоль, что поперекъ, кругло было, кабы главу большую сдѣлать, шаромъ, да на него пустить таракана, такъ гдѣ бы онъ край нашелъ? Все одно, такова и земля, а мы какъ тараканы по ней ползаемъ, Вотъ вишь, вы пѣшкомъ по свѣту ходите, и много подметокъ изобьете, а того не увидите, что увидитъ тараканъ, а мы, сидя на одномъ мѣстѣ, да вокругъ свѣта обходимъ! Ей право, не хвастаю; въ хвасти нѣтъ сласти; а вышли мы изъ приморскаго города Кронштадта, шли морями два года все впередъ, да не во-

рочаясь назадъ въ Кронштадтъ же и пришли, какъ вотъ тараканъ вкругъ квашни.

Какъ ни дивно было слушать Склянкина, а глядя на квашню да на таракана надо было ему повѣрить. Старикъ, отецъ Ермила, вытянулся и почесался, будто хотѣлъ обозваться, да видно подумалъ, что не идетъ ему вмѣшиваться въ бесѣду молодежи и, покачавъ головой, промолчалъ.

— Однако, — сказалъ Токаревъ, распоясавшись на кашу,—однако свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ.

— А киты тѣ на чемъ покоятся?—спросилъ Дрягаловъ.

— Киты на чемъ—подхватилъ Токаревъ—киты на водѣ, на морѣ-окіанѣ.

— Да, на морѣ! А море-то на чемъ, чай, берега есть?

— Море на чемъ?— сказалъ Токаревъ, и заткнулъ ротъ ложкой крутой каши, и сталъ въ тупикъ.

Склянкинъ подмигнулъ Ермилу и сказалъ:—Вотъ вишь ты и проврался; не спроста же говорится, что враньемъ свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Видалъ я и окіанъ-море, видалъ и китовъ.

— Видалъ?—спросилъ Токаревъ, — тѣхъ самыхъ, на которыхъ земля лежитъ!

— Ты знай свое,—отвѣчалъ Склянкинъ,—тебѣ говорятъ, что бабьи сказки.

— Ну вотъ,—подхватилъ Токаревъ;—да вѣдь сказываютъ отъ того порою и земля дрожитъ, коли китъ уставши на другой бокъ оборачивается.

— Эка притча! Такъ вѣдь китамъ-то надо море, а море, слышь, не безъ береговъ живетъ; а берегъ то земля— вотъ мы съ тобой и на словахъ обошли кругомъ, и пришли туда, откуда вышли: на чемъ же эта земля стоитъ?

— На невидимой рукѣ Божьей,—отвѣчалъ Токаревъ

— Такъ чѣмъ путать китовъ, да подъ ними опять воду и землю, ты и скажи прямо, какъ дѣло есть: что земля наша, и съ китами, и съ морями, кругла какъ шаръ и стоитъ на невидимой рукѣ Божьей. Это дѣло. Нѣтъ, братцы, великъ кить-рыба, это правда, да великъ потому только, что всѣ рыбы и звѣри меньше его, а все ему не подъ силу на себѣ землю носить. Онъ и весь-то будетъ саженъ въ пятнадцать, много что въ двадцать; это что? Ровно пылинка супротивъ всей земли; эту прибаутку придумали старухи съ печи.

— Ладно, ладно,—обозвалась съ печи бабушка Ермила, ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами; у васъ всему старухи виноваты—смотрите, сами состарѣетесь!

Ребята всѣ разсмѣялись. Бабушка здравствуй!—сказалъ Склянкинъ, поднявъ стаканъ браги:—сто лѣтъ да двадцать, да малыхъ пятнадцать, да со днемъ годъ, да слаще меду въ ротъ!

Сосна и ель

Новобранца, который отданъ былъ на службу не молодымъ, а до этого служилъ рабочимъ въ саду, спросилъ старшій офицеръ:—Ну что, учишься ли снастямъ, знаешь ли хоть рангоутъ?

— Учусь, ваше высокоблагородіе!

— Ну, а знаешь ли, напримѣръ, какое это дерево; спросилъ старшій офицеръ, указывая на грота-рей.

Садовникъ накрылъ брови ладонью, отъ солнца, поглядѣлъ на дерево, и отвѣчалъ: Да Богъ его знаетъ, сосновое ли, еловое ли—вѣдь оно закрашено!

Перелицевка

Въ 1812 году крейсеры наши ходили въ Балтійскомъ морѣ; въ это время всѣ народы были на сторожѣ, и на сухомъ пути и въ морѣ. Нашъ бригъ увидѣлъ купца, о трехъ мачтахъ, но такого ходока, и такого ловкаго и бойкаго въ поворотахъ, что сталъ было сомнѣваться, полно купецъ ли это? — Однако ни портовъ, ни орудій не было замѣтно; людей на верху немного; форъ-марсель о четырехъ рифахъ, гротъ-марсель о трехъ; одна брамъ-стеньга съ голымъ флагштокомъ, другая съ бомъ-салингомъ; третья мачта съ одною бизанью и гафъ-топселемъ, безъ реевъ. Только реи на гротъ-и фокъ-мачтахъ казались не въ мѣру великими. Видѣли на суднѣ этомъ издали шведскій купеческій флагъ, а черезъ два или три часа явилось оно подъ флагомъ американскимъ.

Съ нашего брига послали спросить и осмотрѣть этого купца и оказалось, что это былъ англійскій военный бригъ, посланный за вѣстями, а при случаѣ также за призомъ, потому что англичане были въ войнѣ съ французами и другими приставшими къ нимъ по неволѣ народами. Англичанинъ мастерски надѣлъ личину: въ дыру на шканцахъ для трубы каютнаго камина, онъ поставилъ гикъ, вмѣсто малой бизань-мачты; вмѣсто стеньги, онъ выстрѣлилъ фоковый лисель-спирть, а гикъ сдѣлалъ изъ гротоваго лисель-спирта; штормовой гротъ поставилъ вмѣсто бизани, гафъ-топсель сшилъ новый, а у форъ-марселя сдѣлалъ четвертый рифъ. Замаскировать корпусъ было еще проще: пушки были вдвинуты, покрыты брезентами, порты закрыты, а полоса наполовину закрашена. Растрепавъ затѣмъ еще немного оснастку, бригъ этотъ смѣло могъ называться купцомъ и подъ этой личиной взялъ хорошій приз

въ шведскомъ портѣ Гельсинорѣ, изъ подъ самой брандвахты. Это было такъ:

Обогнувъ мысъ, купецъ нашъ легъ по бухтѣ прямо на шведскую брандвахту, будто хочетъ явиться и подать бумаги свои. Бомъ-бримсели и брамсели закрѣплены были на ходу, по-купечески, по одиночкѣ; вооруженная шестерка была спущена осторожно и держалась у борта съ противной стороны, такъ что брандвахтѣ ея не было видно. Закрывшись отъ брандвахты купеческимъ бригомъ, который спокойно стоялъ на якорѣ въ полуторѣ кабельтовыхъ отъ нея, англичанинъ отправилъ шестерку свою на бригъ этотъ, который былъ взятъ втихомолку; двухъ матросовъ, копавшихся надъ чѣмъ-то, спихнули въ трюмъ, отдали наскоро паруса и, обрубивъ канатъ, подняли фалы и стали править изъ бухты. Тогда капитанъ англійскаго брига вдругъ поднялъ англійскій флагъ и выпалилъ изъ пушки; на призовомъ бригѣ также подняли англійскій флагъ, и оба вмѣстѣ пошли подо всѣми парусами наутекъ. На брандвахтѣ засуетились, дали одинъ выстрѣлъ и замолчали: что съ возу упало, то пропало.

Водопой

Полтавецъ, который въ первый разъ отроду пришелъ съ обозомъ въ Одессу, пригналъ воловъ своихъ въ море на водопой. Волы понюхали, да и отворотили рыло отъ воды въ сторону. Чумакъ удивился, для чего у него волы не хотятъ пить такой чистой воды, а потому, по привычкѣ своей, зачерпнулъ ее рукой и самъ отвѣдалъ. Выплюнувъ ее и поморщась, онъ покачалъ головой и сказалъ:

«Тимъ-то воно таке здоровенне, ще іого не яккій бисъ не пье!»

Туркинъ

Въ наваринскомъ морскомъ сраженіи, гдѣ наши дрались взапуски за одно съ французами и англичанами, много нижнихъ чиновъ отличились стойкостію и мужествомъ. На адмиральскомъ кораблѣ Азовѣ, на марсѣ, у унтеръ-офицера Туркина ядромъ оторвало правую руку. Онъ передалъ старшему по себѣ команду, старался ободрить матросовъ, спустился самъ по вантамъ внизъ, перенесъ спокойно боль, когда лѣкарь отнялъ ему руку, и пожалѣлъ только, что потерялъ правую руку, которою привыкъ креститься.

Тендеръ Отвага

Не осталось у насъ теперь во флотѣ *бѣломорцевъ*, какъ ихъ называли, бѣломорскихъ матросовъ; а звали такъ тѣхъ, которые ходили у насъ еще съ адмираломъ Сенявинымъ въ Бѣлое море,—да не въ Архангельское, не въ наше русское, а въ Грецію да Италію. А было это время славное; кто служилъ тогда во флотѣ, видѣлъ много.

Въ 1807 году, во время войны съ турками, адмиралъ Сенявинъ, взявши островъ Тенедосъ, захватилъ въ гаванп нѣсколько турецкихъ купецкихъ судовъ. Въ этомъ числѣ попалось путное одно-мачтовое суденышко, которое удобно было передѣлать на скорую руку въ военное: поправили вооруженіе и оснастку, поставили шесть фалконетовъ, назвали тендеромъ Безименкой и мичманъ Харламовъ принялъ надъ нимъ команду.

Тендеръ Безименка посылался адмираломъ по Архипелагу (по островитому морю) съ разными поруче-

піями; такъ и на этотъ разъ, когда надъ нимъ встрѣлась было бѣда, возвращался онъ ночью на 18-е іюня къ Тенедосу и увидѣлъ на пути много огней. Подошедши ближе, онъ узналъ эскадру нашу; отыскивая адмиральскій корабль, онъ однакоже вдругъ очутился подлѣ стопушечнаго корабля, котораго въ эскадрѣ Сенявина не бывало. Безименка догадался, что попалъ не въ свои сани; это былъ турецкій флотъ. Адмиралъ Сенявинъ съ намѣреніемъ отошелъ отъ Тенедоса, чтобы заманить турокъ, а они заняли мѣсто наше у этого острова. Дѣло плохо; а время подходило къ разсвѣту; обознался бѣдняжечка на свою голову.

Какъ быть? Не драться стать тендеру съ цѣлымъ флотомъ; а уйти также нельзя: зачесался въ самую середку. Коли сила не беретъ, подумалъ Харламовъ, такъ не попытаться ли обмануть олошнаго? Возьму грѣха на душу, нечего дѣлать: мундиры долой, ребята, и шпуны долой—а пуще всего фуражки; и нарядилъ всю небольшую команду свою въ бѣлыя рубахи да напуталъ имъ изъ флагдуку чалмы на голову. Оставивъ немного людей на верху, приказалъ онъ и тѣмъ сидѣть, поджавъ ноги, и курить, а флага, разумѣется, не подымать.

Разсвѣло — тендеръ нашъ идетъ спокойно съ турецкимъ флотомъ, и никому не вдогадъ. Что будетъ то будетъ—а поколѣ все благополучно. День прошелъ ночь настала, тендеръ идетъ съ турками; говорится: попалъ въ стаю — лай не лай, а хвостомъ вилай. Куда поведетъ насъ новый флагманъ — думаетъ Харламовъ—не знаю; а до поры пойдемъ за нимъ.

На разсвѣтѣ 19-го іюня вдругъ на вѣтрѣ показался парусъ, другой, третій — это эскадра адмирала Сенявина! Забилось ретивое у Безименки, а молчитъ. Увидавъ турецкій флотъ, эскадра наша тотчасъ стала спускаться на него полнымъ вѣтромъ; турки начали

строиться въ боевой порядокъ; переводить къ вѣтру, а тендеръ нашъ, либо по ошибкѣ не въ-ту сторону руль положилъ, либо плохо управился съ парусами, и остался подъ вѣтромъ. Турецкій адмиралъ разсудилъ, что и впрямъ же не строиться стать тендеру въ линію баталіи, а мѣсто его, какъ у всѣхъ мелкихъ судовъ, подъ вѣтромъ; да только не хорошо, что онъ далеко спустился, могъ бы держаться поближе... но тутъ было не до тендера, когда непріятель на носу и строится къ бою.

Къ осьми часамъ утра эскадра наша подошла на самое близкое разстояніе и открыла огонь; началось сраженіе, весьма неудачное для турокъ и описанное въ книжкѣ этой подъ заглавіемъ: *Сраженіе при Лѣонской горѣ*,—а тендеръ между тѣмъ въ охабку кушакъ и шапку, да скорѣй домой. Когда адмиралъ Сенявинъ, разбивъ турокъ, воротился опять къ Тенедосу, то тендеръ давно уже стоялъ тамъ на якорѣ, покачивался да посмѣивался. Адмиралъ, за эту удалую шутку, приказалъ тендеру называться *Отвагой*.

Такимъ образомъ тендеръ этотъ самъ заслужилъ имя свое: родила его мать басурманка, приняли его плѣннаго и позаботились одѣть и обуть; а когда онъ показалъ себя на дѣлѣ, такъ его и окрестили и по заслугамъ пожаловали.

Вѣтеръ

Подумаешь, страстей-то сколько на морѣ бываетъ— сказалъ мужичекъ, бесѣдуя съ землякомъ своимъ, матросомъ — а все стало быть отъ вѣтру?—Отъ вѣтру, отвѣчалъ матросъ.

— А отчего жъ это вѣтеръ бываетъ на землѣ?—продолжалъ тотъ.

Такой запросъ озадачилъ было матроса, которому никогда не приходило на умъ призадуматься надъ вѣтромъ; но какъ человѣку бывалому, нельзя же было ему оставаться въ долгу.

Отчего вѣтеръ—да вишь сверху то небо, а снизу-то вода, либо земля; а съ боковъ-то ничего нѣтъ; ну. оно и продуваетъ

П ь я н и ц а

Была у мужичка пьяная хозяйка и пропивала она все, что было въ домѣ, и бѣдный мужикъ колотится съ нею, какъ рыба объ ледъ. Что мужикъ мѣшкомъ въ домъ принесетъ, то хозяйка его рукавомъ растрясетъ.—Какъ быть?— Ужь бралъ онъ грѣха на душу, не разъ училъ ее хворостиной; ужь и къ волостному важивалъ—нѣтъ, ничто не береть: зарекается, да только отъ воскресенья до поднесенья; а какъ случай придетъ, то и закутитъ опять, хоть святыхъ вонъ.

Мужикъ мой и придумалъ постращать ее тѣмъ, что какъ-де ты напьешься, такъ и обмираешь, ровно мертвая вѣдь, упаси Боже—я похороню тебя живую! Баба перепугалась, въ слезы; смерти она видно больно боялась и зареклась опять, что пить не станетъ... Ну, говоритъ, мужикъ, какъ знаешь; а гляди, что коли опять напьешься, то быть тебѣ въ землѣ! Я вотъ и намедни чуть было не похоронилъ тебя!

Крѣпилась и держалась она сколь-то времени; однако прорвало ее таки и напилась мертвецки. Приходитъ хозяинъ съ работы и ударилъ объ полы руками. Какъ быть?

Подумавъ, онъ снесъ ее въ подполье, положилъ къ стѣнѣ, загородилъ отъ воли доской, а самъ легъ поодаль, чтобы подстеречь, что будетъ, какъ она вѣсится да проснется

Проснулась моя баба, стала сперва молится да креститься, присѣла, оглядѣлась впотьмахъ, заревѣла, да и спрашиваетъ:—батюшки мои, да гдѣжъ я теперь?

— Какъ гдѣ, отвѣчаетъ хозяинъ, тебя вчера схоронили — и отецъ Иванъ отпѣвалъ; теперь некуда дѣваться, сиди съ нами.

— Да вы же кто такіе?

— Извѣстно кто: и мы покойники, живемъ тутъ, подъ землей.

— Отцы мои, завопила баба, вотъ когда смерть моя пришла! Вотъ когда Господь наказалъ за прегрѣшенія мои! Отцы родные, кормильцы, да нѣтъ ли у васъ тутъ, хоть бы чего съ горя выпить...

Бѣдный мужикъ плюнулъ, всталъ и полѣзъ изъ подполья въ избу.

Спасеніе изъ полону

Послѣ неудачной нарвской битвы 19 ноября 1700 года, за которую Петръ Великій позже отомстилъ шведамъ, непріятель нарушилъ условія, заключенныя съ Шереметьевымъ о сдачѣ; нетерпѣливый и недобросовѣстный, храбрый король шведскій Карлъ XII, самъ начальствовавшій войсками своими, кинулся на отступавшую черезъ рѣку Нарову разстроенную армію нашу, вопреки заключеннаго условія, и захватилъ, что могъ. Большая часть генераловъ, а въ томъ числѣ и князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, взяты были имъ, объявлены плѣнными и отправлены въ Швецію.

Князь Долгорукій томился въ неволѣ одиннадцать лѣтъ. Въ 1711 году, шведы отправили его изъ города Якобштадта въ городъ Умео; переходъ этотъ надо было сдѣлать моремъ и плѣнниковъ посадили на шкуну.

Осмотрѣвшись, князь Яковъ Ѳеодоровичъ увидѣлъ, что есть надежда къ спасенію: шведовъ было на шкунѣ всего двадцать человѣкъ, а нашихъ сорокъ четыре. Условились, чтобы во время субботней всенощной, которую служилъ на суднѣ плѣнный же священникъ нашъ, при словахъ службы: *дерзайте убо*, бросить вдругъ весла—шли на греблѣ, а плѣнниковъ русскихъ посадили въ весла; при словахъ же: *дерзайте, люди Божія*, каждымъ двоимъ русскимъ схватить по шведу, и если который изъ нихъ станетъ противиться, то выкинуть его за бортъ.

Сказано сдѣлано. Шведы не успѣли опомниться, ничего не ожидая, какъ вдругъ всѣ были схвачены и перевязаны. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ самъ бросился на шкипера и, приставивъ ему ножъ къ груди, закричалъ: Если хочешь быть живъ, то вези насъ домой — въ Кронштадтъ или Ревель!

Шкиперу надо было повиноваться, хотя дѣло было не совсѣмъ легко исполнить. Шкуна эта назначена была только для берегового плаванія и на ней не было ни картъ, ни свѣдущаго или бывалаго мореходца. Но Богъ пособилъ нашимъ; дошедши благополучно до острова Дагто, князь Долгорукій разсудилъ отпустить шведовъ, кромѣ одного только шкипера, и оттуда отправился и прибылъ 19-го іюня 1711 года на плѣнной шкунѣ въ Ревель. Здѣсь подняли они русскій флагъ и, отсалютовавъ крѣпости, бросили якорь.

Государь обнялъ старика князя со слезами радости и, называя спасеніе его чудеснымъ, взыскалъ его милостями своими и вскорѣ пожаловалъ ему двѣ дворцовыя волости въ вотчину.

Какъ рубятся

— Вотъ, знаешь, какъ сцѣпились мы на абордажъ, какъ бортъ съ бортомъ свалились—такъ пошла тебѣ такая схватка, что небу жарко стало; только чикъ-чикъ, чикъ-чикъ — искры летятъ, а ни у кого въ рукахъ не видать ни тесака, ни интрепеля..

— Да отчего же не видать?

— Оттого, что больно шибко рубятся: только тебѣ мелькаетъ, мельтешитъ въ глазахъ...

— А я и не то еще видалъ; я видалъ двоихъ бойцовъ, такихъ проворныхъ, что одной саблей рубились!

— Какъ такъ одной саблей?

— Да такъ, шибко больно рубились: одинъ рубнетъ, перекинетъ, тотъ подхватываетъ, отбиваетъ ударъ, самъ рубитъ, опять перекидываетъ—и пошли писать.

Реи и брасы

Реи расхвастались, что не боятся никакого вѣтра, а поворачиваются во всѣ стороны, куда нужно, и корабль идетъ впередъ, и все цѣло.

Дураки вы, сказали брасы, а что бы съ вами было безъ насъ?

Говорится пословица: на вожжахъ и лошадь умна.

Треканье

На пристани у вдовы лѣсника утащили ночью бревно. Она пришла жаловаться, просила розыскать и говорила, что бревно это навѣрное утащили солдаты, которые стояли въ береговыхъ казармахъ.

«Да отчего же солдаты,—сказалъ начальникъ;—коли не видала, такъ зачѣмъ на нихъ клеплешь? Я думаю, вѣрнѣе положить можно, что это проказы матросовъ.»

«Нѣтъ, батюшка, отвѣчала та: воля ваша, а больше некому, какъ солдатамъ: кабы матросы, такъ они бы трекали; а этого не слыхать было.»

Рогатый непріятель

Въ 1827 году, по смутамъ въ Греціи, по своевольству турокъ, русская, англійская и французская эскадры были въ Средиземномъ морѣ. Чтобы понудить къ объясненію Ибрагима-пашу, который занялъ греческій городъ Наваринъ и рѣзалъ грековъ, вошли въ наваринскую гавань соединенныя эскадры, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго адмирала. У насъ флагманомъ былъ адмиралъ графъ Гейденъ. Въ гавани стоялъ, кружаломъ или подковой, турецко-египетскій флотъ, подъ началомъ Тагиръ-паши, всего малыхъ и большихъ до 90 судовъ; а въ соединенныхъ эскадрахъ 10 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера, итого 27. Турки, не говоря худого слова, пустили первое ядро: только и видѣли они бѣлый свѣтъ, весь флотъ ихъ положили лоскомъ. Сами накликали на себя бѣду. Три эскадры стали на якорь подковой же, внутри турецкаго флота, и въ одинъ мигъ свѣтъ затмился дымомъ, земли и воды дрогнули отъ пушечной пальбы. Одинъ за другимъ полетѣли на воздухъ турецкіе и египетскіе корабли — только этимъ огнемъ и освѣщалась тьма кромѣшная, потому что отъ дыму день сталъ ночью.

Но наваринскую битву опишемъ мы по себѣ, въ другомъ мѣстѣ; дѣло это рѣшило судьбу грековъ: тяжело лежала на нихъ турецкая рука—да какъ ни сжи-

мала кулакъ, а распустила пальцы и дала грекамъ свободу.

Были и мы русскіе когда-то подъ властію татаръ (годовъ тому 400); но когда встряхнулись, да скинувъ ихъ съ шеи, потоптали ногами, то были у насъ свои же великіе князья. Они народъ русскій собрали и повели на татаръ; они же и правили имъ послѣ, изъ нихъ же вышли цари наши и государи. Но грекамъ изъ своихъ некого было надъ собою поставить: у нихъ никого царской или великокняжеской крови не было. Поэтому дали имъ въ правители русскаго вельможу, родомъ изъ грековъ; онъ ими и правилъ. Эскадра наша ушла домой, а остался одинъ фрегатъ и три брига, подъ началомъ адмирала Петра Ивановича Рикорда.

Между тѣмъ у грековъ пошла разноголосица, неурядица, стали ходить бунтовщики и разбойники большими шайками—и, наконецъ, убили своего правителя. И пошла кутерьма.

Въ это самое время наша эскадра пришла въ Грецію. Грабежъ и разбой по всему государству, а начальства нѣтъ. Въ 1832 году сильная шайка бунтовщиковъ стала подступать подъ главный портовой городъ, Наполи-ди-Романія, вотъ русскіе съ англичанами и французами и высадили десантъ и заняли всѣ караулы въ городѣ и въ крѣпости вмѣстѣ съ греками.

Все это не сказка, а присказка; вотъ теперь только добрались мы до того случая, о которомъ хотѣлъ я разсказать о матросѣ Морозовѣ.

Нашъ матросъ Морозовъ, по занятіи Навпліи, стоялъ на часахъ, рядомъ съ греческимъ часовымъ, на мосту. Откуда ни возьмись бѣшеный быкъ, сорвавшійся съ бойни, и летитъ вдоль по улицѣ, задравъ хвостъ: глаза налились кровью, самъ реветъ, землю роетъ... Съ эдакимъ быкомъ шутка плоха; на кого не налетитъ, черезъ себя перемахнетъ, и конецъ. Народъ передъ нимъ

разсыпается, старый за малаго хоронится; набѣжалъ быкъ ближе — греческаго часового какъ не бывало, ушелъ подъ мостъ. Морозовъ стоитъ, съ притина своего сойти не смѣетъ; а что и того хуже,—ружье заряжено пулей, да онъ стрѣлять не смѣетъ: сказано безъ приказанія не стрѣлять, беречь пулю про крайній случай. Морозовъ стоитъ сердечный—а быкъ, закрутивъ головой да промычавъ, прямо на него... Морозовъ кинулъ ружье на руку и пошелъ на рогатаго непріятеля въ штыки; мудреное дѣло, скажите; да за смѣлаго Богъ. Быкъ, только что подскочивъ, намахнулся отъ земли рогами, чтобъ смѣшить нашего Морозова на вѣкъ съ часовъ—анъ этотъ всадилъ ему штыкъ промежъ роговъ въ самую становую жилу—и духъ вонъ.

Вотъ дивились богатырю, такъ дивились! И греки сбѣжались, и французы и англичане нарочно пріѣзжали на фрегатъ нашъ, чтобъ полюбоваться на него. Государь пожаловалъ Морозова ста рублями, а изогнутый штыкъ его хранили для памяти, при экипажѣ *).

Играй назадъ

Гуляя въ праздникъ, матросъ угостилъ себя и товарищей музыкой: они встрѣтили цыгана со скрипкой. Натѣшившись вволю, хозяинъ пирушки этой далъ цыгану гривну и пошелъ было съ товарищами своимъ путемъ; но скрипачъ нашелъ, что ему за труды мало гривны, и сталъ неотступно просить еще хоть пятака. Одинъ камаринскій больше стоитъ, говорилъ цыганъ жалобно и настоятельно, а я камаринскаго сыгралъ вамъ разъ десятокъ.

---

*) Этотъ штыкъ находится теперь въ арсеналѣ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала.

— Нѣтъ у меня ни гроша, сказалъ матросъ, хоть обыщи сейчасъ; а коли ты сыгралъ намъ лишку, такъ давай самъ сдачи; играй камаринскаго на пятакъ назадъ!

Сигналъ

Сигналы! закричалъ сигнальный часовой, и штурманскій ученикъ бросился сломя голову и ухватился за трубу.... «Семь-сотъ, не видать — какой!» — «Кажется, бѣлый съ краснымъ пополамъ!»—«Ну, такъ это взять рифы!» — «Да румбовые есть, румбъ нордъ-вестъ!»—«Взять рифы на румбъ нордъ-вестъ!»

Штурманскій ученикъ до того засуетился, что тогда только опомнился, когда ужь выговорилъ эту чепуху. Суетливъ—заботливъ, обувшись парится: сѣдлай порты, надѣвай коня!

Наваринская битва

Лѣтъ шесть уже боролись греки съ турками и хотя были гораздо слабѣе, но все еще держались. Турки принялись душить и рѣзать ихъ, гдѣ могли одолѣть, поголовно. Государи русскій, англійскій и французскій условились кончить дѣло это и потому, приказавъ посланникамъ своимъ переговариваться въ Царьградѣ, въ то же время выслали по эскадрѣ въ Средиземное море, къ греческимъ берегамъ, чтобы понудить турецкаго адмирала къ перемирію съ греками, до окончанія переговоровъ и условій.

Турецкій адмиралъ, Ибрагимъ-паша, стоялъ въ это время съ флотомъ въ наваринской гавани; ему объявили требованіе трехъ союзныхъ державъ и онъ далъ слово остаться въ гавани и выждать повелѣній султана. Чрезъ нѣсколько дней онъ видно одумался и вышелъ

было со всѣмъ флотомъ въ море: но англійскій адмиралъ принудилъ его воротиться, войти опять въ наваринскую гавань и стоять тамъ, какъ обѣщано было, на якорѣ. Неохотно покорился этому Ибрагимъ-паша, но не рѣшаясь противиться, думалъ объѣхать насъ на кривыхъ: въ досадѣ, что его заставили воротиться, онъ высадилъ въ Наваринѣ войско на берегъ и пошелъ самъ съ нимъ опустошать греческую землю, грабить, жечь и рѣзать. А надо сказать, что городъ, крѣпость и гавань Наварина были уже до этого въ рукахъ у турокъ, а вся земля вокругъ населена греками и оставалась еще за ними. Вотъ Ибрагимъ-паша и думалъ: пусть же караулятъ меня съ моря—а я тѣмъ часомъ позабавлюсь на берегу.

Между тѣмъ подоспѣли и французская и наши эскадры; наша подъ начальствомъ адмирала графа Гейдена. Три эскадры соединились и главное начальство принялъ англійскій адмиралъ Кондрингтонъ, какъ старшій въ чинѣ.

Узнавъ, что Ибрагимъ-паша опять отступилъ отъ слова своего и безчинствуетъ съ войсками на берегу, главнокомандующій, въ полдень 8-го октября 1827 года далъ сигналъ войти въ гавань; но въ то же время, надѣясь еще кончить дѣло миролюбно, строжайше запретилъ не только начинать дѣла, но даже подавать чѣмъ нибудь видъ, будто мы хотимъ ссориться или драться.

Гавань эта, съ довольно узкимъ входомъ, который прикрытъ крѣпостями, очень просторна: тамъ могли бы стать едва ли не всѣ флоты вмѣстѣ, сколько ихъ есть на свѣтѣ. Турецко-египетскій флотъ, всего до 65-ти большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 5 брандеровъ и до 30 транспортовъ, стоялъ въ три линіи, подковой, вкругъ всей гавани; всего у нихъ было 2082 пушки и 18,700 человѣкъ экипажа; на каждомъ 84 и 74 пушечномъ кораблѣ (которыхъ всего

было 8) находилось 4 пушки, могущія бросать мраморныя ядра въ три пуда вѣсомъ. Союзный флотъ имѣлъ всего 10 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера — итого 27 судовъ; въ томъ числѣ русскихъ 4 корабля и 4 фрегата. Союзный флотъ сталъ входить въ гавань: впереди англійскій адмиралъ, на кораблѣ Азія; съ наваринской крѣпости, у входа на горѣ, сдѣлали холостой, сигнальный выстрѣлъ, и все утихло. За англійскою начала вступать французская эскадра (адмиралъ Риньи).

Наша эскадра шла послѣднею и потому проходила между огнемъ крѣпости и береговыхъ баттарей, которыя молчали при проходѣ англійской эскадры. На эти выстрѣлы наши не отвѣчали, а спѣшили къ мѣсту; она стала бортъ о бортъ съ турецкими кораблями, по лѣвую руку отъ входа, между тѣмъ какъ англійская и французская эскадры заняли средину и правую сторону подковы. Нашъ адмиральскій корабль *Азовъ* (капитанъ 1 ранга Лазаревъ), подъ флагомъ контръ-адмирала графа Гейдена, сталъ ближе всѣхъ къ срединѣ; отъ него ко входу въ гавань: *Гангутъ* (командиръ Авиновъ), *Іезекіиль* (командиръ Свинкинъ), *Александръ Невскій* (командиръ Богдановичъ); фрегаты: Проворный, Елена, Кастеръ и Константинъ.

Главная сила турокъ находилась по правую руку при входѣ въ гавань. Тутъ стояло, въ первой линіи, два линейныхъ корабля ихъ и четыре двухдечныхъ фрегата; далѣе одинъ большой фрегатъ, линейный корабль и три фрегата различной величины, — а во второй линіи мелкія суда; по обоимъ концамъ подковы, у входа въ гавань и стало-быть на вѣтрѣ, стояло 5 брандеровъ.

Англійскій адмиральскій корабль Азія бросилъ якорь передъ турецкимъ и египетскимъ кораблями, которые стояли оба рядомъ; за ними подошли прочіе англійскіе,

а потомъ французскіе корабли. Шлюпка съ англійскимъ офицеромъ съ фрегата Дармута, посланная къ турецкому адмиралу, проходила мимо брандера, съ котораго вдругъ ружейнымъ залпомъ убили этого офицера и нѣсколькихъ матросовъ. Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена стоялъ вплоть подлѣ этого брандера и египетскаго фрегата, и могъ бы потопить тотчасъ виновный брандеръ, но надо было дать время англійской шлюпкѣ удалиться. Египетскій фрегатъ не выдержалъ и первый пустилъ два ядра въ Сирену; она тотчасъ же отвѣтила всѣмъ лагомъ и почти съ перваго разу уничтожила своего непріятеля.

Въ то же время, какъ и при входѣ въ гавань, англійскій адмиралъ послалъ на шлюпкѣ другого офицера увѣдомить турецкаго адмирала, что если самъ онъ не начнетъ дѣла, то мы драться не хотимъ. Вмѣсто отвѣта, и этотъ офицеръ былъ убитъ изъ ружья, а турецкій адмиральскій корабль пустилъ нѣсколько ядеръ. Тогда Азія, англійскій флагманъ, открылъ такой страшный огонь, что оба непріятельскіе адмиральскіе корабли вскорѣ разбиты были въ пухъ.

При первомъ выстрѣлѣ, которымъ убитъ былъ англійскій переговорщикъ, русская эскадра вступила въ гавань и должна была выдержать сильный огонь береговыхъ баттарей, которыя дотолѣ молчали. Она пустилась влѣво, вдоль турецкаго флота, бросая якорь бокъ-о-бокъ съ непріятелемъ; нашъ Азовъ сталъ противъ адмиральскаго корабля Тагира-паши, и не прежде, какъ занявъ свое мѣсто, корабли наши открыли убійственный огонь противу тройной линіи турецкаго флота.

Четыре часа безъ умолку страшный громъ пушекъ раскатывался по простору — дымъ налегъ черной тучей на всю обширную гавань; турки смолкли—замолчали и наши: а когда вѣтеръ, дувшій отъ входа въ

гавань, согналъ тучи дыма на берегъ, къ горамъ, то увидѣли, что турецко-египетскаго флота нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видно у насъ рука легка: была бы шея крѣпка. Ядра нашихъ трехъ эскадръ въ четыре часа уничтожили наголо болѣе 60-ти непріятельскихъ судовъ, въ томъ числѣ корабли трехъ адмираловъ турецкихъ: Тагира-паши, капуданъ-бея и мохаремъ-бея. Всѣ были потоплены, либо горѣли ярымъ пламенемъ, либо сбиты на берегъ и брошены экипажами.

Пороховой дымъ угнало вѣтромъ, а теперь всю гавань покрылъ огонь. Турецкіе корабли горѣли, словно взапуски, и страшные взрывы, одинъ за другимъ, оглушали окрестность и встряхивали городъ Наваринъ и прибережныя горы.

Не много времени—четыре часа, а много тутъ сталось дивнаго и славнаго для насъ и нашихъ союзниковъ.

На французскій корабль Сципіонъ навалилъ брандеръ турецкій, такъ что бушпритъ Сципіона завязъ въ снастяхъ и вантахъ фокъ-мачты брандера. Пламя по вѣтру уже заливало въ открытые порты; картузы загорались въ рукахъ матросовъ; трижды загорался корабль въ разныхъ мѣстахъ и девять матросовъ погибли отъ ожоговъ, при стараніи освободиться отъ брандера. Его благополучно оттащили буксиромъ и пустили подъ вѣтеръ, на турецкій же флотъ.

Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена, подошедъ на пистолетный выстрѣлъ къ двухпалубному турецкому фрегату, залпомъ поднялъ его на воздухъ—и самъ едва только спасся, потерявъ при взрывѣ свою бизань-мачту.

Англійскій адмиральскій корабль Азія, не давъ непріятелю своему времени очнуться, положилъ на палубахъ турецкаго адмирала до 650 человѣкъ, избивъ корабль его въ рѣшето.

Нашъ Азовъ связался вдругъ съ пятью большими военными судами: тогда французскій корабль Бреславль, обрубивъ канатъ, подошелъ на помощь и сталъ поперекъ, подъ кормой Азова, прикрывъ его отъ продольныхъ выстрѣловъ. Азовъ разбилъ въ щепу двухдечный фрегатъ Тагира-паши, сбилъ на берегъ 80-ти пушечный корабль, который, сгорѣлъ, и вмѣстѣ съ Бреславлемъ потопилъ еще два большихъ фрегата и корветъ. Изъ 600 человѣкъ команды на кораблѣ Тагира-паши, до 500 было убито и ранено. Лейтенанту Бутеневу, на Азовѣ, оторвало руку: его только насильно могли отвести отъ пушекъ на перевязку, гдѣ ему тотчасъ отрѣзали руку по плечо; въ это самое время раздалось громкое ура команды, на гибель Тагира-паши; Бутеневъ вырвался; вскочилъ и подхватилъ громкимъ голосомъ: ура!

Командиръ корабля Іезекіиль капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый картечью въ началѣ сраженія, остался наютѣ и командовалъ до конца.

Гангутъ разбилъ фрегатъ турецкій и нѣсколько корветовъ и бриговъ; Іезекіиль также разбилъ большой фрегатъ и нѣсколько мелкихъ судовъ; а на долю Александра Невскаго достался двухдечный фрегатъ, которыхъ у турокъ было много, да два корвета.

Англійскіе бриги Москито и Филомель, завязавшіе, у самаго входа въ гавань, дѣло съ четырьмя брандерами, попались было въ такой перекрестный огонь, что послали шлюпку просить помощи у сосѣдей; наши фрегаты Кастеръ и Константинъ кинулись съ такимъ рвеніемъ на выручку, что столкнулись было, бросая якорь. Одинъ изъ англійскихъ бриговъ много потерпѣлъ и потерялъ всѣ якоря; нашъ Константинъ взялъ его на бакштофъ и продержалъ всю ночь.

Разбитый Азовомъ египетскій адмиральскій корабль отрубилъ канатъ и привалился къ берегу; но часу

въ 12-мъ ночи вѣтеръ измѣнился, снесъ Тагира-пашу съ мели и понесъ его поперекъ линіи нашей по гавани, такъ что онъ навалилъ на Гангутъ. Этотъ встрѣтилъ его залпомъ и экипажъ кинулся на абордажъ, но корабль Тагира былъ уже зажженъ турками въ шести мѣстахъ и пущенъ вмѣсто брандера. Насилу успѣли съ Гангута погасить пожаръ, потомъ, срубивъ бушпритъ у Тагира, отсунули его шестами. Азовъ также едва только успѣлъ отрубить канатъ, чтобы избавиться отъ этого гостя. Въ это самое время взорвало на воздухъ ближайшій турецкій фрегатъ.

Вообще въ дѣлѣ этомъ, гдѣ флоты дрались, ставъ тѣсными рядами на якорь, а турки съ навѣтру пустили шесть брандеровъ, отъ гостей этихъ была большая опасность; но бѣды никакой не случилось, а напротивъ, всѣ брандеры благополучно пропущены сквозь нашу линію и затѣмъ наваливали на самихъ турокъ.

При разбитіи Азіею турецкаго адмиральскаго корабля, пособилъ и нашъ Азовъ. Когда Бреславль (французскій), выручилъ его, какъ уже разсказано было выше, и Азовъ нашъ вздохнулъ посвободнѣе, то 80-ти пушечный корабль мохаремъ-бея, съ которымъ дралась Азія (англійскій), повернулся прямо кормой къ нашему Азову. Это случилось отъ того, что Мохарему перебило ядромъ шпрынгъ. Увидавъ это, на Азовѣ тотчасъ отдѣлили 14 орудій, чтобы бить Мохарема, и разбили ему всю корму; а когда вслѣдъ затѣмъ у него въ констапельской загорѣлось, то сильнымъ картечнымъ огнемъ съ Азова не давали туркамъ приступиться къ тому, чтобы тушить у себя пожаръ, почему Мохаремъ сгорѣлъ и взлетѣлъ на воздухъ.

Въ дѣлѣ этомъ три адмиральскіе корабля болѣе всѣхъ потерпѣли; между прочимъ англійскій потерялъ бизань-мачту, а французскій гротъ и бизань-мачты; у

Азова всѣ мачты были такъ избиты, что онъ и при фальшивомъ вооруженіи только съ трудомъ могъ нести паруса. На Азовѣ въ самомъ корпусѣ было 153 пробоины и 7 подводныхъ.

Во время сраженія, между судами нашими взорвало 13 турецкихъ военныхъ судовъ, да ночью и на другой день еще 18; изъ всего турецкаго флота остался 1 фрегатъ и до 15-ти мелкихъ судовъ. Не мудрено было бы и ихъ уничтожить; но адмиралы не хотѣли этого, какъ и не хотѣли брать ихъ въ плѣнъ, такъ какъ въ то время не было объявлено туркамъ войны и вся битва наваринская была только оборона и наказаніе отъ насъ беззаконнымъ зачинщикамъ.

Когда государь нашъ съѣзжалъ съ Азова, готовившагося отплыть изъ Кронштадта въ Средиземное море, то сказалъ: «Надѣюсь, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски.» Англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, главнокомандующій тремя союзными эскадрами, сказалъ за нѣсколько дней передъ этимъ дѣломъ Ибрагиму-пашѣ, турецкому главнокомандующему: «Мы не начнемъ; но если хотя одинъ выстрѣлъ сдѣланъ будетъ по союзному флоту, то всего турецко-египетскаго флота не станетъ.»

Ни мы, ни союзники наши охулки на руку не положили. У насъ, на русской эскадрѣ, всего убито: офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 57; ранено офицеровъ 18, въ томъ числѣ командиръ Свинкинъ; нижнихъ чиновъ 121.

И дорого, да мило!

Подчиненность и послушаніе

Атаманомъ артель крѣпка, а безъ запѣвалы и пѣсня не поется. Безъ пастуха, овцы не стадо; а безъ матки,

пчелки пропащія дѣтки. Кто придумалъ пословицы эти? Сами вы, ребята, во славу свою, придумали эти пословицы, и еще много такихъ же, и потому вамъ нельзя отрекаться отъ своего же приговора; надо повиноваться одному начальнику. Безъ этого нельзя ни жить, ни умереть.

А каково же военному человѣку, да еще, сохрани Богъ, въ часъ бѣдствія, безъ начальника или безъ повиновенія?

Въ войну французовъ съ англичанами, въ концѣ прошлаго вѣка, за французскимъ семидесятипушечнымъ кораблемъ Друаделомъ увязались два англійскіе фрегата; французскій капитанъ, Лакросъ, былъ, какъ видно, человѣкъ опытный и храбрый; онъ объявилъ, что скорѣе пуститъ корабль свой ко дну, но не сдастся — и онъ сдержалъ слово свое; но большая часть команды погибла, именно отъ неурядицы, отъ своевольства и неповиновенія.

И корабль и фрегаты были уже сильно избиты; первый при жестокомъ волненіи, которымъ заливало нижнюю палубу, не могъ открыть нижнихъ портовъ и потому былъ слабѣе артиллеріею. Оснастка и рангоутъ были у него сбиты, онъ не могъ править и въ ночи, при жестокомъ вѣтрѣ, былъ выброшенъ на отмель. Англійскіе фрегаты покинули его и ушли; оставалось заботиться только о своемъ спасеніи.

Но вся Франція была въ то время въ несчастномъ положеніи: у нея не было главы; народъ бунтовалъ, смирные и спокойные граждане удалились, заперлись, кто гдѣ могъ; остались одни буяны, головорѣзы, бобыли: они и хозяйничали. Этотъ духъ неурядицы перешелъ во всѣ части управленія, и отчасти также на флотъ. Когда настала минута бѣдствія и командиръ началъ принимать мѣры спасенія, то всякъ самъ себя считалъ старшимъ и приказанія не исполнялись.

Жестоко несчастные были за это наказаны; большая часть ихъ въ неурядицѣ погибла. Такъ, напримѣръ, съ большимъ трудомъ успѣли спустить баркасъ; командиръ сталъ распоряжаться, чтобы положить напередъ въ него раненыхъ и больныхъ, а также женщинъ и дѣтей, бывшихъ на кораблѣ; команда бросилась, не слушая ни приказаній, ни угрозъ начальниковъ, и въ одинъ мигъ затопили баркасъ, — послѣднее средство спасенія, и сами въ огромныхъ волнахъ потонули. Можетъ быть и въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда, коноводовъ было не много; первоначально бросились два-три человѣка; но худое перенимчиво; другіе подумали; а за что же намъ пропадать? И всѣ бросались за ними. Тутъ въ одинъ разъ потонуло болѣе ста человѣкъ, а съ ними пропалъ и баркасъ, тогда какъ прочія гребныя суда были уже потеряны или разбиты ядрами.

Англійская эскадра шла съ большимъ конвоемъ изъ Восточной Индіи; путемъ штормъ разметалъ всѣ суда и одно изъ нихъ, обращенное подъ транспортъ, положилъ на бокъ; оно хотѣло поворотить по вѣтру и въ отчаяніи для этого срубили бизань-мачту, а послѣ и гротъ-мачту, но судно не вставало и подъ вѣтеръ не шло, а залитое волнами стало тонуть. Къ несчастію—въ семьѣ не безъ урода—въ этомъ случаѣ самъ командиръ потерялся. Закричавъ: спасайся! онъ бросился за бортъ и первый потонулъ.

Одинъ изъ офицеровъ успѣлъ собрать около себя 13 человѣкъ, приказалъ имъ, осторожно и неторопясь, спустить шлюпку, и между тѣмъ какъ другіе, кто бросался за бортъ, кто топился вмѣстѣ съ яликомъ, въ которомъ обрубали кормовыя тали, когда носовыя не были вовсе отданы, — между тѣмъ, говорю, офи-

царь этотъ спустилъ шлюпку въ порядкѣ и отвалилъ благополучно съ 13-ю человѣками: и вотъ въ глазахъ ихъ залитый транспортъ погрузился носомъ, потомъ и кормой; хвостъ кормоваго флага послѣднимъ оставался еще въ виду—мачтъ уже не было—и наконецъ еще одна громадная волна перекатилась, и судна не стало!

Офицеръ на яликѣ не терялъ духа: съ послушной командой своей онъ уже успѣлъ поставить парусъ и несся на фордевиндъ, отливая шляпами воду. Шлюпка залита была по банки — но держалась; офицеръ правилъ прямо на одинъ изъ подвѣтренныхъ кораблей конвоя—но пронесся; одна волна откинула его на десятокъ саженъ въ сторону. «Не робѣй, ребята, кричалъ онъ: только отливай!» И сталъ держать на другое судно, также бывшее подъ вѣтромъ. Съ него увидѣли во время яликъ и бросили нѣсколько концовъ. «Смирно ребята, сказалъ лейтенантъ — никто не мечись, не бросайся, а слушайте приказанія: не бойтесь, я останусь здѣсь и не покину шлюпки, покуда не передамъ напередъ всѣхъ васъ на корабль; но слушайтесь, иначе всѣ погибнемъ!»

Всѣ 13 человѣкъ спаслись, и лейтенантъ, какъ командиръ шлюпки, оставилъ ее послѣдней. Всѣ поочередно успѣли схватиться за конецъ и вылѣзть на судно, потому что никто не бросался впередъ, а всякій выжидалъ, по приказанію, своей очереди.

Крушеніе англійскаго корабля Репульсъ

Въ одну изъ войнъ двухъ сосѣднихъ державъ, Англіи и Франціи, эскадра первой крейсеровала въ проливѣ, который ихъ раздѣляетъ. Корабль Репульсъ былъ отряженъ адмираломъ для перехвата судовъ у

Бреста. Первымъ несчастіемъ было, что командиръ, при сильной качкѣ, упалъ въ люкъ и убился до полусмерти. Затѣмъ, однакоже, англичане благополучно отбили плѣненный французами пакетъ-ботъ свой, но при пасмурномъ небѣ уже нѣсколько дней нельзя было наблюдать солнца; сильное теченіе унесло корабль къ непріятельскимъ берегамъ и онъ ударился о рифъ. Успѣли положить паруса на стеньгу и вышли изъ каменьевъ, но безъ руля и съ такою течью, что въ полчаса вода поднялась до орлопъ-дека. Осталось одно спасеніе: спуститься поспѣшно къ французскимъ берегамъ и отдаться въ плѣнъ.

Поставили всѣ параса, спустились кое-какъ и приставили всю команду къ отливкѣ воды и скидки орудій и другихъ тяжестей за бортъ. Отдаваться въ плѣнъ, такъ жалѣть пушекъ нечего. Подвели также парусъ подъ киль, и это немного уменьшило течь.

Съ большимъ трудомъ удерживали корабль на водѣ; со свѣтомъ, при густомъ туманѣ, раздалась французская заревая пушка, которая показала, что берегъ былъ вилоть. Тогда только увидѣли берегъ этотъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, отвѣсной скалой, выше мачтъ. Утлегерь почти уперся въ скалу, когда отраженіемъ, отбоемъ вѣтра отъ утеса, положило паруса на стеньгу. Корабль понесло вдоль берега и наконецъ поставило на мель; срубили мачты и, спустивъ катеръ, стали перевозить команду на берегъ; но одинъ изъ лейтенантовъ, перевозившій команду, рѣшился скорѣе пуститься въ море на катерѣ, чѣмъ отдаться въ плѣнъ. Онъ такъ разсказываетъ дѣло это.

Открывшись товарищу, другому лейтенанту, и получивъ согласіе его, я продолжалъ перевозить команду, а самъ готовился: я захватилъ компасъ, но въ суматохѣ никакъ не могъ достать мачтъ и парусовъ. Высматривая годныхъ товарищей на перепутьи отъ

корабля къ берегу, я также пригласилъ лоцмана, и онъ согласился. Первый лейтенантъ, морякъ безстрашный, съ радостью пошелъ ко мнѣ въ товарищи и успѣлъ положить въ катеръ кусокъ вяленой говядины, сухарей и вина, также простынь и скатертей офицерскихъ, на паруса. На наше счастье, подняли мы съ воды мачты и реи гребныхъ судовъ, смытые водою съ нашего корабля.

Когда весь экипажъ былъ перевезенъ, насъ рѣшившихся итти въ Англію, осталось на катерѣ: три лейтенанта, два мичмана, лоцманъ и 8 матросовъ. Между тѣмъ какъ несчастные товарищи наши на берегу отдавались въ плѣнъ, мы воротились еще разъ на корабль, и взявъ съ бизань-руленей бывшую тамъ небольшую бочку съ прѣсной водой, пустились въ море.

Скажу еще, кто и какъ погибъ при крушеніи этомъ: когда корабль нашъ въ первый разъ ударился о камень, то пять матросовъ, забывъ послушаніе и думая только о своемъ спасеніи, бросились къ боканцамъ и хотѣли спастись на шлюпкѣ; но обезпамятѣвъ, они отрубили напередъ одни тали: шлюпка повисла и всѣ пятеро утонули. Нѣсколько матросовъ успѣли перепиться; изъ нихъ также двое потонули, пустившись съ корабля по перлиню на берегъ, да еще четверо, мертвецки пьяные, покинуты были на кораблѣ, который вскорѣ разбился. И они потонули.

Поставивъ парусъ съ яла вмѣсто фока, мы пошли попутнымъ вѣтромъ, позавтракали и принялись вооружать катеръ и шить паруса изъ простынь и скатертей. Вскорѣ мы его снарядили совсѣмъ. Но вотъ бѣда: бочка съ водой на русленяхъ нѣсколько разъ красилась блеквариннемъ и вода такъ пропахла имъ, что отъ нея тошнило. Мы и тутъ утѣшились; тѣмъ спорѣе она будетъ; меньше станутъ пить.

Около полудня мы заштилѣли, еще въ береговыхъ каменьяхъ, и насилу отгреблись отъ нихъ, при сильной зыби. Къ вечеру задулъ вѣтерокъ, но былъ намъ такъ крутъ, что мы едва только могли итти вдоль берега, подъ самыми батареями. Мы сняли шляпы и повязали головы платками, потому что французскіе матросы шляпъ не носятъ, и насъ сочли за французовъ. Ночью хотѣли мы укрыться отъ зыби въ заливъ и простоять тамъ на дрекѣ, но вдругъ часовой съ берега насъ окликнулъ: мы опять попали подъ батарею. Спѣшно поднявъ паруса, мы скрылись впотьмахъ. Нѣсколько матросовъ такъ были напуганы этою неудачей, что готовы были отдаться въ плѣнъ; но мы вышли въ проливъ и отстоялись тамъ при сильной зыби, на дрекѣ; а къ полуночи подулъ попутный вѣтеръ въ родную Англію.

На другой день пополудни, когда мы были только миляхъ въ 12-ти отъ Плимута, заштилѣло, а къ вечеру задулъ сильный противень, сѣверякъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи лоцманъ нашъ взялся спуститься на англійскій островокъ Джерсей; мы совѣтовались, опасаясь, чтобы не залило катеръ попутнымъ вѣтромъ волнами, какъ вдругъ на SO трижды блеснула молнія. Суевѣрные гребцы наши закричали, что это знаменіе; островъ Джерсей былъ прямо на SO, и надъ нимъ то блеснула молнія. Мы рѣшились тотчасъ же и спустились на SO.

Катеръ пошелъ легко и хорошо уходилъ отъ валовъ. Часа въ 2 по полудни, на другой день, мы увидѣли берегъ: общее ура его встрѣтило: это былъ Джерсей. Къ утру за тѣмъ, то есть, проносившись четверо сутокъ по морю, мы пристали къ острову и были дома. Поблагодаривъ Бога, вздохнули мы о бѣдныхъ товарищахъ своихъ, оставшихся въ плѣну, и стали готовиться на новую службу.

Англійскій пароходъ Авенжеръ

1874 года въ темную декабрскую ночь, англійскій паровой фрегатъ Авенжеръ, идучи изъ Гибралтара въ Мальту (Средиземное море) по десяти узловъ, набѣжалъ въ 10 часовъ, на подводныя скалы у входа въ огромный Тунискій заливъ. Ударъ былъ такъ жестокъ, что вся команда выскочила на верхъ. Пароходъ нагнулся и легъ на бокъ; гротъ-мачта упала и, разбивъ кожуховый спасательный ботъ, перебила также много людей, которые кинулись было спускать этотъ ботъ на воду. Жестокій южный вѣтеръ ревѣлъ и волненіе перекатывалось уже черезъ весь пароходъ и споласкивало людей въ море по десяткамъ.

Между тѣмъ лейтенантъ Рукъ, комиссаръ, штурманъ, вахтеръ и четверо матросовъ добрались какъ-то до шлюпки на боканцахъ, вошли въ нее и стали ее спускать. Второпяхъ отдали вовсе кормовыя тали, прежде чѣмъ носовыя были распутаны; къ счастію матросская куртка попалась въ шкифъ и лопарь кормовыхъ талей заѣлъ. Обрубили обои тали, и шлюпку тотчасъ откинуло далеко подъ вѣтеръ. Бывшіе въ ней 8 человѣкъ старались всѣми силами подойти къ пароходу, чтобы спасти еще кого-нибудь; но пробившись часа два, они увидѣли, что сила не беретъ и что ихъ все относитъ дальше. Тогда они простившись издали съ пароходомъ своимъ, черезъ который волны ходили горой, пустились по вѣтру, къ небольшому острову миляхъ въ 15-ти.

Но черезъ часъ вѣтеръ вдругъ отъ S перешелъ къ N, и еще болѣе скрѣпчалъ; шлюпка пустилась обратно, опять по вѣтру, на матерой берегъ, прошла невдалекѣ отъ погибшаго парохода, но ничего нельзя было видѣть, и только бурунъ страшно перевалившался черезъ него.

Всю ночь шли они подъ малымъ рейковымъ парусомъ и правили весломъ; на свѣтѣ, подошедши къ берегу, шлюпка ударилась о рифъ и ударомъ этимъ всѣхъ осмерыхъ людей выбросило за бортъ. Юнга успѣлъ опять добраться до шлюпки и, ухватившись за нее, достигъ вмѣстѣ съ нею берега; изъ остальныхъ семерыхъ спаслись только трое: лейтенантъ Рукъ, вахтеръ и буфетчикъ—остальные четверо, забитые въ бурунахъ, погибли.

Арабы приняли спасшихся четырехъ человѣкъ ласково, и они дошли до Туниса, гдѣ нашли земляковъ; остальные 253 человѣка на пароходѣ всѣ погибли. Суда и пароходы, посланные чрезъ нѣсколько дней на мѣсто крушенія, не нашли на рифѣ никакихъ слѣдовъ фрегата: безъ сомнѣнія, его снесло перемѣнившимся вѣтромъ и онъ, разбитый, тотчасъ пошелъ ко дну, такъ какъ рифъ этотъ приглубый и подъ нимъ вокругъ глубины до 50 саженъ.

Французскій пароходъ Панама

Пароходъ Панама вышелъ въ январѣ 1848 года изъ Орана, на алжирскомъ берегу Средиземнаго моря, для отвоза во Францію 850 солдатъ. Дней пять боролся онъ съ такимъ жестокимъ противнымъ вѣтромъ и волненіемъ, что почти все стоялъ на одномъ мѣстѣ. Волненіемъ сорвало гребныя суда съ бокацевъ, гальюнъ, посовую часть борта и кожуха. Вдругъ вода стала сильно прибывать къ машинѣ и залила весь трюмъ. Надо было искать течь въ одной изъ машинныхъ трубъ; но вода поднялась уже до платформы машины и притомъ нагрѣлась отъ котловъ до половины кипятка (48 градусовъ).

Помощникъ механика, Туркантъ, нырялъ четыре раза въ омутъ этотъ, отыскалъ течь въ прохладитель-

ной трубѣ и успѣлъ ее кой-какъ заткнуть. Механикъ Ара принялся задѣлывать трещину, и какъ нельзя было остановить машины, потому что сю только пароходъ кой-какъ держался противъ страшной бури, то механикъ долженъ былъ при работѣ этой лежать въ водѣ, подъ самымъ рычагомъ или балансиромъ, который при каждомъ взмахѣ грозилъ размозжить ему голову.

Починивъ трубу, механикъ спустился въ машинную, гдѣ вода была уже такъ высока, что не позволяла ему стоять на ногахъ, и одинъ топилъ всѣ четыре печи, чтобы дать ходу. Пароходъ этимъ былъ спасенъ и дошелъ до италіанскаго порта, а оттуда домой.

Командиръ и всѣ офицеры Панамы удостовѣряютъ, что еслибы у механика и помощника его недостало въ эту минуту отваги и умѣнья, то можетъ быть черезъ полчаса уже залило бы всю машину и самыя печи; затѣмъ фрегатъ понесло бы по вѣтру и волненію; но при такой сильной течи, нельзя было бы даже надѣяться, что его выкинетъ на берегъ: а какъ гребныя суда уже сорвало, то всей командѣ, а съ нею и баталіону солдатъ, не было бы никакого спасенія: оставалось только итти ко дну.

Механику и помощнику его дано было въ награду по кресту.

Загадки

1. Велика телѣга, объ одномъ колесѣ: сама не катится, а вокругъ свѣта обвозитъ.
2. Какъ повыдергали науку ноги—сталъ паукъ, что вкопанный; какъ приставили науку ноги—пошелъ паукъ ходить вокругъ.
3. Разъ на вѣку проѣхалъ по землѣ на саняхъ; до самой смерти ѣзжу по водѣ на колесахъ.

4. Промежъ двухъ плошекъ, промежъ трехъ сошекъ, завязло окошко: за окошкомъ валится крошка на крошку понемножку.
5. Поставь на ноги—бѣжитъ: поставь на голову—бѣжитъ; и на-стѣну повѣсь—бѣжитъ; и пусти, бѣжитъ; и держи, бѣжитъ; а положи—лежитъ.

1. Штуръ-валъ. — 2. Шпиль. — 3. Пароходъ. — 4 и 5. Склянки.

Битва при Гогландѣ

Эта битва наша со шведами замѣчательна тѣмъ, что была очень кровопролитна, что мы, будучи слабѣе если и не разбили непріятеля, то по крайности осилили его, согнали съ мѣста сраженія, заставили бѣжать и скрываться, такъ что шведскій флотъ, послѣ гогландской битвы, во все лѣто не смѣлъ болѣе показываться въ морѣ. Это было въ 1788 году.

У насъ была уже въ это время война съ турками; шведы думали этимъ пользоваться: одинъ непріятель съ юга, другой съ сѣвера; не въ первый и не въ послѣдній разъ суждено было Россіи раздѣляться вдругъ на обоихъ концахъ государства. Богъ милостивъ.

Въ Петровъ день 1788 года вышелъ манифестъ о войнѣ со шведомъ, и въ тотъ же день адмиралъ Грейгъ выступилъ съ флотомъ изъ Кронштадта. Онъ билъ уже турокъ въ Средиземномъ морѣ и отличился подъ Чесмой. У него было 18 линейныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ стопушечный, Ростиславъ, 6 фрегатовъ и 9 мелкихъ судовъ; черезъ недѣлю, 6-го іюля, онъ завидѣлъ шведовъ у Гогланда и при тихомъ, попутномъ вѣтрѣ началъ на нихъ спускаться. У шведовъ было 15 кораблей и 8 большихъ фрегатовъ, 4 малыхъ, и три

пакетбота; не выждавъ нашего флота на выстрѣлъ, они поворотили на другой галсъ, а нашъ за ними сдѣлалъ то же и продолжалъ спускаться, линія на линію, корабль на корабль. Въ 5 часовъ вечера передовые корабли нашего авангарда, который выдался впередъ, привели къ вѣтру и открыли бой.

Вскорѣ передовой корабль нашъ, Болеславъ, сильно избитый, поворотилъ по вѣтру, прошелъ между обѣихъ линій и примкнулъ къ аріергарду. Второй, Іоаннъ Богословъ, также избитый, самъ кинулся къ вѣтру; катеръ, посланный, чтобы забуксировать носъ корабля въ линію, былъ тотчасъ разбитъ ядрами; прочія гребныя суда были уже прежде разбиты; Іоаннъ поворотилъ противъ вѣтра, и выбылъ изъ строю. Третій, Всеславъ, оставшійся первымъ, продолжалъ драться одинъ противу троихъ, но наконецъ избитый выбуксировался изъ линіи, къ аріергарду. Адмиралъ, на Ростиславѣ, сначала дрался со шведскимъ адмиральскимъ кораблемъ, но какъ шедшій передъ нимъ Мстиславъ не могъ удержать своего мѣста и все болѣе осаживалъ, то Ростиславъ обошелъ его, продолжая пальбу, и вошелъ въ кильватеръ Елены.

Между тѣмъ въ аріергардѣ послѣдній корабль, Дерись, вовсе не вступалъ въ дѣло, и потому надобно считать нашихъ только 16 кораблей, а непріятельскихъ 15 и 8 фрегатовъ. Отчего Дерись не поспѣлъ къ дѣлу, осталось въ потемкахъ; но командиръ его послѣ былъ обвиненъ и разжалованъ. Второй за нимъ, Память-Евстафія, дрался два часа противъ трехъ кораблей, но избитый также вышелъ за линію. За тѣмъ три корабля во все время удержали мѣста свои. Во время боя сдѣлался штиль, такъ что суда насилу слушались руля; и потому четвертый нашъ корабль, Владиславъ, потерпѣвшій болѣе всѣхъ прочихъ, не могъ править и сталъ валиться на непріятельскую линію; его обстрѣливали

почти кругомъ, громили продольными выстрѣлами; четыре непріятельскіе корабля окружили его и часу въ десятомъ командиръ его, капитанъ 1 ранга Берхъ, собралъ военный совѣтъ. Оказалось, что избитый въ корпусѣ и рангоутѣ Владиславъ носится по произволу вѣтра, управлять имъ нельзя; что убитыхъ было 257 человѣкъ, но что мичманъ Смирновъ, бывшій въ крютъ-камерѣ при раздачѣ картузовъ, стоялъ съ фителемъ надъ бочкою пороха, ожидая приказанія взорваться на воздухъ. Команда, на вопросъ капитана, отвѣчала: «на все готовы, отецъ нашъ; что хочешь, то и дѣлай!» Командиръ, не видя возможности болѣе драться, и, пожалѣвъ людей, спустилъ флагъ.

Прочіе корабли, всего счетомъ десять, дрались до темной ночи отчаянно и безъ оглядки, кому съ кѣмъ приходилось, то съ однимъ то съ двумя и тремя непріятельскими кораблями. Къ семи часамъ передовые и средніе корабли непріятельскіе стали было спускаться, а наши за ними, но вскорѣ опять привели и продолжали бой; въ девятомъ, весь шведскій флотъ сталъ спускаться, но преслѣдуемый нашимъ, опять привелъ къ вѣтру, что сдѣлали и наши корабли, и сраженіе продолжалось почти одиночное, потому что обѣ линіи вовсе разстроились. Нашъ адмиралъ сошелся съ шведскимъ вице-адмираломъ, графомъ Вахмейстеромъ, командовавшимъ авангардіею; онъ наконецъ спустилъ флагъ и былъ взятъ Ростиславомъ. Въ десятомъ часу, вслѣдъ за сдачей Владислава, весь флотъ непріятельскій спустился и пошелъ на-побѣгъ; ночь наступила и адмиралъ нашъ велѣлъ кончить погоню.

Со шведскимъ вице-адмираломъ взятъ былъ 66 пушечный корабль *Принцъ Густавъ*, на которомъ оказалось убитыхъ и раненыхъ до 306. Только черезъ часъ нашъ адмиралъ узналъ о плѣненіи нашего Владислава, хотѣлъ гнаться за непріятелемъ, но за темнотою не

могъ собрать далеко разбросанныхъ врозь кораблей своихъ; онъ даже посылалъ съ приказаніемъ этимъ шлюпку на ближайшіе корабли, но они были слишкомъ разбиты, а аріергардъ нашъ, менѣе пострадавшій, далеко отсталъ. Шведы ушли въ неприступный Свеаборгъ, который тогда былъ у нихъ въ рукахъ, заперлись тамъ и не выказывали носу во все лѣто, хотя наши корабли ихъ стерегли; только 9-го ноября, когда наши ушли на зимовку, шведскій флотъ вышелъ и отправился въ Карлскрону.

У насъ изъ числа 11,738 человѣкъ, на всѣхъ 17-ти корабляхъ, было до 400 убитыхъ, и раненыхъ съ 700. Адмиралъ Грейгъ доносилъ государынѣ Екатеринѣ II, что никогда еще не видѣлъ такого жаркаго и такого съ обѣихъ сторонъ упорнаго сраженія. Хоть рыло въ крови, да наша взяла!

Спасеніе утопающаго

Кто не знаетъ, какъ трудно вытащить утопающаго изъ воды: какъ опасно броситься за нимъ, особенно если это не ребенокъ, а человѣкъ сильный, здоровый и еще въ полной памяти? Утопленникъ и за соломенку хватается; онъ не разсуждаетъ, что и другого и самаго себя погубитъ; онъ обхватываетъ товарища руками, душитъ его, лѣзетъ на него, поймавъ за шею, или обнявъ поперекъ тѣла, прижимаетъ ему руки, и оба идутъ ко дну. Я видѣлъ, какъ десятилѣтняя дѣвченка, утопая, обвилась руками и ногами за матроса, который бросился за нею, и черезъ часъ вытащили обоихъ неводомъ: такъ вмѣстѣ и окоченѣли.

Одинъ англичанинъ, мастерской пловецъ, проходилъ по набережной, гдѣ вдругъ народъ засуетился и поднялъ крикъ: тонетъ, потонулъ! Французскій матросъ, не умѣвшій плавать, оборвался съ крутого берега и

его теченіемъ тотчасъ отнесло на глубину, гдѣ онъ барахтаясь, уже разъ-другой окунулся и опять показался на водѣ. Англичанинъ бросился за нимъ, нырнулъ, но тотъ обхватилъ его поперекъ тѣла, оплелся около него и потащилъ ко дну. Захлебываясь, англичанинъ въ безпамятствѣ вынурнулъ вмѣстѣ съ утопленникомъ; къ счастію, въ это время подоспѣла лодка и выхватила ихъ обоихъ. Англичанина привели въ чувство, онъ ожилъ, а французъ уже задохся и болѣе не оживалъ.

Случай этотъ заставилъ призадуматься нашего англичанина. Зная себя какъ перваго пловца, который самъ по себѣ ни боялся ни дальности, ни глубины, ни волненія и теченія, — онъ однакоже увидѣлъ, что, не смотря на это, утопающаго спасти не можетъ, а что того и гляди и самъ съ нимъ утонетъ. Онъ сталъ придумывать, какъ бы устроить дѣло это и найти средство, чтобы спасти человѣка изъ воды, если придется, и не дать себя ему въ обиду. Человѣкъ-де тонетъ, какъ же крещеному не подскочить, не помочь? — А какъ же и помочь ему, коли тотъ сдуру вѣшается на шею и топитъ!

Въ это время англичанинъ разъ купался съ товарищами на взморьѣ супротивъ какой-то пещеры, надъ которою нависла скала и куда заливалось море. Они вздумали осмотрѣть пещеру, въ которую можно было попасть только ныркомъ, и двое, нырнувъ, пустились туда. Пловецъ нашъ, вынырнувъ, вдругъ увидѣлъ въ свѣтлой водѣ струю крови и вслѣдъ затѣмъ товарищъ его также вынырнулъ, но весь въ крови, съ разбитой головою: онъ подъ водою наткнулся головою на острый камень и былъ почти безъ памяти. На этотъ разъ англичанинъ, схвативъ товарища, легко и безъ большихъ хлопотъ вытащилъ его на берегъ, гдѣ его привели въ чувство.

Эти два случая наставили нашего англичанина на умъ. Живого и здороваго человѣка не вытащишь изъ воды—утопитъ; а коли утопающій, захлебываясь, обезпамятѣетъ, то его можно ворочать какъ колоду и вытащить за собою на берегъ легко. Стало быть, надо утопающаго сперва ошеломить, отбить у него память, а потомъ тащить къ берегу. Въ первый разъ, когда случиться мнѣ попасть на утопающаго, подумалъ англичанинъ, то я такъ и сдѣлаю.

Черезъ нѣсколько времени ему случилось поѣхать съ товарищемъ на небольшой лодкѣ, самъ другъ на охоту. Товарищъ привсталъ въ то самое время какъ набѣжалъ шквалъ, перевѣсился и упалъ въ воду. Онъ не умѣлъ плавать и сталъ тонуть. Англичанинъ выкинулъ кошку, самъ кинулся въ воду, схватилъ утопавшаго за грудь и, вытянувъ руку, всею силою старался держать его подальше отъ себя; но тотъ, одурѣвъ отъ страха, началъ биться и рваться, хватая спасителя своего за горло. Тогда этотъ, держа его одною рукой, хватилъ другою изо всей силы по лбу, а какъ этого оказалось мало, то и въ другой разъ; тогда утопающій угомонился, ошалѣвъ присмирѣлъ, и англичанинъ его преспокойно вытащилъ на берегъ, гдѣ онъ вскорѣ очнулся.

Затѣмъ, англичанинъ даетъ по опыту всякому совѣтъ: подплывъ къ утопающему, перелобанить его напередъ кулакомъ, но не по темени и не повиску, а прямо по лбу, а безъ этого за спасеніе утопающаго браться не совѣтуетъ.

Конвойный

Нашъ матросъ нерѣдко служитъ за солдата и долженъ знать объ службы—да пожалуй еще и третью: у пушекъ. Какому матросу не случалось быть конвой-

нымъ, при арестантѣ, и провожать его съ большою опаской и осторожностію? Иному арестанту терять нечего, ужь онъ себѣ добра не чаетъ — а коли Бога забудетъ, такъ не побережетъ и конвойнаго.

Давненько ужь этому, никакъ въ Севастополѣ, арестанты посланы были въ работу на каменную ломку. Двое отдѣлены были немного въ сторону при одномъ конвойномъ. Въ полдень, когда данъ былъ роздыхъ, они разжалобили его и упросили позволить имъ дойти близехонько до рощицы и набрать ягодъ кизилю. Матросъ далъ маху и согласился. Пошли, а онъ за ними; ружья у конвойныхъ были заряжены. Скрывшись отъ прочихъ въ рощѣ, арестанты оба вдругъ кинулись на конвойнаго и отняли у него ружье; затѣмъ одинъ хотѣлъ убить его, а другой уговаривалъ товарища, чтобы не брать лишняго грѣха на душу, а связать и оставить тутъ. Слушая ихъ, матросъ нашъ сказалъ:

— За что же вы убьете меня? Богу отвѣтъ дадите: а и на что покинете меня связаннаго? Я теперь пропалъ; меня загоняютъ сквозь строй; мнѣ дѣваться некуда: возьмите меня съ собой, и я уйду съ вами.

Подумавъ, они согласились. Шли лѣсами и горами день, шли другой. Одинъ арестантъ кой-какъ отбилъ кандалы, но ушибъ при этомъ ногу; другой болѣе сутокъ шелъ въ кандалахъ и сильно натеръ ногу. Выбившись изъ силъ, они всю лишнюю одежду взвалили на здороваго матроса, да наконецъ и ружье отдали нести ему же, полагая, что бѣжавъ за-одно съ ними, онъ теперь по неволѣ останется имъ вѣренъ.

Взявъ въ руки ружье свое, нашъ матросъ обрадовался ему, какъ кладу. Онъ поотсталъ маленько лѣсомъ, осмотрѣвъ на ходу осторожно замокъ и порохъ на полкѣ, а потомъ нагнавъ преступниковъ, одного положилъ на мѣстѣ, а другого ранилъ. Перекрестившись, конвойный нашъ воротился въ городъ, явился къ на-

чальству и разсказалъ дѣло. Послали на мѣсто, забрали убитаго и раненаго; судили конвойнаго, и хотя обвинили въ первой оплошности, но оправдали и простили за то, что послѣ хорошо поправился.

Два корабля во льдахъ

Два англійскія военныя судна Эребусъ и Терроръ въ 1842 году ходили вмѣстѣ за открытіями къ южному полюсу. Сѣверный полюсъ, гдѣ вѣчные льды и морозы, за нашимъ Ледовитымъ моремъ, еще на сѣверъ отъ Сибири; а южный, гдѣ такіе жъ морозы и такіе жъ вѣчные льды, насупротивъ сѣвернаго: какъ бы яблоко проткнуть насквозь, отъ цвѣтка до стебелька, то по одну сторону будетъ сѣверный полюсъ, напримѣръ у стебля, а по другую, у цвѣта, южный.

Итакъ плавали они однажды, въ мартѣ, при самомъ свѣжемъ нордвестѣ; густой туманъ сталъ прочищаться и показались тутъ и тамъ льдинки; къ ночи вѣтеръ сталъ еще крѣпчать и повалилъ густой снѣгъ. Убавили парусовъ, опасаясь всего болѣе ледяныхъ плавучихъ горъ, которыхъ не видно было за вьюгой; а плавучія льдинки показывали, что горы эти не за горами. Взяли всѣ рифы на Эребусѣ и стали готовиться къ повороту, чтобы лечь на другой галсъ, какъ ледяная скала, которой не видно было ни конца, ни начала, показалась предъ носомъ. Эребусъ тотчасъ привелъ на лѣвый галсъ, надѣясь пройти на вѣтрѣ у скалы —но въ ту же минуту увидѣлъ товарища своего, Террора, который спускался подъ марселями и фокомъ прямо на Эребусъ.

За темнотою и метелью Терроръ набѣжалъ уже такъ близко, что нельзя было успѣть ему привести, а по тѣснотѣ также нельзя было пройти между ледяной

скалой и Эребусомъ. Этотъ въ минуту положилъ всѣ паруса на стеньгу, но суда столкнулись такъ, что ни одинъ человѣкъ не устоялъ на ногахъ. На Эребусѣ переломился бушпритъ, слетѣла форъ-стеньга, и еще нѣкоторыя части рангоута; оба судна сцѣпились, спутались такелажемъ и рангоутомъ, бились другъ о друга, среди тьмы и метели, подъ ледяной сплошной скалой, куда несло ихъ вмѣстѣ при жестокомъ вѣтрѣ и волненіи. То подымался на волну Терроръ, такъ что обнажалась вся подводная часть его, до самаго киля — то онъ падалъ въ раздолъ между двухъ огромныхъ becъ, и Эребусъ въ это время, со скрипомъ, трескомъ и ломкой, подымался на хребетъ валовъ. Шлюпки и ростры трещали и ломались; вѣтеръ вылъ, а подъ бокомъ прибой къ ледяной скалѣ!

Но послушная и безстрашная команда на обоихъ судахъ вмигъ обрубила и распутала снасти и суда разошлись прежде, чѣмъ ихъ привалило ко льду. Терроръ, на которомъ было меньше ломки, обогнулъ скалу и за нею скрылся. Эребусъ бился еще; онъ весь до того заваленъ былъ обломками, что нельзя было поставить парусовъ, взять передній ходъ и поворотить чрезъ фордевиндъ—а между тѣмъ находился такъ близко къ скалѣ, что къ нему долетали брызги разбивавшихся объ нее волнъ. Оставалось одно: взять задній ходъ и пятиться кормою до выхода на просторъ. Это, конечно, при штормѣ, было очень опасно—да другого спасенія не было. При жестокой, порывистой качкѣ, реи бились о ледяную стѣну, такъ что мачты трещали; но матросы, не зная страху, отдали гротъ среди рева бури, треска рангоута и гула, волненія и прибоя; обрасопили грота-рей, посадили галсъ и положили гротъ на мачту: зарываясь кормой, судно взяло однакоже ходъ; волненіемъ сорвало шлюпку съ ростръ, ноки реевъ трещали и чертили по ледяной отвѣсной стѣнѣ—

но судно вышло къ проходу, къ поперечному проливу между сплошными ледяными горами, благополучно спустилось въ узкій проливъ и тамъ, подъ защитой скалъ этихъ, начало исправляться. Терроръ, который между тѣмъ обогнулъ гору, спросилъ пушкой вѣстей. Эребусъ отвѣчалъ: живъ! Къ свѣту исправился онъ на столько, что могъ опять свободно управлять парусами, и вышелъ изъ ледяного пролива.

Но на разсвѣтѣ увидѣли еще вотъ что: сплошная цѣпь ледяныхъ горъ, оставшаяся на вѣтрѣ, тянулась въ обѣ стороны отъ прохода, въ который попали суда, безъ конца; еслибы суда не столкнулись у прохода этого и не прошли оба въ него на волю, и еслибы вмѣсто того продолжали итти далѣе вдоль стѣны, то, можетъ быть, и не нашли бы никакого выхода оттуда и были бы вовсе затерты льдами.

Одна бѣда выручила отъ другой: а коли двѣ бѣды на носу, такъ смѣло хватайся за меньшую

Коса на камень

На восточномъ берегу Чернаго моря теперь у насъ много укрѣпленій, а лѣтъ 30 тому было только одно, Сухумъ-Кале. Отрядецъ нашъ, изъ матросовъ, возвращался изъ лѣса, отъ рубки дровъ; а и дрова рубили тогда не иначе, какъ подъ сильнымъ конвоемъ. Невдалекѣ отъ Сухума команда перешла въ бродъ рѣку, между тѣмъ какъ одинъ матросъ отсталъ. Отрядъ прошелъ немного впередъ, а отсталый присѣлъ и сталъ разуваться, чтобы пройти рѣчку. Въ эту минуту вдругъ, отколѣ ни взялся, ровно съ лука спрянулъ, выскочилъ изъ-за кустовъ абазинецъ, наскочилъ на него съ тылу, уцѣпился ястребомъ руками за суму, уперся ногами въ спину и сталъ, что есть силы, перекручивать перевязь, чтобы оторвать суму, да унести

патроны. Порохъ абазинцу дороже денегъ. Матросикъ нашъ, опамятовавшись отъ перваго страху, потянулся къ ружью, которое лежало подлѣ; абазинецъ, смѣтивъ въ чемъ дѣло, сталъ упираться ногами и оттаскивать его въ сторону; такъ они барахтались нѣсколько времени, наконецъ матросъ дотянулся до ружья своего и въ одинъ мигъ просунулъ дуло себѣ подъ мышку, уперъ его прямо въ грудь смѣлаго налета и спустилъ курокъ. Вскочивъ на ноги, матросъ оглянулся—абазинецъ убитъ на повалъ; перекрестившись, матросъ бросился въ рѣку и пустился бѣгомъ въ погоню за своими, которыхъ вскорѣ благополучно догналъ.

Вольный морякъ Герасимовъ

Мѣщанинъ Матвѣй Герасимовъ ходилъ на вольныхъ судахъ по Бѣлому морю и перевозилъ хлѣбъ и другой купеческій товаръ. Бывали у него когда-то и свои суда, но сокрушались одно за другимъ: бѣда ровно по пятамъ за нимъ ходила. Обѣднѣвъ, онъ пошелъ въ шкипера на чужія суда. Въ 1810 году, когда у насъ былъ разрывъ съ Англіей, онъ отправился изъ Архангельска въ Норвегію—а что случилось съ нимъ на пути, о томъ самъ онъ разсказываетъ такъ:

Въ іюлѣ вышелъ я изъ Архангельска; на купецкомъ суднѣ Поповыхъ, по имени Евплъ-второй, и пустился съ грузомъ ржи въ Норвегію. На Евплѣ, кромѣ меня, былъ штурманъ, изъ отставныхъ флотскихъ, да 8 русскихъ же вольныхъ матросовъ.

Не доходя до мыса Нордъ-Капа, увидѣли мы 19-го августа военный фрегатъ, который подошелъ, легъ въ дрейфъ и спустилъ шлюпку; она подошла къ Евплу и офицеръ кричалъ что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ; я легъ въ дрейфъ, и офицеръ съ пятью матросами взо-

шли ко мнѣ на судно; это были англичане. Они безъ околичностей стали къ рулю и парусамъ и взяли корабль нашъ въ свое управленіе. Англійскіе матросы обыскали насъ и отняли у меня деньги. Противиться имъ мы, какъ безоружные, не могли, да и фрегатъ англійскій лежалъ рядомъ съ нами въ дрейфѣ, а за нимъ показался еще фрегатъ.

Меня взяли на шлюпку и представили, съ бумагами, какія при мнѣ были, на фрегатъ; но объясниться не могли мы и тамъ — ни они не знали по-русски, ни я по-англійски.

Вечеромъ меня опять отвезли на мое судно; тамъ засталъ я изъ своихъ только штурмана, боцмана, одного матроса и юнгу; прочіе шесть увезены были англичанами. Зато они на Евплѣ оставили, изъ своихъ офицера и семь матросовъ; да съ моего судна взятъ былъ на фрегатъ бакштовъ.

До 23-го августа тащили насъ такимъ порядкомъ, а между тѣмъ фрегатъ скрылся. Наше судно пораздергало качкой и въ немъ оказалось до четырехъ футовъ воды. Вѣтеръ былъ очень свѣжій; мы крѣпко осаживали собою англійскій фрегатъ и потому рѣшился онъ бросить бакштовъ и приказать своему офицеру, лейтенанту Корбету, итти съ Евпломъ въ Англію самому, для чего прибавили намъ еще двоихъ изъ лучшихъ матросовъ моихъ.

Такимъ образомъ плыли мы, подъ управленіемъ англичанъ, еще четверо сутокъ. Тяжело стало у меня на-сердцѣ, что идемъ мы въ плѣнъ и что пропадетъ и корабль хозяйскій и товаръ. Подумавъ, я положился на помощь Божію и сталъ уговаривать товарищей своихъ, всего пятерыхъ, избавиться отъ плѣну, толкуя имъ, что сдѣлать это, коли Богъ попуститъ, можно; матросы согласились, но штурманъ опасался неудачи и никакъ не соглашался. Я уговорилъ това-

рищей сдѣлать дѣло безъ него, оставивъ также и юнгу нашего, который былъ боленъ.

30-го августа въ 5 часовъ утра, когда офицеръ и шесть англійскихъ матросовъ всѣ спали въ каютѣ, а одинъ только стоялъ на часахъ, мы подошли тихонько къ каютѣ, заперли ее, заколотили запоромъ, а сами, кинувшись на оплошнаго часоваго, столкнули его за бортъ.

Сдѣлавъ это, мы спустились при попутномъ вѣтрѣ къ норвежскимъ берегамъ. Мы остались, для управленія рулемъ и парусами, всего самъ-пятъ. Англичане, проснувшись, начали всѣми силами ломиться изъ каюты, мы стращали ихъ крикомъ и показывали, въ угрозу, оружіе; уходившись и отощавъ, они стали просить воды и пищи, которую мы имъ и подавали съ осторожностію. Долго они, какъ видится, все еще надѣялись выломиться изъ-подъ запоровъ и одолѣть насъ силой, и даже нашедши въ каютѣ старое долото, сняли его съ черена и какъ-то ухитрились изъ трубки его выстрѣлить. Мы на это стали грозить имъ ихними же ружьями, которыя они по неосторожности оставили при своемъ часовомъ, на верху. Наконецъ мы выморили ихъ голодомъ и жаждой и они покорились. Тогда мы дѣлали мѣну: за бутылку воды, они передавали намъ по двѣ и по три бутылки вина и рому, который остался внизу и былъ заколоченъ вмѣстѣ съ плѣнниками.

Въ такой нуждѣ и тревогѣ, а отчасти и въ страхѣ, чтобы семеро плѣнниковъ нашихъ не вырвались, тогда какъ у насъ почти ничего не было для защиты, да и на штурмана и юнгу не было надежды въ помощи — въ такой тревогѣ достигли мы, наконецъ, датскихъ береговъ, пришедши къ приморскому городку Вардгузу. Я съѣхалъ на берегъ, явился къ коменданту и разсказалъ дѣло наше; здѣсь я таки могъ объясниться,

потому что въ походахъ своихъ по мурманскому берегу наметался въ норвежскомъ языкѣ, а онъ датскому близокъ.

Комендантъ прислалъ со мною на судно унтера и десятокъ солдатъ; при нихъ я отперъ дверь въ каютную. Вышелъ напередъ офицеръ и отдалъ мнѣ шпагу свою, кортикъ и кинжалъ, а также англійскій флагъ, взятый имъ съ собою, для подъема, въ случаѣ нужды, на нашемъ суднѣ. Затѣмъ вышли по-одиночкѣ и матросы, и всѣхъ ихъ датская военная команда приняла и увезла въ городъ. Комендантъ выдалъ мнѣ свидѣтельство въ полученіи отъ меня плѣнниковъ; а я, простоявъ за противными вѣтрами еще дня четыре, снялся съ якоря и благополучно пришелъ въ Колу.

Это показаніе, подписанное также боцманомъ Ивановъ Васильевымъ и матросами, Петромъ Петуновымъ, Ѳедоромъ Пахомовымъ и Михайломъ Сусловымъ, подалъ Герасимовъ кольскому городничему, представивъ свидѣтельство объ отдачѣ семи плѣнниковъ своихъ, и просилъ позволенія выгрузить рожь, которая отъ большой воды въ трюмѣ подмокла.

Государь пожаловалъ мѣщанину Герасимову солдатскій Георгіевскій крестъ, за смѣлость, рѣшимость и храбрость его. Флагъ и шпага англійскаго офицера, отобранные вначалѣ у Герасимова, были ему опять выданы начальствомъ, для храненія на память этого подвига у себя и у потомковъ своихъ; кортикъ же хранится и теперь въ артиллерійскомъ арсеналѣ архангельскаго порта.

Конвойная команда

На Чёрномъ морѣ, супротивъ Очакова, есть островъ Ада, который укрѣплялн батареями и въ работѣ этой были кинбурнскіе крѣпостные арестанты. Ихъ отвезли

на островъ на баркасѣ. Пришло время отдыха: день жаркій, конвойные утомились и, разсчитывая на то; что арестантамъ съ острова бѣжать некуда, крѣпко оплошали. Арестанты, сговорившись, вдругъ кинулись на баркасъ, столкнувъ съ него двухъ или трехъ сонныхъ гребцовъ, ухватили весла и отвалили прежде, чѣмъ конвойные успѣли сбѣжаться.

Кромѣ баркаса этого не было вблизи гребнаго судна; бѣдные матросы съ крикомъ бѣжали по берегу, провожая бѣглецовъ, какъ насѣдка, высидѣвшая утятъ: утята въ воду, а она караулъ кричать; метались туда, сюда — вдругъ одинъ наткнулся на душегубку, на небольшую долбушку, которая съ трудомъ могла поднять двухъ человѣкъ. Не долго думавъ, махнулъ онъ унтеру, да захвативъ по лишнему ружью, оба кинулись въ лодченку и пустились въ погоню.

Баркасъ на ходу, конечно, былъ потяжелѣ этого корытца и его скоро нагнали; на счастье погода была тиха. Одинъ правилъ и гребъ, другой, окликавъ бѣглецовъ, чтобъ гребли назадъ, за ружье, да пустилъ пулю по головамъ. Арестанты видятъ, что дѣло плохо, закричали въ голосъ: топи ихъ, держи прямо на нихъ! Такъ подъ нашими конвойными душегубка увертлива, а веселье отъ рукъ не отбивается; увертываясь да увиваясь около баркаса, они знай заряжаютъ да попаливаютъ, чуть не въ припоръ, безъ промаха.

Арестанты видятъ, что некуда дѣваться, взмолились о пощадѣ. Двое конвойныхъ заставили ихъ грести назадъ, къ острову, а сами строго провожали ихъ; зарядивъ напередъ ружья.

Такимъ образомъ они всѣхъ арестантовъ своихъ благополучно поставили на мѣсто; правда, половину только живыхъ, а на половину перебитыхъ; но за это ихъ не обвинилъ никто; они вѣрно и славно исполнили долгъ свой и присягу.

Находчивость и расторопность двухъ человѣкъ спасла отъ большой бѣды и отвѣта цѣлую команду. Честь имъ и хвала!

Черкесскій плѣнникъ

На абазинскомъ берегу Чернаго моря, на рѣчкѣ Гостогаѣ, стоялъ отрядъ нашъ, и при бивачномъ огнѣ сидѣли офицеры съ однимъ изъ заложниковъ, съ горскимъ князькомъ Убыхомъ. Въ бесѣдѣ сказалъ онъ: я вамъ разскажу быль про русскаго матроса, Ивана, которая стоитъ того, чтобъ вы ее послушали.

Кажется, въ 1832 году,—мнѣ было тогда лѣтъ 14,—въ январѣ, поджидали мы молодецкую (то есть воровскую) турецкую *кочерму* изъ Трапезонта. Кочерма это небольшое парусное суденышко, на которомъ подвозили намъ, когда удастся уйти отъ васъ, порохъ, оружіе, одежду; оно же привозитъ намъ расплату старыхъ долговъ и вѣсти отъ братьевъ — мусульманъ.

Мы сидѣли на взморьѣ, зная урочный день, ждали—нѣтъ ни паруса и только свинки рѣзво играютъ вдоль береговъ, къ непогодѣ. Съ полудня вѣтеръ разыгрался такъ, что у насъ стало сердце щемить за бѣдныхъ земляковъ, которыхъ чаяли въ морѣ. Къ вечеру мы вдругъ увидѣли по окраинѣ моря парусъ; всѣ съ крикомъ вскочили съ мѣстъ; судно быстро бѣжало прямо на-берегъ, но рыскало въ ту и другую сторону; вскорѣ мы, не вѣря своему счастію, узнали въ немъ русскій транспортъ, который, разбитый и обломанный, мчался по вѣтру и волнамъ на берегъ. Его тутъ же выкинуло на косу и стало окачивать волной.

На добычу! — закричали наши, и бросились въ камыши, къ лодкамъ. Отецъ мой швырнулъ меня заворотъ на лодку, сказавъ: вотъ тебѣ, первоученка, промыселъ; иди да учись!

Самъ онъ сѣлъ на кормовое весло. Нѣсколько другихъ лодокъ, съ вооруженнымъ народомъ, спущены были за нами.

Зная, что имъ не ожидать пощады, русскіе встрѣтили насъ залпомъ; но мудрено погибающему бороться еще съ непріятелемъ! Лодки наши, пуская градъ пуль, облѣпили судно, джигиты бросились въ шашки и вмигъ перерѣзали всѣхъ, кто не сдался, а нѣсколькихъ захватили живьемъ. Отецъ мой, не поспѣвъ по дряхлости за молодцами на судно, увидалъ вдругъ матроса въ водѣ, вплоть у нашей лодки. Отецъ мой обрадовался пожившѣ этой и подалъ ему весло; матросъ ловко выхватилъ его изъ рукъ и, взмахнувъ имъ, ударилъ старика такъ сильно въ голову, что тотъ свалился съ ногъ. Но матросу некуда было дѣваться; онъ долго бился на мѣстѣ, покуда отецъ мой не втащилъ плѣнника, почти безъ памяти, въ лодку.

Всю ночь лодки наши занимались свозомъ на берегъ съ судна пороха, желѣза, мѣдныхъ вещей, харчей—всего, что можно было добыть. Со свѣтомъ пришелъ пароходъ, на помощь судну; забравъ, что успѣли свезти, въ томъ числѣ и плѣнника своего, мы ушли съ берега въ горы.

Этого плѣнника, по обычаю, мы назвали Иваномъ. Сперва, какъ у насъ всегда водится, житье ему было тяжкое и держали его строго; много было ему обидъ и побоевъ, особенно отъ старухъ нашихъ; помаленьку мы привыкли къ нему, а онъ къ намъ; за безотвѣтное терпѣніе его, за то, что былъ работящій и смирный человѣкъ, отецъ сталъ держать его лучше и даже полюбилъ, хоть и не совсѣмъ вѣрилъ ему, пальца въ ротъ не клалъ.

Черезъ нѣсколько времени отецъ мой самъ пустился вмѣстѣ со старымъ трапезонтскимъ плавателемъ въ торговлю съ турками; повезъ туда отъ насъ дѣвокъ.

которыхъ турки покупаютъ себѣ въ жены, на товаръ и на деньги.

Обласкавъ Ивана, отецъ мой поставилъ его кормчимъ на свою кочерму, вѣря умѣнью его править въ морѣ; сходили они туда благополучно и уже летѣли подъ парусомъ и при попутномъ вѣтрѣ домой. Зыбь ходила горами. Я былъ съ ними; помню, что насъ сильно бросало и качало. Иванъ стоялъ на рулѣ и напѣвалъ свои пѣсни: мы дремали; долго смотрѣлъ онъ все въ одно мѣсто и сказалъ: судно идетъ.

Отецъ мой вскочилъ; слово это испугало его; всѣ засуетились. Какое судно? Не русское ли? Насъ всего на кочермѣ было семь человѣкъ, одно ядро могло затопить всѣхъ.

— Кажется, сказалъ отецъ, глядя тревожно то на судно, то на Ивана, — кажется насъ увидѣли — какъ будто на насъ держатъ!

— Ты спалъ, — отвѣчалъ Иванъ спокойно, — такъ и проспалъ; съ полчаса уже какъ оно идетъ за нами въ погоню.

— Что жъ, — спросилъ отецъ, — неужто намъ плохо — неужто оно догонитъ насъ?

— Догонитъ, — отвѣчалъ Иванъ не смущаясь.

— А во сколько времени добѣжимъ до своей бухты?

— Въ полчаса, чай, добѣжать можно; близко.

— А судно, Иванъ, оно во сколько времени насъ догонитъ?

— Скоро, — сказалъ Иванъ, не глядя на него.

— Что скоро? А какъ скоро? Во сколько времени?

— Да прежде получаса догонитъ.

— Лжешь, собака!

— А можетъ-статься я и солгалъ, потому что оно въ четверть часа на насъ насядетъ.

Старикъ вскочилъ съ мѣста и люто ухватился за весло; всѣ мы сдѣлали то же и принялись грести во

все плечо. Но судно все подходило ближе: мы ясно распознавали пушки и столпившихся на носу людей. Иванъ, поглядѣвъ хорошенько, сказалъ: хозяинъ, а узналъ ли ты судно это? Всѣ мы стали всматриваться и узнали, что это былъ тотъ же самый транспортъ, который мы разграбили, вырѣзавъ команду, и съ котораго былъ нашъ Иванъ.

— Иванъ,—закричалъ отецъ мой, бросивъ весло и уставивъ дуло винтовки своей на грудь плѣнника, — если ты хоть на-волосъ чѣмъ сфальшишь, если только чуть что замѣчу—убью на-повалъ и выкину, какъ пса!

— Пожалуй убей,—отвѣчалъ тотъ.—Не находка мнѣ житье у васъ, да чѣмъ и какъ я тебя укрою отъ русской картечи? Вотъ она чай скоро брызнетъ. Становись самъ на руль, а мнѣ дай весло—да и дѣлай, что знаешь.

— Держи прямо на отмели!—закричалъ отецъ,—ты знаешь выходы между каменьевъ; держи туда!

— Держу, — сказалъ Иванъ, круто спускаясь по вѣтру, на бурунъ;—но картечь и туда достанетъ.

Вслѣдъ затѣмъ дымъ всклубился подъ носомъ судна и ядро, прошипѣвъ надъ нами, упало недалеко впереди,—и пошло прыжками бороздить море. Мы гребли во всѣ лопатки, а съ транспорта скинули уже гребныя суда въ погоню. Онѣ вскорѣ стали нагонять насъ и обсыпали картечью; но разгульная зыбь мѣшала вѣрному прицѣлу. Мы думали, что уже вовсе ушли; мы ужъ приставали къ берегу, какъ продольный по насъ выстрѣлъ вышибъ руль и убилъ на повалъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ старшаго брата моего, Нефтали. Отецъ мой взревѣлъ, такъ сердце въ немъ закипѣло отъ жалости и злобы, и поклялся отмстить за смерть любимаго сына.

Земляки наши, выбѣжавшіе берегомъ на встрѣчу, кинулись въ бурунъ, подхватили и вытащили на себѣ

кочерму. Транспортъ, пославъ нѣсколько ядеръ за нами, отозвалъ шлюпки свои и, вошедши въ бухту ближайшаго русскаго укрѣпленія, сталъ тамъ на якорь.

Въ полночь отецъ меня разбудилъ.—Вставай, смерть брата твоего проситъ русской крови. Кровь за кровь, сказалъ пророкъ нашъ благословенныя памяти. Я старъ, руки мои дрожатъ — но на это меня станетъ; я все придумалъ и уладилъ. Идемъ!

Мы вынесли на берегъ огромный ящикъ съ порохомъ, на которомъ придѣланъ былъ фонарь. Лодка была готова, въ ней четыре горца и нашъ Иванъ. Поставивъ въ нее ящикъ, мы подняли паруса. Ночь была очень темна и мы вскорѣ подошли довольно близко къ русскому транспорту, съ-навѣтру.

— Иванъ,—сказалъ отецъ мой,—братья твои отняли у меня сына—отняли полвѣка и полсчастья. Я бы могъ зарѣзать за это тебя, но я лучше придумалъ; ты, самъ же ты отмстишь имъ за моего сына. Знаешь ли, что я придумалъ?

— Нѣтъ не знаю,—сказалъ Иванъ спокойно.

— Гляди, — сказалъ старикъ шопотомъ,—въ этомъ ящикѣ четырнадцать пудовъ пороху—вашего русскаго пороху, съ этого жъ судна; на немъ фонарь, въ фонарѣ фитиль, который проходитъ насквозь. Ночь темна и непогодлива; мы еще немного подойдемъ къ судну, и я тебя заставлю зажечь фитиль этотъ и пустить ящикъ по водѣ; его тотчасъ же прибьетъ къ судну. Готовься!

Всѣ мы зазѣвались при этой бесѣдѣ, какъ вдругъ свѣжій ударъ вѣтра сильно накренилъ лодку; въ тревогу эту нашъ Иванъ кинулся, какъ будто къ парусамъ, и никто не успѣлъ оглянуться впотьмахъ, какъ топоръ глухо застучалъ въ рукахъ его и онъ только закричалъ!

— Да здравствуютъ мои отцы командиры и братья мои!

Въ одинъ мигъ всадили въ него четыре кинжала—но уже было поздно: лодка была прорублена, вся наполнилась водой и тонула. На крикъ этотъ подоспѣла шлюпка отъ транспорта и спасла меня одного; отецъ же мой и четыре товарища его потонули молча: ихъ голосу никто не слыхалъ...

Офицеры стали спрашивать князька Убыха, как называли транспортъ этотъ, какъ звали Ивана? — Но онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Помню только, что на плечахъ у Ивана, сказалъ онъ, т. е. на погонахъ, была ваша русская тамга, вотъ такая: и вычертилъ кинжаломъ 35.

Первый салютъ

Въ 1716 году царь Петръ Великій, создатель флота нашего, прибылъ въ Копенгагенъ съ молодымъ флотомъ своимъ изъ 16 кораблей, 5 фрегатовъ и 45-ти галеръ. Для начала, сила изрядная! Въ это время находились тамъ, кромѣ эскадры датской, также англійская и голландская, которыя пришли вразумить шведскаго короля Карла XII, разбитаго уже окончательно русскими и на сухомъ пути и на морѣ. Требуя отъ всѣхъ народовъ помощи противу Петра I и не получая ея ни отъ кого, онъ до того озлобился, что сталъ брать съ моря безъ разбора торговыя суда всѣхъ народовъ. Это въ сторону—а дѣло въ томъ, что въ это время флотъ нашъ впервые былъ встрѣченъ салютомъ съ эскадръ трехъ державъ, а въ томъ числѣ, въ первый разъ, и *англійской*. Царь до того былъ радостенъ и доволенъ, что сказалъ: «Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ дожить до морскаго салюта отъ учителей

моихъ, голландцевъ и англичанъ, и что не стыдно мнѣ имъ мнѣ отвѣтить!»

Но этого мало; Петру Великому предстояла еще почесть небывалая: соединенныя экскадры положили вывести до сотни купецкихъ кораблей разныхъ государствъ подъ конвоемъ своимъ изъ Копенгагена и охранить ихъ отъ ограбленія шведами. Адмиралы просили царя нашего принять на себя званіе главнокомандующаго соединеннаго флота, и онъ писалъ графу Апраксину: «Посылаю ордеръ баталіи, сколько воинскихъ соединеннаго флота кораблей подъ штандартомъ россійскимъ и сколько купецкихъ подъ конвоемъ; чаю, ваша милость сіе прочтеши, пословицу свою не забудетъ, *что отъ роду первые.*»

5-го августа 1716 года Петръ Великій поднялъ на кораблѣ своемъ «Ингерманландѣ» штандартъ при девяти пушечныхъ выстрѣлахъ; англійскій адмиралъ отсалютовалъ 21, а голландскій и датскій 27-ю выстрѣлами, причемъ датская эскадра, въ знакъ уваженія своего, опустила до низу флаги и вымпела. Великій адмиралъ отвѣтилъ 21 выстрѣломъ и сдѣлалъ сигналъ: сняться съ якоря.

Весь флотъ этотъ состоялъ изъ 21 русскихъ судовъ, не считая галеръ, 16 кораблей и 3 фрегатовъ англійскихъ, 16 кораблей и 3 фрегатовъ датскихъ и 25 голландскихъ, всего 84. Царь дѣлалъ подъ островомъ ученье и эволюціи всему соединенному флоту и сердце его радовалось, когда видѣлъ, что молодая морская сила его мало въ чемъ уступаетъ старымъ и опытнымъ флотамъ.

Проводивъ благополучно купецкій флотъ, но не встрѣтивъ шведовъ, царь 14-го спустилъ при общемъ салютѣ штандартъ свой и, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, отправился въ поморяны.

Въ память этого событія, столь радостнаго и не-

обыкновеннаго, выбита была медаль, у которой на одной сторонѣ изображена глава царя на пьедесталѣ, окруженная военными доспѣхами, съ надписью: *Петръ Великій Всероссійскій. 1716 годъ;* а на другой сторонѣ Нептунъ на колесницѣ, запряженной двумя морскими конями, съ русскимъ штандартомъ, англійскимъ, датскимъ и голландскимъ флагами, и съ надписью: *Владычествуетъ четырьмя. При Борнгольмѣ.*

Кромѣ того, это начальство соединенными флотами ознаменовано еще было принятіемъ въ число русскихъ флаговъ, англійскаго *жакета*, или того пестраго четыреугольника, который находится въ верхнемъ углу обыкновеннаго кормоваго флага военныхъ и купеческихъ судовъ Англіи и означаетъ соединеніе трехъ королевствъ, ее составляющихъ. Адмиралъ Норрисъ поднесъ государю флагъ свой при этомъ случаѣ и Его Величество, измѣнивъ только въ рисункѣ флага синій крестъ, идущій отъ средины каждой стороны, на крестъ съ угла на уголъ, или андреевскій, далъ ему названіе *гюйса* и повелѣлъ, по примѣру англичанъ, подымать его на всѣхъ приморскихъ укрѣпленіяхъ и на носовой части военныхъ судовъ, для такого же означенія ихъ крѣпостями плавающими.

Кладъ на кораблѣ

Въ землѣ, говорятъ, счастливому дается иногда кладъ. Дѣло, какъ ни затѣйливо, а просто: одинъ съ великаго ума закопаетъ деньги, другой спроста набредетъ и вынетъ. Счастливому и въ зубахъ вязнетъ!

А слыхивали ль, что и на кораблѣ можно найти кладъ?—Коли вѣрить разсказу одной англійской газеты, то стало быть можно.

Бригъ *Карлестонъ*, прослужившій срокъ свой въ морѣ, у купца, проданъ былъ на прѣсную службу,

для перевозки по рѣкѣ Темзѣ, въ Лондонѣ, каменнаго угля. Его купили три товарища; но вскорѣ почему-то опять разсудили перепродать, нашли покупщиковъ, но эти, осматривая судно съ молоточкомъ въ рукѣ, нашли, что одинъ изъ заднихъ бимсовъ долженъ быть съ изъяномъ, то есть гнилой: дупло подъ обухомъ скажется. Покупщики согласили продавцевъ вынуть напередъ бимсъ этотъ для осмотра — и только что сдѣлали это, какъ хозяева, не вѣря глазамъ своимъ, закричали: «Не годится, дуплястый—ступайте съ Богомъ, не годится!»

Дупло-то нашлось, во всю длину бимса, да только безъ гнили, а набито было испанскими талерами, на сто тысячъ цѣлковыхъ. Судно это, лѣтъ за 15, торговало черными невольниками — дѣло запрещенное, и за такими судами гоняются крейсеры всѣхъ государствъ. Опасаясь погони, шкиперъ запряталъ въ выдолбленный бимсъ всю незаконную выручку свою; между тѣмъ судно все таки было взято; послѣ погони, шкиперъ съ командою бросили его и съ трудомъ сами спаслись бѣгствомъ. Кто взялъ призъ—не зналъ о кладѣ; судно было продано съ молотка, переходило изъ рукъ въ руки и досталось, съ дупломъ, и съ начинкой, угольнымъ перевозчикамъ.

Неправедно нажитое огнемъ горитъ. Это сбывается видно не только на сушѣ, но и на водѣ.

И у насъ случилось что-то въ родѣ этого клада. На кораблѣ императрица Марія заболѣлъ трюмный и собрался помирать. Зная, что у него были деньги, фельдфебель пошелъ къ нему и, побесѣдовавъ, сказалъ: Ну, что, братъ, никакъ плохо дѣло? Неравенъ часъ; всѣ мы подъ-Богомъ ходимъ; у тебя жена есть, да и деньжонки, говорятъ, водятся; не накажешь ли чего-про случай?

Что было у трюмнаго на умѣ — не знаю; чужая душа потемки; но онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, женѣ моихъ

денегъ не нужно; а станете искать ихъ—не найдете. Пусть же онѣ тому достанутся, кто ихъ найдетъ.

Трюмный померъ, и въ вещахъ его денегъ не нашли. Много лѣтъ спустя въ 1848 году, когда корабль этотъ пошелъ въ сломку, увидѣли, что въ одномъ изъ шпангоутовъ на трюмѣ было выдолблено дупло и ловко задѣлано. Вынули задѣлку—и нашли 500 рублей.

Какъ нарочно, тотъ же офицеръ, который нѣкогда былъ ревизоромъ на этомъ кораблѣ и помнилъ отвѣтъ трюмнаго, служилъ теперь при портѣ и находился при сломкѣ. Онъ-то и догадался, чьи это были деньги и какъ онѣ туда попали.

Равный бой

Рѣдко случается такой равный бой на морѣ, какъ былъ въ 1813 году, между двумя фрегатами, англійскимъ и сѣверо-американскимъ. Англійскій фрегатъ Шеноиъ крейсеровалъ около американскаго города и порта Бостона, гдѣ стоялъ въ гавани Чизапикъ. Командиръ перваго, желая помѣриться со вторымъ, особымъ письмомъ вызвалъ его на поединокъ, съ тѣмъ, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не было никакого пособія. Поводъ къ этому вызову подало то, что тотъ же американскій капитанъ, командуя другимъ судномъ незадолго предъ тѣмъ, пустилъ ко дну англійскій 18-ти пушечный бригъ, что и надѣлало много шуму и похвальбы.

1-го іюля Шеннонъ взялъ у самаго входа въ бостонскую гавань непріятельскую шкуну. Чизапикъ, стоявшій уже на-готовѣ, выпалилъ изъ пушки, отдалъ всѣ паруса и, поднявъ нѣсколько флаговъ въ разныхъ мѣстахъ, пустился изъ гавани.

Шеннонъ отошелъ отъ берега миль на восемь, на просторъ и, оставивъ шлюпку свою на бакштовѣ,

чтобы не закрывать ею кормовыхъ пушекъ, ожидалъ непріятеля.

На Чизапикѣ, американскомъ фрегатѣ, было 390 человѣкъ и 50 орудій; на Шеннонѣ, англійскомъ, 330 человѣкъ и тѣ же 50 пушекъ. Судя строго, американцы были сильнѣе: на 60 человѣкъ экипажа, на 52 фунта по вѣсу ядра, и наконецъ даже по объему судна, на 69 тонн. По крайней мѣрѣ американцамъ нельзя сказать, чтобы они были чѣмъ либо слабѣе англичанъ.

Шеннонъ сталея подъ марселями и кливеромъ, съ поднятыми бомъ-брамъ-реями; Чизапикъ, подходя, убавилъ парусовъ, спустилъ бомъ-брамъ-реи и подошелъ къ Шеннону съ навѣтреннаго баканца, чтобы не быть подъ прямыми выстрѣлами его. Надѣясь обойтись съ фрегатомъ, какъ съ бригомъ, американскій капитанъ навелъ всѣ орудія свои на самую ватерлинію непріятеля, но какъ американецъ сталъ приводить затѣмъ къ вѣтру, не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ Шеннона, то фрегатъ нѣсколько болѣе накренился, ядра упли въ воду и всѣ прошли подъ килемъ непріятеля. Если бы не сдѣлано было такой важной ошибки, если бы всѣ ядра американца, на такомъ близкомъ разстояніи, прошли на вылетъ въ подводную часть англичанина—то можетъ быть дѣло рѣшилось бы иначе.

Англичанинъ направилъ пушки свои по нижней батареѣ противника. Первыми тремя выстрѣлами, изъ шканечной коронады и баттарейныхъ кормовыхъ пушекъ, сбило на Чизапикѣ передніе паруса, отбросило прислугу отъ носовыхъ орудій, убивъ тамъ 8 человѣкъ команды и двухъ офицеровъ. А когда Шеннонъ, не торопясь, покончилъ первый рядъ выстрѣловъ со всего борта, ядрами, картечью, а также изъ ружей, то Чизапикъ былъ уже сильно разбитъ и ослабленъ. Онъ пробѣжалъ скоро мимо Шеннона, но въ то же время, отъ перебитыхъ кливеркотовъ, бросился къ

вѣтру; паруса легли на стеньгу и фрегатъ взялъ задній ходъ. Капитанъ Лауренсъ и почти всѣ офицеры наверху были перебиты или ранены, такъ что въ эту опасную минуту даже некому было распоряжаться. Второй огонь съ Шеннона былъ страшно разрушителенъ; отъ баку до шканецъ борты на Чизапикѣ были пронизаны ядрами и едвали не подъ сотню человѣкъ убито и ранено: всѣ гребныя суда и запасный рангоутъ избиты въ щепы, такелажъ перебитъ, ванты перешибены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, передніе паруса въ лоскутьяхъ; мачты всѣ пробиты; до пяти орудій лѣваго борта негодны въ дѣло; штуръ-тросъ и даже штуръ-валъ перебиты, вся палуба завалена обломками, убитыми, изувѣченными.

Въ это время Чизапикъ, никѣмъ не управляемый, свалился съ Шенноном. Капитанъ послѣдняго, Брокъ, закричалъ: «за мною!»—и бросился на американскій фрегатъ; бросились и другіе, а морской солдатъ Сондерсъ, закричавъ: «ура баковымъ, придуши чортъ отсталаго!» кинулся съ баковыми на абордажъ.

Чизапикъ, попятившись задомъ и навалив на Шеннонъ, зацѣпилъ штульцомъ своимъ за запасный якорь непріятеля, который лежалъ, противу обычая, на гротъ-русленѣ. Когда штульцъ оторвало и суда опять разошлись, то на Чизапикѣ осталось, вмѣстѣ съ капитаномъ Брокомъ, всего менѣе сорока англичанъ. Капитанъ Брокъ былъ сильно раненъ и зашибенъ ударомъ приклада въ голову; несмотря на это, на Чизапикѣ было все въ такомъ безпорядкѣ и разстройствѣ, что англичане, очистивъ верхъ отъ непріятеля, бросились въ палубу, перебили, кого застали съ оружіемъ въ рукахъ, а покорныхъ собрали въ кучу и объявили плѣнными.

Англичане жалуются, будто американцы, послѣ покорности, снова измѣнническ напали на нихъ, и будто въ то-то время ранили капитана, и убили, сквозь рѣшетча-

тый форъ-люкъ, приставленнаго уже англичанами часоваго. Американцы отпираются отъ этого, утверждая даже, будто англичане били безоружныхъ. Истина, кажется та, что при безначаліи и безпорядкѣ на Чизапикѣ, гдѣ почти всѣ офицеры были перебиты или переранены, одинъ сдавался, другой продолжалъ драться, кому какъ случилось. Въ такой суматохѣ трудно удержать порядокъ.

Старшій лейтенантъ англійскаго фрегата, кинувшійся на абордажъ вмѣстѣ съ командиромъ, при помощи своихъ спустилъ американскій флагъ и привязалъ надъ нимъ англійскій. Въ суматохѣ онъ, по ошибкѣ, сталъ подымать флагъ не тѣмъ концомъ, а наоборотъ, и американскій флагъ пошелъ на верхъ первымъ, а англійскій подъ нимъ. Эта несчастная ошибка стоила дорого самимъ же англичанамъ, съ Шеннона въ ту же минуту пущено было ядро, которое своему же старшему лейтенанту оторвало голову, а уряднику при немъ обѣ руки. По второму выстрѣлу только на Шеннонѣ замѣтили ошибку свою и пальба прекратилась. Подтянули съ бакштова шлюпку и послали въ помощь еще людей на Чизапикъ.

Тамъ нашли они страшное побоище: на Чизапикѣ было 70 убитыхъ и 100 раненыхъ. У англичанъ потеря также была довольно велика: 24 убитыхъ и 50 раненыхъ.

Бортникъ на салингѣ

Нашъ фрегатъ Полюксъ, 25-го октября 1809 года, шедши въ Свеаборгъ, ударился при 7 узлахъ ходу о неизвѣстный въ то время подводный камень у финляндскихъ береговъ, близъ острова Унаса и вскорѣ пошелъ ко дну. Часть людей погибла, другая успѣла отвалить на гребныхъ судахъ, третья бросилась на

ванты; а какъ фрегатъ стоялъ прямо и, погрузившись, сѣлъ немного глубже марсовъ, то бѣдняки эти и столпились на стень-вантахъ, и салингахъ, откуда сняты были своимъ же катеромъ на другое утро.

Каково имъ было ночевать въ этомъ положеніи — и говорить нечего; но на крюсъ-стень-вантахъ навязался въ товарищи бѣдствующимъ такой безпокойный сосѣдъ, что онъ измучилъ всѣхъ бывшихъ тамъ и довелъ до отчаянья: это былъ сынъ стараго костромского бортника, пошедшій охотой въ марсовые. На Полюксѣ жилъ ручной медвѣдь, бывало забавлявшій всю команду; и ему также не захотѣлось топиться, и онъ полѣзъ на салингъ, но тамъ никакъ не могъ успокоиться и примоститься, а во всю ночь то пытался сѣсть на головы людямъ, прижимался къ нимъ и сталкивалъ ихъ, то подымался выше, не разбирая, по комъ ступаетъ и за кого хватается лапами, то опять спускался, расталкивая всѣхъ, и искалъ себѣ почетнаго мѣста задомъ, какъ деревенская попадья на пирушкѣ. Зато мишку покинули командиромъ на погибшемъ фрегатѣ, когда съ большою опасностію, при волненіи, сняли бѣдствующихъ—и онъ, говорятъ, долго глядѣлъ вслѣдъ катеру и громко бранился.

Опасеніе

Подумаешь — какихъ страстей нѣтъ на морѣ! Не даромъ говорится: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался. Разобьетъ судно—потонешь; затопитъ его, опрокинетъ — не лучше того; упадешь въ море — туда же ко дну; либо упадешь съ рея, да убьешься; либо убьетъ тебя переломленный нокъ рея, или брамъ-стеньга; либо захлеснетъ снастью, да выкинетъ за бортъ, или руки оторветъ при пушечной пальбѣ; либо живой сгоришь, какъ пожаръ сдѣлается,

а не хочешь горѣть — топись; или подымет на воздухъ, какъ взорветъ судно, что волоса своего не соберешь; либо смерчъ набѣжитъ — а ужъ о морскомъ сраженіи и говорить нечего—это сущій адъ!

Когда государь Петръ Великій снаряжался въ морское сраженіе на шведовъ въ 1713 году, то адмиралъ Крюйсъ, страшась и одной мысли, что царь могъ при этомъ погибнуть, упрашивалъ его не итти самому съ флотомъ, и при этомъ случаѣ представилъ царю докладъ, на которомъ было расказано нѣсколько примѣровъ бѣдствій на морѣ: такой-то шведскій корабль разбило и всѣ погибли; такой-то датскій корабль взорвало порохомъ, и прочее.

Петръ Великій написалъ на докладѣ этомъ своей рукой:

«Дворянинъ Никита Долгой, ѣхавъ Окою, везъ себѣ боченокъ пороху, который взорвало и Долгаго искалѣчило.»

«Годъ тому, какъ фейерверкомъ на Москвѣ подорвало подполковника Страсбурга и многихъ обожгло.»

«Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили; а окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился.»

«Бояться пульки, нейти въ солдаты; или кому деньги дороже чести, тотъ оставь службу.»

«Слишкомъ рисковать ни велятъ, ни совѣтуютъ, а деньги брать и не служить стыдно.»

Написавъ это, государь прибавилъ: «Восьмнадцать лѣтъ, какъ служу своему государству, и въ скольких сраженіяхъ, дѣлахъ и осадахъ ни бываль, вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался, а не отсылать, дабы дома, яко дитя, сидѣлъ; но не хочу быть помѣхой доброму и нужному дѣлу и оставляю свою команду, предлагая только мнѣніе свое; а такимъ или инымъ образомъ, все равно. лишь бы дѣло было сдѣлано.»

Чтобы понять этотъ отзывъ государя и научиться еще болѣе дивиться величію его, надо объяснить, что царь въ это время числился шаутбенахтомъ (контръ-адмираломъ) своего флота; а какъ Крюйсъ былъ вице-адмиралъ и главный начальникъ, то Петръ I, умѣя быть въ одно время и славнымъ царемъ и послушнымъ подчиненнымъ, не хотѣлъ показать примѣра непослушанія. Несмотря на сильное желаніе быть при флотѣ, онъ на сей разъ отъ этого отказался.

Въ другой разъ, когда дѣла съ поляками, турками, саксонцами и шведами были весьма запутаны, часть поляковъ измѣнила тайно и перешла къ шведамъ, которые также старались усыпить и обмануть царя пустословіемъ, а между тѣмъ подымали турокъ и татаръ на Россію, Петръ Великій писалъ адмиралу своему Апраксину:

«Здѣсь все еще дѣло и бездѣлье какъ брага бродитъ, и не знаемъ, что будетъ; однако, если все несчастія бояться, то и счастія не будетъ. Неопасеніе, конечно, въ бѣду вводитъ, но трусость прямо губитъ.»

Отецъ и братъ

Когда Петръ Великій пожаловалъ одного изъ вѣрныхъ слугъ своихъ великими милостями и этотъ, тронутый милосердіемъ царя, палъ передъ нимъ и назвалъ его отцомъ, то государь, назвавъ его, по русскому обычаю, братомъ, сказалъ.

«Встань, братецъ; я приставъ надъ вами отъ Бога и моя должность, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отымать. Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько самъ себѣ и отечеству добра сдѣлаешь; а буде худъ, то я истецъ на тебя буду. Богъ отъ меня того за всѣхъ васъ потребуетъ, чтобъ

за всякаго отвѣтъ далъ, чтобъ доброму и умному былъ просторъ добро творить, а злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдой; тогда вначалѣ Богъ и совѣсть твоя, а при немъ и я, тебя не оставимъ. Тогда найдешь ты во мнѣ и отца, и брата.»

Хилковъ съ товарищами

Давно уже, въ 1743 году, мезенскій купецъ Окладчиковъ отправилъ изъ Бѣлаго моря въ Ледовитое судно, на китовый и тюленій промыселъ. Противными вѣтрами и льдами пронесло ихъ мимо Шпицбергена, къ нежилому островку. Тутъ затерло судно льдомъ и потому рѣшили отправить четырехъ человѣкъ на поискъ, на островъ, гдѣ по слухамъ была поставлена когда-то изба, для зимовки.

Четверо эти были: штурманъ Алексѣй Хилковъ, крестникъ его Иванъ, да Шараповъ и Вершинъ. По пловучимъ льдинамъ пробирались они слишкомъ три версты до берега, идучи налегкѣ, чтобы не потонуть. Они нашли избу, переночевали въ ней и, воротившись поутру за товарищами на берегъ, не вѣрили глазамъ своимъ: предъ ними чистое море, по край свѣта: ни льду, ни судна. Долго стояли они и не могли опомниться—не наважденіе ли это? Но наконецъ надо было повѣрить.

При нихъ было одно ружье и 12 зарядовъ, топоръ, ножъ, котелокъ, полпуда муки, трутъ съ огнивомъ, трубка съ табакомъ—и только. Какъ ни горестно было ихъ положеніе, на нежиломъ острову, на краю сѣвера, куда никто не заходитъ и гдѣ, вѣроятно, надо было имъ погибнуть; но на первый случай они были спасены, тогда какъ товарищи ихъ погибли: судно затерло льдами, унесло, и оно пропало безъ вѣсти.

Потуживъ, воротились ребята нашу въ избу, вычинили и ухитили ее мохомъ; лѣсу растущаго нѣтъ въ этихъ краяхъ, но выкидываетъ его много на берегъ, и они собрали топлива. На острову были олени, бѣлые медвѣди и песцы; жалѣя зарядовъ, плѣнники наши берегли ихъ для оленей, на мясо, а на медвѣдей ходили съ одними рогатинами; они нашли на берегу нѣсколько досокъ и брусьевъ, отъ какого-то разбитаго судна; въ брусьяхъ были гвозди и большой желѣзный крюкъ; нужда всему научитъ: Хилковъ съ товарищами устроили кузницу, выковавъ сперва голышемъ на голышѣ изъ крюка молотокъ, а молоткомъ на голышѣ—изъ гвоздей—копья, насадили ихъ ремнями на ратовище изъ наноснаго лѣсу и этимъ воевали.

Но на бѣлаго медвѣдя, какъ сказывали они, итти страшно. Сперва они убили, двѣнадцатью зарядами, 12 оленей; а когда съѣли ихъ и голодъ сказался, тогда только пошли съ рогатинами на медвѣдя. Да, голодъ злодѣй: стараго добра не помнитъ.

Морозы стояли жестокіе, какихъ мы здѣсь и не знаемъ, а ночь въ тѣхъ мѣстахъ, куда солнце попадаетъ только лѣтомъ, ночь во всю зиму: тамъ вся зима одна ночь. Набравъ оленьяго жиру, заготовили они на эту нескончаемую ночь плошку, глину нашли они; и хоть не гончары, а кой-какъ плошку слѣпили. Но оказалось, что она пропускаетъ жиръ, поэтому сдѣлали они другую, обожгли ее и еще облѣпили тѣстомъ,—и въ ней горѣлъ у нихъ неугасаемый свѣтецъ.

Прошелъ годъ. Поселенцы наши смастерили лукъ, изъ какого-то корня, выкинутаго на берегъ, и стрѣляли имъ песцовъ и оленей. Медвѣжатина имъ также по вкусу пришлась — видно голодъ не разборчивъ—а изъ сухожилья медвѣжьяго они драли нитки, а также сдѣлали тетиву на лукъ.

Скоро одежда ихъ износилась въ отрепья и они принялись выдѣлывать сыромять оленью, съ шерстью и голую, и изъ нея шили себѣ обувь и одежду. На это надо было имъ смастерить наперед иглу, изъ гвоздя или проволоки. По временамъ бѣлые медвѣди на нихъ нападали люто; перваго убили они, напавъ на него сами, а послѣ того оборонялись только и дружно ходили на тѣхъ, которые лѣзли къ нимъ въ избу, въ гости. Звѣрь этотъ сильно ихъ одолѣвалъ.

Прошелъ и другой годъ, и третій и четвертый—все одно, все то же. Казалось, заключенникамъ нашимъ всѣмъ тутъ сложить кости свои. На шестомъ году житья ихъ на островѣ Вершинъ померъ. Простившись съ нимъ и схоронивъ его въ снѣгу, они вышли на берегъ розмыкать горе—въ ожиданіи тоій жей участи—какъ вдругъ увидѣли издали судно.

Трудно, живучи съ людьми, понять радость этихъ невольныхъ отшельниковъ. Они развели огни, пустили дымъ подъ облака, и подняли на шестахъ одежду свою. Мореходы увидѣли знаки эти, подошли и прислали лодку.

Это было архангельское же судно, шедшее къ Шпицбергену, и занесенное сюда непогодой.

Бѣдовики наши забрали съ собой все имущество—что на пользу, а что на память, и 50 пудовъ звѣринаго сала и нѣсколько сотъ песцовъ, и рогатины свои и луки со стрѣлами. Они пробыли на островѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Долго не могли они привыкнуть опять къ нашей пищѣ; ѣвши 6 лѣтъ одно только мясо, они не могли ѣсть хлѣба. Но на привычку есть отвычка: черезъ годъ со днемъ и они опять вошли въ свою колею и снова жили съ людьми по-людски.

Битва при Аѳонской горѣ

Адмиралъ Сенявинъ, съ 8-ю кораблями, 1 фрегатомъ и шлюпомъ, былъ при началѣ войны съ турками 1807 года въ Архипелагѣ, гдѣ соединился съ англійской эскадрой, бывшей съ нами за одно. Сенявинъ предложилъ адмиралу Дукворту прорваться сквозь Дарданеллы, сквозь узкій проливъ, сильно укрѣпленный съ обоихъ береговъ, и напасть на Царьградъ. Дуквортъ, прорвавшись уже однажды не задолго предъ тѣмъ, а именно 7 февраля того года и, потерпѣвши при этомъ большія поврежденія, не согласился и даже вскорѣ ушелъ къ египетскимъ берегамъ.

Сенявинъ пошелъ одинъ къ проливу, занялъ островъ Тенедосъ, въ 25-ти верстахъ отъ Дарданелъ, и крейсеруя тутъ, заперъ и флотъ турецкій въ Мраморномъ морѣ и самую столицу, отъ которой отрѣзанъ былъ 4 мѣсяца всякій подвозъ моремъ. Въ Царьградѣ насталъ голодъ и вновь воцарившійся султанъ Мустафа съ угрозою приказалъ своему адмиралу (капуданъ-пашѣ) выйти, взять опять Тенедосъ и прогнать русскую эскадру.

Къ Сенявину между тѣмъ подошли еще два корабля—итого десять—и онъ, узнавъ черезъ грековъ о намѣреніи турокъ, нетерпѣливо стерегъ ихъ, и нарочно отошелъ отъ Тенедоса къ острову Имбро, чтобы заманить и отрѣзать ихъ. Капуданъ-паша вышелъ въ началѣ мая; при немъ было 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 4 брига и до 50 канонирскихъ лодокъ и другихъ судовъ. Онъ поспѣшилъ къ Тенедосу и силился овладѣть имъ, но храбрый Козловскій полкъ держался, покуда не показались паруса нашей эскадры; тогда турки оставили Тенедосъ и скрылись въ Дарданеллы. Расчитывая однако, что капуданъ-паша, послѣ строгихъ повелѣній

султана, не осмѣлится долго оставаться въ укрытіи и бездѣйствіи, адмиралъ Сенявинъ поджидалъ его въ тѣхъ водахъ, и наконецъ 19 іюня настигъ турецкій флотъ, между острова Лемноса и материка, гдѣ св. Аѳонская гора. У турокъ было въ этотъ разъ 10 кораблей, 5 фрегатовъ, 3 шлюпа и 2 брига.

Наши, будучи на вѣтрѣ, тотчасъ на него спустились, а турки вступили подъ паруса и стали строиться. Они были сильнѣе, и числомъ судовъ и числомъ пушекъ: у нихъ было ихъ 1200, у насъ 754. Сенявинъ отдалъ приказъ атаковать въ особенности три адмиральскіе корабля, стоявшіе по срединѣ турецкой линіи, и напасть съ нашей стороны двумъ кораблямъ на каждый изъ нихъ, и взять ихъ, если можно, абордажемъ.

19-го іюня въ 8 часовъ утра битва загорѣлась. Корабль Рафаилъ ударилъ прямо въ средину непріятельской линіи, перерѣзалъ ее и скрылся въ дыму. За нимъ Сильный, Селафаилъ, Уріилъ, Мощный, Ярославъ, подошли на пистолетный выстрѣлъ и открыли страшный огонь! Остальные четыре корабля кинулись на лѣвое крыло непріятельское, а адмиралъ на Твердомъ и корабль Скорый, подошедши къ окопечности этого же крыла и ставъ поперекъ, били турокъ жестоко продольными выстрѣлами. Такимъ образомъ правое крыло непріятеля не могло вступить въ дѣло и перевѣсъ силы былъ на нашей сторонѣ.

Черезъ полтора часа турки начали спускаться, а мы за ними, охвативъ ихъ полукругомъ. Но вѣтеръ стихъ; многіе изъ кораблей нашихъ сильно потерпѣли и не могли продолжать погоню, безъ починокъ, хотя бы на скорую руку; а турки бѣжали, сколько могли, за островъ Тассо, покинувъ 80-ти пушечный корабль капуданъ-бея, полнаго адмирала, который и былъ взятъ капитаномъ Рожновымъ на кораблѣ Селафаилъ. Другой корабль и два фрегата вошли въ Аѳонскій заливъ:

адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями пошелъ за ними, но турки набѣжали на берегъ и зажгли суда свои. На другой день капуданъ-паша сжегъ еще корабль и фрегатъ у острова Тассо, которые не могли за нимъ слѣдовать и достались бы намъ, и два ихъ фрегата потонули у острова Самондраки.

Такимъ образомъ турки потеряли въ дѣлѣ этомъ три корабля и пять фрегатовъ, а остатокъ ушелъ, при маловѣтріи, въ самомъ растроенномъ видѣ. У насъ было убито 77 человѣкъ, ранено 190 и 8 офицеровъ; непріятель имѣлъ множество убитыхъ и раненыхъ; на плѣнномъ кораблѣ убито 230 и ранено 160 человѣкъ; на кораблѣ капудана-паши убитыхъ и раненыхъ до 500 человѣкъ.

Кончина Петра Великаго

Среди непомѣрныхъ трудовъ, по званію перваго мастера и перваго начальника по всѣмъ частямъ управленія, государь Петръ Великій, въ октябрѣ 1724 года, прошелъ на яхтѣ своей изъ Шлиссельбурга по всему вновь пролагаемому каналу и осматривалъ работы. Оттуда отправился онъ на олонецкіе желѣзные заводы, много приказывалъ и приводилъ въ порядокъ и между прочимъ выковалъ своими руками полосу желѣза. И донынѣ живо преданіе, что мастеровые съ благоговѣніемъ смотрѣли на рослаго и статнаго исполина, который, скинувъ съ себя верхнее платье, ковалъ тяжелымъ молотомъ, со всѣми пріемами стараго, опытнаго кузнеца.

Отсюда царь поѣхалъ въ Старую-Ладогу, въ Новгородъ, въ Старую-Русу, по конецъ Ильмень-озера, гдѣ осматривалъ также начатой каналъ и солеварни, гдѣ входилъ самъ во все, училъ, показывалъ и дѣлалъ

расчеты на расходъ дровъ и другія надобности. Отсюда царь отправилъ нарочнаго съ отвѣтомъ въ Астрахань, по случаю войны съ персіанами.

Въ началѣ ноября царь отправился на яхтѣ обратно въ Петербургъ, а оттуда прямо и не выходя на-берегъ, пошелъ на Іахту, для осмотра Сестрорѣцкихъ оружейныхъ заводовъ. Во все это время царь хворалъ, но перемогался за недугомъ, и поберечь себя не хотѣлъ. Погода стояла бурная и холодная; приставъ къ берегу, государь увидѣлъ идущій изъ Кронштадта ботъ, слишкомъ нагруженный солдатами и матросами, который сильно трепало вѣтромъ и волнами и бросило на мель.

Уже смеркалось; царь остался на берегу и послалъ на помощь бѣдствующимъ лодку со своими людьми; но дѣло шло безтолково, бота не могли стащить со мели, волненіемъ било его и государь, не спуская глазъ, гнѣвался. Въ это время нѣсколько человѣкъ, сорванныхъ съ бота волной, прилыли къ берегу и выкинуты были полумертвыми. Царь не стерпѣлъ: онъ тотчасъ самъ бросился на шлюпку. Съ большимъ трудомъ отвалили отъ берега, потому что волна выкидывала шлюпку; наконецъ справились, но шлюпка брошена была опять на отмель, не доходя до бота. Царь выскочилъ и по-поясъ въ водѣ пошелъ на помощь къ бѣдствующимъ.

Голосъ его ободрилъ всѣхъ, привелъ всякаго въ память и, позабывъ на время опасность, всякъ молча исполнялъ приказанія царскія и спѣшилъ ему повиноваться. Ботъ былъ снятъ съ мели, приведенъ къ берегу и болѣе 20-ти человѣкъ, на немъ находившихся были спасены. Прибывъ съ ними на берегъ, царь отправилъ напередъ слабыхъ при себѣ въ крестьянскія избы, и потомъ ужс самъ переодѣлся.

Но дорого стало Россіи спасеніе этихъ двадцати человѣкъ. Всю ночь государь лежалъ какъ въ огнѣ и,

не могши ѣхать въ Систербекъ, на другой день тяжко хворый отправился въ Петербургъ.

Не безъ того можетъ-статься, что и скорбь душевная, ожидавшая больного государя въ столицѣ, еще болѣе усилила болѣзнь: онъ узналъ здѣсь, что одинъ изъ знатныхъ придворныхъ его, которому онъ во всемъ вѣрилъ, обманывалъ и обыгралъ его и бралъ за это взятки. Ни болѣзнь царская, ни просьбы царицы не спасли безчестнаго вельможу и онъ былъ казненъ.

Нѣсколько оправившись, но еще хилый и слабый, царь обручилъ старшую дочь свою, великую княжну, за герцога голштинскаго, а самъ день и ночь продолжалъ трудиться о правосудіи домашнемъ и о дѣлахъ всякаго рода; онъ написалъ своей державной рукой болѣе десяти указовъ — между прочимъ о сбереженіи корабельныхъ лѣсовъ—снова присутствовалъ въ сенатѣ и издалъ много указовъ, относящихся до порядка, устройства, правосудія и просвѣщенія.

Въ такихъ заботахъ и частыхъ болѣзненныхъ страданіяхъ, послѣ жестокой простуды на Ладогѣ, насталъ новый 1725 годъ. Царь встрѣтилъ его въ соборномъ храмѣ Св. Троицы и опять, по мѣрѣ силъ, началъ заниматься дѣлами. Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ государь посылалъ суда изъ Архангельска, для испытанія прохода по берегу Ледовитаго моря, мимо всей Сибири, въ Восточную Индію, попытка эта, за льдами, не удалась,—какъ она не удается и понынѣ: царь въ это время, заботясь о мореплаваніи нашемъ, опять назначилъ въ такой же поискъ изъ Камчатки капитана Беринга, написавъ о походѣ этомъ наставленіе своею рукой. И въ этомъ плаваніи впервые узнали, что Сибирь отъ Америки отдѣляется широкимъ проливомъ, который и названъ проливомъ *Беринга*.

Но страданія царя, при застуженной каменной болѣзни его, усиливались и доходили уже временемъ до того, что онъ говорилъ: «Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ!» Онъ слегъ и повелѣлъ близъ почивальни своей поставить походную церковь; 22-го января исповѣдался и пріобщился. Всѣ бывшіе въ столицѣ врачи созваны были на совѣтъ, но страхъ и молчаніе ихъ показывали только, что помощи человѣческой приходитъ предѣлъ. 25-го сошлись во дворцѣ сенаторы, генералы, высшіе чины всѣхъ службъ и святѣйшій сунодъ. Никто болѣе себя не помнилъ, не помышлялъ о снѣ и пищѣ, не смѣлъ выговорить, чего страшился, и не зналъ, что начать. Иные сидѣли опустивъ головы, другіе молча глядѣли во всѣ глаза на каждаго встрѣчнаго, третьи, какъ обезумѣвъ, начинали рыдать. Во всѣхъ церквахъ столицы шли молитвы день и ночь, и народъ стекался толпами.

По просьбѣ доброй царицы, царь объявилъ милость и прощеніе преступникамъ, кромѣ убійцъ, и все еще занимался дѣлами, будучи въ полной памяти, хотя весьма слабъ. Послѣднимъ повелѣніемъ его, кромѣ прощенія бывшихъ подъ военнымъ судомъ, было о томъ, изъ какихъ доходовъ назначить содержаніе на адмиралтейство. Того жъ 26-го января въ исходѣ втораго часа дня, царь вдругъ спросилъ пера и бумаги—хотѣлъ что то писать—перо выпало изъ рукъ исполина—онъ призвалъ цесаревну Анну Петровну, хотѣлъ ей велѣть писать—но не могъ уже выговорить ни слова!

Два архіерея приступили къ одру и стали говорить о благодатномъ спасеніи нашемъ чрезъ Христа, полагая впрочемъ, что отходящій царь уже не въ силахъ уразумѣть ихъ; но онъ вдругъ приподнялся на одрѣ смерти и сказалъ внятно:

«Сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня!» Вслѣдъ за тѣмъ произнесъ: «вѣрую и уповаю»; потомъ, принявши святое причастіе, произнесъ «вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!»

За тѣмъ смотрѣлъ онъ на всѣхъ спокойно и милостиво, отвѣчая еще знаками, изъ чего и видѣли, что великій страдалецъ былъ въ полной памяти. Всѣ наполнявшіе дворецъ не могли удержаться и вельможи съ рыданіемъ бросились къ одру отходящаго и стали прощаться. Собравъ послѣднія силы, онъ вымолвилъ послѣднее слово: «Послѣ!» Понявъ, что прощаніе это ему тягостно, всѣ вышли.

Еще болѣе полусутокъ страдалъ царь и при немъ безвыходно оставался духовникъ его, преосвященный Ѳеофанъ, который свидѣтельствуетъ, что когда снова сталъ утѣшать отходящаго, воспоминая о вѣчномъ блаженствѣ и о цѣнѣ искупленія, тогда царь «силился возставать и правую руку вздымать и творить крестное знаменіе; а ликъ прояснился къ радости и весьма въ болѣзни торжествовалъ, яко несомнительный вѣчныхъ благъ наслѣдникъ.»

Пріобщившись вторично св. Таинъ, государь продолжалъ отвѣчать легкими знаками на увѣщанія и крѣпительную бесѣду духовенства; наконецъ прочитали и отходную; царь лежалъ такъ тихо, что сомнѣвались, живъ ли онъ еще; прошло немного времени и царица, у которой лежалъ царь на рукахъ, съ воплемъ упала лицомъ на бездыханное тѣло супруга своего: всему конецъ!

Это было 28-го января 1725 года, въ четверть шестого часа утра. Застонали всѣ покои царскіе, весь дворецъ—и стонъ разнесся по улицамъ и жильямъ столицы, а оттуда по всему царству. И послѣдняго, неразумнаго человѣка обнялъ страхъ и жалость: что

теперь будетъ изъ насъ, что будетъ съ землею русскою, когда не стало Петра?

Онъ скончался на 53-мъ году отъ рожденія, на 42-мъ отъ царствованія, на 36-мъ отъ единодержавія своего. Сенатъ, синодъ и высшіе чины тотчасъ присягнули на вѣрноподданство коронованной супругѣ его, императрицѣ Екатеринѣ первой.

Императоръ Петръ Великій былъ ростомъ двухъ аршинъ и четырнадцати вершковъ; лицо полное смугловатое, глаза черные съ огнемъ; чело, носъ и уста благообразные. Волоса темные, почти черные, которыхъ онъ не пудрилъ — по тогдашнему обычаю, — не отращалъ и не завивалъ, а просто зачесывалъ; усъ небольшой. Вся осанка и видъ царя былъ грозный, воинскій, но въ то же время умный и милосердый. Голосъ его былъ звучный, ясный; говоря чистый сановитый; рѣчь кроткая, сильная, убѣдительная. Походка стройная, величавая; сложеніе сильное и крѣпкое; во всѣхъ пріемахъ величіе и смѣлость: всегда и всюду онъ, и по самой наружности, отличался отъ всѣхъ, такъ — говоритъ живое преданіе — что когда Петръ Великій бралъ изъ рукъ плотника топоръ, то всѣ окружили его съ любовію и изумленіемъ: ни у кого изъ вѣрноподданныхъ его не было такихъ сановитыхъ пріемовъ, такого смѣлаго и вѣрнаго взмаха. Обращеніе его было прямое и простое; одежда не по обычаю, проста: полукафтанье плотнаго сукна. Онъ былъ трудолюбивъ и работящъ, не терпѣлъ роскоши, ненавидѣлъ ложь и всякую неправду, но всегда прощалъ и миловалъ кающагося грѣшника. «Поди, и впредь не будь таковъ, а бойся Бога» — это былъ отвѣтъ его тому, кто винился.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТАГО ТОМА

Солдатскіе досуги.

	стр.
Супостаты наши	7
Часовой	9
Самородный паромъ	11
Милосердый воинъ	12
Данковъ	13
Кто смерти боится?	14
Отвѣтъ русскаго генерала	18
Петръ Первый подъ Полтавою	19
Спасай, да спасенъ будешь	20
Повиновеніе начальству	21
Застрѣльщикъ	26
Бомбардиръ Рудаченко	—
Земля	27
Честь и безчестье	29
Солдатскій приваръ	34
Возьмешь коли велятъ	35
Удалой отвѣтъ	36
Что такое отчизна?	—
Загадки	41
Находчивость	42
Колотовъ	—
Честь солдату всего дороже	43
Сраженіе	—
Гдѣ горе, тамъ и смѣхъ	49
Одинъ на пятерыхъ	—

	стр.
Старый и молодой	50
Таблица умноженія	—
Исправность и расторопность	53
Мпродерство	59
Покажи ему лобъ	62
Завѣтныя слова	63
Загадки	64
Какъ солдату, конному и пѣшему, управляться съ непріятелемъ	—
На своихъ не пойду	71
Неподкупная честь	—
Загадки	72
Знахарство и заговоры	—
Ворожейка	77
Знахарь	78
Волхвъ	80
Здравствуй товарищъ!	—
Загадки	81
Кому жить веселѣе: пьяному, аль трезвому?	82
Смѣтливость	87
Голъ, да исправенъ	—
Молодецъ	88
Пѣсня	—
Полежать можно	89
Ложь и правда	—
Загадки солдатскія	94
Тимоѳей Улановъ	95
Письмо	96
Жизнь и здоровье	98
Конвойный	104
Мастеровой человѣкъ нигдѣ не пропадетъ	106
Притча о дятлѣ	111
Притча о дубовой бочкѣ	112
Притча о воронѣ	113
Загадки	114
Расторопные ребята	115
Дай отвѣдаю	116
Русскій солдатъ	117
Савва Иваногичъ Бѣляевъ	119
Дервяновъ	120
Загадки	123
У тебя у самого свой умъ	125

СТР.

Шило въ мѣшкѣ, а грѣхъ на совѣсти не утаишь 126
До чего доводитъ *авось* да *небось* 132

Матросскіе досуги.

Вселенная 137
Пословицы 142
Петербургъ. 143
Первый корабль. 146
Первый походъ 147
Первое сраженіе на Балтійскомъ морѣ. 149
Первая побѣда на Балтійскомъ морѣ 152
Нельсонъ. 160
Царь-адмиралъ. 163
Переправа . . . . . —
Пожеланіе врага 167
Правосудіе 168
Крушеніе большого конвоя судовъ 169
Наука 172
Гибель англійскаго корабля Центавръ 173
Холмогорскіе горшки 178
Оплошность . . . . . —
Твердость духа 179
Корабль король Георгъ 181
Крушеніе англійскаго купецкаго корабля Фанни. 182
Офицерскія жены 187
Олаусы. . . . . —
Послевица 188
Чесменское сраженіе 191
Шапинскій судъ. 203
Кругъ . . . . . —
Бѣдствіе корабля Наслѣдникъ Александръ 205
Пѣсня 208
Матка 210
Новый адмиралъ 213
Бригъ Меркурій 215
На саняхъ въ морѣ 220
Крушеніе англійскаго фрегата Фениксъ 223
Безчинство. 228
Сержантъ Щепотьевъ съ товарищами 229

	стр.
Гибель русскаго корабля Принцъ-Густавъ	230
Ретвизанъ	232
Военный призъ	236
Ворожея	237
Тараканова быль	240
Вырѣзка судовъ подъ Варной	254
Пословицы	256
Воздушный шаръ	257
Корабельный мастеръ	261
Островъ Питкернъ	—
Петербургская верфь	268
Тендеръ Струя	270
Китъ	277
Смѣлымъ Богъ владѣетъ	283
Нахлобучка	284
Не гораздъ, да находчивъ	286
Алеуты	287
Пословицы	289
Пророчество	290
Говарящи	—
Ожогъ и озноби	292
Сражепіе при Гренгамѣ, 1720	—
Свалки на морѣ	294
Колумбъ	295
Быль про себя	299
Дѣдушка	307
Адмиралъ Кронъ	310
Турецкій флотъ въ 1829 году	313
Закладъ	322
Три супостата	324
Плѣнъ и побѣгъ	326
Кривотолкъ	329
Пароходъ Амазонка	331
Акула	332
Встрѣча морского царя	334
Животныя	336
Пожаръ и потопъ	337
Битва съ индѣйцами	341
Бесѣда за хлѣбомъ-солью	347
Сосна и ель	351
Перелиповка	352

	стр.
Водопой	353
Туркинъ	354
Тендеръ Отвага	—
Вѣтеръ	356
Пьяница	357
Спасеніе изъ полону	358
Какъ рубятся	360
Рей и брасы	—
Треканье	—
Рогатый непріятель	361
Играй назадъ	363
Сигналъ	364
Наваринская битва	
Подчиненность и послушаніе	371
Крушеніе англійскаго корабля Репульсъ	374
Англійскій пароходъ Авенжеръ	378
Французскій пароходъ Панама	379
Загадки	380
Битва при Гогландѣ	381
Спасеніе утопающаго	384
Конвойный	386
Два корабля во льдахъ	388
Коса на камень	390
Вольный морякъ Герасимовъ	391
Конвойная команда	394
Черкесскій плѣнникъ	396
Первый салютъ	401
Кладъ на кораблѣ	403
Равный бой	405
Бортникъ на салингѣ	408
Опасеніе	409
Отецъ и братъ	411
Халковъ съ товарищами	412
Битва при Аоонской горѣ	415
Кончина Петра Великаго	417

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА XII (1897) ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ